

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главные редакторы:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)
Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)
Тихомиров Ю. А., доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Заместители главных редакторов:

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)
Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)
Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиченко О. Г., доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Мальгин В. А., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (г. Казань, Россия)

Марченко М. Н., доктор юридических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва, Россия)

Нуреев Р. М., доктор экономических наук, профессор, глава департамента экономической теории в Финансовом университете при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)

Салимов Л. Н., доктор экономических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (г. Москва, Россия)

Шабанова Л. Б., доктор экономических наук, профессор Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Шаймиева Э. Ш., доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (г. Казань, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор экономики, профессор Технологического образовательного института Крита (г. Ираклион, Греция)

Джеффри Ш., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации кримиологов (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии, Школа права, Университет Вандербильт (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Турецкий Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза кримиологов Казахстана им. Е. Каиржанова

(г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрмук Д., профессор Университета Зепелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-67150 от 16 сентября 2016 г.

Территория распространения:
Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 27,25. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 06.03.2020. Заказ № 34
Дата выхода в свет 28.03.2020
Цена свободная

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)»,
ООО ТЦО «Таглитат», 2020

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое.

При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

 Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Учредитель и издатель –
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Сайт: apel.ieml.ru

Журнал включен
в Перечень ВАК по группе
специальностей 08.00.00 –
экономические науки

Индексируется в EBSCO,
ERIC PLUS, HeinOnline,
CyberLeninka, RePEC,
DOAJ, ProQuest

Подписка на журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:
Г. Я. Дарчинова

Редактор:
Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:
С. А. Каримова

Дизайн обложки:
Е. Н. Морозова

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии
переводчиков РТ
Е. Н. Беляева

DOI: 10.21202/APEL.1993-047X

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Co-editors-in-Chief:

Bikeev I. I., Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) on Scientific work, Doctor of Law, Professor (Kazan, Russia)

Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tihomirov Yu. A., Doctor of Law, Professor, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation (Moscow, Russia)

Deputies of the Co-editors-in-Chief:

Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia)

Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (MSYuA) (Orenburg, Russia)

Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lazarev V. V., Head of the Department of Court Decisions' Implementation into Legislation of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia)

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint-Petersburg, Russia)

Malgin V. A., Doctor of Economics, Professor, Honoured worker of science (Kazan, Russia)

Marchenko M. N., Doctor of Law, Professor, Chairholder, Chair of Theory of State and Law and Political Science, Meritorious Scientist of the Russian Federation of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Nureev R. M., Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of "Macroeconomics" of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Salimov L. N., Doctor of Economics, Professor of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Shabanova L. B., Doctor of Economics, Professor of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Shaimiyeva E. Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., Assistant Professor Technological Educational Institute of Crete (Irakleion, Greece)

Jaffry Sh., PhD of Economics, Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Frieburg, Germany)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCJS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Education a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Fidrmuc Ja., Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The founder and publisher –
Private educational establishment of higher education «Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)»

Editors Office's address:

420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties 08.00.00 – Economic Sciences

The Journal is indexed in EBSCO, ERICH PLUS, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal
through the United Catalogue
«Press of Russia»

Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

E. N. Morozova

Translator:

PhD (Pedagogics),
member of the Republic
of Tatarstan Translators' Guild
E. N. Belyaeva

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration certificate:
PI № ФС77-67150 of September 16, 2016.

Distribution area: Russian Federation;
foreign countries.

Format 60×84/8. Printing sheets: 27,25. Circulation 1000 copies
Signed for printing 06.03.2020. Order № 34
Date of publishing 28.03.2020
Free price

© PEE HE «KIU named after V.G. Timiryasov (IEML)»,
Tatar Educational Center «Taglimat» Ltd., 2020

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind.
When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

5

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

- Белouсов А. Л.** Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства 5
- Бобылева А. З., Львова О. А.**
Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства 22
- Печенская М. А.** Современные проблемы бюджетного развития региональных центров... 40
- Сальникова А. В.** Модный контрафакт в России: современные тенденции 57

67

АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

- Крамин Т. В., Имашева И. Ю.** К вопросу о бенчмаркинге на примере анализа эффективности использования широкополосного Интернета в регионах России 67

79

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

- Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В.**
Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции 79
- Кабанов П. А.** Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования 92

105

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

- Делфино Р. А.** Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне 105
- Манзи Д. С.** Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей 142

5

**ECONOMICS
AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT**

- Belousov A. L.** Audit of support measures for small and medium-sized businesses 5
- Bobyleva A. Z., Lvova O. A.**
Financial-economic tools for identifying the signs of objective bankruptcy 22
- Pechenskaya M. A.** Contemporary problems of budget development of regional centers 40
- Salnikova A. V.** Fashion counterfeit in Russia: modern trends 57

67

ASPECTS OF DIGITAL ECONOMY

- T. V. Kramin, I. Yu. Imasheva.** On the issue of benchmarking by the example of analyzing the efficiency of using the broadband Internet in the Russian regions 67

79

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V.**
Artificial intelligence as a legal category: doctrinal approach to formulating a definition 79
- Kabanov P. A.** Material incentives for anticorruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation 92

105

TRANSLATED ARTICLES

- Delfino R. A.** Pornographic deepfakes: the case for federal criminalization of revenge porn's next tragic act 105
- Manzi D. C.** Managing the misinformation marketplace: the first amendment and the fight against fake news 142

ДИСКУССИИ

- Клёмин А. В.** Права человека и возможности их ограничения (Рецензия на статью Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The first amendment and the Fight Against Fake News)..... 165
- Полякова И. Ю.** Эвристика снижения чередующихся окрестностей для задачи определения величины разнородной партии в случае повторного производства (на англ.) 174
- Толстик В. А.** Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление 186

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Ефремова М. А.** Рецензия на монографию «Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации» 201

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

DISCUSSIONS

- Klemin A. V.** Human rights and possibilities to limit them (Review of the article by Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News)..... 165
- Poliakova I. Yu.** A variable neighborhood descent heuristic for a multi-item lot-sizing problem with remanufacturing (in Engl.) 174
- Tolstik V. A.** Conceptual bases of a normal (just) state and their constitutional stipulation 186

RATINGS AND REVIEWS

- Efremova M. A.** Review of the monograph "Begishev I. R., Bikeev I. I. Crimes in the sphere of digital information circulation" 201

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

УДК 334.7:339.13:346.54

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.5-21>

JEL: H2, K2, L26, L4

А. Л. БЕЛОУСОВ¹

¹ *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия*

АУДИТ МЕР ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Белюсов Андрей Леонидович, кандидат экономических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Адрес: Москва, Ленинградский просп., 49, тел.: +7 (921) 232-75-34
E-mail: andreybelousov@mail.ru; albelousov@fa.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2766-2018>

Цель: исследование основных проблем институционально-правового характера, препятствующих эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, а также формулирование на основе полученных результатов основных направлений изменения законодательства в данной сфере.

Методы: анализ, синтез, системный подход, формально-юридический.

Результаты: автором раскрыты основные механизмы поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, закрепленные в настоящее время в законодательстве. На основе анализа текущих тенденций в развитии малого и среднего предпринимательства сформулированы ключевые проблемы институционально-правового характера, препятствующие эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. В числе ключевых проблем обозначены антимонопольное регулирование, доступ субъектов малого и среднего бизнеса к системе государственных закупок, а также вопросы налогообложения. На основе полученных результатов, внесены конкретные предложения по изменению действующего законодательства в данной сфере.

Научная новизна: на основе выявленных основных проблем институционально-правового характера, препятствующих эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, сформулированы основные направления по изменению регулирующего воздействия на предпринимательские отношения. Предложены и обоснованы конкретные формулировки, которые необходимо внести в действующие нормативные правовые акты с целью улучшения инвестиционного климата и успешной реализации мероприятий по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства.

Практическая значимость: полученные в рамках работы результаты могут стать основой для разработки нормативных правовых актов, направленных на внесение изменений в действующее законодательство и способствующих решению наиболее значимых проблем в сфере поддержки и развития субъектов малого и среднего предпринимательства.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; малое и среднее предпринимательство; МСП; меры поддержки; антимонопольное регулирование; налоговое регулирование

Благодарность: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Белоусов А. Л. Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 5–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.5-21>

A. L. BELOUSOV¹

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

AUDIT OF SUPPORT MEASURES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Andrey L. Belousov, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49 Leningradskiy prospekt, Moscow, tel.: +7 (921) 232-75-34

E-mail: andreybelousov@mail.ru; albelousov@fa.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9069-8830>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-2766-2018>

Objective: to study the main problems of an institutional and legal nature that hinder the effective implementation of measures to support small and medium-sized businesses; to formulate the main directions of changing legislation in this area on the basis of the results obtained.

Methods: analysis, synthesis, system approach, formal and legal methods.

Results: the author reveals the main mechanisms for supporting small and medium-sized businesses that are currently stipulated in the legislation. Based on the analysis of current trends in the development of small and medium-sized businesses, the key institutional and legal problems are formulated that prevent the effective implementation of measures to support small and medium-sized businesses. Among the key issues identified are: antitrust regulation, access of small and medium-sized businesses to the public procurement system, and taxation. Based on the results obtained, specific proposals were made to change the current legislation in this area.

Scientific novelty: on the basis of the identified main institutional and legal problems that hinder the effective implementation of measures to support small and medium-sized businesses, the main directions for changing the regulatory impact on business are formulated. The author suggests and justifies specific formulations that need to be included in the current regulatory legal acts in order to improve the investment climate and successfully implement measures to support small and medium-sized businesses.

Practical significance: the results obtained can become a basis for development of normative legal acts aimed at amending the existing legislation and contribute to solving the most important problems in the sphere of support and development of small and medium-sized businesses.

Keywords: Economics and national economy management; Small and medium-sized business; Small and medium-sized enterprises; Support measures; Antimonopoly regulation; Tax regulation

Acknowledgement: the article was prepared with the results of research carried out on budget funds according to the state order to Financial University under the Government of the Russian Federation.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Belousov A. L. Audit of support measures for small and medium-sized businesses, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 5–21 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.5-21>

Введение

На сегодняшний день в большинстве развитых государств ключевым звеном экономической системы являются малые и средние предприятия. Благодаря малому и среднему бизнесу обеспечивается как самозанятость населения, так и создание значительного числа рабочих мест. Помимо этого, налоговые платежи от субъектов малого и среднего предпринимательства позволяют диверсифицировать источники наполнения бюджетов всех уровней, что приобретает особую актуальность для государств, ориентированных на экспорт сырьевых товаров. Также предприниматели формируют средний класс, который должен быть основой современного гражданского общества.

В Российской Федерации власти в полной мере понимают необходимость и значимость развития предпринимательской инициативы. Проводится планомерная политика по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Вместе с тем, если учесть относительно небольшой опыт развития предпринимательских отношений, что обусловлено практически семидесятилетним запретом на ведение бизнеса в советский период истории нашей страны, и нестабильную экономическую и геополитическую обстановку, требуется продолжение формирования соответствующей институциональной базы и реализации на практике реальной помощи субъектам МСП. В этой связи стимулирование населения к занятию предпринимательством, обеспечение устойчивого развития субъектов малого и среднего бизнеса, их поддержка и защита являются задачами актуальными и значимыми.

Вопросам поддержки субъектов МСП в научной литературе уделяется достаточное внимание. Фундаментальные исследования по данному вопросу проводили такие известные авторы, как Г. Ф. Ручкина [1, с. 8], И. В. Ершова [2, с. 101], О. А. Тарасенко [3, с. 38], А. А. Мохов [4, с. 118]. Данной проблематике уделял внимание и автор настоящей статьи [5, с. 48; 6, с. 15; 7, с. 62; 8, с. 12; 9 с. 65; 10, с. 90; 11, с. 139]. Вместе с тем исследования, в рамках которых, помимо постановки проблем, формулируются конкретные предложения по внесению изменений в действующее законодательство, представлены в небольшом количестве, а потому вызывают определенный интерес. Здесь можно привести таких авторов, как В. К. Андреев [12, с. 10], В. А. Вайпан [13, с. 8], Е. С. Юлова [14,

с. 88; 15, с. 210]. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день, несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных проблемам регулирования субъектов малого и среднего предпринимательства и развитию предпринимательской инициативы в Российской Федерации в целом, вопросы совершенствования современных механизмов поддержки малого бизнеса требуют более глубокой теоретической проработки с учетом меняющегося правового поля в данной сфере. Как раз на этом и предполагается сделать ключевой акцент в рамках настоящей научной статьи. Задача автора заключается в том, чтобы сформулировать и обобщить имеющиеся на сегодняшний день основные проблемы институционально-правового характера, препятствующие эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, а также на основе полученных результатов определить основные направления изменения законодательства. Именно комплексным характером, сочетающим в себе вектор на оценку реальных проблем, анализ действующей институциональной базы и поиск путей дальнейшего совершенствования правового поля, настоящее исследование отличается от работ российских ученых в данной сфере.

Важно при этом обратить внимание и на опыт изучения поддержки малого и среднего бизнеса за границей. Среди зарубежных исследований выделяются работы таких авторов, как Erickcek George A., Mckinney Hannah [16, p. 240], B. Neitz, M. Mittag [17, p. 30], M. Stahlmann [18, p. 30]. В частности, инструменты поддержки малого и среднего бизнеса во Франции раскрываются в работе Capital Structure Decisions of French Very Small Businesses авторов Nihat Aktas, Ingrid Bellettre и Jean-Gabriel Cousinc [19, p. 34]. Фокус внимания в данном исследовании сосредоточен в основном на трудностях с доступом к финансированию малых предприятий и поиском путей решения обозначенной проблемы властями Франции. Интерес также вызывает американский опыт решения проблем роста малых предприятий. В исследовании под названием Supporting entrepreneurs and small business ряд ученых, и в частности президент Национальной ассоциации малого бизнеса Вашингтона Todd McCracken, поднимают и анализируют проблемы развития малого бизнеса, выделяя ключевые факторы внешней среды, оказывающие негативное воздействие [20, p. 32].

Изучение зарубежных теоретических и прикладных исследований представляет особую важность в аспекте заимствования и адаптации успешно работающих механизмов. Вместе с тем общим недостатком международного опыта поддержки и развития субъектов МСП остается необходимость учета российской специфики как ведения бизнеса, так и условий институциональной среды и сложившейся в настоящее время экономической ситуации в стране. В этом плане настоящая статья призвана обозначить ключевые проблемы развития малого и среднего бизнеса именно по отношению к сегодняшней ситуации в Российской Федерации, выделив направления изменения институциональной среды.

Задача исследования – выявление основных проблем институционально-правового характера, препятствующих эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства и на основе полученных результатов предложение конкретных изменений правового регулирования в данной сфере.

Статья имеет следующую структуру. В первом разделе основное внимание уделено вопросам формирования инфраструктуры поддержки субъектов МСП в Российской Федерации. Во втором разделе дана оценка текущей ситуации по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства. В третьем сформулированы основные проблемы, препятствующие развитию субъектов МСП. Четвертый раздел посвящен изучению ключевых направлений реформирования правовой базы в рамках регулирования деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. Последний раздел – заключение.

Результаты исследования

1. Формирование инфраструктуры поддержки субъектов МСП

Меры поддержки субъектов МСП условно можно подразделить на финансовые и нефинансовые. В Российской Федерации с 2007 г. действует специальный федеральный закон, направленный на оказание поддержки субъектам МСП. Именно Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон о развитии МСП) стал основой построения современной институциональной базы помощи субъектов малого и среднего предпринимательства.

Если говорить о современном этапе, то можно отметить ряд действующих нормативных правовых актов, которые определяют на сегодняшний день либо будут определять в ближайшем будущем основные механизмы поддержки субъектов МСП. Так, приказом Минэкономразвития от 19 февраля 2015 г. № 74 утверждены основные положения Стратегии развития Национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства на период до 2020 г. (далее – Стратегия развития НГС). Ключевая цель данной стратегии заключается в обеспечении повышения доступности финансовой поддержки и формировании единой системы гарантийной поддержки для субъектов МСП.

Также в 2015 г. в рамках реализации положений Закона о развитии МСП на практике Указом Президента Российской Федерации от 5 июня 2015 г. № 287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» было создано акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» (далее – Корпорация МСП).

В 2016 г. распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р утверждается «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегия развития МСП). В данном документе, помимо прочего, формулируются и требующие решения основные проблемы, которые имеют место в сфере развития малого и среднего предпринимательства. В частности, говорится о том, что вклад малого и среднего предпринимательства в общие экономические показатели в Российской Федерации существенно ниже, чем в большинстве не только развитых, но и развивающихся стран. Также отмечается недостаточная инновационная и инвестиционная активность малых и средних предприятий. Помимо этого, для Российской Федерации характерно территориально неравномерное развитие малого и среднего предпринимательства.

Важным моментом Стратегии является четкая формулировка принципов, на основании которых предполагается осуществление мер поддержки МСП. Основными из них являются следующие:

– *Приоритет интересов малого и среднего предпринимательства при подготовке и претворении в жизнь нормативных правовых актов, регулирующих*

данные или смежные группы отношений. В частности, требуется уйти от применения мер поддержки в пользу представителей крупного бизнеса в случае, если при этом ухудшаются условия деятельности субъектов МСП. Также в рамках данного принципа презюмируется необходимость упрощения регулятивного воздействия и внедрения в правоприменительную практику более гибких инструментов регулирования, направленных на стимулирование правомерного режима осуществления предпринимательской деятельности.

– *Стимулирование полного перехода в легальное правовое поле субъектов предпринимательской деятельности.* Для этого представителям малого и среднего бизнеса дается посыл о том, что работать легально не только безопасно, но и выгодно. Это возможно обеспечить в том числе путем значительного уменьшения взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с регулирующими органами.

– *Внедрение на практике механизмов акселерационного развития, которые будут способствовать качественному росту субъектов МСП в приоритетных сферах российской экономики.*

– *Реализация дополнительных мер поддержки на региональном и местном уровнях.*

– *Обеспечение стабильности действующего законодательства для возможности формирования долгосрочных инвестиционных планов развития субъектами МСП.*

В том числе и для решения обозначенных задач в 2018 г. в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» был определен ключевой вектор дальнейшего развития государственной политики, включающей применение как финансовых, так и нефинансовых мер поддержки субъектов МСП. В рамках данного указа президентом перед правительством поставлена цель: обеспечение к 2024 г. занятости в сфере малого и среднего предпринимательства до 25 млн человек.

Для достижения поставленной цели в указе сформулированы ряд задач, которые необходимо при этом решить. Во-первых, это улучшение условий внешней среды. В частности, предусматривается дальнейшее упрощение налоговой отчетности для субъектов, применяющих контрольно-кассовую технику (далее – ККТ). Отдельное внимание в указе уделено новой

категории субъектов МСП – самозанятых граждан. Для стимулирования регистрации физических лиц в качестве самозанятых предусматривается создание специальных институциональных условий. Так, в рамках реализации данного направления с 2019 г. в четырех регионах действует специальный налоговый режим в виде налога на профессиональный доход. Во-вторых, для поддержки субъектов МСП, функционирующих в производственной и сбытовой сферах, поставлена задача создания специальной цифровой платформы. В качестве третьей задачи, определенной президентом, можно назвать совершенствование системы закупок, осуществляемых крупнейшими заказчиками у субъектов МСП. В-четвертых, необходимо создать систему акселерации МСП. В-пятых, требует модернизации система поддержки экспортеров, являющихся представителями малого и среднего бизнеса. Данные задачи относятся к вопросам совершенствования инфраструктуры и институциональных условий и находят свое выражение в качестве нефинансовых мер поддержки МСП.

Вместе с тем в указе предусматривается и задача модернизации финансовых мер поддержки, в частности, упрощение доступа к льготному финансированию. Эта задача уже успела получить реализацию на практике. В конце 2018 г. вышло в свет Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2018 г. № 1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства по льготной ставке» (далее – Правила предоставления субсидий). В соответствии с ним с 2019 г. Минэкономразвития начал реализацию программы льготного кредитования МСП по ставке 8,5 % в 17 приоритетных отраслях российской экономики.

Во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (ред. от 19 июля 2018 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Министерством экономического развития разработан паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Данный документ включает в себя пять федеральных проектов, направленных на поддержку МСП.

Подводя итог анализу мер поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в приоритетных отраслях российской экономики, можно отметить, что действующее законодательство содержит достаточно широкий набор инструментов воздействия и механизмов стимулирования предпринимательской активности в сферах малого и среднего бизнеса [21, с. 172]. Вместе с тем в условиях сложной экономической ситуации, выражающейся в стагнации доходов значительной части населения, которые являются основным потребителем товаров, работ, услуг субъектов МСП, а также санкционном давлении на российскую экономику, возникает объективная необходимость пересмотра отдельных подходов к регулированию деятельности малых и средних предприятий с целью их дальнейшего устойчивого развития.

2. Оценка текущей ситуации по развитию субъектов малого и среднего предпринимательства

Одним из основных показателей развития малого и среднего бизнеса является доля субъектов МСП в общей структуре хозяйствующих субъектов. Поэтому в первую очередь необходимо рассмотреть количество и динамику числа зарегистрированных субъектов МСП. Это позволит оценить положение дел в данной сфере в целом и понять, каким образом меняется ситуация с течением времени. Помимо этого, данные показатели позволят установить степень влияния реализуемых на практике мер государственной поддержки. Реестр субъектов МСП Федеральная налоговая служба начала вести с августа 2016 г. На основе данных Реестра субъектов МСП¹ можно оценить расчетным путем динамику по численности и занятости в малом и среднем бизнесе за последние два года. Обобщим полученные результаты в табл. 1.

Анализ данных по динамике численности субъектов МСП показывает, что за последние два года (май 2019 г. к маю 2017 г.) общая численность субъектов МСП выросла всего лишь на 1,71 %. При этом основным драйвером роста стали микропредприятия, прибавив в общей сложности 2,1 %, в то время как среди представителей малого и среднего предпринимательства можно наблюдать сокращение (соответственно минус 7,23 % для малых предприятий и минус 8,59 % для средних). Это говорит о том, что наблюдается относительно небольшой приток новых предпринимателей в микробизнес. В то же время отрицательные показатели по динамике количества зарегистрированных малых и средних предприятий позволяют сделать два ключевых вывода:

1. Отсутствует качественный рост микропредприятий, которые, развиваясь, должны переходить в разряд малых и далее средних предприятий.
2. Имеет место стагнация предпринимательской активности среди субъектов с годовым доходом от 120 млн до 2 млрд рублей.

Таблица 1

Изменение количества субъектов МСП в период с мая 2017 по май 2019 г.

Table 1. Number of small and medium-sized businesses from May 2017 to May 2019

Показатель / Indicator	Май 2017 г. / May 2017	Май 2018 г. / May 2018	Май 2019 г. / May 2019	Динамика за последние два года, % / Dynamics in the two recent years, %
Занятость в МСП, чел. / Employment in SMB, people	15 746 468	15 966 242	15 744 425	-0,001
Количество субъектов МСП / Number of SMB	6 080 091	6 170 963	6 184 204	+1,71
В том числе / Including				
Микро / Micro	5 793 307	5 886 988	5 918 454	+2,1
Малые / Small	266 416	263 955	247 133	-7,23
Средние / Middle	20 368	20 020	18 617	-8,59

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Негативные тенденции видны и по численности занятых в МСП (табл. 1). Так, если за последние два года (май 2019 к маю 2017 г.) число работающих в малом и среднем предпринимательстве практически не изменилось (-0,01 %), то в последний год (май 2019 к маю 2018 г.) количество занятых сократилось уже на 221 817 человек (-1,39 %). При этом в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 поставлена

¹ URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения: 10.12.2019).

амбициозная цель доведения к 2024 г. численности занятых в сфере МСП до 25 млн человек. Таким образом, за ближайшие 4–5 лет необходимо привлечь в сферу малого и среднего предпринимательства порядка 9–10 млн чел.

3. Формулирование основных проблем, препятствующих развитию субъектов МСП

Как представляется, несмотря на значительные усилия государства по стимулированию развития малого и среднего бизнеса, в настоящее время не удастся достичь серьезных результатов по данному направлению. В первую очередь стоит признать, что это связано не столько с институциональными факторами, сколько с сокращением платежеспособного спроса на товары, работы, услуги субъектов МСП, что обусловлено планомерным снижением начиная с 2014 г. реальных располагаемых доходов населения. Поэтому одними институциональными факторами, без обеспечения роста платежеспособного спроса со стороны потребителей, достаточно сложно дать импульс развитию малого бизнеса [22, с. 25; 23, с. 162; 24, с. 408]. Для этого требуется либо насыщение экономики деньгами через смену подходов в вопросах таргетирования инфляции и денежно-кредитной политики, либо стимулирование дальнейшего развития потребительского кредитования. Однако оба варианта, давая эффект в краткосрочный период времени, несут заметные риски в среднесрочной и долгосрочной перспективах [25, с. 16; 26, с. 120; 27, р. 30]. Поэтому в настоящее время имеет смысл сосредоточить основное внимание на решении проблем институционально-правового характера, препятствующих эффективной реализации мер поддержки субъектов МСП.

Выявление проблем институционально-правового характера имеет смысл вести по отдельным направлениям государственного регулирования предпринимательских отношений. Можно выделить следующие направления регулирующего воздействия.

Антимонопольное регулирование

Законодательство, регулирующее конкурентные отношения, играет важнейшую роль для развития предпринимательской активности. Вместе с тем, несмотря на постоянное совершенствование как конкурентного законодательства посредством принятия

антимонопольных пакетов, так и соответствующей судебной практики, остается очень много нерешенных задач, к которым добавляются новые проблемы, также требующие своевременного разрешения. Однако даже принятие отдельных нормативных актов в виде федеральных законов не позволяет решить имеющиеся проблемы должным образом. В целом в сфере антимонопольного регулирования предпринимательской деятельности с участием МСП можно обозначить ряд ключевых проблем.

В первую очередь стоит сказать о смещении баланса интересов в пользу антимонопольных органов в процессе рассмотрения дел, связанных с нарушением конкурентного законодательства [28, с. 195; 29, с. 103]. Конкретными примерами здесь могут быть следующие ситуации. Так, если субъект предпринимательской деятельности самостоятельно проводит анализ товарного рынка, то в процессе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, а также в дальнейшем при оспаривании решений, вынесенных антимонопольным органом в арбитражном суде, данное исследование имеет меньшее доказательственное значение, чем анализ, проведенный антимонопольными органами. Также важно отметить, что в настоящее время процессуально не регламентирована деятельность антимонопольного органа при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке вне рамок дел о нарушении антимонопольного законодательства, что в определенной мере тоже может быть причиной потенциальных нарушений прав бизнеса.

Во-вторых, на сегодняшний день требования антимонопольного органа о предоставлении информации зачастую являются недостаточно мотивированными и не содержат перечень информации и документов, необходимых для подготовки и представления [30, с. 58; 31, с. 16]. Это обусловлено тем, что законодательно не закреплен конкретный перечень информации, который антимонопольный орган должен указывать в Требованиях о предоставлении информации, чтобы такие требования являлись надлежаще мотивированными. Между тем хозяйствующий субъект, в силу ч. 1 ст. 25 ФЗ «О защите конкуренции», обязан отвечать именно на мотивированные запросы антимонопольного органа. Как результат, нередко возникают судебные споры между антимонопольным органом и хозяйствующими субъектами.

В-третьих, имеет место необходимость четкого отражения в законодательстве вопросов, связанных с так называемым параллельным импортом. До настоящего времени имело место смещение баланса интересов в пользу правообладателей. Однако с выходом Постановления Конституционного суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П подходы в правоприменительной практике должны меняться². Вместе с тем суды отказываются пересматривать ранее вынесенные решения по новым обстоятельствам в связи с выявленным конституционным толкованием норм об исчерпании права в отношении субъектов, не принимавших участие в конституционном судопроизводстве. Поэтому до сих пор сохраняется неопределенность относительно возможности ввоза на территорию России оригинального товара без согласия правообладателя. В связи с этим соответствующих изменений требует и правовая база.

Регулирование государственного и муниципального заказа

Поддержка субъектов МСП в рамках обеспечения доступа к государственным и муниципальным закупкам, а также закупкам у крупнейших поставщиков, предусмотренная федеральными законами от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ), пока что не достигла изначально планируемых целей.

В качестве примера можно отметить систему квот по закупкам у субъектов МСП. Из-за отсутствия в законодательстве ограничений, установленные квоты могут выбирать субъекты, являющиеся аффилированными лицами с компаниями с государственным участием, отсекая тем самым субъектов МСП. Если опираться на статистические показатели, то в 2018 г. общий объем госзакупок составил 24,5 трлн руб., из них 17 трлн руб. приходится на закупки по Федеральному закону № 223-ФЗ и только 1,8 трлн руб. из

них – закупки крупнейшими заказчиками у субъектов МСП, что в итоге составило всего 12 %³. Также важно отметить, что субъекты МСП не имеют возможности участия в крупных заказах, осуществляемых в рамках Федерального закона № 44-ФЗ, которые подразумевают большой комплекс сложных работ и значительный размер обеспечения. Здесь имеет смысл распространить на Федеральный закон № 44-ФЗ механизмы участия в закупке нескольких юридических лиц, выступающих на стороне одного участника закупки (консорциума), заложенные в Федеральном законе № 223-ФЗ.

Еще одной проблемой, затрудняющей доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к госзакупкам, является отсутствие в законодательстве исчерпывающего перечня оснований для укрупнения заказчиками планируемой закупки (увеличения суммы контракта, объединения видов и перечней работ (услуг)) при формировании плана закупок. Это связано с тем, что укрупнение лотов заказчиками приводит к тому, что многие субъекты МСП ставят себя в невыгодные конкурентные условия, когда размеры обеспечения контрактов не позволяют им участвовать в закупочных процедурах.

Однако здесь важно отметить, что имеет место устойчивая тенденция расширения доступа субъектов МСП к госзаказу. Так, по данным Корпорации МСП, с 2015 по 2018 г. объемы закупок у субъектов МСП выросли с 0,064 трлн руб. до 3,264 трлн руб.⁴ Таким образом, в целом проблема доступа представителей малого и среднего бизнеса планомерно решается.

Регулирование мер поддержки МСП

Несмотря на значительные усилия государства по стимулированию развития малого и среднего бизнеса, в настоящее время имеет место ряд проблем в регулировании данных отношений.

Так, принятый еще в 2009 г. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования

³ Проект раздела Доклада Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей «Реестр системных проблем Российского бизнеса – 2019». URL: http://xn---8sbbqjcdfau0af1cs7h.xn--p1ai/wp-content/uploads/2019/04/Reestr_sistemny-h_problem_19.04.2019-2.pdf (дата обращения: 10.12.2019).

⁴ URL: <https://corpmsp.ru/upload/docs/Презентация%2014.10%202019г.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

торговой деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о регулировании торговой деятельности), направленный на ограничение доминанты торговых сетей и защиту представителей малого и среднего бизнеса, не решил все имеющиеся проблемы и требует в настоящее время дальнейшего совершенствования. В частности, необходима защита владельцев малых предприятий торговли и общепита, которые в силу несовершенства законодательства, регулирующего деятельность нестационарной и мобильной торговли, находятся под постоянной угрозой закрытия. В декабре 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 601732-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” и статью 28 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)»⁵. Скорейшее принятие поправок в Закон о регулировании торговой деятельности в их нынешнем виде решит часть имеющихся проблем и сделает ведение бизнеса в сфере нестационарной и мобильной торговли более прозрачным и прогнозируемым.

Еще одной проблемой является корректировка данных в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – ЕРСМСП). Субъекты МСП не могут оперативно внести изменения в данные реестра, и им приходится терять в нем место, так как повторное внесение сведений о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе, исключенном из реестра, возможно спустя лишь год, что негативным образом отражается на их деятельности.

Налогообложение субъектов МСП

В Российской Федерации в последние годы можно отметить серьезное усиление борьбы с уходом от ис-

полнения налоговых обязательств через использование незаконных схем с участием компаний-однодневок. Это, безусловно, стоит приветствовать. Вместе с тем меры, направленные на нарушителей налогового законодательства, затрагивают также и добросовестных предпринимателей, в полном объеме исполняющих свои обязательства по уплате налогов и сборов. В этой связи переложение на добросовестных налогоплательщиков ответственности за неисполнение налоговых обязательств контрагентами не всегда представляется оправданным. На практике налоговые органы требуют от налогоплательщиков проявлять так называемую должную осмотрительность (термин, введенный судами и не предусмотренный налоговым законодательством) при выборе контрагентов (включая контрагентов второго и последующих звеньев, не связанных с ним контрактными отношениями). При этом у субъектов МСП, как правило, отсутствуют технические возможности, не нарушая закон, проверить контрагентов второго и последующих звеньев. Актуальна данная проблема, в частности, для налога на добавленную стоимость. Это обусловлено тем, что у компании-покупателя могут не признать вычет, если в цепочке контрагентов оказалась фирма-однодневка, о наличии которой покупатель не знал. В целом налогоплательщик не должен отвечать за контрагентов контрагента.

Следующая проблема, требующая решения на законодательном уровне, заключается в отсутствии в правовом поле четких критериев допустимого снижения налоговой базы. Более того, в правоприменительной практике неоднократно встречается введенный Федеральной налоговой службой (далее – ФНС) термин «агрессивная оптимизация налогообложения». Это приводит к непредсказуемости налоговых обязательств субъектов предпринимательских отношений.

При этом еще в 2003 г. Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) постановил, что «недопустимо установление ответственности за такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и статью 28 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли): законопроект № 601732-7. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/601732-7> (дата обращения: 10.12.2019).

и соответственно – оптимального вида платежа»⁶. Также в 2014 г. КС РФ подтвердил, что нормы Налогового кодекса РФ «предусматривают возможность выбора налогоплательщиком наиболее оптимального способа организации экономической деятельности и налогового планирования»⁷.

Однако в ходе проверок налоговые органы взимают налогоплательщику дополнительные доходы (или исключают понесенные расходы) исходя из собственного видения способов ведения экономической деятельности и ее структурирования.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что основная часть налоговых доначислений сделана на базе концепции необоснованной налоговой выгоды, четкие критерии которой действующим законодательством не установлены.

Еще одним аспектом незаконной с точки зрения налоговых органов оптимизации является так называемое дробление бизнеса, когда в целях сохранения права на применение специальных налоговых режимов предприниматели разделяют бизнес-процессы между отдельными субъектами. Здесь могут применяться не предусмотренные действующим законодательством методы доначисления налогов, пеней и штрафов. При этом обстоятельства, с которыми налоговые органы связывают подобные механизмы оптимизации, зачастую основаны не на нормативном регулировании, а на субъективной оценке со стороны ФНС.

И, наконец, одна из важнейших проблем в рамках налогового регулирования субъектов МСП то, что приостановление операций по счетам и блокировка счетов в банках по избыточно широкому перечню оснований делает невозможным процесс нормального осуществления предпринимательской деятельности. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» накладывает на кредитные организации значительный перечень обязательств по

блокировке любых операций, которые оказались им «нестандартными».

По данным независимого исследовательского агентства MAGRAM Market Research, практически каждая третья блокировка счета у субъектов МСП в 2018 г. являлась безосновательной⁸. В результате под блокировки и закрытие счетов попадают в том числе и добросовестные предприниматели, что ставит под угрозу существование всего их бизнеса, так как после включения в банковский черный список предприниматели не имеют возможности открытия счетов и проведения операций в иных кредитных организациях.

Ключевые направления реформирования правовой базы в рамках регулирования деятельности субъектов МСП

В результате проведенного исследования были выявлены проблемы финансово-экономического и институционально-правового характера, препятствующие эффективной реализации мер поддержки субъектов малого и среднего бизнеса в приоритетных отраслях российской экономики, а также предложены конкретные направления изменения правового поля для решения обозначенных проблем (табл. 2).

Выводы

В настоящее время на законодательном уровне представлен целый спектр механизмов поддержки субъектов МСП. Однако, несмотря на значительные усилия государства по стимулированию развития малого и среднего бизнеса, на сегодняшний день не удается достичь серьезных результатов по данному направлению. В первую очередь стоит признать, что это связано не столько с институциональными факторами, сколько с сокращением платежеспособного спроса на товары, работы, услуги субъектов МСП, что обусловлено планомерным снижением реальных располагаемых доходов населения. Поэтому одними институциональными факторами, без обеспечения роста платежеспособного спроса со стороны потребителей достаточно сложно дать толчок развитию малого бизнеса. Для этого требуется либо насыщение

⁶ Постановление Конституционного суда РФ № 9-П от 27.05.2003. URL: <https://base.garant.ru/12131072/> (дата обращения: 10.12.2019).

⁷ Постановление Конституционного суда РФ № 17-П от 03.06.2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164021/ (дата обращения: 10.12.2019).

⁸ РБК – ежедневная деловая газета. № 66 (3012) от 17 мая 2019 г.

Таблица 2

Проблемы финансово-экономического и институционально-правового характера, препятствующие эффективной реализации мер поддержки субъектов МСП и основные пути их решения

Table 2. Financial-economic and institutional-legal problems impeding the effective implementation of SMB supportive measures and means of their solution

Проблема / Problem	Пути решения / Means of solution
<i>1. Антимонопольное регулирование / Antimonopoly regulation</i>	
<p>1. Смещение баланса интересов в пользу антимонопольных органов в процессе рассмотрения дел, связанных с нарушением конкурентного законодательства: процессуально не регламентирована деятельность антимонопольного органа при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке вне рамок дел о нарушении антимонопольного законодательства / The interests balance is shifted towards antimonopoly bodies during trials on violating the competition legislation: the activity of an antimonopoly body is not procedurally regulated when competition in the goods market is analyzed beyond the frameworks of trials on violating the competition legislation</p>	<p>Приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» требует корректировки в части дополнения положений, закрепляющих процессуальную регламентацию деятельности антимонопольного органа при проведении анализа состояния конкуренции на товарном рынке вне рамок дел о нарушении антимонопольного законодательства. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ФАС России / Order of the Russian Federal Antimonopoly Agency of 28 April 2010 No. 220 “On adopting the order of analyzing the competition in the goods market” requires amendments and complementing the provisions of procedural regulation of the activity of an antimonopoly body when analyzing competition in the goods market beyond the frameworks of trials on violating the competition legislation. Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Russian Federal Antimonopoly Agency</p>
<p>2. В процессе рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, а также в дальнейшем при оспаривании решений, вынесенных антимонопольным органом в арбитражном суде, исследование анализа товарного рынка, представленное хозяйствующим субъектом, имеет меньшее доказательственное значение, чем анализ, проведенный антимонопольными органами / During the trial on violating the competition legislation and further, when contesting the decisions of an antimonopoly body in an arbitration court, the goods market analysis carried out by an economic entity has a weaker evidential significance than that carried out by an antimonopoly body</p>	<p>Изменение подходов в судебной практике через закрепление на законодательном уровне равной юридической силы анализа товарного рынка, проведенного антимонопольным органом и анализа товарного рынка, проведенного хозяйствующим субъектом, при соответствии исследования последнего всем требованиям Приказа ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке». Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ФАС России и Верховный суд РФ / Changing the approaches in judicial practice through legislative establishment of equal juridical force of the goods market analysis carried out by an antimonopoly body and the one carried out by an economic entity, if the latter fully complies with all the requirements of the Order of the Russian Federal Antimonopoly Agency of 28 April 2010 No. 220 “On adopting the order of analyzing the competition in the goods market”. Bodies in charge of preparing and introducing the amendments are the Russian Federal Antimonopoly Agency and the Supreme Court of the Russian Federation</p>
<p>3. Требования антимонопольного органа о предоставлении информации зачастую являются недостаточно мотивированными и не содержат перечень информации и документов, необходимых для подготовки и представления. Это обусловлено тем, что законодательно не закреплен конкретный перечень информации, который антимонопольный орган должен указывать в Требованиях о предоставлении информации, чтобы такие требования являлись надлежаще мотивированными / The requirements of an antimonopoly body on information disclosure are often not duly justified and do not contain the list of information and documents to be prepared and submitted. This is because the list of data to be stated in the Request for information from the antimonopoly body is not legislatively established for such request to be duly justified</p>	<p>Дополнение существующих правовых норм, в частности, ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» закрытым перечнем информации, который антимонопольный орган должен указывать в Требованиях о предоставлении информации, чтобы такие требования являлись надлежаще мотивированными. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ФАС России / The current legal norms, in particular, Part 1 of Article 25 of Federal Law “On protecting competition” No. 135-FZ of 26 July 2006, must be the complemented with a closed list of information which an antimonopoly body should state in the Request for information, for such request to be duly justified. Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Russian Federal Antimonopoly Agency</p>

Продолжение табл. 2 / Continuation of the Table 2

Проблема / Problem	Пути решения / Means of solution
<p>4. Необходимость четкого отражения в законодательстве вопросов, связанных с параллельным импортом. До настоящего времени имело место смещение баланса интересов в пользу правообладателей. Однако с выходом Постановления Конституционного суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П подходы в правоприменительной практике должны меняться. Вместе с тем суды отказываются пересматривать ранее вынесенные решения по новым обстоятельствам в связи с выявленным конституционным толкованием норм об исчерпании права в отношении субъектов, не принимавших участие в конституционном судопроизводстве. Поэтому до сих пор сохраняется неопределенность относительно возможности ввоза на территорию России оригинального товара без согласия правообладателя / The issues of parallel import must be clearly stated in the legislation. So far, the interest balance was shifted towards right-holders. But after the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 February 2018 No. 8-P, the approaches in law enforcement practice must change. However, courts refuse reviewing the previous decisions due to new matter of the revealed constitutional interpretation of exhaustion of rights of the subjects not participating in constitutional legal procedure. Thus, there is still uncertainty about the possibility to importing goods into Russia without a right-holder's consent</p>	<p>Закрепление в законодательстве положений, дифференцирующих ответственность за незаконное использование товарного знака в зависимости от характера допущенного нарушения – за ввоз контрафактной продукции и за ввоз оригинала, но без согласия правообладателя, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара. Для этих целей предлагается дополнить ст. 1487 Гражданского кодекса РФ положением о том, что «не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые не являются контрафактными и при этом были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации лицами, не являющимися правообладателями в отношении соответствующего товарного знака. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – Федеральное Собрание РФ, Верховный суд РФ / The legislation should adopt the provisions differentiating the liability for using a trademark depending on the violation – for importing counterfeit goods and for importing an original without a right-holder's consent, if, according to the specific circumstances, it does not incur losses for a right-holder comparable with the losses due to circulation of counterfeit goods. To this end, it is proposed to complement Article 1487 of the Russian civil Code with the provision that “the use by the third parties of a trademark in relation to the goods which are not counterfeit and were introduced into the civil circulation on the territory of the Russian Federation by persons who are not right-holders of the respective trademark, shall not be considered a violation of exclusive right for the trademark”. Bodies in charge of preparing and introducing the amendments are the Russian Federal Assembly and the Supreme Court of the Russian Federation</p>
<p>2. Регулирование государственного и муниципального заказа / Regulating state and municipal orders</p>	
<p>1. Отсутствие в законодательстве ограничений на участие в закупках с участием МСП организаций, аффилированных с компаниями с государственным участием / Legislation does not limit participation in purchases with SMB of companies affiliated with companies with state participation</p>	<p>Внесение в п. 4 Постановления Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352 «Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» ограничений на участие в закупках у МСП аффилированных компаний с государственным участием с субъектами МСП. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ФАС России / To introduce into Clause 4 of the Decree of the Russian Government of 11 December No. 1352 “On the features of small and medium-sized businesses participation in purchases of goods, works and services by certain types of legal persons” limitations for participation of SMB-affiliated companies with state participation. Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Russian Federal Antimonopoly Agency</p>
<p>2. Отсутствие исчерпывающего перечня оснований для укрупнения заказчиками планируемой закупки при формировании плана закупок. Это связано с тем, что укрупнение лотов заказчиками приводит к тому, что многие субъекты МСП ставят в невыгодные конкурентные условия, когда размеры обеспечения контрактов не позволяют им участвовать в закупочных процедурах / A lack of a complete list of grounds for enlarging the planned purchase when forming the purchase plan. This is because enlarging lots leads to many SMB subjects being placed into disadvantageous competitive position, when the size of contract provisions does not allow them to participate in purchase procedures</p>	<p>Закрепление в ст. 18 Федерального закона № 44-ФЗ исчерпывающего перечня оснований для укрупнения заказчиками планируемой закупки при формировании плана закупок. Такими основаниями должны стать: увеличение суммы контракта, объединение видов и перечней работ (услуг). Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ФАС России / Article 18 of Federal Law No. 44-FZ must stipulate a complete list of grounds for enlarging the planned purchase when forming the purchase plan. Such grounds must be increasing the contract value, aggregation of types and lists of works (services). Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Russian Federal Antimonopoly Agency</p>

Продолжение табл. 2 / Continuation of the Table 2

Проблема / Problem	Пути решения / Means of solution
<i>3. Регулирование мер поддержки субъектов МСП / Regulating support measures for SMBs</i>	
<p>1. Действующее законодательство в сфере регулирования торговой деятельности не содержит необходимого перечня норм, упорядочивающих отношения в сфере нестационарной и мобильной торговли. В частности, дополнительного регулирования требуют отношения по размещению и функционированию автолавок, фудтраков, палаток / The current legislation on trade regulation does not contain a necessary list of norms regulating relations in the sphere of non-stationary and mobile trading. In particular, additional regulation is needed in the sphere of locating and functioning of sales vans, food trucks and other mobile trade venues</p>	<p>Принятие поправок в Закон о регулировании торговой деятельности (далее – Закон о торговле) по вопросам размещения и функционирования объектов мобильной торговли, закрепление гарантий заключения долгосрочных договоров для объектов мобильной торговли (до 5–7 лет) с возможностью продления для добросовестных предпринимателей. В частности, дополнение п. 6 ст. 7 Закона о торговле формулировкой «включая автолавки, фудтраки и иные объекты мобильной торговли».</p> <p>Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – Минэкономразвития / Adopting amendments in the Law on trade regulation (further – Law on trade) in the sphere of locating and functioning of mobile trade venues, stipulating guarantees of long-term contracts for mobile trade venues (up to 5-7 years) which may be prolonged for bona fide entrepreneurs. In particular, Clause 6 of Article 7 of the Law on trade should be complemented with the wording “including sales vans, food trucks and other mobile trade venues”.</p> <p>Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Ministry of Economic Development</p>
<p>2. Субъекты МСП не могут оперативно внести изменения в данные реестр, и им приходится терять в нем место, так как повторное внесение сведений о юридическом лице или индивидуальном предпринимателе, исключенном из реестра, возможно спустя лишь год, что негативным образом отражается на их деятельности / SMBs cannot promptly change the register data and lose their position there, as repeated introduction of the data on a juridical person or an individual entrepreneur excluded from the register is only possible after one year, which negatively influences their functioning</p>	<p>Внесение дополнений в ст. 4.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в части предоставления возможности субъектам МСП вносить изменения в данные реестра с сохранением в нем места».</p> <p>Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – Минэкономразвития / To complement Article 4.1 of the Federal Law of 24 July 2007 No. 209-FZ (ed. Of 26.07.2019) “On developing small and medium-sized businesses in the Russian Federation as regards the possibility of SMBs to change register data while preserving their position in the register”.</p> <p>Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Ministry of Economic Development</p>
<i>4. Налогообложение субъектов МСП / Taxation of SMBs</i>	
<p>1. Налоговые органы требуют от налогоплательщиков проявлять «должную осмотрительность» при выборе контрагентов (включая контрагентов второго и последующих звеньев, не связанных с ними и контрактными отношениями). При этом у субъектов МСП, как правило, отсутствуют технические возможности, не нарушая закон, проверить контрагентов второго и последующих звеньев / Taxation bodies require taxpayers to be “duly diligent” when choosing counteragents (including counteragents of the second and further links, not connected with them by contract relations). However, SMBs, as a rule, have no technical opportunities to check counteragents of the second and further links without violating the law</p>	<p>Конкретизация ст. 54.1 НК РФ, а также Письма ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» в части критериев получения налогоплательщиком налоговой выгоды и проявления должной осмотрительности относительно ответственности за контрагентов второго и последующих звеньев (не сдающих налоговую отчетность или не исполняющих обязанности по уплате налогов и сборов), не связанных с налогоплательщиком непосредственно контрактными отношениями.</p> <p>Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – Федеральная налоговая служба / Specifying Article 54.1 of the Russian Taxation Code and the Letter of the Russian Taxation Service of 31 October 2017 No. ED-4-9/22123@ “On recommendations for implementing the provisions of Article 54.1 of the Russian Taxation Code” as regards the criteria for acquiring taxation benefit by a taxpayer and being duly diligent about the liability of the counteragents of the second and further links (not submitting taxation reports and not executing taxes-and-duties), not connected with them by direct contract relations.</p> <p>Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Federal Taxation Agency</p>

Окончание табл. 2 / End of the Table 2

Проблема / Problem	Пути решения / Means of solution
2. Отсутствие на законодательном уровне четких критериев необоснованной налоговой выгоды / Lack of clear criteria for unjustified taxation benefit in the legislation	Закрепление в ст. 54.1 НК РФ положений, а также актуализация Письма ФНС России от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/547@ «О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды» в части четких критериев допустимого снижения налоговой базы. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – Федеральная налоговая служба / Stipulating in 54.1 of the Russian Taxation Code of provisions and actualization of the Letter of the Russian Taxation Service of 23 March 2017 No. EDED-5-9/547@ “On revealing the circumstances of unjustified taxation benefit” as regards the clear criteria for admissible reduction of taxation base. Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Federal Taxation Agency
3. Приостановление операций по счетам и блокировка счетов в банках по избыточно широкому перечню оснований / Suspending transactions and blocking accounts under an excessively broad list of grounds	Актуализация Методических рекомендаций о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (утв. Банком России 21 июля 2017 г. № 18-МР) и Методических рекомендаций о повышении внимания кредитных организаций к отдельным операциям клиентов (утв. Банком России 2 февраля 2017 г. № 4-МР) в части закрепления закрытого перечня оснований для блокировки счетов клиентов: 1. Подозрения в незаконном характере операций клиента должны возникнуть два и более раза в течение года. 2. У кредитной организации должны иметься конкретные данные о том, что транзакции клиента носят незаконный характер. Ответственный субъект за подготовку и внесение изменений – ЦБ РФ / Actualizing the Methodological recommendations on approaches to credit organizations’ managing the risk of legalization of criminal income and financing terrorism (adopted by the Bank of Russia on 21 July 2017 No. 18-MR) and the Methodological recommendations on drawing attention of credit organizations to certain transactions of clients (adopted by the Bank of Russia on 2 February 2017 No. 4-MR) as regards the closed list of grounds for blocking the clients’ accounts: 1. Suspicion of illegal; operations must arise two or more time in one year. 2. The credit organization must have specific data about illegal transactions of a client. Body in charge of preparing and introducing the amendments is the Central Bank of the Russian Federation

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

экономики деньгами через смену подходов в вопросах таргетирования инфляции и денежно-кредитной политики, либо стимулирование дальнейшего развития потребительского кредитования. Однако оба варианта, давая эффект в краткосрочный период времени, несут заметные риски в среднесрочной

и долгосрочной перспективах. Поэтому в настоящее время имеет смысл сосредоточить основное внимание на решении проблем институционально-правового характера, которые не позволяют в полном объеме обеспечить эффективную реализацию мер поддержки субъектов МСП.

Список литературы

1. Ручкина Г. Ф. Финансовая поддержка как ключевая составляющая в развитии субъектов малого и среднего предпринимательства // Банковское право. 2017. № 5. С. 7–12.
2. Ершова И. В., Тарасенко О. А. Малое и среднее предпринимательство: трансформация российской системы кредитования и микрофинансирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 99–124. DOI: 10/17072/1995-4190-2018-398-99-124

3. Тарасенко О. А. Аудит мер финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 38–46.
4. Мохов А. А. Кластерная политика и поддержка малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 118–135.
5. Белоусов А. Л. Вопросы регулирования специальных инвестиционных контрактов // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. Московская юридическая неделя. Материалы XV Международной научно-практической конференции. В 5 ч. Москва, 28–30 ноября 2018 г. М.: Проспект, 2019. С. 70–72.
6. Белоусов А. Л. Стимулирование предпринимательской инициативы в аспекте реализации специальных инвестиционных контрактов // Предпринимательские инициативы в производственной и правовой деятельности организации: сборник материалов круглого стола / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; под научной редакцией А. В. Шарковой. М.: Дашков и К, 2018. С. 14–17.
7. Колосова Т. О., Белоусов А. Л. Внеплановые проверки ФАС России: как обеспечить баланс интересов антимонопольного органа и бизнеса // Преемственность и новации в юридической науке: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Уфа: Агентство международных исследований, 2018. С. 59–63.
8. Белоусов А. Л. Правовые механизмы снижения налоговой нагрузки в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства // Российская государственность и правовая система в XXI веке: тенденции, противоречия и перспективы развития: межрегиональная научно-практическая конференция ученых, аспирантов, студентов и практиков. Астраханский государственный технический университет. Астрахань, 2017. С. 11–14.
9. Белоусов А. Л. Вопросы деятельности института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации // Управление трансформацией социально-экономического пространства территорий: тенденции, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции. Вологда: Вологодский филиал РАНХиГС, 2018. С. 64–69.
10. Белоусов А. Л. Развитие реального сектора экономики через внедрение специальных инвестиционных контрактов // Проблемы и перспективы развития промышленности России / А. В. Быстров, Н. А. Волобуев, А. В. Брыкин и др. М., 2019. С. 90–93.
11. Белоусов А. Л. Вопросы развития промышленного комплекса в аспекте реализации специальных инвестиционных контрактов // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты: материалы научно-практической конференции. Вологда: Вологодский филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС при Президенте РФ», 2019. С. 138–140.
12. Андреев В. К. Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства как институт развития // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2. С. 9–15.
13. Вайпан В. А. Основы, проблемы и новые изменения в правовом регулировании деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 6–16.
14. Юлова Е. С. Развитие финансово-кредитных и иных механизмов поддержки малого бизнеса и индивидуальной предпринимательской инициативы // Государство и малый бизнес в России: проблемы гармонизации законодательства и практики его применения / С. А. Иванова, О. Ю. Горбачева, Л. Ю. Грудцына и др. М., 2019. С. 83–98.
15. Юлова Е. С. Современные меры государственной финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства // Юридический и экономический форум: межвузовский сборник научных трудов, написанный по результатам круглого стола и конференций. М., 2019. С. 208–228.
16. Erickcek George A., McKinney Hannah «Small cities blues»: looking for growth factors in small and medium-sized cities // Economic Development Quarterly. 2006. № 3. Pp. 232–258.
17. Neitz B., Mittag M. Crowdfunding: alternative financing option for small and medium-sized enterprises in Germany // Материалы X Международной научно-практической конференции / Министерство образования и науки Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; ответственный редактор А. Н. Цветков. СПб., 2015. С. 29–34.
18. Stahlmann M. Crowdfunding als Finanzierungsalternative für deutsche Startups. Hamburg, 2013, Diplomica Verlag. Pp. 25–32.
19. Nihat Aktas, Ingrid Bellettre, Jean-Gabriel Cousin. Capital Structure Decisions of French Very Small Businesses // Finance. 2011. Vol. 32. № 1. Pp. 43–73.
20. McConnell J. Katie, McFarland Christiana, Common Brett. Supporting entrepreneurs and small business. Center for Research & Innovation, 2011.
21. Чеснокова В. А., Гагай И. В. Проблемы оказания финансовой государственной поддержки малому и среднему бизнесу // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2017. Т. 1, № 3. С. 171–173.
22. Маслова Т. С., Лалаева А. А. Государственная помощь малому и среднему бизнесу в России и за рубежом как объект анализа // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2018. № 12 (444). С. 24–33.

23. Бархатов В. И., Белова И. А. Взаимодействие государства с малым и средним бизнесом: налоговый аспект // Экономическое возрождение России. 2016. № 1 (47). С. 160–166.
24. Шегай М. И. Основные направления взаимодействия местных органов власти с малым и средним бизнесом // Проблемы и перспективы развития современного общества: экономика, управление, право. 2016. С. 407–409.
25. Ефимова Н. А. Поддержка экспортно-ориентированного малого и среднего предпринимательства: ориентиры корпорации МСП // Хроноэкономика. 2019. № 3 (16). С. 15–19.
26. Kupriyanova L. M. Development of small business in Russia: the problem of the small innovation enterprises // Экономика. Бизнес. Банки. 2013. № 2. С. 118–125.
27. Vugreev D. O. Financial analysis of small business enterprises // Contemporary Problems of Social Work. 2016. Vol. 2. № 1 (5). Pp. 28–35.
28. Мухаметова А. Ф., Бахтина Т. Б. Поддержка малому бизнесу // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Курган, 20 мая 2016 г. Уфа: Аэтерна. С. 194–197.
29. Чубарева Л. И. Эффективность поддержки малого бизнеса и критерии ее оценки // Экономика промышленности. 2008. № 2 (41). С. 102–111.
30. Молчанов А. В. Превентивные механизмы регулирования экономических отношений и административная ответственность на примере антимонопольного регулирования // Публичное право сегодня. 2018. № 3. С. 56–60.
31. Кудрявцев К. А. Провалы государства в антимонопольном регулировании // Современная конкуренция. 2018. Т. 12, № 4–5 (70–71). С. 5–17.

References

1. Ruchkina G. F. Financial support as the key constituent in developing small and medium-sized businesses, *Bankovskoe pravo*, 2017, No. 5, pp. 7–12 (in Russ.).
2. Ershova I. V., Tarasenko O. A. Small and Medium-Sized Enterprises: Transformation of the Russian Crediting and Microfinancing System, *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2018, No. 1, pp. 99–124 (in Russ.). DOI: 10/17072/1995-4190-2018-398-99-124
3. Tarasenko O. A. Audit of measures for financial support of small and medium-sized businesses, *Predprinimatel'skoe pravo*, 2018, No. 2, pp. 38–46 (in Russ.).
4. Mokhov A. A. Cluster policy and support of small and medium-sized businesses, *Predprinimatel'skoe pravo*, 2018, No. 2, pp. 118–135 (in Russ.).
5. Belousov A. L. Issues of regulating special investment contracts, *Constitution of the Russian Federation and modern law order*, Moscow juridical week, Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow, Prospekt, 2019, pp. 70–72 (in Russ.).
6. Belousov A. L. Stimulating business initiative in the aspect of special investment contracts implementation, *Predprinimatel'skie initsiativy v proizvodstvennoi i pravovoi deyatel'nosti organizatsii: sbornik materialov kruglogo stola*, Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, ed. A. V. Sharkova, Moscow, Dashkov i K, 2018, pp. 14–17 (in Russ.).
7. Kolosova T. O., Belousov A. L. Unplanned checks of the Russian Federal Antimonopoly Agency: how to ensuer balance of interests of the antimonopoly body and business, *Preemstvennost' i novatsii v yuridicheskoi nauke*, sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy, 2018, pp. 59–63 (in Russ.).
8. Belousov A. L. Legal mechanisms of reducing taxation load in relation to small and medium-sized businesses, *Rossiiskaya gosudarstvennost' i pravovaya sistema v XXI veke: tendentsii, protivorechiya i perspektivy razvitiya*, mezhhregional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya uchennykh, aspirantov, studentov i praktikov, Astrakhanskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, Astrakhan, 2017, pp. 11–14 (in Russ.).
9. Belousov A. L. Issues of functioning of the institute of the Business Rights Commissioner in the Russian Federation, *Upravlenie transformatsiei sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva territorii: tendentsii, problemy, perspektivy*, materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vologda, Vologodskii filial RANKhiGS, 2018, pp. 64–69 (in Russ.).
10. Belousov A. L. Development of the real economy sector through introducing special investment contracts, In: Bystrov A. V., Volobuev N. A., Brykin A. V. et al. *Problemy i perspektivy razvitiya promyshlennosti Rossii*, Moscow, 2019, pp. 90–93 (in Russ.).
11. Belousov A. L. Issues of industrial complex development in the aspect of special investment contracts implementation, *Upravlenie prostranstvennym razvitiem territorii: global'nye trendy i regional'nye priority*, materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Vologda, Vologodskii filial FGBOU VO "RANKhiGS pri prezidente RF", 2019, pp. 138–140 (in Russ.).
12. Andreev V. K. Corporation on developing small and medium-sized businesses as a development institution, *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2016, No. 2, pp. 9–15 (in Russ.).

13. Vaipan V. A. Fundamentals, problems and new changes in legal regulation of the functioning of small and medium-sized businesses, *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava*, 2016, No. 2, pp. 6–16 (in Russ.).
14. Yulova E. S. Developing financial-credit and other mechanisms of supporting small businesses and individual business initiatives, In: Ivanova S. A., Gorbacheva O. Yu., Grudtsyna L. Yu. Et al. *Gosudarstvo i maliy biznes v Rossii: problemy garmonizatsii zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya*, Moscow, 2019, pp. 83–98 (in Russ.).
15. Yulova E. S. Modern measures of state financial support of small and medium-sized businesses, *Yuridicheskii i ekonomicheskii forum, mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, napisannyi po rezul'tatam kruglogo stola i konferentsii*, Moscow, 2019, pp. 208–228 (in Russ.).
16. Erickcek George A., Mckinney Hannah “Small cities blues”: looking for growth factors in small and medium-sized cities, *Economic Development Quarterly*, 2006, No. 3, pp. 232–258.
17. Neitz B., Mittag M. *Crowdinvesting: alternative financing option for small and medium-sized enterprises in Germany*, Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet; ed. A. N. Tsvetkov, Saint Petersburg, 2015, pp. 29–34.
18. Stahlmann M. *Crowdinvesting als Finanzierungsalternative für deutsche Startups*, Hamburg, 2013, Diplomica Verlag, pp. 25–32.
19. Nihat Aktas, Ingrid Bellettre, Jean-Gabriel Cousin. Capital Structure Decisions of French Very Small Businesses, *Finance*, 2011, Vol. 32, No. 1, pp. 43–73.
20. McConnell J. Katie, McFarland Christiana, Common Brett. *Supporting entrepreneurs and small business*, Center for Research & Innovation, 2011.
21. Chesnokova V. A., Gagai I. V. Problems of rendering state financial support to small and medium-sized businesses, *Novaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya*, 2017, Vol. 1, No. 3, pp. 171–173 (in Russ.).
22. Maslova T. S., Lalaeva A. A. State support of small and medium-sized businesses in Russia and abroad as an object of analysis, *Bukhgalterskii uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 2018, No. 12 (444), pp. 24–33 (in Russ.).
23. Barkhatov V. I., Belova I. A. Interaction between the state with small and medium-sized businesses: taxation aspect, *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2016, No. 1 (47), pp. 160–166 (in Russ.).
24. Shegai M. I. Main directions of interaction between local authorities and small and medium-sized businesses, *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennogo obshchestva: ekonomika, upravlenie, pravo*, 2016, pp. 407–409 (in Russ.).
25. Efimova N. A. Support of export-oriented small and medium-sized businesses: orientations of SMB corporation, *Khronoekonomika*, 2019, No. 3 (16), pp. 15–19 (in Russ.).
26. Kupriyanova L. M. Development of small business in Russia: the problem of the small innovation enterprises, *Ekonomika. Biznes. Banki*, 2013, No. 2, pp. 118–125.
27. Bugreev D. O. Financial analysis of small business enterprises, *Contemporary Problems of Social Work*, 2016, Vol. 2, No. 1 (5), pp. 28–35.
28. Mukhametova A. F., Bakhtina T. B. Support of small businesses, *Nauchnye preobrazovaniya v epokhu globalizatsii, sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Kurgan, 20 maya 2016 g., Ufa, Aeterna, pp. 194–197 (in Russ.).
29. Chubareva L. I. Efficiency of supporting small businesses and criteria for its estimation, *Ekonomika promyshlennosti*, 2008, No. 2 (41), pp. 102–111 (in Russ.).
30. Molchanov A. V. Preventive mechanism of regulating economic relations and administrative liability by the example of antimonopoly regulation, *Publichnoe pravo segodnya*, 2018, No. 3, pp. 56–60 (in Russ.).
31. Kudryavtsev K. A. Failures of the state in antimonopoly regulation, *Sovremennaya konkurentsia*, 2018, Vol. 12, No. 4–5 (70–71), pp. 5–17 (in Russ.).

Дата поступления / Received 15.12.2019

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Белоусов А. Л., 2020

© Belousov A. L., 2020

УДК 658.1:347.736
JEL G33, K00, K4

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.22-39>

А. З. БОБЫЛЕВА¹,
О. А. ЛЬВОВА¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОГО БАНКРОТСТВА

Бобылева Алла Зиновьевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового менеджмента факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: 119992, г. Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, тел.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: bobyleva@spa.msu.ru
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-3176-2018>
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4383-0608>

Контактное лицо:

Львова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента факультета государственного управления, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: 119992, г. Москва, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, тел.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: lvova@spa.msu.ru
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/C-8152-2014>
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9835-3418>

Цель: разработка концепции и методических подходов установления объективного банкротства на основе финансово-экономического инструментария.

Методы: в исследовании применялись общенаучные методы познания, в том числе системный подход, анализ и синтез, логический и сравнительный анализ, метод группировки и обобщения, экспертный анализ, методы научной классификации, табличные приемы визуализации данных.

Результаты: необходимость изменения концепции определения несостоятельности за счет введения термина «объективное банкротство» обусловлена потребностью в пересмотре подходов к ее оценке, а также важностью для экономики страны определения реальных организаций-банкротов, неоднозначностью существующих в мире теоретико-методических подходов к анализу проблемных компаний. Для достижения цели исследования в работе выявлены различия между традиционным пониманием признаков банкротства и современной трактовкой объективного банкротства; предложена классификация признаков и причин объективного банкротства; разработаны принципы и методические подходы к использованию финансово-экономического инструментария для доказательства наступления объективного банкротства; предложен общий алгоритм обоснования даты наступления объективного банкротства; выявлены особенности привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при объективном банкротстве.

Научная новизна: в статье впервые подробно раскрыт финансово-экономический инструментарий установления объективного банкротства: определены составляющие экспресс-анализа, основанного на выявлении признаков, вытекающих непосредственно из определения объективного банкротства, и углубленного (расширенного) анализа, раскрывающего финансово-экономические, организационные, управленческие, инвестиционные причины его наступления; выделены агрегированные блоки факторов для выявления признаков объективного банкротства; предложен алгоритм установления момента наступления несостоятельности и уточнения величины субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, который предполагает уход от чисто бухгалтерского подхода, комплексный учет реальных условий деятельности должника, размера его обязательств и рыночной стоимости имущества.

Практическая значимость: основные положения и выводы научной работы могут быть использованы: а) в научной деятельности для дальнейшего развития финансово-экономического инструментария определения объективного банкротства компаний; б) в правоприменительной практике при рассмотрении вопросов о привлечении контролирующих

должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве; в) Национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих при разработке Федерального стандарта либо методических рекомендаций по проведению финансового анализа компаний-должников арбитражными управляющими.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; объективное банкротство; субсидиарная ответственность; добросовестный руководитель; дата объективного банкротства; признаки банкротства; причины объективного банкротства; неплатежеспособность; недостаточность имущества; экономически обоснованный план; контролирующие должника лица

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Бобылева А. З., Львова О. А. Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 22–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.22-39>

A. Z. BOBYLEVA¹,

O. A. LVOVA¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

FINANCIAL-ECONOMIC TOOLS FOR IDENTIFYING THE SIGNS OF OBJECTIVE BANKRUPTCY

Alla Z. Bobyleva, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance Management of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University
Address: 27 Lomonosovskiy prospekt, building 4, 119992 Moscow, tel.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: bobyleva@spa.msu.ru

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-3176-2018>

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4383-0608>

Contact:

Olga A. Lvova, PhD (Economics), Associate Professor of the Department of Finance Management of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University
Address: 27 Lomonosovskiy prospekt, building 4, 119992 Moscow, tel.: +7 (495) 939-11-01
E-mail: lvova@spa.msu.ru

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/C-8152-2014>

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9835-3418>

Objective: to develop a concept and methodological approaches for establishing objective bankruptcy based on financial and economic tools.

Methods: the study used general scientific methods of cognition, including a systematic approach, analysis and synthesis, logical and comparative analysis, the method of grouping and generalization, expert analysis, methods of scientific classification, tabular methods of data visualization.

Results: the need to change the concept of determining insolvency by introducing the term “objective bankruptcy” is due to the need to revise approaches to its assessment, as well as the importance for the country’s economy of determining actual organizations that are bankrupt, and the ambiguity of the existing theoretical and methodological approaches to the analysis of problematic companies. To achieve the study objectives, the differences were identified between the traditional understanding of the signs of bankruptcy and a modern interpretation of an objective bankruptcy; a classification of characteristics and reasons of the objective bankruptcy was proposed; principles and methodological approaches to using financial and economic tools for objective evidence of the bankruptcy were elaborated; the general algorithm of substantiating the date of objective bankruptcy was proposed; the peculiarities of imposing vicarious liability on the entities controlling the debtor in case of objective bankruptcy are found.

Scientific novelty: for the first time, the economic and financial tools to establish the objective bankruptcy are disclosed in detail: the components of proximate analysis are identified, based on the characteristics following directly from the definition of objective bankruptcy, and in-depth (extended) analysis, revealing the financial-economic, organizational, managerial, investment reasons for its occurrence; the aggregate blocks of factors are allocated to identify the objective signs of bankruptcy; the algorithm is proposed for determining the moment of insolvency and specifying the amount of vicarious liability of the entities controlling the debtor, which involves implies not a purely accounting approach, but the one taking into account the actual conditions of the debtor's activity, the amount of their obligations and the market value of property.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the scientific work can be used: a) in scientific activities for further development of financial and economic tools for determining the objective bankruptcy of companies; b) in law enforcement practice when considering the issues of imposing vicarious liability on the entities controlling the debtor in case of bankruptcy; c) by the National Association of self-regulated organizations of trustees when developing a federal standard or guidelines for conducting a financial analysis of debtor companies by trustees.

Keywords: Economics and national economy management; Objective bankruptcy; Vicarious liability; Good faith manager; Date of objective bankruptcy; Signs of bankruptcy; Causes of objective bankruptcy; Insolvency; Insufficient property; Economically justified plan; Entities controlling the debtor

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Bobyleva A. Z., Lvova O. A. Financial-economic tools for identifying the signs of objective bankruptcy, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 22–39 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.22-39>

Введение

В последние годы в научной экономической и правовой литературе, российском законодательстве и судебной практике стал использоваться термин «объективное банкротство». Он призван подчеркнуть, что организация несостоятельна не формально, в соответствии с признаками, указанными в ст. 3 Закона о банкротстве¹, в основе которых лежат бухгалтерские показатели, а действительно не может функционировать: не обладает средствами для дальнейшего ведения деятельности, не выполняет обязательства перед партнерами и государством.

Появление термина «объективное банкротство» обусловлено высокой потребностью в выявлении предприятий, которые действительно несостоятельны и нуждаются в разрешении ситуации при помощи ликвидационных или реабилитационных процедур банкротства. Кроме того, понятие «объективное банкротство» предполагает и обнаружение предприятий, которые искусственно создали у себя признаки бан-

кротства (так называемое фиктивное и преднамеренное банкротство), а также содержит возможность уточнения реальной даты наступления банкротства и определения степени вины руководителя (субсидиарной ответственности контролирующего должника лица).

Изменение концепции определения несостоятельности за счет введения термина «объективное банкротство» делает невозможным проведение арбитражным управляющим финансового анализа и проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства только лишь на основе действующих Правил, введенных соответствующими постановлениями Правительства РФ² (далее – Правила). Более того, установление объективного банкротства в ряде случаев может противоречить выводам, полученным в результате применения методических подходов указанных Правил, которые основаны преимущественно

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020). URL: <https://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 05.01.2020).

² Об утверждении временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства РФ № 855 от 27.12.2004. URL: <http://base.garant.ru/187738/>; Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ № 367 от 25.06.2003. URL: <http://base.garant.ru/12131539/> (дата обращения: 18.11.2019).

на бухгалтерских показателях, не в полной мере отражающих реальное положение дел в несостоятельных организациях.

Отсутствие полноценного финансово-экономического инструментария выявления объективных признаков банкротства сказывается и на судебной практике. Например, в качестве основания для отмены Постановления Девятого апелляционного суда Арбитражный суд Московского округа, в частности, указывает: «Суд апелляционной инстанции сделал вывод о наличии имущества у должника по формальным признакам на основании данных бухгалтерских балансов, представленных в материалах дела»³, т. е. в решении подчеркивается необходимость неформального подхода, выходящего за рамки Правил. В то же время практика противоречива: в другом Постановлении Арбитражного суда Московского округа решение принимается исходя из формальных признаков: отмечается, что, согласно бухгалтерскому балансу, у должника имелось имущество для погашения задолженности, поэтому не было обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве⁴.

Несоответствие действующих Правил проведения финансового анализа и выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства современному уровню развития института банкротства неоднократно отмечалось в научной литературе [1–5], научной общественностью и практиками делались определенные шаги по разработке нового федерального стандарта анализа для арбитражных управляющих [6–9]. В настоящее время, с введением понятия объективного банкротства, необходимость выработки новых подходов к анализу возросла многократно. В связи с вышесказанным целесообразно оценить, какие подходы из наработанного мирового опыта (как

зарубежных, так и российских ученых и практиков) можно использовать для этих целей.

В основе современного анализа финансово-экономического состояния и результатов деятельности компаний лежат общие фундаментальные подходы, наиболее полно изложенные в работах Л. Бернштейна [10], Р. С. Хиггинса и М. Раймерс [11], Э. А. Хелфферта [12] и адаптированные для России А. Д. Шереметом и др. [13, 14], Я. В. Соколовым и М. Л. Пятовым [15], В. В. Ковалевым [16]. Однако эти всемирно известные методы не «сфокусированы» на удовлетворении специфических требований, возникающих в период банкротства: необходимости квалифицировать проблемную компанию, как: а) имеющую возможность к восстановлению платежеспособности и безубыточной деятельности либо, наоборот, подлежащую ликвидации; б) добросовестного должника либо недобросовестного должника, задумавшего преднамеренное/фиктивное банкротство.

Большая группа ученых во всем мире работает в сфере прогнозирования банкротства: в литературе насчитывается более 50 способов количественной оценки устойчивости корпоративного сектора на основе финансовых показателей [17]. Среди самых известных специалистов следует отметить таких, как Э. Альтман и его соавторы [18, 19], У. Бивер [20, 21], Х. Д. Платт и М. Б. Платт [22], Р. Дж. Таффлер [23], М. Змиевский [24], а также российских ученых О. П. Зайцеву [25], Г. В. Давыдову и А. Ю. Беликова [26], Т. В. Коссову и Е. В. Коссову [27], М. В. Помазанова и О. В. Колоколову [28], В. А. Сальникова, А. Н. Могилат и И. Ю. Маслова [29], Е. А. Федорову, Е. В. Гиленко и С. Е. Довженко [30]. Разработанные ими модели прогнозирования, как правило, работают на перспективу: позволяют судить о вероятности банкротства как в краткосрочном, так и долгосрочном прогнозном периоде, но не дают возможности определить, следует ли в текущий момент ликвидировать компанию либо дать ей шанс на восстановление платежеспособности и осуществление безубыточной деятельности.

Непосредственно проблема разработки методических подходов к установлению реального банкротства была сформулирована почти 100 лет назад. Уже в 1929 г. в научно-практических работах в США отмечалось, что не существует единых принципов или правил для определения состоятельности (*solvency*)

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2018 по делу № А-40-102470/2012. С. 7, 9. URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b02ac6e6-e81a-45c7-9019-4e4675d159df/f3134f25-5c5a-43aa-a6b2-81e11cc10a69/A40-102470-2012_20180207_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.11.2019).

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2019 по делу № А-40-172410/16. С. 7. URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/035f1fd4-0bcf-4018-b5d3-bf3ce18a4dce/39a41abe-6f86-4fcd-990c-bf8387783f35/A40-172410-2016_20190321_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.11.2019).

[31, pp. 582, 620]. В наши дни учеными по-прежнему отмечается, что часто сложно однозначно определить состоятельность/несостоятельность [32]. Большинство современных иностранных научных работ посвящено управлению компанией уже в условиях утраты финансовой стабильности, устойчивости, финансового здоровья компании [33–35], а ввиду отсутствия универсальных подходов и наличия особенностей национального законодательства о банкротстве исследования часто имеют локальный страновой охват [36–37]. Критериям определения несостоятельности в научно-методической литературе по-прежнему посвящено недостаточно внимания.

Тем не менее, обобщая исследования в рассматриваемой предметной области, можно сказать, что в мировой практике в настоящее время известны и активно используются три основных теста.

1. Тест на платежеспособность (*the ability-to-pay solvency test*). Он отвечает на вопрос о возможности погашать обязательства по мере их поступления. Иногда этот тест называют «денежной состоятельностью» (*cash-flow solvency*) или «объективной, справедливой состоятельностью» (*equitable solvency*). Следует учитывать, что данный тест основан не на бухгалтерской отчетности, а на прогнозировании будущих денежных потоков, что теоретически должно лучше отражать ситуацию. Однако прогнозирование денежных потоков может быть некорректным ввиду неопределенности, а может быть предвзятым (спекулятивным) [38, 39]. Учитывая возможность неправильной оценки денежных потоков, дисконта, ликвидационной стоимости, на основе данного теста можно поставить как корректный, так и некорректный диагноз: признать фирму несостоятельной, хотя она на самом деле состоятельна (ложная несостоятельность), или состоятельной, когда фирма несостоятельна (ложная состоятельность) [32, pp. 1005, 1006]. Тем не менее именно этот тест признается в мире лучшим, так как дает наиболее полезную информацию для кредиторов.

2. Тест, показывающий, превышает ли справедливая стоимость активов компании номинальную стоимость обязательств (*the balance-sheet solvency test*). Он может применяться как при условии, что предприятие продолжает функционировать, так и при его ликвидации. В каждом из рассмотренных случаев составляется соответствующий баланс (на основе продолжающегося бизнеса либо ликвидационный).

3. Тест на достаточность капитала (*the capital-adequacy solvency test*), который, как и второй, дает дополнительную информацию к первому, наиболее релевантному тесту.

Применение описанных тестов имеет определенные проблемы даже в США – стране их активного использования. В частности, тесты основаны на разных показателях и их результаты необязательно корреспондируют, т. е. по тестам можно поставить разные диагнозы о состоятельности/несостоятельности компании. Тем не менее, несмотря на это, а также на неоднозначность полученных по тестам оценок, федеральное законодательство США в качестве «входного критерия» в процедуру банкротства принимает второй тест о превышении стоимости обязательств над справедливой стоимостью активов⁵. Однако национальные нормы, регламентирующие оспаривание сделок должника, направленных на причинение вреда кредиторам, допускают использование всех трех тестов для определения момента наступления несостоятельности должника, так как нарушение условий любого из них означает наличие серьезных финансовых трудностей у компании и допускает признание ее несостоятельной по любому из тестов [32, p. 1003].

В России в рассмотренном виде данные тесты не применяются. Например, дисконтирование будущих денежных потоков (первый тест) действующими методическими документами не предусмотрено, так же как и составление ликвидационного баланса, учитывающего текущую рыночную информацию о ценах на активы. Тем не менее отдельные элементы данных тестов использованы при подготовке Постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»⁶, закрепившего термин

⁵ В Кодексе законов США используется традиционный *balance sheet test*, при котором «несостоятельность» понимается как условие, при котором сумма обязательств юридического лица превышает справедливую стоимость его имущества. Подробнее см.: 11 US Code, § 101 (32a). URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/101> (дата обращения: 10.01.2020).

⁶ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного суда РФ № 53 от 21.12.2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 15.11.2019).

«объективное банкротство», и требуют дальнейшего осмысления возможностей их развития в научно-методическом плане и на практике.

Таким образом, важность для экономики страны определения реальных организаций-банкротов, неоднозначность существующих в мире теоретико-методических подходов к анализу проблемных компаний предопределили цель исследования как разработку концепции и методики установления объективного банкротства на основе финансово-экономического инструментария.

Цель исследования предполагает решение следующих задач: выявление различий между традиционным пониманием признаков банкротства и современной трактовкой объективного банкротства; классификация признаков и причин объективного банкротства; разработка принципов и методических подходов к использованию финансово-экономического инструментария для доказательства наступления объективного банкротства; определение общего алгоритма обоснования даты наступления объективного банкротства; выявление особенностей привлечения к субсидиарной ответственности при объективном банкротстве.

Результаты исследования

Эволюция подходов к определению признаков банкротства и современная трактовка объективного банкротства

В соответствии со ст. 3 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» признаками банкротства являются следующие:

- должник отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества;
- имеется не погашенная в течение более трех месяцев задолженность из-за недостаточности денежных средств по оплате труда и выплатам бывшим работникам;
- исполнение должником своих обязательств перед всеми кредиторами невозможно при удовлетворении требований одного кредитора;
- должник принял решение об обращении в арбитражный суд с заявлением о ликвидации;
- обращение взыскания на имущество должника осложнит или сделает невозможной хозяйственную деятельность должника.

Хотя признаки неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества включены в перечень в виде самостоятельных обстоятельств, они, как правило, предполагаются и большинством других признаков несостоятельности. При этом под «недостаточностью имущества» понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника, а под «неплатежеспособностью» – прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств⁷.

Применение данных определений привело к практически повсеместному использованию в качестве доказательной базы несостоятельности превышения размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над *балансовой (а не рыночной) стоимостью имущества (активов)* должника, что некорректно: у должника балансовая стоимость имущества может быть как завышена для искусственного увеличения ликвидности и стоимости залога при кредитовании, так и занижена – например, для сокращения выплат по налогу на имущество или сокрытия части конкурсной массы при банкротстве. В свою очередь, прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей практически всегда объясняется лишь недостаточностью денежных средств, в то время как это может быть вызвано задержкой в приемке работ, продолжающимися судебными разбирательствами и пр. Преобладавший до недавнего времени подобный «бухгалтерский» подход способствовал формальному представлению доказательной базы несостоятельности должника, затруднял принятие справедливых решений арбитражным судом при выборе следующей процедуры банкротства, препятствовал объективной оценке конкурсной массы.

Высокая потребность практики в преодолении данных ограничений законодательства и правоприменения, критика со стороны профессионального сообщества привели к введению в июле 2017 г. понятия

⁷ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон. Ст. 2, абз. 34 и 35. URL: <https://base.garant.ru/185181/> (дата обращения: 05.01.2020).

«объективное банкротство»⁸ в следующей трактовке: «критический момент, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей». С этого момента термин «объективное банкротство» начинает активно использоваться, в том числе и Федеральной налоговой службой (далее – ФНС). В частности, в материалах ФНС подчеркивается, что «критический момент носит объективный характер и на него не влияет принятие должником или контролирующим должника лицом мер по сокрытию признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества»⁹.

Как следует из вышесказанного, в этот период содержание объективного банкротства было привязано к бухгалтерскому понятию «чистых активов»¹⁰, что не позволяло раскрыть его суть в полном объеме. Понимание ограниченности такого подхода привело к тому, что уже через несколько месяцев после введения термина «объективное банкротство» законодатель заменяет в его определении понятие «чистые активы» на «реальную (рыночную) стоимость активов». В окончательном виде термин «объективное банкротство» устанавливается упомянутым Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 и звучит как *неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов*¹¹.

Следует отметить, что определение понятий «объективное банкротство» и «недостаточность имущества» лингвистически выстроены единообразно. Различия, на первый взгляд, малозаметны, но концептуально они значительно отличаются:

– причиной неплатежеспособности при объективном банкротстве является превышение размера не только денежных обязательств и обязательных платежей, как при недостаточности имущества, а превышение совокупного размера (всех) обязательств должника над стоимостью активов;

– в определении объективного банкротства подчеркивается реальная стоимость активов (имущества). Акцент на реальную стоимость активов предполагает осмотрительное использование бухгалтерской стоимости активов, расчет, по возможности, рыночной стоимости. Это следует из ст. 7 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», которая гласит, что «в случае, если... не определен конкретный вид стоимости объекта оценки, установлению подлежит рыночная стоимость данного объекта. Указанное правило подлежит применению и в случае использования в нормативном правовом акте не предусмотренных законом или стандартами оценки терминов, определяющих вид стоимости объекта оценки, в том числе терминов “действительная стоимость”, “разумная стоимость”, “эквивалентная стоимость”, “реальная стоимость” и других»¹².

Таким образом, современная трактовка объективного банкротства предполагает обязанность всех вовлеченных лиц, в первую очередь арбитражных управляющих и судов, неформально (как раньше – на основе бухгалтерских критериев) относиться к определению стоимости имущества, выявлению неплатежеспособности, нацеливает на учет реальных условий деятельности должника при установлении даты наступления финансовых затруднений и несостоятельности.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ № 309-ЭС17-1801 от 20.07.2017 по делу № А50-5458/2015. Отдельные элементы финальной правовой позиции по объективному банкротству также содержались в более раннем Определении в рамках рассмотрения этого же дела о банкротстве: Определение Верховного суда РФ № 309-ЭС17-1801 от 05.06.2017 по делу № А50-5458/2015.

⁹ О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ: Письмо ФНС России № СА-4-18/16148@ от 16.08.2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_227069/ (дата обращения: 14.11.2019).

¹⁰ Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов: Приказ Минфина России № 84н от 28.08.2014. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169895/ (дата обращения: 14.11.2019).

¹¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного суда РФ № 53 от 21.12.2017. П. 4. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 15.11.2019).

¹² Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 135-ФЗ от 29.07.1998. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 15.11.2019).

Методические подходы к выявлению признаков объективного банкротства (финансово-экономические аспекты)

Из определения объективного банкротства следует, что для выявления признаков его наступления главной задачей является установление факта превышения совокупного размера обязательств предприятия над реальной стоимостью его активов. Однако при установлении (неустановлении) факта объективного банкротства предполагается оценка добросовестности, «разумности» руководителя, «адекватности» его поведения с точки зрения среднестатистического руководителя¹³, что требует выявления причин этого превышения и косвенных признаков банкротства. В соответствии с вышесказанным можно выделить два методических подхода к выявлению объективного банкротства, или два его этапа:

– экспресс (формальный, технический) подход, вытекающий непосредственно из определения;

– углубленный (расширенный), раскрывающий финансово-экономические, организационные, управленческие, инвестиционные причины наступления объективного банкротства, а также его косвенные признаки.

Формальный (технический) экспресс-подход предполагает непосредственную зависимость наступления объективного банкротства от соотношения совокупного размера обязательств и реальной стоимости активов компании. При использовании экспресс-подхода необходимо учитывать, что могут быть некорректно определены:

1) *стоимость имущества*, из-за того что:

- использована балансовая (бухгалтерская) оценка стоимости имущества;
- при оценке реальной (рыночной) стоимости не полностью учтены влияющие на нее факторы;
- неправильно выбран метод оценки.

2) *размер обязательств* (может быть завышен или занижен в балансе).

В связи с этим важнейшей составной частью реализации формального экспресс-подхода является оценка полноты учета обязательств, проверка их на предмет завышения, включения фиктивных кредито-

ров и т. п., т. е. проверка достоверности совокупного размера обязательств, а также корректная оценка реальной (рыночной) стоимости имущества.

Из вышесказанного логично вытекает, что уполномоченное лицо (в зависимости от конкретных условий – руководитель должника, арбитражный управляющий и т. п.) должно привлекать оценщика, с тем чтобы определить рыночную стоимость активов и убедиться, что совокупный размер обязательств превышает (либо не превышает) рыночную стоимость имущества, тем самым доказать (либо опровергнуть) наличие признаков объективного банкротства [40]. Однако пока в нормативных правовых документах подобная обязанность не прописана, что затрудняет доказательство наступления объективного банкротства (либо его отсутствия), приводит, как показано выше, к неоднозначным и даже противоречащим друг другу решениям судов.

Углубленный (расширенный) подход к определению наступления объективного банкротства позволяет выявить глубинные причины превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов на основе анализа внешних и внутренних условий функционирования должника, его текущей, инвестиционной, финансовой деятельности. В этом случае факт превышения обязательств над реальной стоимостью имущества рассматривается как внешнее проявление глубинных причин наступления объективного банкротства.

Причины могут быть сгруппированы по разным классификационным признакам, например:

- внешние и внутренние по отношению к должнику;
- правовые, социально-экономические, техногенные, финансовые;
- поведенческие – модели действий участников процесса банкротства (кредиторов, собственников, уполномоченных органов, консалтинговых компаний (посредников), потенциальных покупателей проблемного бизнеса) при ухудшении финансового состояния должника и т. д.

Углубленный подход предполагает выделение релевантных ситуации классификационных признаков и последующую группировку причин объективного банкротства в соответствии с ними. При необходимости возможно ранжирование признаков и причин по частоте возникновения, величине потенциального ущерба и т. д.

В качестве методического подхода для выявления и анализа причин объективного банкротства нами

¹³ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Постановление Пленума Верховного суда РФ № 53 от 21.12.2017. П. 9. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/ (дата обращения: 15.11.2019).

предлагается комплексная процедура, включающая элементы технического, юридического, финансового, кадрового, налогового аудита, ориентированного на углубленное понимание факторов, провоцирующих кризис в компании и наступление объективного банкротства. Возможно выделение следующих агрегированных блоков для выявления признаков и на этой основе причин объективного банкротства:

- 1) рынок (внешние условия деятельности);
- 2) внутренние бизнес-процессы;
- 3) материальные, трудовые, административные ресурсы;
- 4) финансы.

Группировка факторов, которые могут привести к появлению признаков объективного банкротства, и оценка их влияния могут быть представлены в следующем виде (см. табл.).

Подобный перечень и группировка факторов, которые могут оказать влияние на финансово-экономическое состояние организации, создают основу для вывода о доминировании внешних либо внутренних причин, либо воздействию комбинации внешних и внутренних причин (с указанием конкретных) на наступление объективного банкротства компании.

В целом в методических подходах к выявлению причин объективного банкротства компаний должен сочетаться технический экспресс-анализ и углубленное (расширенное) изучение финансово-экономических, организационных, управленческих, инвестиционных составляющих деятельности проблемных или несостоятельных компаний. Они предполагают классификацию причин по релевантным для каждого случая признакам, ранжирование причин по частоте возникновения, величине потенциального ущерба и пр. Современные методики анализа также должны содержать подходы к анализу сделок, способствовавших появлению признаков «объективного банкротства» или спровоцировавших его.

Таким образом, в основе обновления методик анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства должен быть переход к рыночной или смешанной модели анализа, включающей не только и не столько бухгалтерские показатели, сколько оценку внешних и внутренних факторов, приведших к несостоятельности. Это позволит:

– сосредоточиться не на последствиях кризиса (негативных изменениях активов и пассивов, появлении

убытков, просроченной задолженности и т. п.), а на выявлении факторов, приведших к несостоятельности, обосновании предпосылок, при которых предприятие может восстановить платежеспособность;

– точнее определить стоимость имущества должника, момент наступления объективного банкротства, при необходимости – размер конкурсной массы [6, 7].

По нашему мнению, в настоящее время целесообразна разработка детального современного инструментария, позволяющего стандартизировать работу по проведению финансового анализа: в частности, аналитических таблиц, требующих заполнения. Это обеспечит наглядность и прозрачность обоснований, создаст основу стандартизации представления информации и принятия решений, явится первым шагом в разработке релевантных аналитических программных продуктов.

Порядок определения даты объективного банкротства

Уход от чисто «бухгалтерского» подхода, комплексный учет реальных условий деятельности должника, размера его обязательств и рыночной стоимости имущества позволяют в каждом конкретном случае более точно выявить момент наступления финансовых затруднений и несостоятельности.

Определение даты объективного банкротства предполагает проведение системного исследования, включающего следующие шаги.

Первый шаг – анализ финансового состояния должника, выявление периодов ухудшения показателей и начала превышения обязательств над реальной стоимостью имущества:

– выделение релевантных обобщающих (интегральных, результирующих) показателей. Наиболее востребованными среди этих показателей могут быть: прибыль (убыток), выручка, размер активов, соотношение заемных и собственных средств, а также более сложные показатели, такие как сумма прибыли до вычета процентов за кредит и налогов и амортизации (ЕБИТДА), экономическая добавленная стоимость (ЕВА), рыночная добавленная стоимость (МВА) и пр. [42, 43];

– обобщенная (интегральная) оценка результатов деятельности компании на основе результирующих валовых (стоимостных) и относительных (коэффициентов) в динамике не менее чем за три года до подачи заявления о банкротстве. Оценка результатов включает выявление трендов:

Факторы, способствующие наступлению объективного банкротства

Factors of objective bankruptcy

Группа факторов / Groups of factors	Воздействие / Impact	Оценка влияния / Estimation of the impact
Внешние / External	– на рынок продукции (товаров, услуг): изменение емкости рынка; усиление конкуренции; снижение спроса, цен на продукцию, рыночной доли; разрыв контрактов, сокращение госконтрактов; возникновение зависимости от узкой группы покупателей... / on the market of goods (services): changing the market capacity; increasing competitiveness; reduction of demand, goods prices, market share; termination of contracts, reduction of government contracts; dependence on a narrow group of customers...	
	– государственное регулирование видов деятельности должника (нормативно-правовое, нормативно-техническое – СНИП, ГОСТ); ограничения возможности обращения взыскания на залог (имущество ГУП/МУП, предметы лизинга, социальные объекты); лишение или приобретение особого статуса предприятия (градообразующего, сельскохозяйственного, стратегического, субъекта естественных монополий, застройщика...) / state regulation of the debtor's types of activity: (normative-legal, normative technical – SNiP, GOST); limited opportunities for enforcement of a charge (company property, leased objects, social facilities); forfeiture or acquisition of a special status of a company (town-forming, agricultural, strategic, natural monopoly subject, developer...)	
	– экономические условия региона (инвестиционный климат, особенности финансового состояния региона, стихийные бедствия, техногенные катастрофы) / economic conditions of a region (investment climate, features of financial condition of the region, natural disasters, anthropogenic disasters)	
	– валютный курс и необходимость повышения отпускных цен на продукцию должника в случае наличия импортного сырья, комплектующих и прочих элементов бизнеса заемщика... / currency rate and the need to increase the selling prices for debtor's goods in case of availability of imported raw materials, components and other elements of the borrower's business	
	– рынок сырья и материалов: объемы поставок; уровень цен на сырье, материалы, комплектующие; усиление зависимости от дефицитного (импортного и/или производимого узкой группой поставщиков) сырья; повышение тарифов; введение санкций и сокращение доступа к импортным составляющим производства... / raw materials market: supply volumes; prices for raw materials, components; increased dependence on deficit raw materials (imported and/or produced by a narrow group of suppliers); increased tariffs; introduction of sanctions and reduced access to imported components...	
	– ...	
Ошибки и изменения в бизнес-процессах / Errors and changes in business processes	– ошибки в системе управления (неадекватная стратегия, не отлажена вертикаль принятия решений и взаимодействие между подразделениями, не разнесены конфликты интересов) / errors in management system (inadequate strategy, unregulated vertical of decision making and interaction between divisions, uncoordinated conflicts of interests)	
	– завышенные бизнес-планы; слабая постановка текущего планирования / overstated business plans; weak current planning	
	– несоответствие производственной структуры целям и задачам должника / inconsistency between production structure and aims and tasks of a debtor	
	– высокий удельный вес непроизводственной сферы и объема затрат на их содержание / high unit weight of non-production sphere and expenses for its maintenance	
	– неверная ассортиментная политика / wrong assortment policy	
	– несоответствие продукции международным стандартам качества, СНИПам, ГОСТам, лучшим мировым образцам, экологическим нормам / incompliance of the production with international quality standards, SNiPs, GOSTs, best practices, environmental norms	
	– неверная политика продвижения продукции, маркетинга, в результате – излишки запасов готовой продукции / wrong promotion and marketing policy, resulting in excess production	
	– неверная закупочная политика (необоснованные цены, объемы закупок) / wrong purchasing policy (unjustified prices and volumes of purchases)	
	– ошибки в управлении запасами (готовой продукции, сырья и материалов) / mistakes in stock management (ready goods, raw materials)	
	– ошибки в инвестиционной деятельности (слишком амбициозная и агрессивная, неправильно сформирован портфель проектов, неверная оценка эффективности проектов, сроков их реализации, недобросовестность поставщиков, подрядчиков, субподрядчиков) / mistakes in investment activity (too ambitious and aggressive, incorrect project portfolio, wrong estimation of project efficiency and terms of their implementation, bad faith of suppliers, contractors, subcontractors)	
	– устаревшие технологии IT-обеспечения, в том числе неинформативный сайт / obsolete IT provision, including uninformative website	
	– ...	

Продолжение табл. / Continuation of the Table

Группа факторов / Groups of factors	Воздействие / Impact	Оценка влияния / Estimation of the impact
Ресурсная база / Resource base	<p>Материальная база / Material base:</p> <ul style="list-style-type: none"> – изменения во внеоборотных активах в связи с авариями, чрезвычайными ситуациями (взрывы, пожары, эпидемии в животноводческих отраслях и т. д.) / changes in noncurrent assets due to accidents, emergencies (explosions, fires, epidemics in agriculture, etc.); – выход из строя оборудования, опоздание с введением в строй нового оборудования / failure of equipment, late launching of new equipment; – контрпродуктивный вывод активов / counterproductive withdrawal of assets; – отсутствие производственной площадки, подъездных путей, нехватка энергоносителей и т. п. / lack of production sites, access routes, energy sources, etc.; – разрыв договоров аренды / termination of rent contracts; – увеличение сроков незавершенного строительства / increased terms of unfinished construction; – изменения в нематериальных активах / changes in intangible assets; – нехватка запасов сырья, материалов, комплектующих / lack of stocks, materials, components; – излишки запасов в незавершенном производстве из-за несовершенства технологий / surpluses of stocks in unfinished production due to imperfect technologies; – отсутствие (нехватка) активов, необходимых для основной деятельности / lack (deficit) of assets needed for basic activity <p>Персонал / Personnel:</p> <ul style="list-style-type: none"> – завышение численности персонала / overstated number of personnel; – низкая квалификация персонала / low qualification of personnel; – нехватка персонала и проблемы с его подбором в регионе / lack of personnel and problems with selecting it in the region; – завышенные расходы на персонал / overstated expenses for personnel <p>Административный ресурс / Administrative resource:</p> <ul style="list-style-type: none"> – незаинтересованность региональных властей в данном виде производства, отсутствие поддержки / lack of interest of the regional authorities in this type of production, lack of support; – невыполнение региональными властями своих обязательств по развитию инфраструктуры (подъездные пути, электро-, водо-, газоснабжение) / unfulfillment by the regional authorities of their obligations in developing infrastructure (access routes, electricity, water and gas supply) <p>– ...</p>	
Нехватка финансовых ресурсов / Lack of financial resources	<ul style="list-style-type: none"> – с удорожанием сырья, материалов, комплектующих / increased prices for raw materials and components; – ошибками в расчетах при обосновании целесообразности инвестиционных проектов / mistakes in calculations when substantiating the practicability of investment projects <p>– недостатком собственных финансовых ресурсов из-за / lack of own financial resources due to:</p> <ul style="list-style-type: none"> – убытков / losses; – распределения всей прибыли на дивиденды / distribution of profit as dividends; – неправильного планирования потребностей / incorrect planning of needs <p>– нехваткой заемных источников финансирования / lack of loan financing sources:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нецелевым использованием / inexpedient use; – неправильно рассчитанной потребностью / incorrectly calculated demand; – выданными должником гарантиями и поручительствами / guarantees and bails issues by the debtor; – пересечением залоговых прав в нескольких банках / intersection of loan rights in several banks <p>– высоким уровнем леведреджа / high leverage</p> <p>– изменением доли долга, номинированного в валюте, в общей величине долга по сравнению с изменением доли валютной выручки в общем объеме выручки / change of the debt share, nominated in the currency, in the total amount of debt, compared to the share of currency income in the total income</p> <p>– изменением доли валютных расходов в общем объеме расходов по сравнению с долей валютной выручки в общем объеме выручки / change of the share of currency expenses in the total amount of expenses, compared to the share of currency income in the total income</p> <p>– увеличением доли финансовых вложений в аффилированные компании, дебиторской/кредиторской задолженности аффилированных компаний / increased share of financial investment in the affiliated companies, debt/credit liabilities of the affiliated companies</p> <p>– неадекватной политикой управления дебиторской задолженностью, высокой доли сомнительной и безнадежной дебиторской задолженности / inadequate policy of debt management, high share of doubtful and uncollectible receivables</p> <p>– ростом коммерческих, управленческих, внебюджетных и прочих расходов / growth of commercial, managerial, non-marketing and other expenses:</p> <ul style="list-style-type: none"> – неуправляемым / uncontrolled; – плавным / smooth 	

Окончание табл. / End of the Table

Группа факторов / Groups of factors	Воздействие / Impact	Оценка влияния / Estimation of the impact
	– завышением численности персонала, фонда оплаты труда, стимулирующих выплат работникам / overstated number of personnel, wages fund, incentives to employees	
	– несоответствием уровня отпускных цен на готовую продукцию должника динамике инфляции / inconsistency between the release prices for debtor's ready products and the inflation dynamics	
	– неэффективными финансовыми вложениями и доходными вложениями в материальные ценности / inefficient financial investments and profitable investments into tangibles	
	– необоснованностью сумм, представленных в виде налога на добавленную стоимость по приобретенным ценностям / unjustified value-added taxes for purchased valuables	
	– неудачным использованием производных финансовых инструментов / improper use of derivative financial tools	
	– ...	

Источник: составлено авторами на основе расширения и добавления списка факторов, представленного А. З. Бобылевой в работе [41, с. 317–323].

Source: compiled by the authors based on the increased and complemented list of factors presented by A. Z. Bobyleva in [41, pp. 317–323].

– роста или падения к предыдущему периоду;
– отставания от экономически обоснованного плана;

– при использовании относительных показателей – отличий от «нормативов», к которым могут относиться рассчитанные самой компанией плановые величины показателей либо установленные кредитором (как правило, банком) индикаторы устойчивости;

– определение реальной стоимости имущества, для чего целесообразно использовать п. 11 Федерального стандарта оценки № 8, согласно которому стоимость предприятия равна разности между приведенной рыночной стоимостью всех активов и приведенной стоимостью обязательств¹⁴.

Периодичность расчета показателей зависит от доступности информации, вида деятельности компании. При выявлении «подозрительного периода», например, года, внутри этого периода по возможности целесообразно рассмотреть динамику с шагом один месяц.

Таким образом, на первом шаге на основе анализа результирующих показателей устанавливается момент, когда происходит превышение совокупного

размера обязательств компании над реальной стоимостью ее активов.

Второй шаг – выявление причин ухудшения финансового состояния. Он предполагает рассмотрение признаков ухудшения финансово-экономических показателей по рассмотренным выше группам: внешние условия деятельности; внутренние бизнес-процессы; материальные, трудовые, административные, финансовые ресурсы. Для этого могут использоваться частные, косвенные показатели. Их перечень может значительно варьироваться, однако наиболее востребованными могут быть следующие:

– емкость рынка; доля заемщика на рынке; конкурентоспособность должника;

– динамика объемов производства и продаж; соответствие технологий международным стандартам, ГОСТам; выполнение обязательств подрядчиками, субподрядчиками, поставщиками; возможность и целесообразность завершения инвестиционных проектов;

– производственные мощности (динамика, износ, срок полезного действия); запасы сырья и материалов, готовой продукции, незавершенного производства; среднесписочная численность и структура персонала;

– соотношение дебиторской и кредиторской задолженности; доходность бизнеса (рентабельность продаж, рентабельность активов); ликвидность (коэффициенты текущей, критической ликвидности);

¹⁴ Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка бизнеса (ФСО № 8)»: Приказ Минэкономразвития России № 326 от 01.06.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180654/ (дата обращения: 12.12.2019).

показатели обеспеченности обязательств активами, собственными оборотными средствами.

Наряду с названными показателями, особое внимание при анализе следует уделять динамике просроченной кредиторской задолженности и величине непокрытого убытка. В частности, целесообразно сравнение динамики роста кредиторской задолженности с ростом выручки, увеличением масштабов производства, рассмотрение динамики их изменения в привязке к времени года, что позволило бы учесть реальные обстоятельства компании. Например, даже при наличии «бухгалтерских» признаков банкротства наступление объективного банкротства может не признаваться, если:

– кредиторская задолженность сокращается темпами, опережающими темп снижения выручки, или наблюдается другое их благоприятное соотношение (например, выручка растет, но кредиторская задолженность снижается более быстрыми темпами). Это может свидетельствовать об ускоренном по сравнению с прошлым периодом погашении обязательств, стремлением должника рассчитаться с обязательствами и восстановить платежеспособность;

– в «подозрительный период» были заключены и реализовывались крупные договоры с заказчиками, позволяющие обоснованно рассчитывать на получение выручки, росли активы, реализовывался бизнес-план по улучшению деятельности компании, осуществлялось своевременное перечисление зарплаты сотрудникам, выполнение прочих социальных обязательств перед работниками, в том числе сокращенными. Это может свидетельствовать о добросовестности, «разумности» руководителя, «адекватности» его поведения с точки зрения среднестатистического руководителя;

– происходит оптимизация запасов: сырья, материалов, комплектующих, готовой продукции. Это может свидетельствовать о повышении эффективности деятельности;

– объективная информация свидетельствует о том, что:

а) действия руководства, в том числе заключение сделок, были совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов, отвечали разумности, являлись попыткой должника исправить ситуацию;

б) контрагенты должника, в свою очередь, продолжали заключать договоры даже при просрочке

выплат должником, т. е. оценивали ситуацию как не выходящую за пределы обычного делового риска;

– причиной просроченной кредиторской задолженности являлся не недостаток денежных средств, а правовые споры, сложное принятие работ из-за погодных условий и прочих указанных выше обстоятельств;

– доказано, что фактический возврат малых сумм путем продажи имущества в банкротстве причинил бы больше вреда кредиторам, чем отсрочка выплат при попытке восстановления деятельности должника и т. п.

Третий шаг – анализ сделок, которые могли способствовать наступлению объективного банкротства или спровоцировать его. Таким образом, на втором и третьем шаге устанавливаются причины ухудшения финансового состояния и сделки, создавшие риски наступления объективного банкротства. Это позволяет оценить принятые руководством меры для вывода компании из кризиса, их реалистичность и результативность.

Четвертый шаг – оценка действий руководителя – включает проверку наличия:

– экономически обоснованной системы мер (плана) в соответствии с причинами кризиса;

– аргументированного расчета на преодоление возникших проблем в разумный срок на основе намеченного плана;

– реальных усилий руководителя, направленных на достижение результата и ликвидацию признаков объективного банкротства (в первую очередь обеспечение превышения реальной стоимости активов над совокупным размером обязательств, сокращение (ликвидацию) просроченных обязательств, убытков).

Если подобных действий руководителя не прослеживается или требуемые результаты не достигаются ввиду неадекватности предпринимаемых мер, то датой объективного банкротства следует считать момент, установленный на первом шаге системного исследования.

Если действия руководителя оценены положительно, получен желаемый результат, то, несмотря на выявленные на первом шаге признаки банкротства, возможен вывод: объективное банкротство не подтверждается, ухудшение финансового состояния, выявленное на первом этапе, рассматривается как временное.

Другим результатом исследования может быть подтверждение объективного банкротства с уточнением

момента его наступления. Такой вывод возможен, если усилия руководителя на достижение результата и ликвидацию признаков объективного банкротства дали частичный, временный результат: показатели деятельности улучшились, кредиторская задолженность и убытки снижены, но улучшения оказались краткосрочными, затем опять образовался понижающийся тренд, который невозможно остановить. Моментом объективного банкротства в этом случае следует считать начало нового понижающегося тренда.

Таким образом, предлагаемый порядок определения даты объективного банкротства позволяет получить три возможных вывода:

1) если руководитель выполнил экономически обоснованный план и сумел восстановить деятельность в разумный срок, то объективное банкротство не подтверждается, ухудшение финансового состояния, выявленное на первом этапе анализа, рассматривается как временное;

2) если усилия руководителя по восстановлению деятельности дали частичный, временный результат (показатели деятельности улучшились, кредиторская задолженность и убытки снизились), но улучшения оказались краткосрочными, то моментом объективного банкротства следует считать начало нового понижающегося тренда;

3) если усилий по восстановлению деятельности не предпринималось или они не были экономически обоснованы, не предполагали реализацию в разумный срок, то датой объективного банкротства следует считать момент необратимого ухудшения состояния, установленный на основе проведенного финансового анализа.

Привлечение к субсидиарной ответственности при объективном банкротстве

Использование понятия «объективное банкротство» дает новые возможности для уточнения величины субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и даты ее наступления.

Наиболее значимым для практики, обобщающим предыдущие формулировки является п. 9 Постановления № 53, который разъясняет: если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности не свидетельствовало об объективном банкротстве, а он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно

рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполнил экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

В целом можно заключить, что для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о банкротстве должника определяющим становится «добросовестность и разумность руководителя», «нормальность», адекватность его делового поведения с точки зрения среднестатистического руководителя, действующего в аналогичных обстоятельствах. Несмотря на наличие ряда научных исследований, посвященных содержанию фидуциарных обязанностей юридического лица в отношении кредиторов [44, 45], реализации принципа добросовестности в действиях руководителя [46, 47], применение критериев, установленных для объективного банкротства, требует более широкого подхода по сравнению с используемыми сейчас Правилами финансового анализа, более глубокой финансово-экономической грамотности арбитражных управляющих, судей и прочих участников процесса банкротства. В то же время следует учитывать, что данные критерии допускают субъективный подход при определении условий и даты объективного банкротства, могут увеличить число оспариваемых судебных решений.

Выводы

Исследование показало, что действующие методические подходы и экономические показатели, традиционно используемые при анализе финансового состояния компании, имеющей признаки неплатежеспособности, не способствуют объективному определению как момента ее наступления, так и преодоления тяжелого экономического положения.

Введение в 2017 г. понятия «объективное банкротство» позволило сделать шаг вперед в выявлении реальных банкротств и момента их наступления: суды уходят от формальной трактовки признаков банкротства и учитывают при принятии решения специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызва-

ны преодолимыми временными обстоятельствами¹⁵. Тем не менее многие вопросы, связанные с доказательством наступления объективного банкротства, остаются дискуссионными.

Снижению неопределенности при установлении признаков объективного банкротства и причин его наступления будет способствовать тщательное исследование следующих составляющих: финансового состояния должника, совокупности сделок, которые могли спровоцировать кризисную ситуацию, ее переход в стадию объективного банкротства; мер, которые

принимало руководство для вывода компании из кризиса; реалистичности этих мер.

В целом, по нашему мнению, методические подходы к выявлению объективного банкротства и даты его наступления должны содержать рассмотренные выше формальный экспресс-анализ и углубленный, (расширенный): они не противоречат, а дополняют друг друга, обеспечивают комплексность исследования, системное объяснение причин объективного банкротства, даты его наступления и обоснование размера субсидиарной ответственности.

Список литературы

1. Бобылева А. З. Проведение анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства: проблемы и решения // Право и экономика. 2017. № 11. С. 26–32.
2. Пятов М. Л. Оценка платежеспособности компаний: истоки методологии // Бухгалтерский учет. 2017. № 6. С. 81–91.
3. Львова Н. А., Покровская Н. В. Финансовый анализ неплатежеспособных предприятий: роль бухгалтерской и налоговой отчетности // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 18 (252). С. 19–28.
4. Рудакова О. Ю., Рудакова Т. А. Полнота и достоверность финансового анализа должника в процедурах банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2013. № 1 (76). С. 76–83.
5. Швецов Ю. Г., Сабельфельд Т. В. К вопросу о соотношении понятий «ликвидность» и «платежеспособность предприятия» // Финансы. 2009. № 7. С. 59–61.
6. Бобылева А. З. Проект Федерального стандарта проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 2. С. 43–47.
7. О концепции проведения арбитражным управляющим анализа финансово-экономического состояния должника / А. З. Бобылева, Е. Н. Жаворонкова, О. А. Львова и др. // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 10. С. 71–79.
8. Lvova O. Financial analysis of distressed companies in emerging countries: Methodological approaches // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth. Norristown. 2017. Pp. 1717–1727.
9. Гудкова О. Е. Заключение о наличии (отсутствии) оснований для оспаривания сделок должника // Арбитражный управляющий. 2017. № 1. С. 86–89.
10. Бернштейн Л. Анализ финансовой отчетности: теория, практика и интерпретация / пер. с англ. под ред. Я. В. Соколова. М.: Финансы и статистика, 2003. 624 с.
11. Хиггинс Р. С., Раймерс М. Финансовый анализ: инструменты для принятия бизнес-решений: пер. с англ. М.: Вильямс, 2007. 463 с.
12. Хелферт Э. А. Техника финансового анализа: пер. с англ. 10-е изд. СПб.: Питер, 2003. 640 с.
13. Шеремет А. Д., Негашев Е. В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ «Инфра-М», 2013. 208 с.
14. Шеремет А. Д., Ковалев А. П. Функционально-стоимостной анализ: учебное пособие. М.: Экономический факультет МГУ, 2017, 204 с.
15. Соколов Я. В., Пятов М. Л. Бухгалтерский учет для руководителя. М.: Проспект, 2006. 231 с.

¹⁵ Определение Верховного суда Российской Федерации от 29.03.2018 по делу № 306-ЭС17-13670(3). С. 4. URL: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/161f6e31-2290-45e7-ac65-fc569a1ed965/d68a6881-bfbc-41ab-acf7-2db78198060e/A12-18544-2015_20180329_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.12.2019).

16. Ковалев В. В. Финансовый анализ: методы и процедуры. М., 2002. 560 с.
17. Jardin P. Predicting Bankruptcy Using Neural Networks and Other Classification Methods: The Influence of Variable Selection Techniques on Model Accuracy // Proceedings of the Second European Symposium on Time Series Prediction. Helsinki University of Technology, Porvoo, Finland. 2010. Pp. 271–284.
18. Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy // Journal of Finance. 1968. № 23 (4). Pp. 589–609.
19. Zeta analysis: a new model to identify bankruptcy risk of corporation / E. I. Altman, R. G. Haldeman, P. Narayanan // Journal of Banking and Finance. 1977. № 1. Pp. 29–54.
20. Beaver W. Financial ratios as predictors of failure // Journal of Accounting Research. 1966. № 4. Pp. 71–111.
21. Have financial statements become less informative? Evidence from the ability of financial ratios to predict bankruptcy / W. Beaver, M. McNichols, J. Rhie // Review of Accounting Studies. 2005. № 10 (1). Pp. 93–122.
22. Platt H. D., Platt M. B. Financial distress comparison across three global regions // Journal of Risk and Financial Management. 2008. № 1 (1). Pp. 129–162.
23. Taffler R. J. Forecasting company failure in the UK using discriminant analysis and financial ratio data // Journal of the Royal Statistical Society: Series A (General). 1982. Т. 145, № 3. Pp. 342–358.
24. Zmijewski M. Methodological issues related to the estimation of financial distress prediction models // Journal of Accounting research. 1984. Vol. 22 (Supplement). Pp. 59–82.
25. Зайцева О. П. Антикризисный менеджмент в российской фирме // Сибирская финансовая школа. 1998. № 11–12. С. 66–73.
26. Давыдова Г. В., Беликов А. Ю. Методика количественной оценки риска банкротства предприятий // Управление риском. 1999. № 3. С. 13–20.
27. Коссова Т. В., Коссова Е. В. Оценка кредитного риска компаний российского корпоративного сектора на основе прогнозирования вероятности дефолта по обязательствам // Проблемы анализа риска. 2011. Т. 8, № 2. С. 68–78.
28. Помазанов М. В., Колоколова О. В. Разработка формулы вероятности банкротства компании на базе показателей бухгалтерской отчетности // Оперативное управление и стратегический менеджмент в коммерческом банке. 2004. № 6. С. 65–84.
29. Стресс-тестирование компаний реального сектора для России: первый подход (методологические аспекты) / В. А. Сальников, А. Н. Могилат, И. Ю. Маслов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 4 (16). С. 46–70.
30. Модели прогнозирования банкротства: особенности российских предприятий / Е. А. Федорова, Е. В. Гиленко, С. Е. Довженко // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2 (137). С. 85–92.
31. Bonbright J. C., Pickett C. Valuation to Determine Solvency Under the Bankruptcy Act // Columbia Law Review. 1929. Vol. 29, № 5. Pp. 582–622.
32. Heaton J. B. Solvency tests // The business lawyer. 2007. Vol. 62, № 3. Pp. 983–1006.
33. Parkinson M. M. Corporate governance during financial distress – an empirical analysis // International Journal of Law and Management. 2016. Vol. 58, № 5. Pp. 486–506.
34. Small-and medium-enterprises bankruptcy dataset / M. Zoricak, P. Drotar, P. Gnip, V. Gazda // Data in brief. 2019. Vol. 25. Pp. 1–6.
35. Schweizer L., Nienhaus A. Corporate distress and turnaround: integrating the literature and directing future research // Business Research. 2017. Т. 10, № 1. Pp. 3–47.
36. Damijan J. P. Corporate financial soundness and its impact on firm performance: Implications for corporate debt restructuring in Slovenia // Post-Communist Economies. 2018. Vol. 30, № 2. Pp. 156–192.
37. Analysis of financial distress cross countries: Using macroeconomic, industrial indicators and accounting data / L. Khoja, M. Chipulu, R. Jayasekera // International Review of Financial Analysis. 2019. Vol. 66 (101379). Pp. 1–12.
38. Kaplan S. N., Ruback R. S. The valuation of cash flow forecasts: An empirical analysis // The journal of Finance. 1995. Vol. 50, № 4. Pp. 1059–1093.
39. Hotchkiss E. S. Postbankruptcy performance and management turnover // The Journal of Finance. 1995. Vol. 50, № 1. Pp. 3–21.
40. Улезко А. Привлечение к ответственности лиц, контролирующих должника // Банковское обозрение. 2018. № 1 (9). С. 61–65.
41. Бобылева А. З. Управление устойчивым развитием бизнеса // Государственное управление: Россия в глобальной политике: материалы XVII Международной конференции (16–18 мая 2019 г.). М.: КДУ, Университетская книга, 2019. 878 с. URL: http://spa.msu.ru/uploads/files/nautchnaja_dejatelnost/materiali_17_i_mejdunarodnoi_konferenzii_gosudarstvennoe_upravlenie_v_xxi_veke.pdf#3 (дата обращения: 05.01.2020).
42. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов. 12-е изд. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 1008 с.

43. Финансовый менеджмент: проблемы и решения / под ред. А. З. Бобылевой. 3-е изд., перераб. и доп. Ч. 1. М.: Юрайт, 2018. 547 с.
44. Яровой Д. О. Фидуциарные обязанности в банкротстве: ограничения исполнения // Государство и бизнес. 2018. С. 104–108.
45. Григорьев К. М., Хаваяшхов А. А. Фидуциарные обязанности в российском и английском праве // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2015. № 1. С. 64–71.
46. Сахарова Ю. В. Правовые проблемы реализации принципа добросовестности в процессе банкротства // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2. С. 44–49.
47. Текутьев Д. И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М.: Статут, 2017. 176 с.

References

1. Bobyleva A. Z. Analysis of the financial condition of the debtor in bankruptcy proceedings: problems and solutions, *Pravo i ekonomika*, 2017, No. 11, pp. 26–32 (in Russ.).
2. Pyatov M. L. Estimating the solvency of companies: sources of methodology, *Bukhgalterskii uchet*, 2017, No. 6, pp. 81–91 (in Russ.).
3. Lvova N. A., Pokrovskaya N. V. Financial analysis of insolvent companies: the role of financial and tax reporting, *Financial analytics: science and experience*, 2015, No. 18 (252), pp. 19–28 (in Russ.).
4. Rudakova O. Y., Rudakova T. A. Completeness and accuracy of the debtor financial analysis in bankruptcy proceedings, *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2013, No. 1 (76), pp. 76–83 (in Russ.).
5. Shvetsov Y. G., Sabelfeld T. V. On the correlation between “liquidity” and “solvency of a company”, *Finansy*, 2009, No. 7, pp. 59–61 (in Russ.).
6. Bobyleva A. Z. Draft Federal Standard for the Arbitration Manager to analyze the financial condition of the debtor, *Effektivnoye antikrizisnoye upravleniye*, 2016, No. 2, pp. 43–47 (in Russ.).
7. Bobyleva, A., Zhavoronkova, E., Lvova, O., Kholina, M. About the concept of an arbitration manager analysis of financial position of the debtor, *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, 2015, No. 10 (169), pp. 71–79 (in Russ.).
8. Lvova O. Financial analysis of distressed companies in emerging countries: Methodological approaches, *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2017 – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth*, Norristown, 2017, pp. 1717–1727.
9. Gudkova O. E. Conclusion of the presence (absence) of grounds for contestation debtor’s transactions, *Arbitrazhnyy upravlyayushchiy*, 2017, No. 1, pp. 86–89 (in Russ.).
10. Bernstein L. *Analysis of financial reporting: theory, practice and interpretation*. Moscow, Finance and Statistics, 2003, 624 p. (in Russ.).
11. Higgins R. S., Raimers M. *Financial analysis: tools for making business-decisions*, Moscow, Williams, 2007, 446 p. (in Russ.).
12. Helfert E. A. *Technique of financial analysis*, Saint Petersburg, Peter, 2003, 640 p. (in Russ.).
13. Sheremet A. D., Negashev E. V. *Methodology of financial analysis of commercial companies’ performance*, Moscow, SIC "Infra-M", 2013, 208 p.
14. Sheremet A. D., Kovalev A. P. *Functional-cost analysis*, Moscow, Faculty of Economics of the Lomonosov MSU, 2017, 204 p. (in Russ.).
15. Sokolov Y. V., Pyatov M. L. *Accounting for a manager*, Moscow, Publishing House Prospect, 2006, 231 p. (in Russ.).
16. Kovalev V. V. *Financial analysis: methods and procedures*, Moscow, 2002, 560 p. (in Russ.).
17. Jardin P. Predicting Bankruptcy Using Neural Networks and Other Classification Methods: The Influence of Variable Selection Techniques on Model Accuracy, *Proceedings of the Second European Symposium on Time Series Prediction*, Helsinki University of Technology, Porvoo, Finland, 2010, pp. 271–284.
18. Altman E. I. Financial ratios, discriminant analysis and the prediction of corporate bankruptcy, *Journal of Finance*, 1968, No. 23 (4), pp. 589–609.
19. Altman E. I., Haldeman R. G., Narayanan P. Zeta analysis: a new model to identify bankruptcy risk of corporations, *Journal of Banking and Finance*, 1977, No. 1, pp. 29–54.
20. Beaver W. Financial ratios as predictors of failure, *Journal of Accounting Research*, 1966, No. 4, pp. 71–111.
21. Beaver W., McNichols M., Rhie J. Have financial statements become less informative? Evidence from the ability of financial ratios to predict bankruptcy, *Review of Accounting Studies*, 2005, No. 10 (1), pp. 93–122.

22. Platt H. D., Platt M. B. Financial distress comparison across three global regions, *Journal of Risk and Financial Management*, 2008, No. 1 (1), pp. 129–162.
23. Taffler R. J. Forecasting company failure in the UK using discriminant analysis and financial ratio data, *Journal of the Royal Statistical Society: Series A (General)*, 1982, Vol. 145, No. 3, pp. 342–358.
24. Zmijewski M. Methodological issues related to the estimation of financial distress prediction models, *Journal of Accounting research*, 1984, Vol. 22 (Supplement), pp. 59–82.
25. Zaitseva O. P. Anticrisis management in a Russian company, *Siberian Financial School*, 1998, No. 11–12, pp. 66–73 (in Russ.).
26. Davydova G. V., Belikov A. Y. Methodology of quantitative assessment of bankruptcy risk of companies, *Upravlenie riskom*, 1999, No. 3, pp. 13–20 (in Russ.).
27. Kossova T. V., Kossova E. V. Estimating the credit risk of companies of the Russian corporate sector based on predicting the probability of default by liabilities, *Issues of risk analysis*, 2011, Vol. 8, No. 2, pp. 68–78 (in Russ.).
28. Pomazanov M. V., Kolokolova O. V. Developing the formula of a company bankruptcy probability based on accounting indicators, *Operativnoe upravlenie i strategicheskii menedzhment v kommercheskom banke*, 2004, No. 6, pp. 65–84 (in Russ.).
29. Salnikov V. A., Mogilat A. N., Maslov I. Y. Stress Testing for Russian Real Sector: First Approach, *Journal of the New Economic Association*, 2012, No. 4 (16), pp. 46–70 (in Russ.).
30. Fedorova E. A., Gilenko E. V., Dovzhenko S. E. Models for bankruptcy forecasting: Case study of Russian enterprises, *Problemy prognozirovaniya*, 2013, No. 2 (137), pp. 85–92 (in Russ.).
31. Bonbright J. C., Pickett C. Valuation to Determine Solvency Under the Bankruptcy Act, *Columbia Law Review*, 1929, Vol. 29, No. 5, pp. 582–622.
32. Heaton J. B. Solvency tests, *The business lawyer*, 2007, Vol. 62, No. 3, pp. 983–1006.
33. Parkinson M. M. Corporate governance during financial distress – an empirical analysis, *International Journal of Law and Management*, 2016, Vol. 58, No. 5, pp. 486–506.
34. Zoricak M., Drotar P., Gnip P., Gazda V. Small-and medium-enterprises bankruptcy dataset, *Data in brief*, 2019, Vol. 25, pp. 1–6.
35. Schweizer L., Nienhaus A. Corporate distress and turnaround: integrating the literature and directing future research, *Business Research*, 2017, Vol. 10, No. 1, pp. 3–47.
36. Damijan J. P. Corporate financial soundness and its impact on firm performance: Implications for corporate debt restructuring in Slovenia, *Post-Communist Economies*, 2018, Vol. 30, No. 2, pp. 156–192.
37. Khoja L., Chipulu M., Jayasekera R. Analysis of financial distress cross countries: Using macroeconomic, industrial indicators and accounting data, *International Review of Financial Analysis*, 2019, Vol. 66 (101379). Pp. 1–12.
38. Kaplan S. N., Ruback R. S. The valuation of cash flow forecasts: An empirical analysis, *The Journal of Finance*, 1995, Vol. 50, No. 4, pp. 1059–1093.
39. Hotchkiss E. S. Postbankruptcy performance and management turnover, *The Journal of Finance*, 1995, Vol. 50, No. 1, pp. 3–21.
40. Ulezko A. Liability of persons controlling a debtor, *Bankovskoye obozreniye*, 2018, No. 1 (9), pp. 61–65 (in Russ.).
41. Bobyleva A. Z. Managing sustainable development of business: *Public administration. Russia in the global policy: works of the 17th International conference (May 16–18, 2019)*, Moscow, University book, 2019, pp. 317–323, available at: http://spa.msu.ru/uploads/files/nauchnaja_deyatelnost/materiali_17_i_mejdunarodnoi_konferenzii_gosudarstvennoe_upravlenie_v_xxi_veke.pdf#3
42. Braille R., Myers S. *Principles of corporate finance*, Moscow, Olymp-Business, 2016, 1008 p. (in Russ.).
43. *Financial management: problems and solutions*, ed. A. Z. Bobyleva, Part 1, Moscow, Yurait, 2018, 547 p. (in Russ.).
44. Yarovoy D. O. Fiduciary obligations in bankruptcy: limitations of execution, *Gosudarstvo i biznes*, 2018, pp. 104–108. (in Russ.).
45. Grigoriev K. M., Khavayashkhov A. A. Fiduciary obligations in the Russian and English law, *Aksionerное obshchestvo: voprosy korporativnogo upravleniya*, 2015, No. 1, pp. 64–71. (in Russ.).
46. Sakharova Y. V. Legal Problems of Realization of the Principle of “Good Faith” in the Course of Bankruptcy, *Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2017, No. 2, pp. 44–49. (in Russ.).
47. Tekutiev D. I. *Legal mechanism of increasing the performance efficiency of corporate Board members*, Moscow, Statute, 2017, 176 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 20.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 02.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Бобылева А. З., Львова О. А., 2020

© Bobyleva A. Z., Lvova O. A., 2020

УДК 336.14:336.5:332.1:353(470.2)
JEL E62, H6, H7, O18, R1

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.40-56>

М. А. ПЕЧЕНСКАЯ¹

¹ Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Печенская Мария Александровна, кандидат экономических наук, заведующая лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук

Адрес: г. Вологда, ул. Гоголя, 49, тел.: +7 (8172) 59-78-10 (доб. 230)

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6067-2103>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-6618-2016>

Цель: выявление ключевых тенденций развития бюджетов региональных центров в период 2011–2018 гг. на примере Северо-Западного федерального округа в сравнении с общероссийскими тенденциями.

Методы: системный подход, метод сравнения, горизонтальный и вертикальный анализ финансовых коэффициентов, синтез.

Результаты: территориальное развитие играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития страны, улучшения социально-экономических показателей. Однако представить его невозможно без наличия соответствующей ресурсной базы органов власти, необходимой для реализации стратегических задач развития территорий. Сложившаяся система межбюджетных отношений привела к значительному сокращению собственных доходов территорий и сокращению их бюджетных возможностей. В статье выявлены ключевые тенденции и определены современные закономерности развития бюджетных систем региональных центров Северо-Западного федерального округа за 2011–2018 гг. Определена смена с 2014 г. тренда соотношения собственных доходов и безвозмездной финансовой помощи. На основании данных официальной статистики обосновано, что ключевой причиной изменения структуры доходов бюджетов региональных центров является сокращение поступлений от бюджетообразующего налога на доходы физических лиц вследствие законодательных корректировок механизма перераспределения нормативов отчислений от налога между уровнями бюджетной системы. Выявлен рост уровня долговой нагрузки региональных центров Северо-Западного федерального округа с 33 до 52 % собственных доходов. Показано усиление бюджетного риска сокращения финансирования социальной сферы и экономики города вследствие роста расходов на обслуживание муниципального долга, который в региональных центрах Северо-Западного федерального округа за 2011–2018 гг. увеличился в 14 раз при среднероссийском росте в 4 раза. Выявлено наращивание темпов централизации бюджетных расходов, которое проявилось в восьмикратном увеличении делегированных с вышестоящих уровней полномочий в бюджеты региональных центров СЗФО за период 2011–2018 гг.

Научная новизна: определены и обоснованы современные закономерности развития бюджетных систем региональных центров России и Северо-Западного федерального округа, в частности за 2011–2018 гг.

Практическая значимость: материалы статьи могут быть использованы преподавателями высших учебных заведений в процессе обучения, а научными сотрудниками – в качестве исследовательской базы. Также результаты исследования могут быть учтены при реализации бюджетного процесса на муниципальном уровне.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; город; местный бюджет; региональный центр; межбюджетные отношения; собственные доходы; муниципальный долг; местное самоуправление; развитие; дифференциация; дефицит

Благодарность: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2003.2020.6 «Финансовые механизмы стимулирования муниципального развития в контексте обеспечения экономического роста государства».

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Печенская М. А. Современные проблемы бюджетного развития региональных центров // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 40–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.40-56>

M. A. PECHENSKAYA¹

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

CONTEMPORARY PROBLEMS OF BUDGET DEVELOPMENT OF REGIONAL CENTERS

Mariya A. Pechenskaya, PhD (Economics), Head of Laboratory, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

Address: 49 Gogol Str., Vologda, tel.: +7 (8172) 59-78-10 (ext. 230)

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6067-2103>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/I-6618-2016>

Objective: to identify the key trends in the development of regional centers' budgets in 2011–2018 by the example of the North-Western federal district compared to general Russian trends.

Methods: system approach, comparison method, horizontal and vertical analysis of financial coefficients, synthesis.

Results: territorial development plays the key role in ensuring sustainable development and improving socio-economic indicators in the country. However, it is impossible without the appropriate resource base of the authorities, necessary for the implementation of strategic objectives for the territories' development. The current system of inter-budgetary relations has led to a significant reduction in the territories' revenues and a reduction in their budget opportunities. The article identifies the key trends and current development patterns of budget systems of the North-Western federal district regional centers for 2011–2018. It is determined that the ratio of own income and gratuitous financial assistance has changed since 2014. Based on the official statistics, it is proved that the key reason for changing the structure of regional centers' budget revenues is the reduction of revenues from the budget-forming tax on personal income due to legislative adjustments to the mechanism for redistributing tax deductions between the levels of the budget system. The increase in the level of debt burden of the North-Western federal district regional centers from 33 to 52 % of their own revenues was revealed. It is shown that the risk of budget reduction in the social sphere and economy financing increased due to the growing cost of servicing municipal debt, which in the North-Western federal district regional centers increased 14 times in 2011–2018, while the average growth in Russia in that period was four-fold. The increase in the rate of budget expenditures centralization was revealed, which was manifested in an eight-fold increase in the delegated authority from higher levels to the budgets of regional centers of the North-Western federal district in 2011–2018.

Scientific novelty: modern patterns of budget systems development of regional centers of Russia and the North-Western federal district are defined and justified, in particular for 2011–2018.

Practical significance: the materials of the article can be used by professors of higher educational institutions in the educational process, and by researchers as a research base. Also, the results of the study can be taken into account when implementing the budget process at the municipal level.

Keywords: Economics and national economy management; City; Local budget; Regional center; Inter-budgetary relations; Own revenues; Municipal debt; Local self-government; Development; Differentiation; Deficit

Acknowledgement: the work is prepared with the financial support of the Russian President's grant No. MK-2003.2020.6 "Financial mechanisms of stimulating municipal development in the context of providing the economic growth of the state".

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Pechenskaya M. A. Contemporary problems of budget development of regional centers, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 40–56 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.40-56>

Введение

Бюджетное развитие имеет важнейшее значение в процессе достижения целей экономического роста территорий и повышения качества жизни населения, потому проблематика развития бюджетных систем и повышения эффективности применяемых бюджетных инструментов всегда актуальна. В последнее десятилетие функционирование бюджетных систем и реализация бюджетной политики в России происходили в условиях кризиса и преодоления кризисных последствий. Как пишет доктор экономических наук, профессор Л. Н. Лыкова [1], опыт выхода из кризисов 2008–2009 и 2014–2016 гг. показывает высокую волатильность российской экономики под действием бюджетно-налоговых инструментов.

В научных трудах ученых европейских стран города, в особенности административные центры земель/провинций/субъектов, рассматриваются как одни из драйверов экономического роста всего государства [2–9]. Вследствие этого значительное внимание научных трудов зарубежных и отечественных исследователей посвящено ключевым аспектам реформирования финансовых и организационно-правовых основ местного самоуправления [10–13], роста бюджетной обеспеченности и саморазвития муниципальных образований [14–20], совершенствования инструментов стимулирования городской экономики и развития социальной сферы [21–22], внедрения механизмов стратегического управления муниципальным развитием [23–25]. Поскольку региональные центры обладают статусным фактором развития в отличие от других типов городов, в данном плане крайне интересными стали исследования определения эффекта масштаба на территориальное развитие. Так, Т. Г. Нефедова и А. И. Трейвиш выдвинули на первый план в экономическом росте территорий в условиях смены политического вектора на централизацию и возросшего изъятия бюджетных ресурсов в вышестоящие уровни так называемый агломерационный эффект [26]. Зарубежные исследователи М. Fujita, F. J. Venables и Р. Krugman утверждали, что роль центров развития и модернизации принадлежит именно городам, однако в разной степени и с разным качеством роста [27]. Говоря о гетерогенности городов, следует особо отметить разработанный Н. В. Зубаревич подход к исследованию типологии городов как центров роста [28]. Согласно ему, в Российской Федерации выделяется четыре типа

городов, развивающихся под воздействием разных институциональных, экономических, социальных и иных факторов. В результате на фоне федеральных столиц и городов-миллионников города – административные столицы регионов с населением от 200 тыс. человек развиваются в большей степени благодаря влиянию статусного фактора, а также концентрации на своей территории экономических и человеческих ресурсов. Исследуя потенциал местных бюджетов, Х. Ольт, Б. Арнольд, Е. Слэк [29, 30] на основе корреляционного анализа обосновывали, что бюджетный потенциал муниципальных образований связан в большей степени не с темпами развития экономики и социальной сферы территорий, а подвергается серьезной волатильности под воздействием функционирования механизма межбюджетных отношений между регионом и муниципалитетами. С. Н. Яшин и Н. И. Яшина изучали вопрос оценки уровня бюджетного потенциала муниципальных образований, определяя его как совокупность экономических и нормативно-правовых условий, позволяющих сформировать оптимальную величину доходов, покрывающих нормативные расходы муниципальных образований, а также обеспечить их целевое и эффективное использование [31].

Цель исследования заключается в выявлении ключевых тенденций развития бюджетных систем региональных центров в период 2011–2018 гг. на примере Северо-Западного федерального округа в сравнении с российскими тенденциями. В рамках данного исследования основная гипотеза складывается из предположения о том, что бюджетная политика направлена не на развитие городов как точек роста, а преследует ключевую цель выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований разного типа (городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений). Статья построена по следующей структуре. В первом разделе представлены результаты комплексного анализа ключевых показателей развития бюджетных систем региональных центров в период 2011–2018 гг. на примере Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) в сравнении с российскими тенденциями. Во втором разделе предложен и апробирован метод расчета дифференциации регионального центра и периферийных территорий (центрорегиональная дифференциация), определен ее уровень на примере одного из субъектов СЗФО.

Результаты исследования

Обобщенную оценку муниципальному развитию можно дать исходя из оценки динамики бюджетных расходов. Официальная статистика позволяет увидеть, что номинально расходы бюджетов региональных центров в 2011–2018 гг. выросли на 25 %. Однако если данные значения пересчитать с учетом уровня цен 2018 г., то инфляционное обесценение бюджетных расходов за исследуемый период составит 23,3 %. Рост был отмечен только в Сыктывкаре и Мурманске на 0,5 и 4,9 % соответственно (табл. 1).

Таблица 1

Динамика реальных бюджетных расходов региональных центров СЗФО (млн руб.)
Table 1. Dynamics of actual budget expenses of the North-West Federal district regional centers (mln rubles)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г., % / 2018 to 2011, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Петрозаводск / Petrozavodsk	10 281	7 572	7 746	6 578	5 356	5 713	5 404	5 812	56,5
Сыктывкар / Syktvkar	7 659	8 010	8 514	8 746	7 347	8 169	7 313	7 700	100,5
Архангельск / Arkhangelsk	12 651	11 059	11 624	9 557	8 733	8 686	8 481	9 181	72,6
Вологда / Vologda	9 769	9 126	10 012	9 482	8 199	6 720	7 013	7 984	81,7
Калининград / Kaliningrad	21 762	19 971	19 508	17 816	16 821	12 380	13 399	13 603	62,5
Мурманск / Murmansk	13 532	13 348	13 626	13 189	12 846	12 304	12 526	14 198	104,9
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	6 990	7 102	6 797	6 215	5 295	5 760	5 996	5 709	81,7
Псков / Pskov	6 347	4 852	4 810	5 361	3 908	4 697	4 103	4 645	73,2
СЗФО / North-West Federal district	89 707	81 589	83 387	77 511	68 727	64 549	63 990	68 833	76,7

Источник: рассчитано автором в сопоставимых с 2018 г. условиях по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата, ФНС России.

Source: calculated by the author for conditions comparable to 2018 by the data of reports on executing municipalities' budgets, reports by the Russian Federal Treasury, Russian Statistical Agency, and Russian Federal Taxation Service.

Безусловно, значительное влияние на траекторию развития региональных центров оказывает совокупный объем имеющихся в распоряжении бюджетных доходов. За исследуемый период 2011–2018 гг. бюджетные доходы региональных центров СЗФО выросли на 31 %, что на 16 % ниже среднероссийского уровня. При этом только Мурманск демонстрировал положительную динамику на протяжении всего исследуемого периода, в то время как Петрозаводск снизил объем доходов более чем на 10 % (табл. 2).

Таблица 2

Динамика совокупных бюджетных доходов региональных центров СЗФО (%)
Table 2. Dynamics of cumulative budgets incomes of the North-West Federal district regional centers (%)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г. / 2018 to 2011	Средний прирост 2011–2018 гг. / Average growth 2011–2018
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Мурманск / Murmansk	125,0	100,2	108,1	105,0	113,9	103,4	104,5	119,1	166,7	9,9
Сыктывкар / Syktvkar	115,1	122,4	99,2	115,3	96,2	114,4	95,8	111,7	164,9	8,8
Вологда / Vologda	113,2	96,4	118,4	110,9	95,4	86,9	106,4	121,7	135,9	6,2
Псков / Pskov	133,1	82,7	106,2	128,9	84,1	126,2	87,9	121,5	128,3	8,8
Архангельск / Arkhangelsk	103,1	95,6	113,2	93,1	105,1	101,6	104,4	110,6	124,2	3,3
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	108,8	93,2	105,2	103,2	95,2	116,4	109,3	100,5	123,2	4,4
Калининград / Kaliningrad	99,5	106,8	106,3	113,1	85,4	87,5	116,1	108,5	120,9	2,9
Петрозаводск / Petrozavodsk	113,1	80,1	97,1	99,0	91,4	113,6	100,5	111,5	89,6	0,8
СЗФО / North-West Federal district	110,9	98,3	107,1	107,6	96,1	102,0	104,6	113,0	131,2	5,0
РФ / Russia	113,3	103,9	107,2	104,3	99,7	103,5	106,2	115,3	146,8	6,7

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury.

В исследуемом периоде произошло преломление положительной тенденции превышения налоговых и неналоговых поступлений над межбюджетными трансфертами, что свидетельствует об ослаблении собственных доходных источников и, как следствие, усилении влияния вышестоящих бюджетов на проведение собственной бюджетной политики (табл. 3).

Таблица 3

Структура бюджетных доходов региональных центров СЗФО (%)

Table 3. Structure of budgets incomes of the North-West Federal district regional centers (%)

Показатель / Indicator	Год / Year							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Собственные доходы / Own incomes	58,7	53,1	53,1	46,6	49,3	46,8	46,6	45,8
Финансовая помощь / Financial support	41,3	46,6	46,7	53,2	50,6	53,3	53,2	54,0

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury.

Если проследить изменение данного показателя в разрезе региональных центров, то можно заметить, как ежегодно увеличивалось количество городов, в структуре доходов которых стала преобладать финансовая помощь: с одного в 2011 г. до 4–5 с 2014 г. В 2018 г. финансовая помощь таких городов, как Псков, Великий Новгород, Сыктывкар, Вологда, Петрозаводск, превысила собственные доходные поступления на 6,8–13,5 % (табл. 4).

Судя по отчетным данным, собственные доходы бюджетов региональных центров СЗФО в 2018 г. сократились по сравнению с 2011 г. в номинальном выражении на 10 %, с учетом инфляции – на 30 %. В ряде городов падение оказалось еще более существенным. Так, в Великом Новгороде оно составило 43 %, в Вологде – 46,8 %, в Петрозаводске – 63 %. Реальный рост бюджетных доходов показал только Мурманск (табл. 5).

Как свидетельствуют исследования зарубежных и отечественных ученых [10, 15–17, 19], с увеличением бюджетной обеспеченности территорий растут возможности органов местного самоуправления для

проведения социально-экономических преобразований. Динамический ряд показал неустойчивость подушевого уровня доходной бюджетной обеспеченности региональных центров СЗФО, которая тем не менее превышает среднероссийские значения на 68 % (табл. 6).

Вследствие особенностей функционирования бюджетной системы в Российской Федерации более 80 % собственных доходов городских бюджетов формируются из налоговых поступлений. В связи с чем ключевые причины падения собственных доходов следует искать в сокращении налоговых платежей.

В исследуемом периоде номинальные темпы роста налоговых поступлений региональных центров СЗФО характеризовались разнонаправленной динамикой. Так, Мурманск, Калининград, Сыктывкар, Псков и Великий Новгород демонстрировали положительную динамику, тогда как налоговые доходы бюджетов Петрозаводска, Архангельска и Вологды сократились. Отметим, что рост налоговых доходов в сопоставимых ценах 2018 г. произошел только в Мурманске: +35 % в 2011–2018 гг. за счет увеличения налогов на имущество и совокупный доход (табл. 7).

Более детальное исследование вопроса сокращения налоговых доходов показало, что ключевая причина кроется в отрицательной динамике бюджетообразующего налога на доходы физических лиц, которая по Северо-Западному федеральному округу составила 10,5 %, по РФ – почти 6 % (табл. 8).

Наиболее серьезное падение НДС наблюдалось в Великом Новгороде и Вологде – на 27 и 21 % соответственно. При этом города Мурманск, Калининград, Псков и Архангельск показали увеличение сборов данного налога на 14–33 % (табл. 9).

Важно пояснить, что ключевой причиной снижения НДС стали корректировки бюджетного законодательства¹, затронувшие механизм перераспределения налогов между бюджетными уровнями. Так, нормативы отчислений НДС в бюджеты го-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 361-ФЗ от 30.11.2011 (ред. от 29.12.2017); О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 252-ФЗ от 23.07.2013.

Таблица 4

Соотношение собственных доходов и межбюджетных трансфертов в бюджетных доходах региональных центров СЗФО (%)

Table 4. Correlation between own incomes and inter-budget transfers in the budgets incomes of the North-West Federal district regional centers (%)

Региональный центр / Regional center	Год / Year															
	2011		2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018	
	СД*	МТ**	СД	МТ												
Псков / Pskov	44,6	48,3	53,0	47,0	49,6	50,4	40,5	59,5	46,2	53,8	37,1	62,9	44,2	55,8	36,5	63,5
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	50,0	50,1	46,5	53,5	43,9	56,1	42,4	57,6	43,1	56,9	34,1	65,9	31,7	68,3	37,1	62,9
Сыктывкар / Syktyvkar	54,9	45,1	49,1	50,9	52,0	48,0	39,0	61,0	41,1	58,9	34,2	65,6	39,7	60,3	40,2	59,8
Вологда / Vologda	68,5	31,5	51,3	48,7	48,2	51,8	39,6	60,4	42,3	57,7	45,6	54,4	42,4	57,6	42,7	57,3
Петрозаводск / Petrozavodsk	66,9	33,1	52,9	47,1	58,1	41,9	51,6	48,4	54,0	46,0	47,1	52,9	48,8	51,2	43,2	56,8
Архангельск / Arkhangelsk	67,0	31,5	59,2	39,0	54,2	44,1	56,2	42,1	54,9	44,0	47,3	46,1	51,5	46,6	49,4	48,4
Калининград / Kaliningrad	55,7	44,3	57,1	42,9	56,3	43,7	48,9	51,1	57,0	43,0	62,6	37,4	55,1	44,9	55,3	44,7
Мурманск / Murmansk	53,9	46,1	55,9	44,1	62,8	37,2	54,3	45,7	55,7	44,3	58,7	41,3	59,3	40,7	61,7	38,3
СЗФО / North-West Federal district	57,7	41,3	53,1	46,6	53,1	46,7	46,6	53,2	49,3	50,6	45,8	53,3	46,6	53,2	45,8	54,0
Количество региональных центров СЗФО, в которых межбюджетные трансферты больше собственных доходов / Number of the North-West Federal district regional centers, in which inter-budget transfers exceed own incomes	1		2		3		5		4		5		5		5	

* Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в структуре совокупных бюджетных доходов.

** Доля межбюджетных трансфертов в структуре совокупных бюджетных доходов.

* Share of own taxable and non-taxable budget incomes in the structure of cumulative budgets incomes.

** Share of inter-budget transfers in the structure of cumulative budgets incomes.

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury.

родских округов сократились с 30 % в 2011 г. до 20 % в 2012–2013 гг. и до 15 % с 2014 г. Отметим, что 15 % – это минимальный норматив, который был установлен федеральным законодательством, поэтому не все регионы СЗФО использовали именно минимальное значение для отчислений в бюджеты городских округов, что вызвало территориальную дифференциацию по дальнейшей динамике поступлений налога на доходы физических лиц.

Сокращение бюджетных доходов, а также высокая социализация расходов бюджетов городских округов (в среднем более 60 %) не позволила половине региональных центров увеличить бюджеты развития (табл. 10). Так, самое существенное паде-

ние произошло в Калининграде – в 7,9 раза, тогда как в Пскове отмечен трехкратный рост. Динамика бюджетных инвестиций в среднем по СЗФО соответствовала среднероссийскому падению. В разрезе административных центров динамика бюджетных инвестиций носила контрастный характер. В половине городов инвестиции в основной капитал выросли в 2–9 раз, в то же время в четырех региональных центрах произошел глубокий инвестиционный спад в 2–8 раз.

Однако для более объективного анализа инвестиционных расходов принято оценивать их долю в совокупных расходах бюджета (табл. 11). В среднем по СЗФО данный показатель соответствовал среднерос-

Таблица 5

Темпы роста налоговых и неналоговых доходов бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2018 г. по отношению к 2011 г., в ценах 2018 г. (%)

Table 5. Growth rates of taxable and non-taxable budgets incomes of the North-West Federal district regional centers in 2018 compared to 2011, in 2018 prices (%)

Региональный центр / Regional center	Номинальный / Nominal	С учетом инфляции / With the account of inflation
Мурманск / Murmansk	191,1	119,5
Сыктывкар / Syktyvkar	120,7	75,4
Калининград / Kaliningrad	120,0	72,9
Псков / Pskov	105,0	63,2
Архангельск / Arkhangelsk	91,58	57,5
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	91,55	56,9
Вологда / Vologda	84,6	53,2
Петрозаводск / Petrozavodsk	57,9	36,8
СЗФО / North-West Federal district	110,0	68,4

Источник: рассчитано автором в сопоставимых с 2018 г. условиях по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата, ФНС России.

Source: calculated by the author for conditions comparable to 2018 by the data of reports on executing municipalities' budgets, reports by the Russian Federal Treasury, Russian Statistical Agency, Russian Federal Taxation Service.

Таблица 6

Динамика доходной бюджетной обеспеченности региональных центров СЗФО (тыс. руб. на душу населения)

Table 6. Dynamics of budgets income provision of the North-West Federal district regional centers (thousand rubles per capita)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г. / 2018 to 2011	В среднем за 2011–2018 гг. / On average in 2011–2018
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Мурманск / Murmansk	28,0	28,3	31,0	31,9	36,7	38,4	40,5	48,7	174,1	35,4
Сыктывкар / Syktyvkar	18,3	22,3	21,9	25,2	24,2	27,6	26,4	29,4	160,9	24,4
Калининград / Kaliningrad	26,6	27,9	29,1	32,6	27,5	23,7	27,5	29,3	110,2	28,0
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	21,1	19,7	20,7	21,2	20,2	23,4	25,6	25,66	121,6	22,2
Архангельск / Arkhangelsk	20,7	19,7	22,3	20,8	21,8	22,1	23,1	25,68	124,1	22,0
Псков / Pskov	17,8	14,6	15,4	19,8	16,6	20,8	18,3	22,2	124,9	18,2
Вологда / Vologda	18,6	17,8	21,0	23,0	21,9	19,0	20,3	24,8	133,1	20,8
Петрозаводск / Petrozavodsk	24,0	19,0	18,2	17,8	16,2	18,3	18,4	20,5	85,3	19,0
В среднем по СЗФО / On average in the North-West Federal district	22,4	21,8	23,3	24,8	23,8	24,2	25,0	28,3	126,3	24,2
В среднем по РФ / On average in the Russian Federation	13,8	14,3	15,3	15,9	15,6	16,1	16,5	16,8	121,7	15,5

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России, отчетов об исполнении бюджетов городских округов, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Таблица 7

Динамика реальных налоговых доходов бюджетов региональных центров СЗФО (млн руб.)
Table 7. Dynamics of the real budgets incomes of the North-West Federal district regional centers (mln rubles)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г., % / 2018 to 2011, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Петрозаводск / Petrozavodsk	3 131	2 538	2 677	2 006	1 817	1 879	1 836	1 924	61,5
Сыктывкар / Syktyvkar	3 378	3 604	3 611	2 711	2 453	2 276	2 482	2 574	76,2
Архангельск / Arkhangelsk	6 442	4 896	4 915	4 156	3 832	3 259	3 813	3 900	60,5
Вологда / Vologda	4 747	3 309	3 337	2 365	2 178	2 165	2 210	2 632	55,4
Калининград / Kaliningrad	8 571	8 922	9 131	7 200	6 783	6 405	6 267	6 695	78,1
Мурманск / Murmansk	6 034	5 991	7 094	5 794	5 906	6 585	6 737	8 143	135,0
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	2 627	2 117	2 101	1 747	1 555	1 449	1 388	1 659	63,1
Псков / Pskov	2 203	2 071	1 956	1 790	1 550	1 499	1 543	1 494	67,8
СЗФО / North-West Federal district	37 135	33 448	34 822	27 770	26 074	25 516	26 275	29 021	78,1

Источник: рассчитано автором в сопоставимых с 2018 г. условиях по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата, ФНС России.

Source: calculated by the author for conditions comparable to 2018 by the data of reports on executing municipalities' budgets, reports by the Russian Federal Treasury, Russian Statistical Agency, Russian Federal Taxation Service.

Таблица 8

Доля налога на доходы физических лиц в налоговых доходах бюджетов региональных центров СЗФО
Table 8. Share of tax on physical persons' income in the budgets incomes of the North-West Federal district regional centers

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г. / 2018 to 2011
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Мурманск / Murmansk	82	83	72	64	60	55	53	53	-29,3 пп.
Калининград / Kaliningrad	68	55	46	51	49	53	53	52	-16,2 пп.
Псков / Pskov	67	68	66	65	64	66	66	64	-2,7 пп.
Архангельск / Arkhangelsk	67	80	81	79	76	73	78	79	12,2 пп.
Сыктывкар / Syktyvkar	64	65	68	60	58	54	55	55	-9,7 пп.
Петрозаводск / Petrozavodsk	79	77	76	70	67	65	63	63	-15,9 пп.
Вологда / Vologda	62	45	46	46	51	44	46	56	-6,2 пп.
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	65	57	61	51	49	53	52	52	-13,2 пп.
СЗФО / North-West Federal district	70	67	63	61	59	57	58	59	-10,5 пп.
РФ / Russia	64	67	68	61	61	60	59	58	-5,9 пп.

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России, отчетов об исполнении бюджетов городских округов, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Таблица 9

Динамика поступлений налога на доходы физических лиц в региональные центры

Table 9. Dynamics of supply of tax on physical persons in the regional centers

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 г. к 2011 г., % / 2018 to 2011, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Мурманск / Murmansk	3 102	3 273	3 597	2 886	3 116	3 378	3 649	4 128	133
Калининград / Kaliningrad	2 793	3 165	2 906	2 931	2 916	3 120	3 276	3 688	132
Псков / Pskov	882	914	898	900	878	920	997	1 065	121
Архангельск / Arkhangelsk	2 690	2 609	2 826	2 618	2 654	2 264	2 861	3 068	114
Сыктывкар / Syktyvkar	1 354	1 555	1 744	1 252	1 263	1 135	1 193	1 356	100
Петрозаводск / Petrozavodsk	1 568	1 311	1 466	1 121	1 093	1 144	1 169	1 354	86
Вологда / Vologda	1 850	997	1 092	873	988	900	982	1 468	79
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	1 069	807	900	699	674	711	729	785	73
СЗФО / North-West Federal district	15 309	14 630	15 429	13 281	13 852	13 572	14 856	16 911	111
РФ / Russia	361 947	376 909	420 282	337 001	338 602	353 027	374 821	440 319	122

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата; ФНС России.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Таблица 10

Динамика бюджетных инвестиций региональных центров СЗФО (млн руб.)

Table 10. Dynamics of budget investments in the North-West Federal district regional centers (mln rubles)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 к 2011 г., раз / 2018 to 2011, times
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Псков / Pskov	267,9	445,1	461,4	801,2	529,0	1 331,8	901,4	890,4	↑ в 3,3
Сыктывкар / Syktyvkar	289,5	449,1	950,0	856,7	603,6	770,9	805,9	800,7	↑ в 2,8
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	121,8	493,3	223,7	245,2	128,6	1 047,4	250,6	300,9	↑ в 2,5
Мурманск / Murmansk	564,0	674,5	809,9	518,6	895,0	1 333,0	912,5	1 078,3	↑ в 1,9
Калининград / Kaliningrad	4 328,9	3 597,1	3 877,4	3 851,0	4 875,7	1 276,6	3 056,2	3 596,0	↓ в 1,2
Вологда / Vologda	1 185,7	724,3	909,2	1 306,0	838,3	679,6	799,4	785,1	↓ в 1,5
Петрозаводск / Petrozavodsk	495,6	353,4	247,4	297,9	163,3	74,4	202,5	90,6	↓ в 5,5
Архангельск / Arkhangelsk	768,0	953,3	399,8	169,1	115,7	98,2	97,6	96,9	↓ в 7,9
Итого по РЦ СЗФО / Total in the regional centers of the North-West Federal district	8 021,4	7 690,1	7 878,8	8 045,7	8 149,2	6 611,9	7 026,1	7 638,9	↓ в 1,1
Всего по ГО РФ / Total in the Russian municipalities	211 258	193 723	219 425	225 749	212 790	191 444	189 456	187 193	↓ в 1,1

Источник: рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Таблица 11

Доля капитальных расходов в расходах бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2018 гг.

Table 11. Share of capital expenses in the expenses of budgets of the North-West Federal district regional centers in 2011–2018

Региональный центр / Regional center	Год / Year							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Калининград / Kaliningrad	32,7	28,1	29,0	27,2	32,7	11,1	11,6	26,4
Псков / Pskov	7,0	14,2	13,9	19,3	15,3	30,5	5,3	19,2
Сыктывкар / Syktyvkar	6,0	8,5	15,8	12,5	9,3	10,2	1,7	10,4
Вологда / Vologda	19,3	11,9	12,7	17,2	11,4	10,7	1,2	9,8
Мурманск / Murmansk	6,7	7,7	8,5	5,1	7,9	11,7	28,1	7,6
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	2,8	10,5	4,6	5,0	2,7	19,5	9,0	5,3
Петрозаводск / Petrozavodsk	7,6	6,9	4,4	5,7	3,4	1,4	12,4	1,6
Архангельск / Arkhangelsk	9,7	13,0	4,8	2,2	1,5	1,2	11,5	1,1
СЗФО / North-West Federal district	14,5	14,4	13,6	13,2	13,4	11,0	23,0	11,1
РФ / Russia	14,2	12,6	13,2	13,1	12,3	10,9	13,5	11,0

Источник: рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

сийскому уровню в 11 %, однако территориальный срез выявил значительную дифференциацию. Так, по итогам 2018 г. капитальные расходы Калининграда составили четверть всех бюджетных расходов, тогда как в Архангельске – чуть более 1 %. Особо обозначим, что динамика капиталовложений местных бюджетов подвержена сильной волатильности под действием межбюджетных трансфертов, размер которых крайне дифференцирован между муниципальными образованиями.

Что касается сбалансированности местных бюджетных систем, то в отдельные годы в ряде городов СЗФО размер дефицита даже превышал предельные ограничения, установленные Бюджетным кодексом (10 % в объеме собственных доходов) в 2–3 раза. По итогам 2018 г. наиболее дефицитными были бюджеты Петрозаводска и Вологды, сбалансированности удалось достичь Мурманску и Великому Новгороду (табл. 12). При этом за исследуемый период превышение расходов бюджетов региональных центров СЗФО над доходами заметно сократилось – в 1,5 раза,

составив на 1 января 2019 г. 214 млн рублей. В то же время превышение доходов бюджетов региональных центров СЗФО над расходами увеличилось в 1,1 раза – до 414 млн рублей.

Поиск источников финансирования дефицита бюджетов спровоцировал эскалацию долговой нагрузки региональных центров СЗФО (табл. 13). С 2011 по 2018 гг. в целом по региональным центрам СЗФО долговая нагрузка выросла с 33,8 до 52,3 % собственных доходов. При этом велики территориальные контрасты данного уровня. Так, по итогам 2018 г. долг составлял более 80 % налоговых и неналоговых доходов бюджетов Великого Новгорода, Петрозаводска и Калининграда.

Преимущественно муниципальный долг региональных центров СЗФО состоял из банковских кредитов, удельный вес которых с 2011 по 2018 гг. заметно вырос в среднем по СЗФО с 54 до 84 % (рис.). По итогам 2018 г. структура муниципального долга Архангельска, Мурманска и Пскова была представлена исключительно рыночными займами.

Таблица 12

Характеристика сбалансированности исполнения бюджетов региональных центров СЗФО

Table 12. Characteristics of the balance of budget execution of the North-West Federal district regional centers

Региональный центр / Regional center	Год / Year							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Сумма, млн руб. / Sum, mln rubles</i>								
Петрозаводск / Petrozavodsk	-156	3	-601	-325	-298	-227	-53	-94
Сыктывкар / Syktyvkar	-130	395	-355	-282	-236	-415	-85	-22
Архангельск / Arkhangelsk	-565	-298	-258	-226	-96	-298	116	-16
Вологда / Vologda	-329	-481	-520	-232	-329	-227	-255	-82
Калининград / Kaliningrad	-1 702	-516	-320	649	-2 281	-437	47	321
Мурманск / Murmansk	88	-247	-323	-509	-225	23	-28	64
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	296	-386	-261	-187	-212	-155	-25	9
Псков / Pskov	-184	-130	-140	-45	-1	-5	-73	21
<i>Превышение расходов над доходами, млн руб. / Expenses exceed income, mln rubles</i>								
СЗФО / North-West Federal district	-3 065	-2 057	-2 778	-1 806	-3 678	-1 764	-518	-214
<i>Превышение доходов над расходами, млн руб. / Income exceeds expenses, mln rubles</i>								
СЗФО / North-West Federal district	383	398	0	649	0	23	162	414
<i>Количество региональных центров, в которых бюджет исполнен с дефицитом / Number of regional centers with surplus budget</i>								
СЗФО / North-West Federal district	6	6	8	7	8	7	6	4

* Значение со знаком «-» – дефицит, со знаком «+» – профицит.

* Value marked with a “-“ is deficit, marked with a “+“ is surplus.

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России, отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Таблица 13

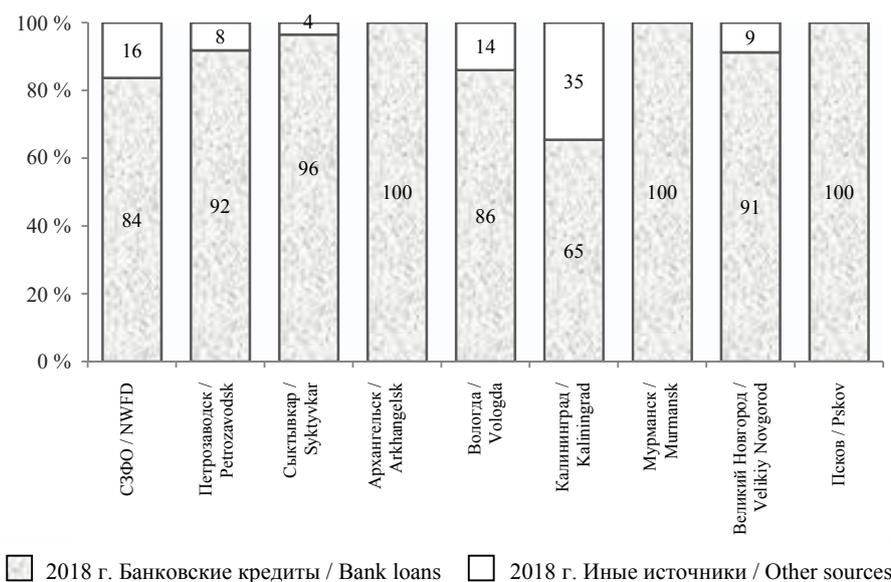
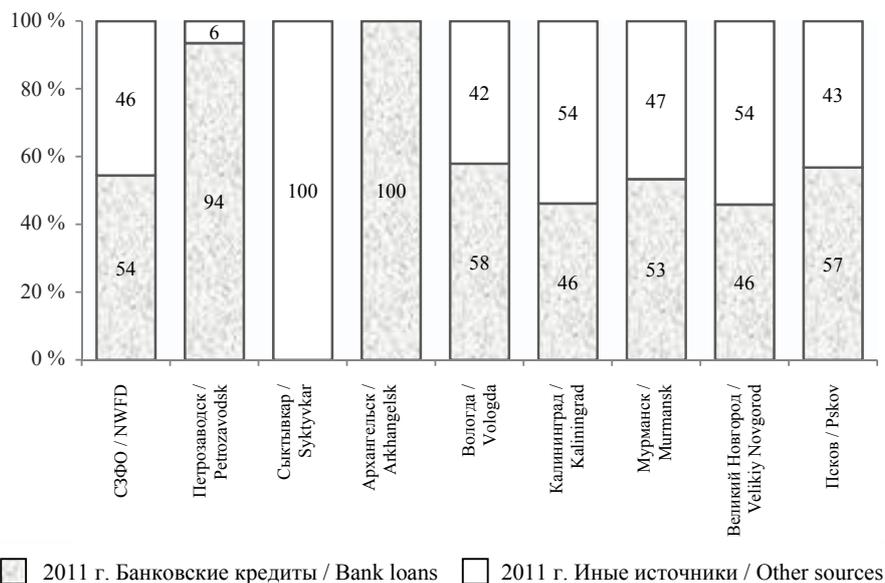
Уровень долговой нагрузки региональных центров СЗФО (%)

Table 13. Level of debt load of the North-West Federal district regional centers (%)

Региональный центр / Regional center	Год / Year								2018 к 2011 г., пп. / 2018 to 2011, points
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	40,4	52,4	60,7	69,3	82,2	98,6	99,4	93,3	52,9
Петрозаводск / Petrozavodsk	24,6	44,8	50,0	66,3	80,6	90,4	88,6	93,2	68,6
Калининград / Kaliningrad	101,7	95,2	100,7	113,7	85,9	88,6	88,9	81,9	-19,8
Вологда / Vologda	13,4	38,6	58,7	66,7	65,7	73,7	79,3	64,8	51,4
Архангельск / Arkhangelsk	9,3	18,7	23,6	29,4	30,1	42,1	39,4	39,7	30,4
Псков / Pskov	10,8	19,8	28,4	28,8	30,0	29,6	32,8	31,9	21,0
Сыктывкар / Syktyvkar	1,2	0,0	8,5	18,9	23,5	34,0	30,7	27,6	26,4
Мурманск / Murmansk	14,4	15,8	20,8	31,5	29,6	27,5	25,2	19,3	4,8
СЗФО / North-West Federal district	33,8	42,6	49,4	60,2	54,4	59,3	58,0	52,3	18,5

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России, отчетов об исполнении бюджетов городских округов, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

Удельный вес банковских кредитов в структуре муниципального долга региональных центров СЗФО в 2011 и 2018 гг. (%)*

* Под иными источниками финансирования дефицита бюджета подразумеваются гарантии, бюджетные кредиты и ценные бумаги.

Источник: рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Минфина России, отчетности Федерального казначейства России.

Unit weight of bank loans in the structure of municipal debt of the North-West Federal district regional centers in 2011 and 2018 (%)*

* Other sources of budget deficit financing are guarantees, budget loans and securities.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

В то же время оценка исполнения плановых параметров расходной части бюджетов выявила неиспользованные ассигнования, размер которых по региональным центрам СЗФО только за шесть лет с 2011 г. составил 25,9 млн рублей (табл. 14). Наиболее значительные суммы неполного освоения бюджетных ассигнований наблюдались в Пскове и Калининграде – 12–17 %. В других городах данный показатель находился в диапазоне 5–7,5 %. В то же время в Мурманске и Архангельске бюджетные расходы финансировались практически в полном объеме, что указывает на соответствующее качество планирования и исполнения бюджета.

Следует отметить, что основным фактором неосвоения бюджетных ресурсов являлся неритмичный характер финансирования расходов. Данные отчетности Федерального казначейства России указали на то, что уровень доходов местных бюджетов в первом квартале был ниже, чем в последующих. Связано это в первую очередь с ориентировочным характером формирования плановых показателей бюджета, поскольку налогоплательщики не имеют полного представления о размере налогооблагаемой прибыли, фонда оплаты труда, стоимости основных фондов и т. п. Поскольку платежеспособность муниципальных образований

в определенной степени обуславливается трансфертами как источниками доходов местных бюджетов, особенно важным видится вопрос своевременности их перечисления. Величина межбюджетных трансфертов постоянно корректируется в процессе взаимодействия с региональными органами власти и федеральным центром в течение финансового года. Поэтому наибольший объем доходов поступает во втором полугодии, когда более четко определяются размеры налогооблагаемой базы и федеральных трансфертов.

Выводы

В качестве выводов по проведенному исследованию перечислим полученные нами результаты развития бюджетных систем региональных центров (на примере Северо-Западного федерального округа в сравнении со среднероссийскими значениями за 2011–2018 гг. и методологические вопросы определения центрорегиональной дифференциации.

Во-первых, выявлено, что номинальный рост на 25 % бюджетных расходов региональных центров СЗФО соответствует их инфляционному обесценению в исследуемом периоде на 23,3 %, что является прямым следствием сокращения финансирования

Таблица 14

Общий объем бюджетных ассигнований, не использованных региональными центрами СЗФО
Table 14. Total amount of budgetary provisions unused by the North-West Federal district regional centers

Региональный центр / Regional center	Неиспользованные бюджетные ассигнования, тыс. руб. / Unused budgetary provisions, thousand rubles	К общему объему бюджетных ассигнований, % / To the total volume of budgetary provisions, %
Псков / Pskov	3 827	17,2
Калининград / Kaliningrad	11 505	12,6
Петрозаводск / Petrozavodsk	2 654	7,5
Сыктывкар / Syktyvkar	2 803	7,0
Великий Новгород / Velikiy Novgorod	1 935	6,3
Вологда / Vologda	2 191	5,1
Мурманск / Murmansk	521	1,0
Архангельск / Arkhangelsk	416	0,9
СЗФО / North-West Federal district	25 852	7,2

Источник: рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Source: calculated by the author by the data of reports by the Russian Federal Treasury, reports on executing municipalities' budgets, and Russian Statistical Agency.

социально и экономически значимых направлений развития территорий.

Во-вторых, определена смена с 2014 г. тренда соотношения собственных доходов и безвозмездной финансовой помощи, вызванной сокращением налоговых и неналоговых поступлений в бюджеты региональных центров СЗФО. По итогам 2018 г. финансовая помощь Пскову, Великому Новгороду, Сыктывкару, Вологде и Петрозаводску превысила собственные доходные поступления на 6,8–13,5 %.

В-третьих, исследовано, что ключевой причиной изменения структуры доходов бюджетов региональных центров является сокращение поступлений от бюджетообразующего налога на доходы физических лиц вследствие законодательных корректировок механизма перераспределения нормативов отчислений от налога между уровнями бюджетной системы. Это привело к номинальному сокращению поступлений НДС в бюджеты региональных центров СЗФО на 10,5 %, по РФ – почти на 6 %.

В-четвертых, выявлено улучшение показателей сбалансированности бюджетных систем региональных центров. За 2011–2018 гг. превышение расходов бюджетов региональных центров СЗФО над доходами заметно сократилось – в 1,5 раза, составив на 1 января 2019 г. 214 млн рублей. В то же время превышение доходов бюджетов региональных центров СЗФО над расходами увеличилось в 1,1 раза – до 414 млн рублей.

В-пятых, определена крайне высокая степень дифференциации региональных центров по динамике и доле бюджетных инвестиций. Часть региональных центров характеризовалась ростом инвестиций в основной капитал в 2–9 раз, в то время как остальные – инвестиционным спадом в 2–8 раз. Аналогичная ситуация была свойственна и показателю удельного веса бюджетных инвестиций в совокупных расходах. Так, по итогам 2018 г. капитальные расходы Калининграда составили четверть всех бюджетных расходов, тогда как в Архангельске их удельный вес едва превысил 1 %.

В-шестых, показан значительный рост возмездных, возвратных бюджетных ресурсов, повысивший уровень долговой нагрузки региональных центров СЗФО с 33 до 52 % собственных доходов. По итогам 2018 г. три региональных центра СЗФО (Великий Новгород, Петрозаводск, Калининград) имели уровень задолженности свыше 80 %.

В-седьмых, обосновано усиление бюджетного риска сокращения финансирования социальной сферы и экономики города вследствие стремительного роста расходов на обслуживание муниципального долга, который по региональным центрам Северо-Западного федерального округа за 2011–2018 гг. увеличился в 14 раз при среднероссийском росте в 4 раза.

В-восьмых, по нашим убеждениям, современная региональная политика развития муниципальных образований в целом и региональных центров в частности должна соответствовать трем важнейшим принципам:

1) принципу дифференциации, который учитывает особенности, тенденции, исторические традиции хозяйствования различных типов территорий. Например, в муниципальных образованиях с крупным имущественным комплексом основной акцент должен быть установлен на стабильности закрепления за органами местного самоуправления имущественных налогов (земельный налог, налог на имущество организаций, налог на имущество физических лиц). В муниципалитетах со слабым производственным потенциалом нет экономического смысла наполнять бюджет минимальными объемами от доходных источников с предприятий, тогда как важным становится стимулирование развития малого бизнеса;

2) принципу системности, который проявляется в том, что принятие бюджетных норм в одних муниципальных образованиях не должно существенно снижать бюджетный потенциал в других;

3) принципу стабильности, который позволит повысить качество бюджетного планирования и бюджетного исполнения.

Без решения проблемы замедления развития бюджетных систем региональных центров, ключевой причиной которого стали законодательно установленные механизмы, направленные на поддержание муниципальных районов и поселений за счет городских округов, региональные столицы не смогут ни сконцентрировать на своих территориях человеческие ресурсы, ни нарастить экономическую базу. На следующих этапах исследования планируется углубиться в тематику доходной и расходной децентрализации на внутрирегиональном уровне, а также разработать и научно обосновать комплекс мер повышения бюджетного потенциала региональных центров.

Список литературы

1. Лыкова Л. Н. Региональная составляющая налоговой политики: возможности поддержки экономического роста // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 71–86. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.5
2. Бондарская О. В. Систематизация зарубежного опыта развития малых территорий // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 5. С. 15–19.
3. Azoulay A., Côté J.-G. Les clés du développement économique local Analyse des stratégies de six villes nord-américaines. Note de Recherche, 2017, Mai. URL: http://www.institutduquebec.ca/docs/default-source/recherche/8842_les-cles-du-developpement_idq_br_fr.pdf?sfvrsn=2 (дата обращения: 20.09.2019).
4. Feagin J., Smith M. Cities and the New International Divisions of Location: An Overview // The Capitalist City: Global Restructuring and Community Politics. Oxford, 1987. Pp. 3–34.
5. Friedmann J. Where we stand: A decade of world city research // World Cities in a World-System. Cambridge, 1995. Pp. 21–47.
6. Krätke S. Die globale Vernetzung von Medienzentren. Zur Diversity von Geographien der Globalisierung // Geographische Zeitschrift. 2002. № 90. S. 103–123.
7. Lockner A. O. Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies. USA, Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.
8. Taylor P. Specification of the world city network // Geographical Analysis. 2001. № 33. Pp. 181–194.
9. Silem A., Fontanel J., Pecqueur B., Bensahel-Perrin L. L'économie territoriale en questions. Paris: l'Harmattan, 2014.
10. Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы: монография / Е. М. Бухвальд, И. В. Караваева, С. Д. Валентей и др. М.: Институт экономики РАН, 2014. 302 с.
11. Ворошилов Н. В. Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7 (60). С. 54–59.
12. Старые и новые проблемы российского федерализма / С. Д. Валентей, М. В. Глигич-Золотарёва, Л. Н. Лыкова // Федерализм. 2012. № 4. С. 7–38.
13. Печенская М. А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000–2015 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 117–130.
14. Печенская М. А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 3. С. 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5
15. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы: диалектика формирования и функционирования // Экономика. Налоги. Право. 2009. № 5. С. 3–12.
16. Поварова А. И. Почему не растет самообеспеченность бюджетов городских округов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 108–121.
17. Поварова А. И. Проблемы формирования бюджета городского округа // Проблемы развития территорий. 2017. № 2 (88). С. 177–191.
18. Найденова Т. А., Швецова И. Н. Оценка бюджетного потенциала северных территорий // Финансы и кредит. 2013. № 40 (568). С. 40–51.
19. Левина В. В. Особенности управления сбалансированностью местных бюджетов в условиях финансовой нестабильности // Управленец. 2015. № 3 (55). С. 12–17.
20. Зенченко С. В. Формирование и оценка регионального финансового потенциала устойчивого развития экономики территории: теория и методология: дис. ... д-ра экон. наук. Ставрополь, 2009. 391 с.
21. Татаркин А. И. Скрытый потенциал российских городов: от агломерационных объединений к программно-проектным стратегиям развития территорий // Экономическая наука современной России. 2014. № 2 (65). С. 7–25.
22. Одинцова А. В. Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 99–109.
23. Одинцова А. В., Валентик О. Н. Становление системы стратегического планирования в муниципальном звене управления. М.: Институт экономики. 2018, 40 с.
24. Бухвальд Е. М., Печенская М. А. О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования // Самоуправление. 2016. № 9 (102). С. 16–19.
25. Дядик В. В. О проблемах стратегического планирования на муниципальном уровне: российские реалии и скандинавский опыт // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 6. С. 53–62.
26. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Сильные и слабые города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998. С. 157–167.
27. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. 367 p.

28. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. 2010. № 5. С. 5–19.
29. Slack E. Guide of municipal finance. Nairobi: UN-HABITAT, 2009. 81 p.
30. Ault H. J., Arnold B. J. Comparative Income Taxation: A Structural Analysis. Kluwer Law International, 2010. P. 343.
31. Яшин С. Н., Яшина Н. И. Некоторые аспекты анализа бюджетного потенциала муниципальных образований // *Финансы и кредит*. 2003. № 5 (119). С. 35–44.

References

1. Lykova L. N. Regional Component of Tax Policy: Ways to Support Economic Growth, *Problems of Territory's Development*, 2018, No. 2 (94), pp. 71–86 (in Russ.). DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.5
2. Bondarskaya O. V. Systematization of foreign experience in the development of small territories, *Socio-economic phenomena and processes*, 2015, Vol. 10, No. 5, pp. 15–19 (in Russ.).
3. Azoulay A., Côté J.-G. Les clés du développement économique local Analyse des stratégies de six villes nord-américaines, *Note de Recherche*, 2017, Mai, available at: http://www.institutduquebec.ca/docs/default-source/recherche/8842_les-cles-du-developpement_idq_br_fr.pdf?sfvrsn=2 (access date: 20.09.2019).
4. Feagin J., Smith M. Cities and the New International Divisions of Location: An Overview, *The Capitalist City: Global Restructuring and Community Politics*, Oxford, 1987, pp. 3–34.
5. Friedmann J. Where we stand: A decade of world city research, *World Cities in a World-System*, Cambridge, 1995, pp. 21–47.
6. Krätke S. Die globale Vernetzung von Medienzentren. Zur Diversity von Geographien der Globalisierung, *Geographische Zeitschrift*, 2002, No. 90, s. 103–123.
7. Lockner A. O. *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*, USA, Bloomington, iUniverse, 2013, 621 p.
8. Taylor P. Specification of the world city network, *Geographical Analysis*, 2001, No. 33, pp. 181–194.
9. Silem A., Fontanel J., Pecqueur B., Bensahel-Perrin L. *L'économie territoriale en questions*, Paris, l'Harmattan, 2014.
10. Bukhvald E. M., Karavaeva I. V., Valentey S. D., Fedotkin V. N., Vilensky A. V., Domnina I. N., Mayevskaya L. I., Gavrilov V. P., Ivanovsky S. I., Tatarin A. I., Dementieva O. A., Potapov V. A., Odintsova A. V., Valentik O. N., Makovy V. D. *Ten years of municipal reform in Russia: results and prospects*: monograph, Moscow, Institute of Economics, RAS, 2014, 302 p. (in Russ.).
11. Voroshilov N. V. Evaluation of efficiency of the regional policy of development of municipalities, *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2014, No. 7 (60), pp. 54–59 (in Russ.).
12. Valentei S. D., Gligich-Zolotareva M. V., Lykova L. N. Old and new issues of the Russian federalism, *Federalism*, 2012, No. 4, pp. 7–38 (in Russ.).
13. Pechenskaya M. A. The development of intergovernmental relations in Russia in 2000–2015, *Problemy prognozirovaniya*, 2017, No. 2, pp. 117–130 (in Russ.).
14. Pechenskaya M. A. Budgets of the regional centers of the North-West: tools for modernization or survival?, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2019, Vol. 12, No. 3, pp. 77–90 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5
15. Tatarin A. I., Tatarin D. A. Self-developing territorial economic systems: dialectics of formation and functioning, *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2009, No. 5, pp. 3–12 (in Russ.).
16. Povarova A. I. Why Is the Self-Sufficiency of Urban Districts Budgets Not Growing, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2016, No. 1 (43), pp. 108–121 (in Russ.).
17. Povarova A. I. Issues of financing of a municipality budget, *Problems of Territory's Development*, 2017, No. 2 (88), pp. 177–191 (in Russ.).
18. Naydenova T. A., Shvetsova I. N. Estimating the budget potential of northern territories, *Finance and credit*, 2013, No. 40 (568), pp. 40–51 (in Russ.).
19. Levina V. V. The Peculiarities of Local Budgets Balance Management in the Context of Financial Instability, *Upravlenets*, 2015, No. 3 (55), pp. 12–17 (in Russ.).
20. Zenchenko S. V. *Forming and estimating the regional financial potential of sustainable economic development of a territory: theory and methodology*, doctoral (Economics) thesis, Stavropol, 2009, 391 p. (in Russ.).
21. Tatarin A. I. Latent Potential of Russian Cities: from Agglomerations to Program-Project Strategies of Territory Development, *Economics of contemporary Russia*, 2014, No. 2 (65), pp. 7–25 (in Russ.).
22. Odintsova A. V. The Problems of Institutionalizing Municipal Strategic Planning, *Problems of Territory's Development*, 2018, No. 5 (97), pp. 99–109 (in Russ.).

23. Odintsova A. V., Valentik O. N. *Development of the strategic planning system in municipal administration*, Moscow, Institute of Economics, 2018, 40 p. (in Russ.).
24. Buchwald E. M., Pechenskaya M. A. About budgetary constraints of municipal strategic planning, *Samoupravlenie*, 2016, No. 9 (102), pp. 16–19 (in Russ.).
25. Dyadik V. V. On the issues of strategic planning at municipal level: Russian realia and Scandinavian experience, *Regional Economics: theory and practice*, 2014, No. 6, pp. 53–62 (in Russ.).
26. Nefedova T. G., Treyvish A. I. Strong and weak cities of Russia, *Development of the strategic planning system in municipal administration*, Moscow, 1998, pp. 157–167 (in Russ.).
27. Fujita M., Krugman P., Venables F. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*, Cambridge (Mass.), 2000. 367 p.
28. Zubarevich N. V. Cities as centers of modernization of economy and human capital, *Social sciences and contemporary world*, 2010, No. 5, pp. 5–19 (in Russ.).
29. Slack E. *Guide of municipal finance*, Nairobi, UN-HABITAT, 2009. 81 p.
30. Ault H. J., Arnold B. J. *Comparative Income Taxation: A Structural Analysis*, Kluwer Law International, 2010, p. 343.
31. Yashin S. N., Yashina N. I. Some aspects of analysis of municipalities' budget potential, *Finance and credit*, 2003, No. 5 (119), pp. 35–44 (in Russ.).

Дата поступления / Received 12.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 02.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Печенская М. А., 2020

© Pechenskaya M. A., 2020

ПОЗНАНИЕ

Шеве, Г.

Менеджмент 4.0 цифровой экономики Германии: опыт и инструменты для цифровой экономики России / Г. Шеве, С. Хюзиг, Г. И. Гумерова, Э. Ш. Шаймиева. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 75 с.

В настоящей монографии содержатся результаты научно-исследовательской работы авторов за 2013–2019 гг., где инициатива «Индустрия 4.0» представлена на основе обзора трудов немецких ученых как ноу-хау немецкой экономической школы и как концептуально-программная разработка. Методологией исследования является авторская структура реализации «Индустрия 4.0» посредством инструментов «Менеджмент 4.0» в трех блоках: «Индустрия 4.0» – ноу-хау немецкой экономической школы для развития цифровой экономики; реализация «Индустрия 4.0» в организациях цифровой экономики; развитие компетенций в аналоговых и оцифрованных производственных процессах. Авторская структура «Менеджмент 4.0» учитывает пробелы в стартовом этапе российской цифровой экономики. На основе опыта и инструментов «Менеджмент 4.0» сформировано понятие «Менеджмент цифровой экономики»: определен инструментарий и разработаны направления развития российской цифровой экономики.

Предназначена для обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры по направлениям «Менеджмент», «Экономика», «Инноватика», руководителей, планирующих успешно управлять предприятием в условиях цифровой экономики; специалистов цифровой экономики, лиц, повышающих квалификацию или проходящих переподготовку по данным направлениям, а также исследователей, интересующихся вопросами развития теории и практики менеджмента цифровой экономики.

УДК 316.7:339.138:347.78(470+571)
JEL: E21, F1, K42, L81, O34, P42

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.57-66>

А. В. САЛЬНИКОВА¹

¹ *Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ), г. Владимир, Россия*

МОДНЫЙ КОНТРАФАКТ В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Сальникова Анастасия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры финансового права и таможенной деятельности, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)

Адрес: 600000, РФ, г. Владимир, ул. Горького, 87, тел.: +7 (4922) 47-99-34

E-mail: salnikova-av@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0029-3125>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5660-2019>

Цель: исследование закономерностей и особенностей российского рынка модного контрафакта на современном этапе.

Методы: диалектический подход, системный подход, анализ, синтез, метод сравнительного анализа.

Результаты: определены основные виды контрафактных товаров на рынке моды, которые отличаются по качеству и стоимости и, как следствие, по присутствию в различных сегментах модной индустрии. Отмечается размытие границ между контрафактной и оригинальной продукцией, которыми пользуются производители подделок для их реализации потребителям. Установлено, что каналы распространения контрафактной продукции многочисленны и дифференцируются в зависимости от вида контрафакта, а самым мощным каналом в настоящее время является сеть Интернет. Среди наиболее значимых факторов, влияющих на распространение контрафактной продукции на рынке модных товаров, выявлены: развитие онлайн-торговли, поведение российских потребителей, интеграционные процессы. Противодействие контрафакции должно базироваться на совершенствовании мер таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности в условиях интеграции и на формировании антиконтрафактной культуры российских потребителей.

Научная новизна: представлено исследование рынка контрафактных товаров в индустрии моды, выявлены причины и факторы, способствующие производству и распространению контрафакта в данном секторе экономики, что будет содействовать разработке адекватных антиконтрафактных мер борьбы.

Практическая значимость: результаты исследования могут служить основой для актуализации и разработки антиконтрафактных мер, адекватных современным условиям.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; модная индустрия; фешен-рынок; контрафакт; товар-имитатор; подделка; копия; реплика; потребитель

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Сальникова А. В. Модный контрафакт в России: современные тенденции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 57–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.57-66>

A. V. SALNIKOVA¹

¹ *Vladimir State University named after Aleksandr Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs (VIGU), Vladimir, Russia*

FASHION COUNTERFEIT IN RUSSIA: MODERN TRENDS

Anastasiya V. Salnikova, PhD (History), Associate Professor of the Department of Financial Law and Customs, Vladimir State University named after Aleksandr Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs (VIGU)

Address: 87 Gorhiy Str., 600000 Vladimir, Russia, tel.: +7 (4922) 47-99-34

E-mail: salnikova-av@mail.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0029-3125>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5660-2019>

Objective: to study the regularities and features of the Russian market of fashion counterfeit goods.

Methods: dialectical approach, system approach, analysis, synthesis, comparative analysis method.

Results: the main types of counterfeit goods in the fashion market are identified that differ in quality and cost and, as a result, in their presence in various segments of the fashion industry. The uncertainty of boundaries between counterfeit and original products is marked, which is used by manufacturers to sell fakes to consumers. It is found that the distribution channels of counterfeit products are numerous and differentiated depending on the type of counterfeit, the Internet being the most powerful one. Among the most significant factors affecting the distribution of counterfeit products in the fashion market, the following were identified: development of online commerce, behavior of the Russian consumers, and integration processes. Counteraction to counterfeiting should be based on improving the customs protection of intellectual property under integration and improving the anti-counterfeit culture of the Russian consumers.

Scientific novelty: a study of the market for counterfeit goods in the fashion industry is presented; the reasons and factors that contribute to the production and distribution of counterfeit goods in this economy sector are identified, which will help to develop adequate anti-counterfeit measures.

Practical significance: the study results can serve as the basis for updating and developing anti-counterfeit measures that are adequate to the modern conditions.

Keywords: Economics and national economy management; Fashion industry; Fashion market; Counterfeit; Imitative product; Fake; Copy; Replica; Consumer

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Salnikova A. V. Fashion counterfeit in Russia: modern trends, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 57–66 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.57-66>

Введение

Постановка проблемы. Производство и распространение контрафакта – это стремительно растущее явление мирового масштаба. Более того, явление очень динамичное и постоянно меняющееся [1, p. 51; 2, p. 468]. Вследствие этого тема постоянно привлекает внимание широкого круга исследователей. Как следует из совместного доклада Организации экономического сотрудничества и развития и Бюро интеллектуальной собственности Европейского союза (далее – ЕС), объем международной торговли контрафактной и пиратской продукцией в 2016 г. составил 3,3 % мировой торговли, или 509 млрд долларов США, тогда как в 2013 г. эти показатели были соответственно 2,5 %, или 461 млрд долларов США. Доля торговли контрафактной и пиратской продукцией в 2013–2016 гг. выросла значительно, более того, рост происходил в период относительного замедления темпов мировой торговли в целом [3, p. 11].

Производство подделок захватывает все большее и разнообразное количество отраслей промышленности, а их ассортимент значительно варьируется: от товаров народного потребления до предметов ро-

скоши. Не стала исключением и модная индустрия, являющаяся одним из быстрорастущих секторов мировой экономики, ежегодный оборот которой, по разным оценкам, составляет более 3 трлн долларов США. Индустрия моды во многих странах мира объявлена в качестве приоритетной отрасли для развития национальной экономики и является одной из основных. Согласно статистическим данным, она приносит в бюджеты некоторых развитых европейских стран около 30 % дохода, формируя около 25 % валового внутреннего продукта [4, с. 14].

Наиболее часто таможенными органами зарубежных стран, в том числе Европейского союза, изымаются контрафактные обувь, одежда, изделия из кожи, другие товары, среди которых и предметы роскоши, включая часы, парфюмерию, кожгалантерею высокого класса, фирменные солнцезащитные очки [3, pp. 30–31]. О засилье подделок в мире моды свидетельствуют и многочисленные судебные процессы, инициируемые модными домами (Chanel в 2017 г.) и другими владельцами брендов (компания Alexander Wang в 2016-м, французский холдинг Kering – владелец брендов Gucci, Balenciaga, Yves Saint Laurent – в 2015-м, Tiffany – в 2004-м) против продавцов контра-

факта¹. Количество споров с претензиями о подделках дизайна одежды, обуви и аксессуаров только растет.

Контрафакт в разных секторах экономики России составляет, по данным Brandmonitor и Fashion Consulting Group, от 5 до 30 %². Оборот подделок люксовых модных брендов в 2018 г. составил 280 млрд рублей, в то время как рынок легальных продаж оригинальных товаров – 248 млрд рублей³. Таким образом, оборот модного контрафакта класса люкс превысил оборот оригинальных товаров на 13 %. Результат внушительный и свидетельствует о значимости исследуемого вопроса.

Необходимость проведения исследования. Современная российская индустрия моды признается одним из факторов повышения конкурентоспособности легкой промышленности. Новые технологии, трансформация рынка и модели потребления несут как расширяющиеся возможности, так и риски, одним из которых и является контрафакт⁴. Государство и правообладатели постоянно разрабатывают и внедряют различные антиконтрафактные инструменты. Противокоонтрафактная методика должна базироваться не только на возможностях российского и международного законодательства, но и учитывать особенности рынка, анализ бизнес-процессов, оказывающих непосредственное влияние на появление и распространение контрафакта в постоянно меняющихся условиях.

В целях разработки адекватных антиконтрафактных мер видится необходимым представить характеристику рынка модного контрафакта, выявить причины и факторы, способствующие производству и распространению поддельной продукции в данном секторе экономики.

Таким образом, объемы и отраслевой масштаб торговли контрафактом в России и во всем мире зна-

чительны и представляют одну из серьезных угроз современности, требующей адекватных мер борьбы. Наличие рынка контрафактной продукции в модной индустрии является не только национальной, но и глобальной проблемой.

Результаты исследования

Индустрия моды является отдельным сектором экономики, которым осуществляется производство и сбыт товаров, и включает ряд смежных экономических отраслей. Широкая трактовка товаров модной индустрии включает всю продукцию личного потребления, узкая – товары отраслей легкой промышленности, удовлетворяющие только личные потребности: парфюмерная и косметическая продукция, одежда, обувь, аксессуары и т. д.

Модные вещи удовлетворяют эстетические потребности, сигнализируют о социальном статусе их владельца. Сегменты модной индустрии (модные марки) классифицируются в зависимости от качества производимых изделий, способа выпуска коллекций, ценовой политики производителей.

Современная российская индустрия моды переживает этап становления. Она является достаточно молодой, появившейся только в начале 1990-х гг. как самостоятельная отрасль российской экономики, выделившаяся в рамках легкой промышленности [5, с. 167]. Вклад России в мировую модную индустрию составляет 0,014 %. Согласно данным Fashion Consulting Group, в 2018 г. объем российского рынка одежды, обуви и аксессуаров составил 2,36 трлн рублей. Несмотря на то, что в России сегодня уже достаточно много отечественных дизайнеров, своя модная индустрия еще не сформирована. Доминируют на российском фешен-рынке по-прежнему товары иностранных брендов: ¾, или 78 %, российского модного рынка одежды, обуви и аксессуаров составляют импортные товары⁵.

Одной из самых устойчивых сфер российской фешен-индустрии являются брендовая одежда и аксессуары, которые пользуются почти одинаково большим спросом на российском рынке товаров. Рынок модной одежды, согласно маркетинговым исследованиям,

¹ Модное воровство: как большие бренды борются с контрафактом. URL: <https://vogue.ua/article/fashion/brend/modnoe-vorovstvo-kak-bolshie-brendy-boryutsya-s-kontrafaktom.html> (дата обращения: 20.10.2019); Abibas: как подделки захватили мир. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/203429-fake-history> (дата обращения: 20.10.2019).

² Retail Week. 2018, № 5, ноябрь. С. 11.

³ Российский fashion-рынок: итоги 2018 года. URL: fashionconsulting.ru/rossiyskiy-fashion-gynok-itogi-2018-goda/ (дата обращения: 20.10.2019).

⁴ Перспективы индустрии моды в России. URL: <https://souzlegprom.ru/ru/press-tsentr/publikatsii-2839-perspektivy-industrii-mody-v-rossii.html> (дата обращения: 20.10.2019).

⁵ Перспективы индустрии моды в России. URL: <https://souzlegprom.ru/ru/press-tsentr/publikatsii-2839-perspektivy-industrii-mody-v-rossii.html> (дата обращения: 20.10.2019).

оценивается как «достаточно емкий и постоянно растущий» как в столичных и крупных городах, так и в регионах [6].

Фешен-рынок условно относят к группе потребительских рынков с широким распространением контрафакта. На таких рынках поддельная продукция составляет примерно от 10 до 20 % [7, с. 26]. Однако наиболее ярко проблема контрафакта прослеживается на рынке брендовых люксовых товаров, где основным достоянием марки являются имидж и репутация.

Анализ положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487, п. 1 ст. 1515 Гражданского кодекса РФ (ч. 4) позволяет заключить, что контрафактом признается как нарушение авторских и смежных прав («пиратство»), так и незаконное использование товарных знаков (подделка, фальсификация, имитация, параллельный импорт)⁶.

Основными видами контрафакта на российском фешен-рынке сегодня являются: подделки и фейки, копии или реплики, товары-имитаторы.

1. *Подделки и фейки.* Подделкой является изделие, похожее на оригинал, но выполненное из ненатуральных, дешевых материалов и с применением некачественной фурнитуры (например, вместо натуральной кожи – искусственная, вместо металлической фурнитуры – пластиковая и т. д.), а также с нарушением или изменением технологии производства (фальсифицированная продукция). Зачастую подделки не имеют полной комплектации упаковки и документов. То есть подделкой в модной индустрии именуют товар низкого или очень низкого качества. В последнее время в обиход вошло английское слово «фейк», что переводится как подделка или фальшивка. В отличие от слова «подделка» понятие фейка имеет более негативную окраску. Подделки и фейки имеют низкую стоимость, зачастую во много раз ниже стоимости оригинального товара. За счет этого они доступны большому количеству потребителей. Модные подделки могут продаваться везде, но в основном реализуются на рынках, в подземных переходах, интернет-магазинах, обычных магазинах. Такого рода подделки в фешен-индустрии затрагивают одежду, обувь, аксессуары.

2. *Копии и реплики.* Это те же подделки, но более высокого качества, зачастую практически идентичные

оригиналам брендовых товаров класса люкс. В искусстве под репликой понимают повторение автором своего успешного произведения, создаваемого на заказ. При ее воплощении автор может внести в оригинальное творение изменения или дополнения. В модной индустрии репликой является высококачественная копия оригинала. Вследствие этого термин «копия» в модной индустрии равнозначен понятию «реплика». При внешнем сходстве с оригиналом реплики всегда имеют небольшие отличия и стоят дешевле (обычно в два раза). С точки зрения зарубежных исследователей, контрафактные модные бренды – это схожие или сбивающие с толку копии подлинных модных брендов, которые обычно доступны по цене оригинальной продукции с более низким качеством [8, р. 208].

Копии могут быть сертифицированными, т. е. производиться без нарушения авторских прав, иметь оригинальный крой и реализовываться в престижных магазинах. В данном случае производство реплик курируется модными домами: крупные производители легально приобретают чертежи и лекала оригинальных моделей известных дизайнеров, после того как прошли сезонные показы и большая часть коллекций распродана.

В любом случае реплики изготавливают из натуральных материалов и качественной фурнитуры, они имеют качественные швы, правильно выполненные логотипы и монограммы.

Реплики в основном производятся на брендовые товары класса люкс. И если ранее между оригиналом и копией существовала четкая разница, то со временем рынок реплик стал более организованным, качество изделий значительно улучшилось, а в некоторых случаях их почти невозможно отличить от оригинала. Наиболее значимой причиной улучшения качества копий брендовой продукции является повышение у потребителей мотивации к ее покупке [9, р. 207].

В отличие от подделок реплики распространены не во всех сегментах модного рынка: большинство копий производится на брендовые аксессуары (в основном сумки) класса люкс, так как мода на аксессуары меняется не так часто, как в вестиментарной группе. Например, классические модели сумок брендов *Chanel* или *Dior* не выходят из моды десятилетиями.

В 2018 г. оборот контрафактной одежды, обуви и аксессуаров люксовых брендов в России превзошел оборот оригиналов на 13 % (280 млрд руб. против 248 млрд руб. соответственно), в то время как в миро-

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019). URL: <https://legalacts.ru/kodeks/GK-RF-chast-4/> (дата обращения: 20.10.2019).

вой модной индустрии одежды и обуви доля оборота такого контрафакта оценивается в 30–35 %⁷.

Брендовые люксовые копии реализуются в основном в торговых центрах (40 % всего объема) и на вещевых рынках (30 %) [10, с. 1]. Значительная часть модного контрафакта выявляется в ходе проверок МВД, Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы (в рамках таможенного контроля после выпуска товаров) в точках непосредственной реализации таких товаров. Зачастую юридические лица или индивидуальные предприниматели, реализующие контрафактные одежду, обувь или аксессуары, не имеют соответствующей документации на такие товары⁸. На онлайн-торговлю контрафактным люксом приходится около 84 млрд руб., из них 25 млрд руб. – это продажи через социальные сети и маркетплейсы. Чаще всего покупатели приобретают поддельные футболки, кроссовки, джинсы и сумки. Наиболее часто термины «копия» и «реплика» используют продавцы поддельной одежды, обуви, очков, часов, сумок, товаров люксового сегмента⁹.

В России проблема реплик носит массовый характер и в экономсегментах разных товарных категорий.

По мнению исследователей, люксовые бренды являются наиболее уязвимыми для контрафакции ввиду их символической и видимой ценности [9, р. 207; 11, р. 349].

3. *Товары-имитаторы.* К данной категории относят частично или полностью скопированные с оригинала товары, выпускаемые под собственным товарным знаком (торговой маркой, брендом). По внешнему виду такое изделие схоже с оригиналом. Особенно популярны товары-имитаторы в брендах масс-маркета. Это так называемое явление *fast fashion* (в переводе с англ. – «быстрая мода»): вещь, презентованная модным домом на показе, через две недели уже может быть куплена в магазине. Тогда как в среднем в индустрии моды от разработки дизайнера

до поступления новой коллекции в продажу проходит шесть месяцев. В масс-маркетах можно найти одежду, обувь и аксессуары, схожие с последними модными коллекциями, но по доступной цене. Примером может быть такой крупный мировой ритейлер, как Zara. Так, в 2016 г. десятки дизайнеров-иллюстраторов обвинили испанскую марку Zara в заимствовании рисунков для принтов на одежде, а дизайнер бренда Brother Vellies уличил компанию в плагиате дизайнера босоножек. И таких случаев достаточно много. Однако, как показывает практика, зачастую отстаивать свои права в суде авторам оригиналов оказывается достаточно сложно. Товары-имитаторы также распространены среди аксессуаров, одежды и обуви. В России особенно популярны имитации сумок и одежды брендов Louis Vuitton, Gucci, Paul Smith, Chanel, Michael Kors. При этом на рынке одежды имитируют либо известные марки, либо узнаваемые модели [12, с. 9]. Товары-имитаторы распространены и в обувном сегменте модного рынка и присутствуют в ассортименте каждого третьего обувного магазина в России. В основном это имитации продукции известных спортивных брендов Adidas и Nike. Через магазины продается порядка 425 млн пар обуви ежегодно, что составляет 80 % всей обувной продукции в России. Из них более 140 млн пар – различного вида контрафакт. Всего объем торговли обувью в магазинах, где присутствует контрафактная продукция, по России в целом составляет 256,4 млрд руб., или 33,6 % от совокупного объема рынка¹⁰.

По мнению некоторых исследователей, имитация оказывает на бренд неоднозначное влияние. С одной стороны, бренд страдает из-за имитации (например, имитация может вести к потере прибыли, наносить вред репутации и т. д.), с другой стороны, наличие имитационного продукта фактически продвигает оригинальный бренд [13, р. 147; 14, р. 807].

Все вышеуказанные виды контрафакта производятся с нарушением прав интеллектуальной собственности. Основными критериями их отличия друг от друга выступают качество товара и его стоимость.

Другим аспектом выделения данных видов контрафакта является отношение потребителей. Согласно данным исследования Brandmonitor, россияне считают копии товаров легальной продукцией. Реплики и ко-

⁷ Российский fashion-рынок: итоги 2018 года. URL: fashionconsulting.ru/rossiyskiy-fashion-rynok-itogi-2018-goda/ (дата обращения: 20.10.2019).

⁸ Портал «Все о таможене»: Криминал. URL: <http://www.tks.ru/crime/> (дата обращения: 20.10.2019).

⁹ Россияне считают копии товаров легальной продукцией – показало исследование. URL: brandmonitor.ru/materials/rossiyane-schitayut-kopii-tovarov-legalnoy-produktsiy-pokazalo-issledovanie/ (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁰ Retail Week. 2015. № 5, ноябрь. С. 11.

пии, по их мнению, ничем не уступают оригинальным товарам по качеству, цене и законности, а подделки воспринимаются как некачественные, дешевые и незаконные товары¹¹. В данном случае мы имеем дело с важностью формулировок – это работа маркетинга.

Большая часть контрафактных товаров модной индустрии поступает на российский рынок из стран дальнего зарубежья. Контрафакт может происходить из любых стран всех континентов, но лидерство в этом на протяжении последних лет продолжает удерживать Китай, имеющий общую границу с Россией. Основными экономиками – концентраторами мировой торговли контрафактом являются Индия, Малайзия, Мексика, Сингапур, Таиланд, Турция, ОАЭ [3, pp. 12, 29]. Важными транзитными пунктами в торговле контрафактом являются: 1) при отправке подделок в Африку – Саудовская Аравия, ОАЭ, Йемен; 2) в ЕС – Албания, Египет, Марокко, Украина; 3) в США – Панама [3, p. 12]. Транзитные пункты используются в целях фальсификации документов, чтобы закамуфлировать отправную точку подделок. Также здесь создаются распределительные центры, где товары «облагораживают»: упаковывают, переупаковывают, переклеивают на них лейблы. В то время как импорт контрафакта в определенную страну находится под контролем соответствующих органов власти, транзитные товары зачастую не входят в поле их внимания и не задерживаются.

Подделки для российского рынка производятся и в странах СНГ. Значительная их часть имеет украинское происхождение.

Одной из распространенных схем ввоза поддельной модной продукции является, по данным Федеральной таможенной службы России, их перемещение физическими лицами в качестве товаров для личного пользования. Пассажиры поясняют, что одежда, обувь или аксессуары предназначаются для подарков родственникам и друзьям¹².

На рынок модного контрафакта в России оказывают влияние ряд причин и факторов. Под причиной

мы понимаем основание для появления какого-либо явления. Среди причин контрафакции модной продукции следует определить следующие:

– Одежда, обувь и аксессуары – наиболее привлекательные товары для контрафакции ввиду больших оборотов и частой их смены покупателями.

– Перенос большинством иностранных компаний своего производства модной одежды, обуви, аксессуаров в развивающиеся и наименее развитые страны.

– Отсутствие у российских покупателей антиконтрафактной культуры. Европейцы проявляют активную гражданскую позицию, интересуясь наиболее полной информацией о товарах (услугах) и лицах, их производящих или (оказывающих)¹³. В отличие от европейцев у российских потребителей гражданское самосознание в данной сфере практически отсутствует, о чем свидетельствуют данные одного из недавних исследований, согласно которому 86 % россиян лояльно относятся к покупке контрафактных товаров. Более всего они готовы покупать неоригинальные одежду, обувь и аксессуары. Россияне готовы приобретать подделки и в розничных магазинах, и в сети Интернет. При этом 75 % опрошенных считают нормальным покупать подделки не только для себя, но и в подарок. Наиболее терпимо к подделкам люксовых брендов относятся жители Москвы, и только 20 % москвичей готовы покупать оригинальные вещи¹⁴.

В российском законодательстве, как и в законодательстве большинства зарубежных стран, наказание за покупку контрафакта отсутствует. Многие отечественные и зарубежные исследователи отрицают необходимость введения мер ответственности для покупателей контрафактной продукции и считают первоочередной задачей формирование нравственно-правовой позиции граждан в отношении контрафакта [15, с. 31].

Под фактором мы понимаем движущую силу процесса, которая детерминирует его характер или отдельные черты. Факторами контрафакции на российском фешен-рынке являются:

¹¹ Россияне считают копии товаров легальной продукцией – показало исследование. URL: brandmonitor.ru/materials/rossiyane-schitayut-kopii-tovarov-legalnoy-produktsiyey-pokazalo-issledovanie/ (дата обращения: 20.10.2019).

¹² Контрафактные мужские костюмы и брюки «для родственников» изъяты у пассажира из Стамбула. URL: <http://www.tks.ru/crime/2019/07/24/04> (дата обращения: 20.10.2019).

¹³ Контрафакт: предупрежден значит вооружен. URL: <https://www.retail.ru/articles/kontrafakt-preduprezhden-znachit-vooruzhen/2019-07-062019-07-06/> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁴ Более 80 % россиян согласились покупать контрафакт. URL: <https://brandmonitor.ru/materials/bolee-80-rossiyan-soglasilis-pokupat-kontrafakt/> (дата обращения: 20.10.2019).

– **Открытость границ с государствами – членами Евразийского экономического союза** (далее – ЕАЭС). Значительное количество модного контрафакта попадает в Россию из Китая через Киргизию и Казахстан. Эти страны имеют более низкий уровень таможенной защиты на своих внешних границах. Вследствие их членства в ЕАЭС товары свободно попадают на российский рынок, минуя дополнительные проверки и таможенное декларирование¹⁵. Часть импортируемой продукции все же проникает на российский модный рынок, часть задерживается мобильными группами российских таможенных органов¹⁶. Формирование зон свободной торговли ЕАЭС со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, которые признаны в качестве основных поставщиков контрафакта.

– **Формирование зон свободной торговли ЕАЭС** со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, которые признаны в качестве основных поставщиков контрафакта.

– **Географическая близость России** к основным странам-производителям и странам – транзитерам подделок.

– **Импортная продукция становится все более дорогой**, что является прямым следствием снижения курса рубля и повышения курса иностранных валют. Данный фактор приводит, во-первых, к неизбежному постепенному росту розничных цен на импортные модные коллекции, во-вторых, оказывает влияние на российские компании, импортирующие волокна, ткани и фурнитуру.

– **Развитие новых технологий**, которые, с одной стороны, способствуют борьбе с производством подделок (например, средства для проверки подлинности товара, отслеживания движения товара с момента его производства до реализации конечному потребителю), с другой – их более быстрому и качественному

производству при меньших затраченных усилиях на их создание. Так, за последние десять лет подделки стали дешевле по производству, но по качеству более идентичными оригиналам [2, р. 468; 16, р. 194].

– **Снижение уровня доходов населения** и, как следствие, покупательной способности. Согласно данным Росстата, 2018 г. стал пятым подряд годом снижения реальных доходов населения. В 2017 г. доходы снизились на 1,2 %, в 2016-м – на 5,8 %, в 2015-м – на 3,2 %, в 2014-м – на 0,7 %. Последний раз реальные доходы населения выросли в 2013 г. – на 4 %¹⁷.

– **Развитие онлайн-коммерции**. В последние годы Интернет изменил способ продажи и покупки контрафактной продукции, благодаря чему производителям и реализаторам контрафакта стало намного проще обманывать покупателей [1, р. 52]. (В настоящее время Интернет является мощнейшим каналом сбыта модной контрафактной продукции. Лидерство по-прежнему сохраняется за крупными интернет-аукционами, представляющими свои торговые площадки практически для всех желающих (например, *e-Bay*.) В последнее время в России самой крупной площадкой российского Интернета для продавцов модного контрафакта становится Инстаграм. Наиболее часто здесь продают реплики товаров известных модных брендов. Так, в 2017 г. количество аккаунтов, связанных с продажей копий оригиналов, в русскоязычном сегменте Инстаграм, находилось в диапазоне 6 000–10 000 учетных записей. Наиболее популярными категориями у продавцов такого контрафакта являются сумки, одежда и обувь известных брендов, особенно люксовых [17]. В зависимости от возраста, пола, социального статуса, рода деятельности человека ему в Интернете предлагается таргетированная реклама. При переходе по ссылке человек попадает на сайт, где ему предлагают определенные товары известных брендов по цене ниже оригинальных. Если будет сделан заказ, то товар будет доставлен по указанному адресу¹⁸. По мнению экспертов и исследователей про-

¹⁵ «Модный контрафакт» нашел брешь в границах ЕАЭС, через которую просачивается на российский рынок. URL: http://logirus.ru/news/custom_and_ved/modnyy_kontrafakt_nashel_bresh_v_granitsakh_eaes-cherез_kotoruyu_prosachivaetsya_na_rossiyskiy_ryn.html (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁶ Calvin Klein из Чуйского района. Челябинские таможенники задержали крупную партию контрафакта. URL: <http://www.tks.ru/crime/2019/06/28/04> (дата обращения: 20.10.2019); Саратовская таможня: ущерб правообладателям превысил 57 миллионов рублей. URL: <http://www.tks.ru/crime/2019/04/02/09> (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁷ Росстат: Доходы, расходы и сбережения населения. Реальные располагаемые денежные доходы населения. Оперативные данные. 2008–2018 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 20.10.2019).

¹⁸ Таможня берет след. URL: <http://www.tks.ru/reviews/2019/04/17/01> (дата обращения: 20.10.2019).

блем контрафакта, торговля модными подделками, особенно люксовыми, будет только расти и смещаться в онлайн. Во-первых, 68 % россиян не могут отличить продавцов оригинальной продукции от продавцов контрафакта в Интернете. Продавцы контрафакта вводят потребителей в заблуждение: используют логотипы известных брендов, изображения оригинальных товаров, а также названия брендов в доменных именах. 63 % респондентов ассоциируют сайт с компанией – производителем оригинальной продукции, если в его доменном имени присутствует название бренда [10, с. 1]. Во-вторых, анонимность Интернета затрудняет поиск и идентификацию нарушителей [1, р. 60]. В-третьих, распространению модного контрафакта через Интернет способствует и недостаточная разработка правовых мер, позволяющих своевременно обнаруживать контрафакт в Сети и предупреждать потребителей, а также практическое отсутствие судебной практики. Закрывать сайт, реализующий контрафактную продукцию, можно только по решению суда. Это достаточно долгий и ресурсозатратный процесс.

– **Поведение потребителей.** Исследователи выделяют две категории покупателей на контрафактном рынке, или два типа контрафактного рынка. Первая категория информирована об истинном происхождении приобретаемой контрафактной продукции и осознанно стремится к покупке именно такого рода товаров в целях удовлетворения своих потребностей в «желаемом и приемлемом для его доходов диапазоне цен». Вторая не имеет информации о реальном происхождении приобретаемого товара. Такие потребители являются жертвой продавцов контрафакта. При этом первый тип рынка преобладает над вторым [18, с. 7; 19, р. 175]. Исследованию причин, побуждающих потребителей сознательно приобретать контрафактные товары модной индустрии, посвящено достаточно много работ. Среди основных причин выделяют: 1) намерение купить подделку в качестве недорогой альтернативы оригиналу; 2) желание обладать специфическим товаром; 3) информационную восприимчивость; 4) нормативную восприимчивость; 5) ценностное сознание; 6) поиск новинок; 7) целостность и статус потребления и др. В отношении люксовых брендов исследователи выделяют две их основные функции, которые формируют отношение покупателей к таким товарам: 1) самовыражение (продукт сигнализирует о богатстве, тем самым обеспечивая функцию вы-

ражения стоимости, которая позволяет потребителю спроектировать идентичность в соответствии с брендом класса люкс), т. е. клиент покупает часы Rolex, так как этот бренд отражает его индивидуальность; 2) самопрезентация (функция социальной идентичности или социальной адаптации, когда потребители могут покупать предметы роскоши, чтобы «вписаться» или получить общественное одобрение), т. е. клиент покупает часы Rolex как символ социального статуса. Именно вторая функция порождает потребителей, покупающих люксовый контрафакт [20; 2, р. 472].

Выводы

Проведенное исследование позволяет выделить следующие основные тенденции на современном российском рынке модной одежды, обуви и аксессуаров:

1. Модный рынок следует отнести к группе потребительских рынков с широким распространением контрафакта. Проблема контрафакта модной одежды, обуви и аксессуаров на российском фешен-рынке по-прежнему актуальна. Количество контрафактной продукции ежегодно растет.

2. Традиционно значительные объемы модного контрафакта поступают на российский рынок из-за рубежа. Лидером все так же является Китай.

3. На протяжении последних 10 лет традиционными каналами распространения подделок низкого качества являются розничные рынки и сеть Интернет, копий – крупные торговые центры и сеть Интернет.

Значимые особенности современного российского рынка модного контрафакта:

1. Благодаря усовершенствованию технологий производства происходит размывание границ между контрафактной и оригинальной продукцией, следовательно, и практическому отсутствию ценовой разницы. Таким образом, цена перестает выступать сигнальной функцией для потребителей. Продавцы контрафактного товара пользуются терминами «копия», «реплика» в целях все большей мотивации потребителей к покупке.

2. Реализация контрафактной продукции происходит не только на розничных рынках и посредством неорганизованной розницы, но и через легальные торговые предприятия (магазины, торговые центры и т. д.) по цене оригинала.

3. Мощным каналом распространения контрафактной модной продукции в настоящее время является

сеть Интернет, где лидерство завоевывают социальные сети, в частности, Инстаграм. Это объясняется значительно большими возможностями совершать обман потребителей и оставаться большей частью безнаказанными ввиду не вполне распространенной правоприменительной практики.

Происходящие процессы на современном рынке модного контрафакта, его тенденции и особенности должны быть учтены при модернизации антиконтра-

фактной политики как государства, так и правообладателей. Учитывая выявленные причины и факторы распространения контрафакта на модном рынке современной России, основное внимание следует уделять совершенствованию мер таможенной защиты объектов интеллектуальной собственности при их трансграничном перемещении и формированию антиконтрафактной культуры потенциальных покупателей.

Список литературы

1. Te-Yao J. The impact of counterfeit-purchase penalties on anti-counterfeiting under deceptive counterfeiting // *Journal of Economics and Business*. 2015. Vol. 80. Pp. 5161.
2. Meraviglia L. Technology and counterfeiting in the fashion industry: Friends or foes? // *Business Horizons*. 2018. No. 61. Pp. 467–475.
3. ОЕСП/EUIPO Trends in Trade in Counterfeit and Pirated Goods, Illicit Trade, OЕСP Publishing, Paris/European Union Intellectual Property Office. 2019. 84 p. URL: <https://doi.org/10.1787/g2g9f533-en> (дата обращения: 20.10.2019).
4. Баркова Н. Ю. Управление цепями поставок транснациональных компаний в индустрии моды: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 197 с.
5. Малышева Е. В. Влияние процессов цифровизации и глобализации на развитие мирового и российского рынка моды // *Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова*. 2018. № 1 (97). С. 167–173. DOI: 10.21686/2413-2829-2018-1-167-173
6. Шهبанова Н. А. Защита творчества в индустрии моды // *Российский ежегодник международного права*. СПб., 2014. С. 198–217. URL: <http://www.igfran/articles/3846> (дата обращения: 20.10.2019).
7. Основные формы незаконного оборота продукции на потребительских рынках России и меры противодействия / В. В. Радаев (рук. проекта), Е. С. Бердышева, Н. В. Конрой и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 418 с.
8. Cunsomer motives for purchasing counterfeit luxury products: Behind the status signaling behavior using brand prominence / P. Purwanto, L. Margiati, K. Kuswandi, B. Prasetyo // *Business: Theory and Practice*. 2019. No. 20. Pp. 208–215. DOI: 10.3846/btp.2019.20
9. Sondhi N. Scale development & validation for assessing attitude towards counterfeit luxury // *Procedia Computer Science*. 2017. Vol. 122. Pp. 206–213. DOI: 10.1016/j.procs.2017.11.362
10. Костырев А., Щуренков Н. Контрафакт – упрямая вещь // *Коммерсант*. 2019. № 117. 8 июля.
11. Le Roux A., Bobrie F., Thebault M. A typology of brand counterfeiting and imitation based on a semiotic approach // *Journal of Business Research*. Vol. 69. 2016. Pp. 349–356.
12. Тишина Ю. Онлайн покупки не отличаются оригинальностью // *Коммерсант*. 2018. № 236. 21 декабря. С. 9.
13. Crettez B., Hayek N., Zaccour G. Brand imitation: A dynamic-game approach // *International Journal of Production Economics*. 2018, No. 205. Pp. 139–155. DOI: 10.1016/j.ijpe.2018.09.010
14. Romani S., Gistri G., Pace S. When counterfeits raise the appeal of luxury brands // *Mark Lett*. 2012. No. 23. Pp. 807–824. DOI: 10.1007/s11002-012-9190-5
15. Бойко О. А., Панов С. Л. Покупатель контрафактной продукции: жертва или соучастник? // *Виктимология*. 2018. № 2 (16). С. 29–33.
16. Bhatia V. Examining consumers' attitude towards purchase of counterfeit fashion products // *Journal of Indian Business Research*. 2018. No. 10 (2). Pp. 193–207. DOI: 10.1108/jibr-10-2017-0177
17. Кривулин Р. Эти люди вообще знают, что нарушают закон? Как Инстаграм стал крупнейшей площадкой по продаже контрафакта. URL: <https://rb.ru/opinion/insta-fake/> (дата обращения: 20.10.2019).
18. Галазова Т. Э. Теоретическая характеристика рынка контрафактных товаров // *Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*. 2009. Т. 7, № 3. С. 7–9.
19. Marticotte F., Arcand M. Schadenfreude, attitude and the purchase intentions of a counterfeit luxury brand // *Journal of Business Research*. 2017. Vol. 77. Pp. 175–183. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.12.010
20. The Devil might wear Prada, but Narcissus wears counterfeit Gucci! How social adjustive functions influence counterfeit luxury purchases / L.V. Ngoa, G. Northeyb, Q. Tranc, F. Septiantod // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2018. DOI: 10.1016/J.JRETCONSER.2018.09.003

References

1. Te-Yao J. The impact of counterfeit-purchase penalties on anti-counterfeiting under deceptive counterfeiting, *Journal of Economics and Business*, 2015, Vol. 80, pp. 51–61.
2. Meraviglia L. Technology and counterfeiting in the fashion industry: Friends or foes?, *Business Horizons*, 2018, No. 61, pp. 467–475.
3. *OECP/EUIPO Trends in Trade in Counterfeit and Pirated Goods*, Illicit Trade, OECP Publishing, Paris, European Union Intellectual Property Office, 2019, 84 p., available at: <https://doi.org/10.1787/g2g9f533-en> (access date: 20.10.2019).
4. Barkova N. Yu. *Managing purchase chains of transnational companies in fashion industry*, PhD (Economics) thesis, Moscow, 2016, 197 p. (in Russ.).
5. Malysheva E. V. The impact of digitalization and globalization on the development of world and Russian fashion market, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2018, No. 1 (97), pp. 167–173 (in Russ.). DOI: 10.21686/2413-2829-2018-1-167-173
6. Shebanova N. A. Protecting creativity in the fashion industry, *Russian year-book of international law*, Saint Petersburg, 2014, pp. 198–217, available at: <http://www.igpran/articles/3846> (access date: 20.10.2019) (in Russ.).
7. Radaev V. V., Berdysheva E. S., Konroi N. V. *Basic forms of illegal circulation of goods in consumer markets of Russia and measures for counteraction*, Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017, 418 p. (in Russ.).
8. Purwanto P., Margiati L., Kuswandi K., Prasetyo B. Consumer motives for purchasing counterfeit luxury products: Behind the status signaling behavior using brand prominence, *Business: Theory and Practice*, 2019, No. 20, pp. 208–215. DOI: 10.3846/btp.2019.20
9. Sondhi N. Scale development & validation for assessing attitude towards counterfeit luxury, *Procedia Computer Science*, 2017, Vol. 122, pp. 206–213. DOI: 10.1016/j.procs.2017.11.362
10. Kostyrev A., Shchurenkov N. Counterfeit does not lie, *Kommersant*, 2019, No. 117, 8 July (in Russ.).
11. Le Roux A., Bobrie F., Thebault M. A typology of brand counterfeiting and imitation based on a semiotic approach, *Journal of Business Research*, Vol. 69, 2016, pp. 349–356.
12. Tishina Yu. Online purchases are not at all unique, *Kommersant*, 2018, No. 236, 21 December, p. 9 (in Russ.).
13. Crettez B., Hayek N., Zaccour G. Brand imitation: A dynamic-game approach, *International Journal of Production Economics*, 2018, No. 205, pp. 139–155. DOI: 10.1016/j.ijpe.2018.09.010
14. Romani S., Gistri G., Pace S. When counterfeits raise the appeal of luxury brand, *Mark Lett*, 2012, No. 23, pp. 807–824. DOI: 10.1007/s11002-012-9190-5
15. Boyko O. A., Panov S. L. The buyer of counterfeit products: victim or accomplice, *Victimology*, 2018, No. 2 (16), pp. 29–33 (in Russ.).
16. Bhatia V. Examining consumers' attitude towards purchase of counterfeit fashion products, *Journal of Indian Business Research*, 2018, No. 10 (2), pp. 193–207. DOI: 10.1108/jibr-10-2017-0177
17. Krivulin R. *Do these people know they violate the law? How Instagram became the largest platform of counterfeit sales*, available at: <https://rb.ru/opinion/insta-fake/> (access date: 20.10.2019) (in Russ.).
18. Galazova T. E. Theoretical characteristics of the market of counterfeit goods, *Terra Economicus*, 2009, Vol. 7, No. 3, pp. 7–9 (in Russ.).
19. Marticotte F., Arcand M. Schadenfreude, attitude and the purchase intentions of a counterfeit luxury brand, *Journal of Business Research*, 2017, Vol. 77, pp. 175–183. DOI: 10.1016/j.jbusres.2016.12.010
20. Ngoa L.V., Northeyb G., Tranc Q., Septiantod F. The Devil might wear Prada, but Narcissus wears counterfeit Gucci! How social adjustive functions influence counterfeit luxury purchases, *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2018. DOI: 10.1016/J.JRETCONSER.2018.09.003

Дата поступления / Received 26.10.2019

Дата принятия в печать / Accepted 14.01.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Сальникова А. В., 2020

© Salnikova A. V., 2020

АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ / ASPECTS OF DIGITAL ECONOMY

УДК 339.13:004:332.1:338(470+571)
JEL: L86, M31, O1, O4, P25, R11

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.67-78>

Т. В. КРАМИН¹,
И. Ю. ИМАШЕВА¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия

К ВОПРОСУ О БЕНЧМАРКИНГЕ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ШИРОКОПОЛОСНОГО ИНТЕРНЕТА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Контактное лицо:

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, проректор по корпоративному управлению, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

Имашева Ильмуханум Юнусовна, аспирант кафедры финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: ilya.mechta@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4467-8759>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5034-2020>

Цель: изучение влияния широкополосного Интернета на экономический рост регионов России.

Методы: эконометрическое моделирование с использованием производственной функции Кобба – Дугласа и модели экономического роста Р. Солоу, сопоставительный анализ (бенчмаркинг).

Результаты: широкополосный Интернет стимулирует и ускоряет процесс цифровой трансформации, способствует формированию экономических связей. Между тем методики оценки влияния широкополосного Интернета на экономику находятся в стадии совершенствования. В данной статье с помощью модели экономического роста Р. Солоу выявлено и доказано наличие положительного влияния широкополосного Интернета на валовый региональный продукт регионов РФ за период 2010–2016 гг.; построен рейтинг регионов России по уровню эффективности использования факторов производства, перечень которых включает, помимо традиционных, показатели развития цифровой инфраструктуры, а также выявлены лидеры этого рейтинга, направления лучших практик, характерных для этих регионов России.

Научная новизна: предложена новая методика бенчмаркинга регионов России по эффективности использования факторов производства и их вклада в экономический рост, основанная на результатах эконометрического моделирования.

Практическая значимость: полученные результаты позволили обосновать необходимость совершенствования и ускорения развития системы широкополосного Интернета как одного из показателей, обеспечивающих развитие региональных экономических систем РФ, и таким образом сформировать направления политики внедрения цифровой экономики (цифровой трансформации) в регионах РФ.

Ключевые слова: цифровая экономика; экономический рост; модель экономического роста Р. Солоу; производственная функция Кобба – Дугласа; широкополосный Интернет; региональная экономика; эконометрическое моделирование; бенчмаркинг

Крамин Т. В., Имашева И. Ю. К вопросу о бенчмаркинге на примере анализа эффективности использования широкополосного Интернета...
Kramin T. V., Imasheva I. Yu. On the issue of benchmarking by the example of analyzing the efficiency of using the broadband Internet...

Благодарность: работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Татарстан в рамках исследовательского проекта № 18-410-160010 p_a.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Крамин Т. В., Имашева И. Ю. К вопросу о бенчмаркинге на примере анализа эффективности использования широкополосного Интернета в регионах России // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 67–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.67-78>

T. V. KRAMIN¹,

I. YU. IMASHEVA¹

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia*

ON THE ISSUE OF BENCHMARKING BY THE EXAMPLE OF ANALYZING THE EFFICIENCY OF USING THE BROADBAND INTERNET IN THE RUSSIAN REGIONS

Contact:

Timur V. Kramin, Doctor of Science in Economics, Professor, Vice-rector for corporate governance, Head of the Chair of Financial Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

Address: 42 Moskovskaya str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6020-6161>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/J-9126-2013>

Ilmukhanum Yu. Imasheva, post-graduate student of the Department of Finance Management, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

Address: 42 Moskovskaya str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: ilya.mechta@bk.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4467-8759>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAC-5034-2020>

Objective: to study the impact of broadband Internet on the economic growth of the Russian regions.

Methods: econometric modeling using the Cobb-Douglas production function and the R. Solow economic growth model, comparative analysis (benchmarking).

Results: broadband Internet stimulates and accelerates the process of digital transformation, contributing to the creation of economic ties. However, methods for assessing the impact of broadband Internet on economy are still imperfect. The article uses the R. Solow economic growth model to identify and justify the positive impact of broadband Internet on the gross regional product of the Russian regions in 2010-2016; the Russian regions ranking is presented, based on the degree of production factors efficiency, which includes indicators of digital infrastructure development in addition to traditional ones; the leaders of this ranking are identified, as well as the areas of best practices typical for these regions of the Russian Federation.

Scientific novelty: a new method of benchmarking of the Russian regions is proposed, based on the production factors efficiency and their contribution to economic growth, according to the results of econometric modeling.

Practical significance: the obtained results substantiate the need to improve and accelerate the development of broadband Internet as one of the indicators providing the Russian regional economic systems development; thus, the directions of the digital economy implementation (digital transformation) in the Russian Federation regions are identified.

Keywords: Digital economy; Economic growth; R. Solow model of economic growth; Cobb-Douglas production function; Broadband Internet; Regional economy; Econometric modeling; Benchmarking

Acknowledgement: the work was carried out with the financial support of the Russian Fund for Basic Research and the government of the Republic of Tatarstan within the research project No. 18-410-160010 r_a.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Kramin T. V., Imasheva I. Yu. On the issue of benchmarking by the example of analyzing the efficiency of using the broadband Internet in the Russian regions, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 67–78. (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.67-78>

Введение

На сегодняшний день широкополосный Интернет необходимо рассматривать как один из главных факторов цифровой экономики, который обеспечивает развитие экономических систем. Совершенствование широкополосного Интернета стимулирует и ускоряет процесс цифровой трансформации, способствует формированию экономических связей. В целях развития цифровой экономики в регионах Российской Федерации широкополосный Интернет должен подвергаться постоянному изучению и проверке присутствия его влияния на региональное экономическое развитие.

Процесс непрерывного совершенствования широкополосного Интернета является важным пунктом цифровой программы Европейского союза «Цифровая повестка дня для Европы», а также для многих промышленно развитых стран. Цель Европейской комиссии состоит в том, чтобы обеспечить надежные экономические и социальные взаимосвязи посредством единого цифрового рынка (*Digital Single Market*) благодаря сверхбыстрому Интернету.

Наличие и уровень развития инфраструктуры широкополосного Интернета сами по себе не определяют эффективности его использования в целях экономического развития в регионах России.

Несмотря на логичность предположения о положительном влиянии широкополосного Интернета на экономическое развитие экономических систем, уровень и характер такого влияния в разные периоды времени и для разных объектов исследования различаются, согласно результатам опубликованных на настоящее время работ.

Таким образом, целью настоящего исследования является изучение влияния широкополосного Интернета на экономический рост регионов России. В работе сделано и подтверждено предположение о неоднородности региональной эффективности использования широкополосного Интернета в регионах России. Для этой цели использован инструмент бенчмаркинга.

В настоящей статье проводится научное исследование, которое свидетельствует о положительном влиянии широкополосного Интернета на развитие региональных экономических систем РФ. Оценка влияния широкополосного Интернета на развитие региональных экономических систем РФ проводится с использованием регрессионной модели экономического роста Р. Солоу, основанной на производственной функции Кобба – Дугласа, а широкополосный Интернет выступает как дополнительный фактор формирования валового регионального продукта. Результатом научного исследования выступает наличие положительного влияния широкополосного Интернета на валовый региональный продукт регионов РФ за период 2010–2016 гг., которое было выявлено и математически доказано при помощи эконометрического моделирования. Реплицированное регрессионное уравнение рассматривается как бенчмарк первого уровня. На втором этапе для каждого объекта исследования (региона) производится расчет показателя ЭКСТ, представляющего собой разницу между фактическим и расчетным значениями зависимой переменной (валовым региональным продуктом, далее – ВРП) в отношении к его фактическому значению. Положительное значение этого показателя для отдельного региона говорит о наличии дополнительных положительных экстерналий в нем, представленных в том числе механизмами лучших практик. В работе построен рейтинг регионов по показателю ЭКСТ. Также были выявлены направления лучших практик, характерных для этих регионов России.

Таким образом, в настоящем исследовании предложено развитие методологии бенчмаркинга на основе нового подхода к выявлению и оценке лучших практик региональной эффективности при использовании данных регионов России. Предлагаемый подход основан на факторном анализе соотношения структуры и объема используемых ресурсов и получаемых результатов. В частности, этот подход проиллюстрирован на примере факторного анализа эффективности использования цифровой инфраструктуры регионов России с точки зрения их экономического роста.

Обзор литературы

Главным показателем для стран, поощряющих дорогостоящее развертывание сетей широкополосного Интернета, является ожидание того, что высокоскоростная широкополосная связь будет существенно стимулировать экономический рост. Однако существует обратное мнение, так, Р. Гордон утверждает, что мировая экономика уже извлекла пользу из интернет- и веб-революции и поэтому возрождение производительности, которое имело место в конце 1990-х, вряд ли повторится [1, pp. 54–59].

Л. Реллер и Л. Уоверман проанализировали, как инвестиции в развитие телекоммуникаций влияют на экономический рост [2, pp. 909–923]. Они проводили исследование в 21 стране – члене Организации экономического сотрудничества (далее – ОЭСР) за период 1970–1990 гг. Период исследования не полностью охватывает развертывание широкополосной сети, но анализ имеет важное значение, поскольку дает возможность на раннем этапе попытаться определить взаимосвязь между экономическим ростом и показателями цифровой экономики. В частности, они уточнили модель предложения и спроса на инвестиции. Такой подход выявил взаимосвязь между деятельностью сектора телекоммуникаций и экономикой в целом. Л. Реллер и Л. Уоверман выявили, что телекоммуникации приблизительно на одну треть увеличивают экономический рост страны – члена ОЭСР в течение рассматриваемого периода. Они также сообщают, что эти инвестиции оказали положительное влияние на рост, после того как была создана система универсального обслуживания.

После плодотворной работы Л. Реллера и Л. Уовермана авторы двух опубликованных исследований попытались проанализировать, как широкополосный Интернет влияет на развитие экономических систем. Результаты этих работ доказывают наличие сильного положительного влияния широкополосной инфраструктуры на развитие экономических систем, они использовали модель панельных данных с фиксированным эффектом. В частности, в работе П. Котрампис проводилась оценка по 15 странам Европейского союза за 2003–2006 гг., и она показала, что десятипроцентное увеличение показателя проникновения за тот или иной год увеличивает валовый внутренний продукт (далее – ВВП) примерно на 3 % [3, pp. 471–485]. Позже Н. Черних дополнила уравнение роста ВВП на

душу населения моделью технологической диффузии для формирования инструментальных переменных [4, pp. 505–532]. Ее исследование показало, что в 24 странах – членах ОЭСР в 1996–2007 гг., согласно оценкам, увеличение на 10 % проникновения широкополосной связи приводит к росту ВВП на душу населения на 0,9–1,5 %.

Методологически и П. Котрампис, и Н. Черних, и другие исследователи определяют статические групповые модели данных с фиксированными эффектами. Однако эконометрическая оценка, которая использует метод обобщенных моментов (GMM), допускала бы полное рассмотрение сложных динамических отношений среди переменных в уравнении роста. А именно изменения в капитале и других показателях могут затронуть будущее, а также текущий экономический рост. Первоначальные оценки методов обобщенных моментов (GMM) были предложены Д. Хольц-Икин, В. Ньюи и Х. Розен [5, pp. 1371–1395] и П. Арестис, П. Димитриадис и К. Лунтель [6, pp. 16–41]. Обобщенные методы оценки параметров моделей, предложенные М. Арельяно и С. Бондом [7, pp. 277–297], впервые были использованы в научной литературе по эмпирическому росту Ф. Каселли, Дж. Эскивеля и Ф. Лефорта [8, pp. 363–389]. У. Майер, Г. Мадден и В. Чен придерживаются такого же подхода [9, pp. 1–18]. Они используют набор инструментальных переменных, построенных из предшествующих значений переменных, содержащихся в модели. Преимущество такого подхода заключается в том, что оценка может быть распространена на несколько эндогенных объясняющих переменных, без необходимости использования дополнительных моделей для объяснения их развития. В их исследованиях экономические последствия увеличения количества широкополосных сетей (проникновение) и их качества (скорость) потенциально связаны с задержками во времени в результате обучения, реорганизации, инноваций и разработки новых продуктов. Таким образом, У. Майер и другие ученые расширяют исследования П. Котрамписа и Н. Черних путем введения широкополосной скорости в дополнение к обычно используемому проникновению в их динамическую модель экономического роста. Высокоскоростная широкополосная связь является основной целью цифровой программы. Увеличение скорости сети становится главным показателем экономического ро-

ста для многих стран. Поэтому очень важно оценить вклад улучшения качества сети (повышения скорости) в экономический рост.

Как обсуждалось Ш. Джиллетт с соавторами [10], взаимосвязь между проникновением и экономическим воздействием, вероятно, нелинейная и влияние широкополосной связи на ВВП должно быть самым высоким на ранней стадии развертывания, поскольку ранние пользователи получают наибольшую выгоду. Поэтому может существовать точка насыщения с проникновением, и скорость может играть разные роли на разных уровнях проникновения.

Проводя научный обзор по данной теме, можно сделать вывод о том, что присутствует существенная разница влияния широкополосной связи на рост ВВП между странами с высоким и низким уровнем дохода. К. Цян с соавторами в исследовании Всемирного банка, содержащем данные по 186 странам, делают вывод о том, что для стран с высоким уровнем дохода дополнительные десять широкополосных линий на 100 человек увеличили ВВП на 1,21 %, в то время как рост ВВП для стран с низким уровнем дохода был больше на 1,38 % для каждого 10%-го увеличения проникновения [11, pp. 45]. Кроме того, Л. Уоверман с соавторами установили, что мобильная телефонная связь оказывает положительное и существенное влияние на экономический рост, который в два раза больше в развивающихся странах по сравнению с развитыми странами [12, pp. 10–24]. Исследования Х. Томпсона и К. Гарбача [13, pp. 189–214], Х. Чавула [14, pp. 5–23], Б. Борена и С. Негаша [15, pp. 265–278], а также Майера с соавторами [9, pp. 1–18] говорят о том, что воздействие информационно-коммуникационных технологий, включая широкополосную сеть, на экономический рост также заметно отличается для стран с высоким и низким уровнем дохода. Поэтому они используют предельно обобщающую модель, которая позволяет учитывать параметры между странами с высоким и низким уровнем дохода.

Эмпирическое доказательство, о котором сообщают пространственные (кросс-секционные) исследования на основании отношений между информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ) и экономическим ростом, смешано. Большинство находит позитивную связь между ИКТ и экономическим ростом (Н. Черних [4, pp. 505–532]; Х. Грабер и П. Котрампис [16, pp. 133–145]; П. Ко-

трампис [3, pp. 471–485]; Г. Мадден и С. Саваж [17, pp. 173–195]; Л. Роллер и Л. Уоверман [2, pp. 909–923]; Х. Сео с соавторами [18, pp. 422–431]; Х. Томпсон и К. Гарбач [13, pp. 189–214]; Л. Уоверман с соавторами [12, pp. 10–24]). Другие исследования, однако, нашли, что эффект роста инвестиций в ИКТ статистически незначителен, особенно инвестиции в компьютеры [9, pp. 548–562; 20; 21, pp. 380–396].

Широкополосная связь, как движущий фактор проникновения ИКТ, существенно ускоряет передачу информации и знаний и, следовательно, усиливает воздействие ИКТ на экономический рост. Большинство вышеуказанных исследований посвящено инвестициям в ИКТ в целом; данные о влиянии широкополосной связи на экономический рост являются скудными, только в работах П. Котрампис и Н. Черних есть конкретное исследование влияния проникновения широкополосной связи на экономический рост. Кроме того, как указывали Х. Томпсон и К. Гарбач, Х. Чавула, а также К. Блэкберн и В. Хунг [22, pp. 107–124], влияние ИКТ на экономический рост заметно отличается для стран с высоким и низким уровнем дохода. А. Армента, А. Серрано, М. Кабрера и Р. Конте даже предполагают, что участие общества, социально-экономическое развитие на основе общечеловеческих ценностей и эффективная широкополосная технология играли решающую роль в программе цифрового единства для сельского населения в развивающихся странах [23, pp. 345–353]. В связи с этим необходимо продолжить изучение влияния проникновения широкополосной связи на экономический рост с использованием более поздних данных о дифференциации стран с высоким и низким уровнем дохода.

Таким образом, существуют большие различия в оценках влияния широкополосной связи на рост ВВП, и большая часть исходит из спецификации модели, например, почти 10-кратная разница в оценках между исследованиями Барро [24, pp. 407–443] и К. Цян, К. Россотто и К. Кимуры. Поэтому целесообразно продолжить изучение влияния развития широкополосной связи на экономический рост с помощью более тщательно разработанных моделей.

До настоящего времени эмпирических научных исследований, доказывающих присутствие влияния широкополосного Интернета на региональный экономический рост РФ, еще не было. Научные труды, касающиеся данной темы, проводились в целом и да-

вали оценку влияния широкополосного Интернета на развитие экономических систем России.

Главной проблемой развития региональных экономических систем нашей страны представляется «цифровое неравенство». Эту проблему подробно описывает в своем научном труде М. Лещенко: «Если обеспеченность услугами широкополосного Интернета жителей мегаполисов (Москвы и С.-Петербурга) составляет около 75 %, то в домохозяйствах сельской местности – около 30 %, а в отдельных населенных пунктах – меньше 10 %. Основные причины такой ситуации объективны. В силу огромной территории и низкой плотности населения в отдельных регионах строительство транспортных сетей высокой протяженности и современных сетей доступа требует от операторов связи значительных инвестиций» [25, pp. 48–49]. Эта ситуация указывает на важность изучения обеспеченности широкополосным Интернетом отдельно по регионам, так как общероссийские данные покажут «общую температуру по больнице» и не позволят выявить основные проблемы в изучаемой области.

В. Бутенко, В. Веерпалу и другие исследователи считают, что главной составляющей информатизации, не считая компьютеризацию, является связь [26, 27]. Цифровая трансформация России возможна только с развитой ИКТ-инфраструктурой, позволяющей сверхбыстро предоставлять информацию различного вида независимо от местонахождения потребителя, гарантировать сохранность, обработку и защиту. Таким образом, опережающие темпы строительства ИКТ-инфраструктуры гарантируют успех преобразований, а неразвитость, высокие тарифы на услуги и оборудование приведут к остановке процесса [28, pp. 5–10].

С учетом всего указанного выше в настоящей работе используется расширенная модель Р. Солоу на основе производственной функции Кобба – Дугласа с включением в нее широкополосного Интернета как дополнительного фактора формирования валового регионального продукта РФ, проводится моделирование развития региональных экономических систем РФ. Данное научное исследование поможет лучше оценить факторы экономического развития.

Кроме того, в настоящей работе изучается неоднородность российских регионов с точки зрения эффективности использования широкополосного Интернета. Для решения этой задачи используется методика бенчмаркинга.

Традиционно под бенчмаркингом (от англ. *Benchmarking*) понимается эталонное тестирование на основе выявления эталонных значений некоторых целевых показателей. Анализ на основе эталонных значений показателей включает стадии оценивания и сопоставления [29, 30].

В научной литературе можно встретить различные виды бенчмаркинга, среди которых бенчмаркинг конкурентоспособности, функциональный бенчмаркинг, бенчмаркинг процесса, бенчмаркинг территории [31–35] и др. Здесь авторами используется процедура бенчмаркинга, основанная на эконометрическом моделировании.

Методология и данные исследования

В настоящем исследовании в качестве эталона принимается не значение какого-либо показателя, а наилучшее соотношение ключевых производственных и инфраструктурных факторов и результатов функционирования социально-экономической системы (региона). Процедура бенчмаркинга основана на эмпирических данных и носит объективный характер. Кроме того, процедура бенчмаркинга одновременно учитывает ряд аспектов и факторов, что значительно расширяет ее возможности. Процесс учета лучших практик, соответственно, включает следующие этапы:

1) создание типового соотношения между факторами производства и конечным продуктом региона (валовым региональным продуктом) в форме расширенной производственной функции Кобба – Дугласа, построенной на основе эконометрического моделирования; фактически эластичности производственной функции играют роль весовых коэффициентов факторов; само реплицированное уравнение следует рассматривать как бенчмарк первого уровня;

2) на втором этапе для каждого объекта исследования (региона) проведение расчета показателя ЭКСТ, представляющего собой разницу между фактическим и расчетным ВРП (рассчитанным на основе регрессионного уравнения, смоделированного на первом этапе) в отношении к его фактическому ВРП; считается, что положительное значение этого показателя для отдельного региона говорит о наличии дополнительных положительных экстерналий в нем, представленных в том числе механизмами лучших практик;

3) изучение регионов с наибольшими значениями показателя ЭКСТ на наличие лучших практик, рассмотрение возможности распространения этих лучших практик в других регионах.

Большинство вышеуказанных исследований посвящено инвестициям в ИКТ в целом. Действительно, в современных условиях положительное влияние на экономический рост оказывают инфокоммуникационные технологии. Более интенсивное их использование может свидетельствовать о развитости страны.

Мы оцениваем влияние широкополосного Интернета на экономический рост регионов РФ. В рамках исследования использовалась всемирно известная модель экономического роста Г. Мэнкью, Д. Ромера и Д. Уэйла [35, pp. 407–437; 37, pp. 65–94]: модель Кобба – Дугласа с постоянным эффектом масштаба:

$$Y = A K^\alpha L^\beta BB1^\gamma BB2^\varphi, \quad (1)$$

где Y – валовый региональный продукт (ВРП), K – физический капитал, L – численность экономически активного населения региона; $BB1$ и $BB2$ – показатели оценки уровня развития широкополосного Интернета. В качестве таких показателей выбраны: число организаций, которые использовали сеть Интернет (обозначен как $BB1$), а также затраты на информационно-коммуникационные технологии ($BB2$). A – характеризует уровень развития широкополосного Интернета и его изменение в течение времени.

В построенных моделях использованы данные ежегодных отчетов «Регионы России. Социально-экономические показатели» за период с 2010 по 2016 гг.

Модель оценивает различия в темпах прироста регионального ВРП в России в 2010–2016 гг., что и является результатом исследования. Кризисный, 2014, год рассматривается отдельно, для того чтобы распознать его влияние на отличие регионов по степени зависимой переменной.

В работе используются данные по 80 регионам РФ. Не включены в рассмотрение Чеченская Республика, Ингушетия, Калмыкия, Крым и Севастополь ввиду неполноты данных. Регрессионная модель затрагивает временной отрезок с 2010 по 2016 гг. Региональные данные РФ помогают распознать общие направления развития в разрезе субъектов Российской Федерации. Это говорит об однородности данных и возможности их сопоставления.

Результаты исследования

При моделировании мы используем линейную регрессионную модель:

$$\ln(Y) = \ln(A) + \alpha \times \ln(L) + \beta \times \ln(K) + \gamma \times \ln(BB1) + \varphi \times \ln(BB2). \quad (2)$$

Она получена в результате применения процедуры логарифмирования к выражению (1). При моделировании с помощью метода наименьших квадратов по панельным данным включены фиксированные эффекты по результатам теста Хаусмана [38, pp. 1251–1271]. Уравнение в модели с фиксированными эффектами дает нам состоятельные результаты, учитывающие индивидуальные эффекты.

Для учета влияния кризиса 2014 г. на характеристики построенной модели в модель включена фиктивная переменная $SHALL$, характеризующая 2014 г. С использованием фиксированных эффектов строим окончательную форму регрессионной модели (табл. 1).

Таблица 1

Модель экономического роста в регионах России с учетом влияния широкополосного Интернета

Table 1. Model of economic growth in the Russian regions, taking into account the impact of the broadband Internet

Переменная / Variable	Коэффициент / Coefficient	Стандартная ошибка / Standard error	t-критерий / t-test	Вероятность / Probability
$\ln A$	14,40400	0,581893	24,75367	0,0000
$SHALL$	0,008274	0,007771	1,064721	0,2875
$\ln L$	0,368201	0,075323	4,888301	0,0000
$\ln K$	0,125685	0,032341	3,886267	0,0001
$\ln BB1$	0,026475	0,005772	4,586770	0,0000
$\ln BB2$	0,167676	0,015893	10,55044	0,0000
R^2	0,997253	–	–	–

Примечание: Зависимая переменная: $\ln Y$. Выборка 2010–2016 гг., $SHALL$ – фиктивная переменная, характеризующая 2014 (кризисный) год.

Note: Dependent variable: $\ln Y$. Sample of 2010–2016, $SHALL$ – dummy variable characterizing the year of 2014 (crisis).

Таблица 2

Лидеры рейтинга регионов России по эффективности использования факторов производства, перечень которых включает показатели развития цифровой инфраструктуры (построено по данным лучших практик [39])
Table 2. Leaders of the Russian regions' ranking by the efficiency of using the production factors, including the digital infrastructure development indicators (by the data of the best practices [39])

Модель, представленная в табл. 1, хорошо специфицирована. Коэффициенты большинства объясняющих переменных высокосignификантны (за исключением *SHALL*). Коэффициент при переменной *SHALL*, в модели с фиксированными эффектами, оказался статистически незначимым, это говорит о том, что данные 2014 г. не оказывают статистически значимое влияние на формирование ВРП в регионах России за период 2010–2016 гг.

В целях выделения лучших регионов с точки зрения эффективности использования факторов производства, включенных в ранее представленные модели, был произведен расчет показателя ЭКСТ для всех регионов, включенных в выборку.

Первые двенадцать регионов, у которых этот показатель наивысший, представлены в табл. 2.

В табл. 2 представлены выявленные в регионах лучшие практики по методике Агентства стратегических инициатив по следующим направлениям [39]:

A – «Регуляторная среда и институты для бизнеса».

B – «Инфраструктура и ресурсы».

C – «Поддержка малого предпринимательства».

По данным табл. 2 можно заключить, что наиболее часто представленной положительной экстерналией экономического развития регионов – лидеров рейтинга по показателю ЭКСТ является наличие лучших практик по направлению *A* «Регуляторная среда и институты для бизнеса». В частности, лидер рейтинга – Московская область – впереди по четырем показателям в этом направлении:

1. «Среднее время регистрации юридических лиц».

2. «Удовлетворенность деятельностью по регистрации юридических лиц».

3. «Эффективность работы Совета по вопросам развития инвестиционного климата (или аналогичного органа) в субъекте Российской Федерации».

4. «Интернет-портал об инвестиционной деятельности».

Для второй пятерки регионов-лидеров характерно преимущественно наличие лучших практик по направлению *B* «Инфраструктура и ресурсы». Так, Республика Татарстан, занимающая в рейтинге шестое место, лидирует по двум показателям этого направления:

– «Оценка качества телекоммуникационных услуг предпринимателями»;

– «Оценка доступности необходимых трудовых ресурсов».

№ п/п* / No.*	Наименование региона / Region	Число лучших практик в регионах по направлениям / Number of the best practices in the regions by area		
		<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>
1	Московская область / Moskovskaya oblast	4	1	1
2	Удмуртская Республика / Udmurt Republic	1	–	–
3	Санкт-Петербург / Saint Petersburg	2	1	2
4	Москва / Moscow	1	–	1
5	Красноярский край / Krasnoyarsk krai	1	–	–
6	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	–	2	–
7	Смоленская область / Smolenskaya oblast	1	2	2
8	Ставропольский край / Stavropol krai	–	2	–
9	Краснодарский край / Krasnodar krai	1	1	–
10	Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	–	–	–
11	Новгородская область / Novgorodskaya oblast	–	1	–
12	Самарская область / Samarskaya oblast	1	–	–

Примечание: * По порядку убывания показателя ЭКСТ.

Note: * In the descending order of the EKST indicators.

Взаимосвязь между наличием лучших практик в регионах и положением их в рейтинге, представленном выше, в целом прослеживается, однако имеют место отдельные случаи, требующие дальнейшего исследования. В частности, необходимо выяснить, почему, имея пять лучших практик, включенных в перечень Агентства стратегических инициатив, Смоленская область заняла только седьмое место в рейтинге. Очевидно, что само наличие лучшей

практики в регионе является благоприятным условием для повышения эффективности факторов производства, но ее влияние на эту эффективность может быть различным. Задачей настоящей статьи было показать наличие влияния лучших практик в целом. Специфика влияния каждой лучшей практики и его особенности в отдельных российских регионах – цель будущих исследований.

Выводы

Главным достижением работы служит доказательство наличия влияния широкополосного Интернета на развитие региональных экономических систем РФ за временной период с 2010 по 2016 гг. Выявленный результат положительный и статистически значимый. В процессе научной работы обнаружено, что предпосылки множественного регрессионного анализа выполняются для построенной модели и построенная выборочная модель множественной регрессии является адекватной, следовательно, ее можно использовать для прогнозирования.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости совершенствования и ускорения широкополосного Интернета как одного из показателей, обеспечивающих развитие региональных экономических систем РФ, и также отметить, что политика внедрения цифровой экономики в регионы РФ, направленная на развитие факторов цифровой экономики (цифровой трансформации), является важной и актуальной.

Кроме того, предложенный подход в сфере бенчмаркинга территорий позволил построить рейтинг регионов России по уровню эффективности использования факторов производства, перечень которых включает, помимо традиционных, показатели развития цифровой инфраструктуры, а также выявить лидеров этого рейтинга. Также были выявлены направления лучших практик, характерных для этих регионов России. В будущем планируется также произвести поиск лучших практик у регионов – лидеров рейтинга использования факторов производства, построенного в настоящем исследовании.

Список литературы

1. Gordon R. J. Secular stagnation: A supply-side view // *American Economic Review*. 2015. Vol. 105, № 5. Pp. 54–59. DOI: 10.1257/aer.p20151102
2. Roller L.-H., Waverman L. Telecommunications infrastructure and economic development: A simultaneous approach // *American economic review*. 2001. Vol. 91, № 4. Pp. 909–923. DOI: 10.1257/aer.91.4.909
3. Koutroumpis P. The economic impact of broadband on growth: A simultaneous approach // *Telecommunications policy*. 2009. Vol. 33, № 9. Pp. 471–485. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.07.004
4. Broadband infrastructure and economic growth / N. Czernich, O. Falck, T. Kretschmer, L. Woessmann // *The Economic Journal*. 2011. Vol. 121, № 552. Pp. 505–532. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02420.x
5. Estimating vector autoregressions with panel data / D. Holtz-Eakin, W. Newey, H. S. Rosen // *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. 1988. Vol. 56, № 6. Pp. 1371–1395. DOI: 10.2307/1913103
6. Financial development and economic growth: the role of stock markets / P. Arestis, P. O. Demetriades, K. B. Luintel // *Journal of money, credit and banking*. 2001. Vol. 33, № 1. Pp. 16–41. DOI: 10.2307/2673870
7. Arellano M., Bond S. Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations // *The review of economic studies*. 1991. Vol. 58, № 2. Pp. 277–297. DOI: 10.2307/2297968
8. Reopening the convergence debate: a new look at cross-country growth empirics / F. Caselli, G. Esquivel, F. Lefort // *Journal of economic growth*. 1996. Vol. 1, № 3. Pp. 363–389. DOI: 10.1007/bf00141044
9. Broadband and economic growth: a reassessment / W. Mayer, G. Madden, C. Wu // *Information Technology for Development*. 2020. Vol. 26, № 1. Pp. 128–145. DOI: 10.1080/02681102.2019.1586631
10. Measuring broadband's economic impact / W. H. Lehr, C. Osorio, S. E. Gillett, M. A. Sirbu. 2006.
11. Economic impacts of broadband / C. Z.-W. Qiang, C. M. Rossotto, K. Kimura // *Information and communications for development 2009: Extending reach and increasing impact*. 2009. Vol. 3. Pp. 35–50.
12. The impact of telecoms on economic growth in developing countries / L. Waverman, M. Meschi, M. Fuss // *The Vodafone policy paper series*. 2005. Vol. 2, № 3. Pp. 10–24.
13. Thompson H. G., Garbacz C. Mobile, fixed line and Internet service effects on global productive efficiency // *Information Economics and Policy*, 2007. Vol. 19, № 2. Pp. 189–214. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2007.03.002

14. Chavula H. K. Telecommunications development and economic growth in Africa // Information Technology for Development. 2013. Vol. 19, № 1. Pp. 5–23. DOI: 10.1080/02681102.2012.694794
15. Borena B., Negash S. IT infrastructure role in the success of a banking system: The case of limited broadband access // Information Technology for Development. 2016. Vol. 22, № 2. Pp. 265–278. DOI: 10.1080/02681102.2014.979392
16. Gruber H., Koutroumpis P. Mobile communications: Diffusion facts and prospects // Communications and Strategies. 2010. № 77. Pp. 133–145.
17. Madden G., Savage S. J. CEE telecommunications investment and economic growth // Information Economics and Policy. 1998. Vol. 10, № 2. Pp. 173–195.
18. Does ICT investment widen the growth gap? / H.-J. Seo, Y. S. Lee, J. H. Oh // Telecommunications Policy. 2009. Vol. 33, № 8. Pp. 422–431. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.04.001
19. Dewan S., Kraemer K. L. Information technology and productivity: evidence from country-level data // Management Science. 2000. Vol. 46, № 4. Pp. 548–562. DOI: 10.1287/mnsc.46.4.548.12057
20. Jacobsen K. F. L. Telecommunications – a means to economic growth in developing countries? Bergen: Chr. Michelsen Institute, 2003.
21. Pohjola M. The new economy in growth and development // Oxford Review of Economic Policy, 2002. Vol. 18, № 3. Pp. 380–396. DOI: 10.1093/oxrep/18.3.380
22. Blackburn K., Hung V. T. A theory of growth, financial development and trade // Economica. 1998. Vol. 65, № 257. Pp. 107–124. DOI: 10.1111/1468-0335.00116
23. The new digital divide: the confluence of broadband penetration, sustainable development, technology adoption and community participation / Á. Armenta, A. Serrano, M. Cabrera, R. Conte // Information Technology for Development. 2012. Vol. 18, № 4. Pp. 345–353. DOI: 10.1080/02681102.2011.625925
24. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries // The quarterly journal of economics, 1991. Vol. 106, № 2. Pp. 407–443. DOI: 10.2307/2937943
25. Лещенко М. ШПД – фундамент информационной экономики // Технологии и средства связи. 2013. № 1. Pp. 48–49.
26. Пути развития широкополосного доступа в России / В. Бутенко, В. Веерпалу, Е. Володина, Е. Девяткин // Электросвязь. 2014. № 10. Pp. 22–26.
27. Развитие широкополосных систем связи как условие создания информационного общества // Электросвязь. 2010. № 12. Pp. 17–20.
28. Бутенко В. Беспроводные технологии в инфраструктуре цифровой экономики / В. Веерпалу, Е. Володина, Е. Девяткин // Электросвязь. 2017. № 8. Pp. 5–10.
29. Михайлова Е. А. Основы бенчмаркинга // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 1.
30. Островская В. Н. Глобальная история развития бенчмаркинга // Terra Economicus (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Т. 7, № 2. С. 266–271.
31. «Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития / Ю. В. Дубровская, М. Р. Кудрявцева, Е. В. Козоногова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7
32. Иванова Н. Е. Особенности применения бенчмаркинга в инновационной сфере // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2. С. 29–39.
33. Красносельская Д. Х. Бенчмаркинг как инструмент совершенствования экономического профиля территории // Вестник МГТУ им. Г. И. Носова. 2013. № 1. С. 101–104.
34. Растворцева С. Н., Ларионова М. В. Бенчмаркинг региональной инновационной инфраструктуры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 22 (307). С. 13–27.
35. Barro J. B. Determinants of economic growth: a cross-country empirical study. National Bureau of Economic Research, 1996.
36. A contribution to the empirics of economic growth / N. G. Mankiw, D. Romer, D. N. Weil // The quarterly journal of economics. 1992. Vol. 107, № 2. Pp. 407–437.
37. Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth // The quarterly journal of economics. 1956. Vol. 70, № 1. Pp. 65–94.
38. Hausman J. A. Specification tests in econometrics // Econometrica: Journal of the econometric society. 1978. Vol. 46, № 6. Pp. 1251–1271.
39. Сборник лучших региональных управленческих практик в сфере повышения инвестиционной привлекательности по результатам Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации 2018 года. Агентство стратегических инициатив. М., 2018. 88 с. URL: <https://asi.ru/upload/medialibrary/f3a/BestPractices2018.pdf>

References

1. Gordon R. J. Secular stagnation: A supply-side view, *American Economic Review*, 2015, Vol. 105, No. 5, pp. 54–59. DOI: 10.1257/aer.p20151102
2. Roller L.-H., Waverman L. Telecommunications infrastructure and economic development: A simultaneous approach, *American economic review*, 2001, Vol. 91, No. 4, pp. 909–923. DOI: 10.1257/aer.91.4.909
3. Koutroumpis P. The economic impact of broadband on growth: A simultaneous approach, *Telecommunications policy*, 2009, Vol. 33, No. 9, pp. 471–485. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.07.004
4. Czernich N., Falck O., Kretschmer T., Woessmann L. Broadband infrastructure and economic growth, *The Economic Journal*, 2011, Vol. 121, No. 552, pp. 505–532. DOI: 10.1111/j.1468-0297.2011.02420.x
5. Holtz-Eakin D., Newey W., Rosen H. S. Estimating vector autoregressions with panel data, *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 1988, Vol. 56, No. 6, pp. 1371–1395. DOI: 10.2307/1913103
6. Arestis P., Demetriades P. O., Luintel K. B. Financial development and economic growth: the role of stock markets, *Journal of money, credit and banking*, 2001, Vol. 33, No. 1, pp. 16–41. DOI: 10.2307/2673870
7. Arellano M., Bond S. Some tests of specification for panel data: Monte Carlo evidence and an application to employment equations, *The review of economic studies*, 1991, Vol. 58, No. 2, pp. 277–297. DOI: 10.2307/2297968
8. Caselli F., Esquivel G., Lefort F. Reopening the convergence debate: a new look at cross-country growth empirics, *Journal of economic growth*, 1996, Vol. 1, No. 3, pp. 363–389. DOI: 10.1007/bf00141044
9. Mayer W., Madden G., Wu C. Broadband and economic growth: a reassessment, *Information Technology for Development*, 2020, Vol. 26, No. 1, pp. 128–145. DOI: 10.1080/02681102.2019.1586631
10. Lehr W. H., Osorio C., Gillett S. E., Sirbu M. A. *Measuring broadband's economic impact*. 2006.
11. Qiang C. Z.-W., Rossotto C. M., Kimura K. Economic impacts of broadband, *Information and communications for development 2009: Extending reach and increasing impact*, 2009, Vol. 3, pp. 35–50.
12. Waverman L., Meschi M., Fuss M. The impact of telecoms on economic growth in developing countries, *The Vodafone policy paper series*, 2005, Vol. 2, No. 3, pp. 10–24.
13. Thompson H. G., Garbacz C. Mobile, fixed line and Internet service effects on global productive efficiency, *Information Economics and Policy*, 2007, Vol. 19, No. 2, pp. 189–214. DOI: 10.1016/j.infoecopol.2007.03.002
14. Chavula H. K. Telecommunications development and economic growth in Africa, *Information Technology for Development*, 2013, Vol. 19, No. 1, pp. 5–23. DOI: 10.1080/02681102.2012.694794
15. Borena B., Negash S. IT infrastructure role in the success of a banking system: The case of limited broadband access, *Information Technology for Development*, 2016, Vol. 22, No. 2, pp. 265–278. DOI: 10.1080/02681102.2014.979392
16. Gruber H., Koutroumpis P. Mobile communications: Diffusion facts and prospects, *Communications and Strategies*, 2010, No. 77, pp. 133–145.
17. Madden G., Savage S. J. CEE telecommunications investment and economic growth, *Information Economics and Policy*, 1998, Vol. 10, No. 2, pp. 173–195.
18. Seo H.-J., Lee Y. S., Oh J. H. Does ICT investment widen the growth gap?, *Telecommunications Policy*, 2009, Vol. 33, No. 8, pp. 422–431. DOI: 10.1016/j.telpol.2009.04.001
19. Dewan S., Kraemer K. L. Information technology and productivity: evidence from country-level data, *Management Science*, 2000, Vol. 46, No. 4, pp. 548–562. DOI: 10.1287/mnsc.46.4.548.12057
20. Jacobsen K. F. L. *Telecommunications – a means to economic growth in developing countries?* Bergen, Chr. Michelsen Institute, 2003.
21. Pohjola M. The new economy in growth and development, *Oxford Review of Economic Policy*, 2002, Vol. 18, No. 3, pp. 380–396. DOI: 10.1093/oxrep/18.3.380
22. Blackburn K., Hung V. T. A theory of growth, financial development and trade, *Economica*, 1998, Vol. 65, No. 257, pp. 107–124. DOI: 10.1111/1468-0335.00116
23. Armenta Á., Serrano A., Cabrera M., Conte R. The new digital divide: the confluence of broadband penetration, sustainable development, technology adoption and community participation, *Information Technology for Development*, 2012, Vol. 18, No. 4, pp. 345–353. DOI: 10.1080/02681102.2011.625925
24. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries, *The quarterly journal of economics*, 1991, Vol. 106, No. 2, pp. 407–443. DOI: 10.2307/2937943
25. Leshchenko M. Broadband access as a foundation of information economy, *Tekhnologii i sredstva svyazi*, 2013, No. 1, pp. 48–49 (in Russ.).
26. Butenko V., Veerpalu V., Volodina E., Devyatkin E. Ways of developing a broadband access in Russia, *Elektrosvyaz'*, 2014, No. 10, pp. 22–26 (in Russ.).

27. Veerpalu V., Volodina E., Devyatkin E. Development of broadband communication systems as a condition for creating an informational society, *Elektrosvyaz'*, 2010, No. 12, pp. 17–20 (in Russ.).
28. Butenko V. Wireless technologies in the infrastructure of digital economy, *Elektrosvyaz'*, 2017, No. 8, pp. 5–10 (in Russ.).
29. Mikhailova E. A. Bases of benchmarking, *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2001, No. 1 (in Russ.).
30. Ostrovskaya V. N. Global history of benchmarking development, *Terra Economicus*, 2009, Vol. 7, No. 2, pp. 266–271 (in Russ.).
31. Dubrovskaya Yu. V., Kudryavtseva M. R., Kozonogova E. V. “Smart” benchmarking as the basis for strategic planning of regional development, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2018, Vol. 11, No. 3, pp. 100–116 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7
32. Ivanova N. E. Features of using benchmarking in innovative sphere, *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2011, No. 2, pp. 29–39 (in Russ.).
33. Krasnosel'skaya D. Kh. Benchmarking as a tool for improving an economic profile of a territory, *Vestnik MGTU im. G. I. Nosova*, 2013, No. 1, pp. 101–104 (in Russ.).
34. Rastvortseva S. N., Larionova M. V. Benchmarking of the regional innovative infrastructure, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, 2015, No. 22 (307), pp. 13–27 (in Russ.).
35. Barro J. B. *Determinants of economic growth: a cross-country empirical study*, National Bureau of Economic Research, 1996.
36. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A contribution to the empirics of economic growth, *The quarterly journal of economics*, 1992, Vol. 107, No. 2, pp. 407–437.
37. Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth, *The quarterly journal of economics*, 1956, Vol. 70, No. 1, pp. 65–94.
38. Hausman J. A. Specification tests in econometrics, *Econometrica: Journal of the econometric society*, 1978, Vol. 46, No. 6, pp. 1251–1271.
39. *Collection of the best regional managerial practices in the sphere of increasing investment attraction by eth results of the National ranking of investment climate in the Russian Federation subjects in 2018*, Moscow, Agentstvo strategicheskikh initsiativ, 2018, 88 p., available at: <https://asi.ru/upload/medialibrary/f3a/BestPractices2018.pdf>

Дата поступления / Received 08.11.2019

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Крамин Т. В., Имашева И. Ю., 2020

© Kramin T. V., Imasheva I. Yu., 2020

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

УДК 34:004.8

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91>

И. Р. БЕГИШЕВ¹,
Э. Ю. ЛАТЫПОВА,
Д. В. КИРПИЧНИКОВ¹

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ ДЕФИНИЦИИ

Контактное лицо:

Бегисhev Ильдар Рустамович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: begishev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Web of Science Researcher ID: T-2409-2019

Scopus Author ID: 57205305394

Латыпова Эльвира Юрьевна, кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: elegys@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9089-1887>

Кирпичников Данила Владимирович, лаборант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)

Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: Danila667@outlook.com

Цель: проведение критического анализа существующих дефиниций искусственного интеллекта и разработка авторского варианта рассматриваемого понятия.

Методы: методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, в том числе абстрактно-логический, сравнения и корреляционного анализа.

Результаты: выявлены основные закономерности принятия решений искусственным интеллектом, определен механизм восприятия им обстоятельств объективной реальности, подтверждена принципиальная способность кибернетического образования соотносить свое поведение с социально приемлемыми процессами. Высказано предположение, что существует множество способов описания искусственного интеллекта: посредством указания на

механизм действия, основных принципов работы, спектра решаемых задач и т. д., и т. п. Однако наиболее убедительна и последовательна позиция тех исследователей, которые склонны к описанию феномена искусственного интеллекта посредством обозначения его свойств и характеристик. Авторы статьи констатируют, что в современной правовой доктрине отсутствует определение «искусственный интеллект». В результате комплексного анализа различных источников научной информации, в системном единстве с собственными суждениями предложено ввести в научный оборот авторский вариант понятия «искусственный интеллект».

Научная новизна: в работе приведена оценка имеющихся в научной литературе и нормативно-правовой базе определений понятия «искусственный интеллект» с высказыванием авторской позиции об их относимости, всесторонности и актуальности, а также предпринята попытка с учетом всех значимых свойств искусственного интеллекта сформулировать его определение.

Практическая значимость: обусловлена отсутствием в настоящее время возможности применения к отношениям с участием искусственного интеллекта правовых норм и правил, учитывающих их специфику. Основные положения и выводы исследования могут быть использованы для совершенствования механизмов правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право и криминология; интеллектуальная система; искусственный интеллект; нейронная сеть; осознанно-волевое поведение; понятие искусственного интеллекта; правовое регулирование; самоконтроль; самообучение; цифровая безопасность; цифровая экономика; цифровое право; юнит искусственного интеллекта

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 79–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91>

I. R. BEGISHEV¹,
E. YU. LATYROVA¹,
D. V. KIRPICHNIKOV¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A LEGAL CATEGORY: DOCTRINAL APPROACH TO FORMULATING A DEFINITION

Contact:

Ildar R. Begishev, PhD (Law), Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: begishev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>

Web of Science Researcher ID: T-2409-2019

Scopus Author ID: 57205305394

Elvira Yu. Latypova, PhD (Law), Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: elegys@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9089-1887>

Danila V. Kirpichnikov, Laboratory Assistant, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: Danila667@outlook.com

Objective: to conduct a critical analysis of the existing definitions of artificial intelligence and develop an authors' version of the concept acceptable for legal sciences.

Methods: the methodological basis of the study is a set of scientific cognition methods, including abstract-logical method, comparison and correlation analysis.

Results: the main regularities of decision-making by artificial intelligence are identified; the mechanism of its perception of objective reality is determined; the fundamental ability of machine learning to conform its behavior to socially acceptable processes is confirmed. It is assumed that there are many ways to describe artificial intelligence: by indicating the action mechanism, the basic operation principles, the range of tasks to be solved, etc. However, the most convincing and consistent is position of those researchers who tend to describe the AI phenomenon by designating its properties and characteristics. The authors state that there is no definition of "artificial intelligence" in the modern legal doctrine. As a result of a comprehensive analysis of various scientific sources in a systematic unity with own judgments, it is proposed to introduce the author's version of the "artificial intelligence" concept into scientific circulation.

Scientific novelty: the paper presents an assessment of the "artificial intelligence" concept definitions available in the scientific literature and legal framework, as well as the authors' opinion on their relevance, comprehensiveness and topicality; there is an attempt to formulate the definition taking into account all the significant properties of artificial intelligence.

Practical significance: is due to the current impossibility to apply legal norms and rules to relations involving artificial intelligence taking into account their specifics. The main provisions and conclusions of the study can be used to improve the mechanisms of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation.

Keywords: Criminal Law and Criminology; Intelligent system; Artificial intelligence; Neural network; Consciously-volitional behavior; Concept of artificial intelligence; Legal regulation; Self-control; Self-learning; Digital security; Digital economy; Digital law; Artificial intelligence unit

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V. Artificial intelligence as a legal category: doctrinal approach to formulating a definition, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 79–91 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91>

Введение

В современных исследованиях по уголовному праву и криминологии активно обсуждаются вопросы применения искусственного интеллекта (далее – ИИ), правового регулирования общественных отношений, возникающих при разработке, проектировании, производстве, использовании и модификации ИИ [1, р. 50; 2, р. 400; 3, р. 6; 4, р. 5160; 5, с. 350; 6, с. 177; 7, с. 773; 8, с. 60; 9, с. 108; 10, с. 44; 11, с. 359].

Следует отметить, что единого доктринального подхода к определению понятия «искусственный интеллект» и сущности этого явления пока не разработано. По этому поводу активно ведутся научные дискуссии, предлагаются различные авторские интерпретации рассматриваемого понятия, оно является новым и многозначным [12, с. 15; 13, с. 93; 14, с. 90; 15, с. 126; 16, с. 82]. Более того, на правовое регулирование искусственного интеллекта направлена целая

группа политических¹, нормативных правовых актов и распорядительных документов Президента Российской Федерации² и органов публичной власти³. Таким

¹ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. № 38 (7796); Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // Российская газета. 2020. № 7 (8061).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта (утв. Президентом РФ 12 июня 2019 г. № Пр-1030). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/60748> (дата обращения: 20.01.2020).

³ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658/> (дата обращения: 20.01.2020).

образом, на этом пути развития цифровой экономики крайне важно выработать правовое определение понятия «искусственный интеллект».

Понятие «искусственный интеллект» постепенно входит в нашу повседневную жизнь. Научные достижения в сфере использования ИИ создали огромное количество практических разработок, упрощающих наш быт, труд и досуг. Голосовое управление, распознавание речи и символов, машинный перевод и решение задач классификации документов, цифровые сервисы и медицинские приложения – это далеко не полный перечень благ, доступных человеку вследствие развития искусственного интеллекта. Потенциал ИИ успешно реализуется в различных сферах: в образовании, медицине, робототехнике, экономике, в особенности банковской деятельности, промышленности, сельском хозяйстве, а также человеческом быту и многих иных сферах человеческой жизнедеятельности [12, с. 29].

Сегодня инновационные интеллектуальные системы имеют широкое распространение за пределами исследовательских центров. К разработкам в области ИИ проявляют интерес государственные корпорации, представители бизнеса, по внедрению таких разработок организуются различные стартапы и пр. [13, с. 131]. Также повышается доступность технологий, созданных на основе передовых знаний, включая ИИ⁴, который по праву отнесен к основным направлениям развития российских цифровых технологий.

Результаты исследования

Число сфер деятельности, в которых используется искусственный интеллект, постоянно растет. К особенностям ИИ следует отнести то, что при выполнении многогранных задач, делегированных людьми, юниты ИИ обладают способностью самостоятельно включаться в общественные отношения и часто даже выступать в качестве их неотъемлемой части.

Предметное уяснение содержания, сущности и направленности ИИ возможно при обращении к области технических наук. Как явление ИИ интерпретируется учеными по-разному, но в классификации этого по-

нятия достигнута определенная солидарность. Например, принято различать *сильный ИИ*, представляющий собой программное обеспечение, благодаря которому компьютеры могут думать так же, как и люди, а равно получать иные способности разумного существа, и *слабый ИИ*, который способен осуществлять единственный вид деятельности, для которого конкретно и был создан, например, проводить диагностику заболеваний [14, с. 130].

Имеет место и более широкая классификация. Так, в отчете обсерватории киберпреступности Австралийского национального университета [15] искусственный интеллект подразделяется на три категории: *Weak AI*, *Medium AI* и *Strong AI*.

Согласно рассуждениям австралийских ученых, первые два элемента вышеуказанной классификации обладают ограниченным набором функций и строго определенным назначением. Направленность их заключается в получении, накоплении и поиске информации исходя из запросов пользователя. В вышеуказанном отчете подобными разновидностями ИИ признаются многие предметы, которыми человек пользуется повсеместно (к примеру, голосовые ассистенты цифровых устройств). Разграничение между *Weak AI* и *Medium AI* построено на эффективности взаимодействия с человеком, скорости принятия решений и комфорте коммуникации.

Следует отметить, что существенные отличия имеет *Strong AI*, который обладает способностью к самообучению и автономному, осознанно-волевому поведению [15, р. 28]. Указанная способность, на наш взгляд, может стать важнейшим признаком, поскольку возможность самообучения предполагает самостоятельное, автономное выявление новых знаний на основе способности к восприятию, обработке, накоплению и использованию информации внешнего мира.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что ИИ способен к поведению, не поддающемуся конструктивному прогнозированию со стороны сторонних субъектов, так как основой данного поведения являются самостоятельно сформулированные поведенческие алгоритмы.

Механизм принятия решения ИИ был обоснован М. Т. Джонсом, по мысли которого для поиска оптимального решения ИИ первоначально воспринимает случайное текущее решение, не оценивая его эффективность, после же производит исследование

⁴ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

первичного случайного решения, чтобы установить его эффективность для разрешения поставленной проблемы, результатом чего выступает оригинальное решение, лишенное недостатков первичного [16, с. 16]. Затем следует фаза оценки с точки зрения критериев допуска. В качестве единственного критерия для формирования интеллектуального алгоритма выступает эффективность выполнения задания, поставленного перед искусственным интеллектом. Таким образом, можно заключить, что если указанное задание будет нацелено на нарушение законности и правопорядка, то ИИ будет представлять несравнимо большую общественную опасность из-за своей способности быстро и эффективно обрабатывать информацию [17].

В таком случае если посредством или с участием ИИ совершается преступление, то речь идет об умышленной форме вины, так как механизм или устройство действует четко, выполняя волю создателя программы [18, с. 19].

Обладая способностью к самообучению, ИИ может дать оценку эффективности влияния на него разработчика и в последующем принять решение о невыполнении поступающих от него команд. Подобную гипотетическую ситуацию мы приводим для того, чтобы продемонстрировать реальную возможность ИИ к осознанно-волевой автономной деятельности, что мы рассмотрим далее.

С учетом вышесказанного интересной представляется позиция В. С. Дороганова и М. И. Баумгартена, которые указывают следующее. По своей сущности ИИ представляет собой математическую модель, расположенную в определенном техническом устройстве. Указанная модель – это способная к самообучению модель нейронных связей, способных воспринимать информацию объективной реальности, обрабатывать ее и в результате этого получать новое знание, не вкладываемое разработчиками. Соответственно, потенциал прогнозирования его поведения существенно снижается, вернее, переходит из плоскости контроля за созданным объектом в область предвидения поведения автономного субъекта. По этой причине в современной информатике существует определенный раздел, разрабатывающий искусственные нейронные сети для последующего их использования в системах ИИ [19, с. 134].

Некоторые исследователи понимают под искусственными нейронными сетями математические мо-

дели, способные к обучению и созданные наподобие человеческого мозга [20, с. 580]. При этом необходимо обратить внимание на то, что в отличие от мозга человека, имеющего биологическое происхождение, центр интеллектуальной активности ИИ – это образование цифровое, вследствие чего возникает необходимость разъяснить некоторые существенные отличия, оказывающие влияние на способность к осознанно-волевому поведению, которые приводятся нами для понимания взаимной корреляции двух интеллектуальных образований: человеческого мозга и ИИ.

Согласно Г. Ю. Айзенку, биологический интеллект возникает на основе нейрофизиологических и биохимических факторов и непосредственно связан с деятельностью коры больших полушарий, вследствие чего представляет собой генетически детерминированную биологическую базу когнитивного функционирования и всех его индивидуальных различий [21, с. 120]. Соответственно, качество человеческой интеллектуальной деятельности находится под влиянием социальных и биологических факторов, определяющих его эффективность, что, в свою очередь, для ИИ не свойственно. Например, на развитие вербального интеллекта детей могут оказать влияние как биологические (гипоксия головного мозга), так и социальные факторы (общение с педагогами, сверстниками, сложности в обучении и пр.), а интеллект взрослого человека может испытать влияние внезапно возникшего сильного душевного волнения, фрустрации [22, с. 39]. Соответственно, можно заключить, что человеческий интеллект выступает более динамичной категорией, менее устойчивой к внешнему воздействию. В свою очередь, ИИ не испытывает на себе подобных влияний, поэтому к нему не применимы некоторые современные правовые институты, как то: психическое расстройство, не исключающее уголовную ответственность (ограниченная вменяемость); признание недееспособным и ограниченно дееспособным; эмансипация; аффект; невменяемость; причинение вреда в результате непреодолимого психического принуждения.

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что существующие антропоцентрические модели правового регулирования не могут обеспечить полное включение ИИ в общественные отношения, этим дополнительно подтверждается необходимость производства исследований в данном направлении, чтобы

обеспечить устойчивость общественной системы по отношению к различным возмущающим воздействиям [23, с. 146], наиболее существенным из которых, безусловно, является повсеместное внедрение ИИ.

Одним из свойств ИИ сегодня выступает способность превосходить человека по многим параметрам. В частности, благодаря высокой скорости просчета различных вариантов действий ИИ одерживает победу над людьми в авиационных симуляторах, а особенно в воздушном бою [24]; автомобили, снабженные системами ИИ, лишены правового нигилизма, несведомленностью об изменениях законодательства, субъективных ошибок в управлении [25, р. 242]; самообучающиеся алгоритмы позволяют системам ИИ оказывать больным высококачественную медицинскую помощь без учета таких факторов, как транспортное сообщение, инфраструктура территории, удаленность больного от медицинской организации и его материальное состояние [26, р. 835] и пр.

В перспективе возможности искусственного интеллекта также имеют тенденцию к расширению: к примеру, 8 июня 2018 г. в Национальной лаборатории Министерства энергетики США был представлен суперкомпьютер *The Summit*, который обеспечивает производительность 200 петафлопс, способен производить квадриллион операций и, как следствие, аккумулировать и использовать значительные массивы данных [27]. Также в литературе имеется точка зрения о возможности использования ИИ в деятельности по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений [28, с. 108].

Благодаря описанным выше свойствам ИИ развитие цифровых технологий выступает в качестве неотъемлемой части большинства из существующих социальных практик. По этой причине указанные категории становятся предметом изучения не только технических, но и гуманитарных наук, в том числе и правовой науки.

Высокая динамика развития ИИ обусловила дискуссионность вопроса в правовой литературе о том, обладает ли он потенциальной возможностью (или невозможностью) иметь права и обязанности и нести юридическую ответственность [29, с. 570].

Современный уровень развития искусственного интеллекта не ставит остро проблему его «сдерживания» как потенциальной угрозы человечеству [30]. Правовое регулирование ИИ должно выступать в качестве приоритетной задачи законодателя. Научному обществу, в свою очередь, необходимо ори-

ентироваться на разработку доктринальных аспектов эффективного и всестороннего правового регулирования общественных отношений с применением ИИ. Однако необходимо учесть, что в зависимости от области правового регулирования предмет и метод нормативного воздействия на ИИ варьируются, так как по своей фундаментальной сущности правовое регулирование представляет собой целенаправленное организационно-нормативное опосредование общественных отношений [31, с. 27].

Исходя из этого следует, что специфика этих отношений, в частности их субъектной структуры, налагается на сами формируемые правовые нормы. Однако основой правового регулирования искусственного интеллекта является выработка терминологического аппарата, в первую очередь понятия ИИ, включающего в себя признаки, позволяющие отграничить его от иных явлений цифрового мира.

Сегодня в российской правовой системе термины, потенциально способные иметь отношения к ИИ, – «робот» и «робототехника», – фигурируют лишь в нескольких правовых актах далеко не первостепенной важности [32]. Наиболее широко данный термин описывается в зарубежных правовых актах. Например, согласно п. 2 ст. 2 Базового закона Японии от 14 декабря 2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов», используемый в вышеуказанном законе термин «технология, связанная с искусственным интеллектом» означает технологию для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств, и использования соответствующих функций, реализуемых с помощью искусственных средств⁵.

Первоначально термин «искусственный интеллект» был введен в научное употребление Д. Маккарти в 1956 г., во время проведения первого семинара по ИИ в Дартмуте⁶, повестка которого заключалась

⁵ Об улучшении использования данных публичного и частного секторов: Базовый закон Японии № 103 от 14 декабря 2016 г. URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp> (дата обращения: 20.01.2020).

⁶ Помогать людям или заменять их? Как в Америке 1950-х создавали искусственный интеллект. Фрагмент книги «Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания». URL: <https://meduza.io/feature/2017/07/01/pomogat-lyudyam-ili-zamenyat-ih-kak-v-amerike-1950-h-sozdavali-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения: 20.01.2020).

в выработке способов применения машинами естественного языка, решения ими свойственных человеку задач, осуществления самостоятельного улучшения. Необходимо отметить, что такая концептуальная константа, как способность к самообучению, включена в содержание названной повестки, что позволяет сформулировать следующий вывод: в указанный период времени учеными феномен ИИ уже неразрывно связывался с автономным приобретением знаний.

В настоящее время в России предпринимаются попытки дать непротиворечивое определение рассматриваемого термина, при этом, как отмечается в научной литературе, указанная деятельность сопряжена с определенными трудностями [33, с. 260].

Вместе с тем существует значительное количество дефиниций понятия «искусственный интеллект» как в юридической литературе, так и в других областях научного познания.

Д. Холдрен и Э. Фелтерн считают, что не существует единого определения ИИ, которое было бы общепринято практиками [34, р. 6]. Некоторые определяют ИИ в широком смысле как компьютеризированную систему, которая демонстрирует интеллектуальное поведение. Другие определяют ИИ как систему, способную рационально решать сложные задачи или предпринимать соответствующие действия для достижения своих целей в любых реальных условиях, с которыми она сталкивается.

Р. Курцвейл считает, что искусственный интеллект – это машина, реализующая функции, которые требуют интеллектуальных способностей при их выполнении человеком [35, р. 40]. Однако в данном случае вызывает состояние неопределенности текстуальная конструкция (требует интеллектуальных способностей), поскольку любое даже самое элементарное по своей сути действие может быть расценено как проявление интеллекта.

Ю. Н. Харари считает, что человеческие инстинкты есть простейшие результаты многократно повторенной и генетически закрепленной интеллектуальной деятельности на простейшем уровне, не всегда осознаваемом человеком [36, с. 223]. Из названного следует, что некоторые поведенческие реакции, традиционно определяемые как имеющие инстинктивную природу, по своей основе являются деятельностью нейронных сетей, однако находящейся за пределами человеческого сознания.

Рассмотрим также другие определения ИИ, имеющиеся в научной литературе.

Д. В. Смолин считает, что ИИ – это система, обладающая способностями и возможностями целенаправленно изменять (исходя из состояния информационных входов) параметры функционирования и сам способ своего поведения, ставя таковой в зависимость от текущего состояния информационных входов и от предыдущего состояния системы (при этом специалист приводит следующую интересную аналогию: пример целенаправленной системы – артиллерийский выстрел; пример целенаправленной системы – самонаводящаяся ракета) [37, с. 16].

Соглашаясь с замечанием относительно способности к самообучению, считаем необходимым оспорить оценку ИИ как инструмента, поскольку подобный подход может существенно изменить метод регулирования общественных отношений, возникающих по поводу его использования.

Для указанной позиции скорее свойственно расценивать искусственный интеллект как предмет правоотношений, что не находит поддержки даже в области гражданско-правовых исследований. Как отмечает В. П. Камышанский, при введении в правоотношение ИИ следует расширять именно круг субъектов (юнит ИИ, электронное лицо) [38, с. 44]. С указанным мнением сложно не согласиться, мы совершенно солидарны с ним в части определения положения ИИ в структуре правоотношения и убеждены, что рассматривать ИИ – осознанно-волевое, автономное кибернетическое образование – недопустимо именно как орудие или предмет.

Мы также солидарны с теми исследователями, которые отмечают необходимость разработок нового понятия субъекта в связи с распространяющимся внедрением ИИ в социальные практики [39, р. 29].

А. А. Щитова под искусственным интеллектом понимает программу, обладающую таким уровнем интеллектуальности, что способна осознать себя и способна к самостоятельному принятию решений [40, с. 98].

Л. С. Болотова интерпретирует его как «некоторую искусственную (компьютерную) систему, способную имитировать интеллект человека, что выражается в воссоздании способности получать, обрабатывать и хранить информацию и знания, а также выполнять над таковыми различные действия, совокупно на-

зываемые мышлением» [41, с. 31]. Хотя указанное определение и близко по контексту с теми, которые нашими рассуждениями оценивались как релевантные, оно не содержит в себе прямого указания на способность к самообучению, хотя косвенно это исходит из описания способностей аккумулирования и накопления информации; в целом же изложенная интерпретация находится в идентичной нашей плоскости размышлений.

Достаточно дискуссионным представляется вопрос о наличии у ИИ волевого элемента деятельности. В литературе зачастую встречаются достаточно категоричные заявления об отсутствии у ИИ волевого элемента, при этом исходя из отсутствия достаточно убедительного обоснования позиции создается впечатление, что авторы рассуждают апостериори [42, с. 40]. По своей сути проблема находится на стыке биологии и философии, и для ее разрешения необходимо определиться, что является источником воли как элемента психического отношения.

Г. А. Есаков определяет волевой элемент применительно к прямоумышленной форме вины как желание наступления определенных общественно опасных последствий [43, с. 37]. Автор определяет волю посредством проявления определенного желания, демонстрирующего отношение субъекта волеизъявления к определенному обстоятельству. Однако он не затрагивает рассуждением причины появления данного отношения. Применительно к человеку заметим, что желания могут быть детерминированы выработкой определенных гормонов, деятельностью желез организма. Наряду с ними присутствуют и иные – образующиеся в результате деятельности, по оценке приемлемости наступления определенного события и его релевантности. Иными словами, лицо на основе обработки и оценки информации формулирует для себя вывод, составлять ли по поводу определенного события такое отношение, которое бы характеризовалось приемлемостью, допустимостью его наступления. При этом подобное отношение формируется исключительно за счет деятельности нейронных связей головного мозга, которые, как нами разяснялось ранее, дублируются в ИИ.

На основании изложенного полагаем, что позиция, согласно которой волевые процессы присущи только биологическим сущностям, поскольку имеют биологическую природу, не являются состоятельными

и обоснованными. Наряду с процессами биологическими у человека протекают и интеллектуальные, которые также способны сформировать убеждение лица в целесообразности проявления своего волеизъявления. То есть воля – процесс принятия решений, альтернативно основанный на деятельности биологических факторов и интеллекта. Безусловно, указанный процесс применительно к ИИ не может быть вызван гормонами или железами, однако необоснованно исключать обусловленность процесса принятия решений ИИ деятельностью нейронов представляется недопустимым. Искусственный интеллект, обладая нейронными сетями, может аналогично человеку проявлять собственные побуждения, однако основанные исключительно на интеллектуальной деятельности, т. е. обладать волей.

Представляется, что источником происхождения желания является определенная потребность, которую лицо осознает и в силу определенных причин не удовлетворяет. Желания, стремления и побуждения, которые находятся вне осознания, не обладают уголовно-правовой релевантностью [44, с. 150].

Резюмируя предшествующие рассуждения, можно сказать, что желание формулируется осознанием определенной потребности, что по сути своей есть процесс интеллектуальный. Осознание происходит в результате анализа окружающей действительности и достоверного отражения ее сущностных характеристик применительно к области, в интересах которой происходит анализ. С точки зрения вины осознание есть понимание фактических обстоятельств совершаемого, образующих юридически значимые, объективные признаки конкретного состава преступления [45, с. 9].

Основываясь на вышеизложенном, мы можем предположить, что существует множество способов описания ИИ: посредством указания на механизм действия, основных принципов работы, спектра решаемых задач и т. д., и т. п. Однако, на наш взгляд, наиболее убедительна и последовательна позиция тех исследователей, которые склонны к описанию феномена ИИ посредством обозначения его свойств и характеристик. Полагаем, что ими обоснованно признаны: осознано-волевой характер деятельности, автономность деятельности и принятия решений, способность к самообучению. При этом все указанные признаки в той или иной степени определяют значительные затруднения

Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции
Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V. Artificial intelligence as a legal category: doctrinal approach to formulating a definition

прогнозирования поведения ИИ, что представляется особо значимым с точки зрения правовой науки, поскольку позволяет определять ИИ как полноценного субъекта правоотношения [46, с. 148].

В затронутом контексте необходимо отметить, что предсказуемость изначально была одной из конститутивных особенностей конструкции механизмов общепромышленного производства. Машины, конструируемые согласно предусмотренным критериям технического регулирования, способны (и должны) выполнять только те задачи, которые предусмотрены конструкцией, иными словами, механизмы данного рода неспособны изменять свой функционал для приспособления к изменяющимся объективным условиям, что, в частности, характерно для робототехники нового поколения, снабженной технологией ИИ. Указанные положения принципиальны для построения системы правового регулирования искусственного интеллекта. Необходимо исключить тенденциозную интерпретацию ИИ как средства, оборудования, инструментария достижения определенных целей, в своем применении подконтрольного человеку. В дополнение к изложенному при построении правовых концепций следует, на наш взгляд, исходить из того, что по своей природе искусственный интеллект есть

более статичное, нежели человеческий интеллект, образование, он гораздо устойчивее к внешним раздражающим факторам, вследствие чего его восприятие действительности не способно претерпеть вред от внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вследствие приложения источника травмирующей силы он не может быть введен в состояние, требующее ограничения его дееспособности, сообразно чему названные правовые институты, нашедшие успешное применение в регулировании отношений человека, вряд ли могут быть применимы к области использования ИИ.

Выводы

В связи с вышеизложенным предлагаем ввести в научный оборот авторский вариант понятия «искусственный интеллект», под которым следует понимать автономную интеллектуальную систему, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумуляции, накопления, изучения и использования информации и имеющую материальное выражение в технических устройствах – юнитах ИИ.

Список литературы

1. Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. 390 p.
2. Humerick M. Taking AI Personally: How the E.U. Must Learn to Balance the Interests of Personal Data Privacy & Artificial Intelligence // Santa Clara High Technology Law Journal. 2016. Vol. 34, № 4. Pp. 393–418.
3. Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation / I. I. Bikeev, P. A. Kabanov, I. R. Begishev, Z. I. Khisamova // In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing (AIPCC'19). Association for Computing Machinery. New York, NY, USA. Article 20. Pp. 1–7. DOI: 10.1145/3371425.3371476
4. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World / Z. I. Khisamova, I. R. Begishev, R. R. Gaifutdinov // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9, № 1. Pp. 5159–5162. DOI: 10.35940/ijitee.A9220.119119
5. Малько А. В. Проект концепции российской правовой политики в сфере искусственного интеллекта как доктринальный документ // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 348–352.
6. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 173–178.
7. Бегисhev И. Р., Хисамова З. И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 767–775. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775
8. Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Т. 6, № 55. С. 46–62.
9. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.
10. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

11. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
12. Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 15–30. DOI: 10.12737/art_2018_1_2
13. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
14. Холодная Е. В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89–96. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.089-096
15. Сушкова О. В. Особенности реализации искусственного интеллекта как объекта информационной среды в сфере предпринимательской деятельности в зарубежных странах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 121–128. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.121-128
16. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 2 (54). С. 75–85. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085
17. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38). С. 28–34.
18. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30, № 2. С. 130–138.
19. Пройдаков Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научные исследования. 2018. № 2018. С. 129–153.
20. Broadhurst R., Brown P., Maxim D., Trivedi H., Wang J. Artificial Intelligence and Crime // Research Paper, Korean Institute of Criminology and Australian National University Cybercrime Observatory, College of Asia and the Pacific, Canberra, June 2019. Pp. 1–70. DOI: 10.2139/ssrn.3407779
21. Джонс М. Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях: пер. с англ. А. И. Осипов. М.: ДМК Пресс, 2011. 312 с.
22. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem / E. Yu. Latypova, E. V. Nechaeva, E. M. Gilmanov, N. V. Aleksandrova // SHS Web of Conferences. Problems of Enterprise Development: Theory and Practict. 2019. Vol. 62. DOI: 10.1051/shsconf/20196210004
23. Денисов Н. Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18–20.
24. Дороганов В. С., Баумгартэн М. И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 4 (98). С. 132–135.
25. Зенкова Н. А. Моделирование на основе искусственных нейронных сетей как метод исследования в психологической науке // Вестник российских университетов. Математика. 2009. Т. 14, № 3. С. 577–590.
26. Айзенк Г. Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
27. Нейробиологические основы интеллекта / И. С. Депутат, А. В. Грибанов, А. А. Нехорошкова // Экология человека. 2012. № 12. С. 36–45.
28. Шайкеров Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 200 с.
29. Genetic Fuzzy based Artificial Intelligence for Unmanned Combat Aerial Vehicle Control in Simulated Air Combat Missions / N. Ernest, D. Carroll, C. Schumacher et al. // Journal of Defense Management. 2016. Vol. 6, № 1. DOI: 10.4172/2167-0374.1000144
30. Internet of vehicles: From intelligent grid to autonomous cars and vehicular clouds / G. Mario, E.-K. Lee, P. Giovanni et al. // IEEE World Forum on Internet of Things. 2014. Pp. 241–246. DOI: 10.1109/WF-IoT.2014.6803166
31. Algorithms for Smartphone and Tablet Image Analysis for Healthcare Application / P. J. F. White, B. W. Podaima, M. R. Friesen // IEEE Access. 2014. Vol. 2. Pp. 831–840. DOI: 10.1109/ACCESS.2014.2348943
32. Ночевка Ф. IBM представила самый мощный компьютер в мире // Коммерсантъ. 2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3656183> (дата обращения: 10.01.2020).
33. Кравцов Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.
34. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 564–574. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574
35. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10, № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).19

36. Алексеев С. С. Теория права. М.: Бек, 1995. 320 с.
37. Соколова М. Коллизии «права роботов». Дискуссии юристов в связи с разработкой КиберКодекса в России // itWeek. 2017. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (дата обращения: 10.01.2020).
38. Анализ терминологических и содержательных аспектов понятий «искусственный интеллект» и «робототехника» в свете необходимости их правового регулирования / К. С. Яковлев, А. В. Боковой, С. Ю. Кашкин // Пятый Всероссийский научно-практический семинар «Беспилотные транспортные средства с элементами искусственного интеллекта». Труды семинара. СПб., 2019. С. 253–262.
39. Holdren John P. Preparing for the Future of Artificial Intelligence. Executive Office of the President National Science and Technology Council Committee on Technology of USA. 2016. 48 p. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (дата обращения: 10.01.2020).
40. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge: MIT Press, 1990. 580 p.
41. Харари Ю. Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 416 с.
42. Смолин Д. В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. 208 с.
43. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителей искусственного интеллекта // Власть Закона. 2019. № 1. (37). С. 42–50.
44. Simmler M., Markwalder N. Guilty Robots? – Rethinking the Nature of Culpability and Legal Personhood in an Age of Artificial Intelligence // Criminal Law Forum. 2019. № 30. Pp. 1–31. DOI: 10.1007/s10609-018-9360-0
45. Щитова А. А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 94–98.
46. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях. М.: Финансы и статистика, 2012. 664 с.
47. Васильев А. А., Шпоппер Д., Матаева М. Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.
48. Есаков Г. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2017. 736 с.
49. Бикеев И. И., Латыпова Э. Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины. Казань: Таглитат, 2009. 228 с.
50. Латыпова Э. Ю. Актуальные проблемы ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины // Следователь. 2008. № 7. С. 8–9.
51. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с.

References

1. Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2014, 390 p.
2. Humerick M. Taking AI Personally: How the E.U. Must Learn to Balance the Interests of Personal Data Privacy & Artificial Intelligence, *Santa Clara High Technology Law Journal*, 2016, Vol. 34, No. 4, pp. 393–418.
3. Bikeev I. I., Kabanov P. A., Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation, *In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, In-formation Processing and Cloud Computing (AIIICC'19)*, Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, Article 20, pp. 1–7. DOI: 10.1145/3371425.3371476
4. Khisamova Z. I., Begishev I. R., Gaifutdinov R. R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World, *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, Vol. 9, No. 1, pp. 5159–5162. DOI: 10.35940/ijitee.A9220.119119
5. Mal'ko A. V. Draft concept of the Russian legal policy in the sphere of artificial intelligence as a doctrinal document, *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2019, Vol. 8, No. 4 (29), pp. 348–352 (in Russ.).
6. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V. Artificial intelligence: issues of criminal-legal doctrine, awaiting for answers, *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2018, No. 4 (44), pp. 173–178 (in Russ.).
7. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Criminological risks of applying artificial intelligence, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2018, Vol. 12, No. 6, pp. 767–775 (in Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).767-775
8. Arkhipov V. V., Naumov V. B. Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on developing the first Russian law on robotics, *Trudy SPII RAN*, 2017, Vol. 6, No. 55, pp. 46–62 (in Russ.).
9. Ponkin I. V., Red'kina A. I. Artificial intelligence from the viewpoint of law, *Vestnik RUDN, Ser. Yuridicheskie nauki*, 2018, Vol. 22, No. 1, pp. 91–109 (in Russ.).

10. Morkhat P. M. *Artificial intelligence: legal view*, Moscow, Buki Vedi, 2017, 257 p. (in Russ.).
11. Uzhov F. V. Artificial intelligence as a subject of law, *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2017, No. 3, pp. 357–360 (in Russ.).
12. Gadzhiev G. A. Is robot-agent a person? (searching for legal forms to regulate digital economy), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2018, No. 1 (253), pp. 15–30 (in Russ.). DOI: 10.12737/art_2018_1_2
13. Laptev V. A. The notion of artificial intelligence and legal liability for its performance, *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2019, No. 2, pp. 79–102 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102
14. Kholodnaya E. V. On prospective directions of legal regulation in the sphere of artificial intelligence, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, No. 12 (64), pp. 89–96 (in Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.089-096
15. Sushkova O. V. Features of implementing an artificial intelligence as an object of informational environment in the sphere of business activity in foreign countries, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, No. 12 (64), pp. 121–128 (in Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.121-128
16. Somenkov S. A. Artificial intelligence: from an object to a subject?, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2019, № 2 (54), pp. 75–85 (in Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085
17. Afanas'ev A. Yu. Artificial intelligence or intelligence of the subjects of identifying, revealing and investigating crimes: what will win?, *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*, 2018, No. 3 (38), pp. 28–34 (in Russ.).
18. Begishev I. R., Khisamova Z. I. Artificial intelligence and robotics: theoretical-legal issues of demarcating the notional apparatus, *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2020, Vol. 30, No. 2 (in Russ.).
19. Proidakov E. M. Contemporary state of artificial intelligence, *Naukovedcheskie issledovaniya*, 2018, No. 2018, pp. 129–153 (in Russ.).
20. Broadhurst R., Brown P., Maxim D., Trivedi H., Wang J. Artificial Intelligence and Crime, *Research Paper, Korean Institute of Criminology and Australian National University Cybercrime Observatory, College of Asia and the Pacific, Canberra, June 2019*, pp. 1–70. DOI: 10.2139/ssrn.3407779
21. Jones M. T. *Programming artificial intelligence in applications*, Moscow, DMK Press, 2011, 312 p. (in Russ.).
22. Latypova E. Yu., Nechaeva E. V., Gilmanov E. M., Aleksandrova N. V. Infringements on Digital Information: Modern State of the Problem, *SHS Web of Conferences. Problems of Enterprise Development: Theory and Practice*, 2019, Vol. 62. DOI: 10.1051/shsconf/20196210004
23. Denisov N. L. Conceptual bases of developing an international standard when imposing criminal liability for actions related to artificial intelligence, *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2019, No. 4, pp. 18–20 (in Russ.).
24. Doroganov V. S., Baumgarten M. I. Possible problems arising during artificial intelligence development, *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, No. 4 (98), pp. 132–135 (in Russ.).
25. Zenkova N. A. Modeling based on artificial neural networks as a research method in psychological science, *Vestnik rossiiskikh universitetov. Matematika*, 2009, Vol. 14, No. 3, pp. 577–590 (in Russ.).
26. Aizenk G. Yu. Intellect: new view, *Voprosy psikhologii*, 1995, No. 1, pp. 111–131 (in Russ.).
27. Deputat I. S., Gribanov A. V., Nekhoroshkova A. A. Neurobiological bases of intellect, *Ekologiya cheloveka*, 2012, No. 12, pp. 36–45 (in Russ.).
28. Shaikero N. A. *Legal provision of personality interests*, Sverdlovsk, Izd-vo Ural. Un-ta, 1990, 200 p. (in Russ.).
29. Ernest N., Carroll D., Schumacher C., Clark M., Cohen K, Lee G. Genetic Fuzzy based Artificial Intelligence for Unmanned Combat Aerial Vehicle Control in Simulated Air Combat Missions, *Journal of Defense Management*, 2016, Vol. 6, No. 1. DOI: 10.4172/2167-0374.1000144
30. Mario G., Lee E-K, Giovanni P., Lee U. Internet of vehicles: From intelligent grid to autonomous cars and vehicular clouds, *IEEE World Forum on Internet of Things*, 2014, pp. 241–246. DOI: 10.1109/WF-IoT.2014.6803166
31. White P. J. F., Podaima B. W.; Friesen M. R. Algorithms for Smartphone and Tablet Image Analysis for Healthcare Applications, *IEEE Access*, 2014, Vol. 2, pp. 831–840. DOI: 10.1109/ACCESS.2014.2348943
32. Nochevka F. IBM presented the world's most powerful computer, *Kommersant*, 2018, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3656183> (access date: 10.01.2020) (in Russ.).
33. Kravtsov D. A. Artificial intelligence: preventing and predicting crimes, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, No. 3, pp. 108–110 (in Russ.).
34. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Criminal liability and artificial intelligence: theoretical and applied aspects, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 564–574 (in Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574
35. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Legal regulation of artificial intelligence, *Baikal Research Journal*, 2019, Vol. 10, No. 2 (in Russ.). DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).19
36. Alekseev S. S. *Theory of law*, Moscow, Izd-vo "Bek", 1995, 320 p. (in Russ.).

37. Sokolova M. Collisions of the “robots’ law”. Lawyers’ discussions regarding CyberCode elaboration in Russia, *itWeek*, 2017, available at: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514> (access date: 10.01.2020) (in Russ.).
38. Yakovlev K. S., Bokovoi A. V., Kashkin S. Yu. Analysis of terminological and conceptual aspects of the notions “artificial intelligence” and “robotics” in the light of the need for their legal regulation, *Pyatyi Vserossiiskii nauchno prakticheskii seminar "Bespilotnye transportnye sredstva s elementami iskusstvennogo intellekta"*, Trudy seminara, Saint Petersburg, 2019, pp. 253–262 (in Russ.).
39. Holdren John P. *Preparing for the Future of Artificial Intelligence*, Executive Office of the President National Science and Technology Council Committee on Technology of USA, 2016, 48 p. available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/whitehouse_files/microsites/ostp/NSTC/preparing_for_the_future_of_ai.pdf (access date: 10.01.2020).
40. Kurzweil R. *The Age of Intelligent Machines*, Cambridge, MIT Press, 1990. 580 p.
41. Kharari Yu. N. *21 lessons for the 21st century*, Moscow, Izd-vo "Sindbad", 2019, 416 p. (in Russ.).
42. Smolin D. V. *Introduction to the artificial intelligence: Lecture notes*, Moscow, Fizmatlit, 2004, 208 p. (in Russ.).
43. Kamyshanskii V. P., Koretskii A. V. Notion and legal status of artificial intelligence carriers, *Vlast' Zakona*, 2019, No. 1 (37), pp. 42–50 (in Russ.).
44. Simmler M., Markwalder N. Guilty Robots? – Rethinking the Nature of Culpability and Legal Personhood in an Age of Artificial Intelligence, *Criminal Law Forum*, 2019, No. 30, pp. 1–31. DOI: 10.1007/s10609-018-9360-0
45. Shchitova A. A. On the potential legal capacity of artificial intelligence, *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2019, No. 5 (173), pp. 94–98 (in Russ.).
46. Bolotova L. S. *Systems of artificial intelligence: knowledge based models and techniques*, Moscow, Finansy i statistika, 2012, 664 p. (in Russ.).
47. Vasil'ev A. A., Shpopper D., Mataeva M. Kh. “Artificial intelligence” term in the Russian law: doctrinal analysis, *Yurislingvistika*, 2018, No. 7–8, pp. 35–44 (in Russ.).
48. Esakov G. A. *Comment to the Criminal Code of the Russian Federation (by article)*, Moscow, Prospekt, 2017, 736 p. (in Russ.).
49. Bikeev I. I., Latypova E. Yu. *Liability for crimes committed with two forms of guilt*, Kazan, Taglimat, 2009, 228 p. (in Russ.).
50. Latypova E. Yu. Topical issues of liability for crimes committed with two forms of guilt, *Sledovatel'*, 2008, No. 7, pp. 8–9 (in Russ.).
51. Begishev I. R., Bikeev I. I. *Crimes in the sphere of digital information circulation*, Kazan, Izd-vo "Poznanie" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 2020, 300 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 20.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 22.02.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Бегисhev И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В., 2020

© Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V., 2020

П. А. КАБАНОВ^{1,2}

¹Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

²Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны, Россия

МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ДОНОСИТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России; профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Адрес: 603081, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 465-57-87
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>

Цель: совершенствование правового регулирования материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации как эффективного инструмента противодействия соответствующему негативному социальному явлению.

Методы: методологической основой проведенного исследования являются диалектический метод познания и основанные на нем общенаучные (исторические, логические, системные) и частнонаучные методы (группировка, анализ, синтез, сравнение, интерпретация и др.).

Результаты: на основе сравнительно-правового исследования ведомственных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы материального стимулирования антикоррупционного доносительства в России, автором описывается состояние правового регулирования этого института противодействия коррупции: основания и специфика; субъекты и объекты поощрения за антикоррупционное доносительство; особенности применения единовременных поощрений за него. На основе проведенного исследования можно утверждать, что правовое регулирование стимулирования антикоррупционного доносительства имеет ряд существенных противоречий, которые нуждаются в согласовании и устранении. Представляется, что необходима выработка единого подхода к такому регулированию, систематизация нормативных правовых актов, а при осуществлении единовременного материального стимулирования антикоррупционного доносительства – дифференциация и индивидуализация в соответствии с принципом соразмерности.

Научная новизна: впервые в российской юридической науке описывается институт антикоррупционного доносительства как формы одобряемого антикоррупционного поведения и самостоятельного института противодействия коррупции, а также предлагаются меры по совершенствованию его правового регулирования.

Практическая значимость: предложено совершенствование норм, регулирующих применение института антикоррупционного доносительства в целях более эффективного противодействия коррупции в современном российском обществе.

Ключевые слова: криминология; коррупция; коррупционное деяние; коррупционный проступок; коррупционное преступление; коррупционное правонарушение; противодействие коррупции; стимулирование; поощрение; доносительство; антикоррупционное доносительство

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 92–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104>

P. A. KABANOV^{1,2}

¹Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhniy Novgorod, Russia

²Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University, Naberezhniye Chelny, Russia

MATERIAL INCENTIVES FOR ANTICORRUPTION WHISTLEBLOWING IN THE RUSSIAN FEDERATION: ISSUES OF LEGAL REGULATION

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Sciences; Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University

Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 465-57-87

E-mail: kabanovp@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2964-004X>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>

Objective: to improve the legal regulation of material incentives for anti-corruption whistleblowing in the Russian Federation as an effective tool for counteracting the said negative social phenomenon.

Methods: the methodological basis of the research is the dialectical method of cognition and general (historical, logical, systemic) and specific (grouping, analysis, synthesis, comparison, interpretation, etc.) scientific methods based on it.

Results: based on the comparative-legal study of departmental, regional and municipal regulatory legal acts regulating the issues of material stimulation of the anti-corruption whistleblowing in Russia, the author describes the state of legal regulation of the said institution for combating corruption: reasons and specifics; subjects and objects of anti-corruption incentives for whistleblowing; features of applying one-time reward for it. Based on the conducted research, it can be argued that the legal regulation of stimulating anti-corruption whistleblowing has a number of significant contradictions that need to be coordinated and eliminated. The author argues that it is necessary to develop a unified approach to such regulation, to systematize the regulatory legal acts, and when implementing a one-time material incentive for anti-corruption whistleblowing – to apply differentiated and individual approach based on proportionality principle.

Scientific novelty: for the first time in Russian legal science, the institution of anti-corruption whistleblowing is described as a form of approved anti-corruption behavior and a self-contained institution for combating corruption; measures to improve its legal regulation are proposed.

Practical significance: it is proposed to improve the rules governing the use of the anti-corruption whistleblowing institution in order to more effectively combat corruption in the modern Russian society.

Keywords: Criminology; Corruption; Corruption act; Corruption offense; Corruption crime; Corruption breach of law; Corruption counteraction; Stimulation; Incentives; Whistleblowing; Anti-corruption whistleblowing

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Kabanov P. A. Material incentives for anticorruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 92–104 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.92-104>

Введение

Противодействие коррупции – сложный и многоуровневый процесс реализации норм федерального и регионального антикоррупционного законодательства, а также множества подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих специфику применения антикоррупционных норм. Среди значительного количества антикоррупционных инструментов

противодействия коррупции федеральный законодатель закрепил ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции»¹, иными федеральными зако-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ от 25.12.2008 (в ред. от 16.12.2019 № 432-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

нами², законами субъектов Российской Федерации³ и подзаконными нормативными актами⁴ обязанность уведомлять работников своего работодателя и/или правоохранительные органы об обращениях в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Вопросы правового регулирования применения этого универсального антикоррупционного инструмента исследовались отдельными отечественными специалистами [1, с. 108–116; 2, с. 59–64; 3, с. 44–47; 4, с. 126–129; 5, с. 38–43; 6, с. 272–279], в том числе и путем анализа правового регулиро-

вания стимулирования подобного правомерного антикоррупционного поведения [7, с. 5–13; 8, с. 3–6; 9, с. 207–213; 10, с. 24–27; 11, с. 66–70]. Некоторые российские специалисты обращались к изучению зарубежного опыта использования этого антикоррупционного инструмента [12, с. 45–48; 13, с. 43–45; 14, с. 80–86]. На его практическую ценность, значимость и эффективность в борьбе с коррупцией указывают отдельные зарубежные авторы [15; 16, с. 131–145; 17, с. 1020–1033; 18, с. 741–757; 19, с. 61–69; 20, с. 32–47].

Следует отметить, что официальное государственное материальное стимулирование (поощрение) антикоррупционного доносительства для российского законодательства и правоприменительной практики не новое социальное и правовое явление. Оно официально было закреплено в российских нормативных правовых актах в 1713 г. Петром I. Доносчику, заявившему на коррумпированного чиновника, в случае подтверждения сообщения о совершенном им коррупционном преступлении доставалось все движимое и недвижимое имущество виновного, а при условии, что это сделал достойный человек, ему присваивался чин преступника [21, с. 17; 22, с. 12]. В последующем этот вид антикоррупционного стимулирования стал распространяться на доносительство против сообщников и пособников коррупционной деятельности чиновников [23, с. 8]. Невзирая на экономическую доходность антикоррупционного доносительства, данная форма официального материального стимулирования антикоррупционной деятельности в российском обществе просуществовала недолго. Она «не прижилась» в российском обществе и не стала частью национальной антикоррупционной правовой культуры в силу различных социально-культурных причин. Возвращение денежной формы официального стимулирования (поощрения) за антикоррупционное доносительство в современную правоприменительную практику не всегда воспринимается обществом как очевидное благо, а возложение антикоррупционного доносительства в качестве обязанности (государственного принуждения) для отдельных категорий работников сферы социального управления довольно часто приводит к их отказу от ее исполнения. Примером тому может служить судебная практика рассмотрения споров об увольнении с государственной (муниципальной) службы лиц, отказавшихся как от предлагаемого им незаконного вознаграждения, так

² О полиции: Федеральный закон № 3-ФЗ от 07.02.2011 (в ред. от 27.12.2019 № 487-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 328-ФЗ от 01.10.2019 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5488; О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 342-ФЗ (в ред. от 16.12.2019 № 432-ФЗ) от 30.11.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020 и др.

³ Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Приморского края: Закон Приморского края № 808-КЗ от 07.09.2011 (в ред. от 29.04.2019 № 483-КЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.04.2019; О государственной гражданской службе Карачаево-Черкесской Республики: Закон Карачаево-Черкесской Республики № 49-РЗ от 05.07.2005 (в ред. от 09.04.2019 № 7-РЗ) // День Республики. 2005. 12 июля; О муниципальной службе в Нижегородской области: Закон Нижегородской области № 99-З от 03.08.2007 (в ред. от 02.10.2019 № 108-З) // Правовая среда. 2007. 15 августа; О регулировании отдельных правоотношений в сфере установления обязанностей для лиц, замещающих государственные должности Орловской области: Закон Орловской области № 1649-ОЗ от 05.09.2014 (в ред. от 24.12.2015 № 1894-ОЗ) // Орловская правда. 2014. 9 сентября; О противодействии коррупции в Саратовской области: Закон Саратовской области № 155-ЗСО от 29.12.2006 (в ред. от 31.10.2018 № 101-ЗСО) // Саратовская областная газета. 2007. 23 января и др.

⁴ Об утверждении Порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений в Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации: приказ ГУСП № 143 от 23.11.2018 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 17.12.2018; Об утверждении Порядка уведомления работодателя о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральным агентством воздушного транспорта: приказ Росавиации № 305 от 27.05.2015 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2015 и др.

и от уведомления работодателя и/или правоохранительных органов о склонении их к совершению коррупционного правонарушения и/или преступления⁵.

Правовое регулирование и практика официально государственного стимулирования (поощрения) антикоррупционного доносительства в настоящее время применяется в некоторых странах СНГ. Например, в Республике Казахстан с 2013 по 2016 гг. действовали Правила поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в борьбе с коррупцией, утвержденные Постановлением Правительства Республики Казахстан от 23 августа 2012 г. № 1077⁶. С 1 января 2016 г. Постановлением Правительства Республики Казахстан были введены новые Правила поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции, основанные на том же подходе к антикоррупционному доносительству, которые действуют и поныне⁷. О необходимости совершенствования правового регулирования официального стимулирования антикоррупционного доносительства и практики его применения говорят и некоторые иностранные специалисты [24, pp. 519–525].

Невзирая на очевидную общественную полезность и правомерность антикоррупционного доносительства как средства реализации государственной политики противодействия коррупции и наличия опыта

его материального стимулирования, до настоящего времени не проведено ни одного даже небольшого по объему научного исследования, позволяющего оценить эффективность его применения. В связи с этим считаем, что важнейшей задачей для представителей российской юридической науки является проведение самостоятельного междисциплинарного исследования вопросов правового регулирования материального стимулирования (поощрения) антикоррупционного доносительства в Российской Федерации и оценка его результативности. Поэтому можно говорить о недостаточности теоретической разработанности данного вопроса и необходимости его целенаправленного научного исследования.

Проведенный нами обзор литературных источников показал, что вне научного анализа оказался целый блок вопросов, связанных с повышением эффективности института уведомления о склонении к коррупционному поведению (антикоррупционного доносительства), в том числе путем морального, материального и комплексного (морально-материального) стимулирования доносителей (заявителей, информаторов). Хотя нормативные правовые акты органов публичной власти, связанные с его применением, имеются.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе материального стимулирования антикоррупционного доносительства.

Предмет исследования – российские правовые нормы, регулирующие материальное стимулирование антикоррупционного доносительства.

Теоретической (доктринальной) целью настоящего исследования является мониторинг правового регулирования материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации.

Прикладной целью исследования является повышение качества правового регулирования антикоррупционного доносительства как самостоятельного одобряемого правомерного средства противодействия коррупции.

Задачи исследования:

– выявление, фиксация, анализ и интерпретация нормативных правовых актов, регулирующих вопросы материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации;

– выявление, фиксация, анализ, объяснение и интерпретация правовых норм, регулирующих вопросы

⁵ См., например: Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 18.07.2016 по делу № 33-12105/2016; Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 07.07.2016 по делу № 33-11293/2016; Апелляционное определение Приморского краевого суда от 31.07.2018 по делу № 33-7020/2018; Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 07.10.2015 по делу № 33-6621/2015; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 05.09.2016 по делу № 33-17458/2016 и др.

⁶ Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в борьбе с коррупцией: Постановление Правительства Республики Казахстан № 1077 от 23 августа 2012 г. // САПП Республики Казахстан. 2012. № 67. Ст. 955.

⁷ Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции: Постановление Правительства Республики Казахстан № 1131 от 30 декабря 2015 г. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1500001131> (дата обращения: 10.06.2019).

материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации;

– выявление, фиксация, анализ и объяснение противоречий правового регулирования вопросов материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации;

– выработка предложений по совершенствованию правового регулирования вопросов материального стимулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации.

Методология и методика исследования обусловлены использованием автором концепций диалектического материализма и основанных на нем общенаучных методов познания.

Эмпирическая база исследования:

– 288 федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы уведомления об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

– 136 федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы поощрения за добросовестное исполнение трудовых (служебных) обязанностей;

– 74 действующих и утративших силу, специальных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы морального и материального поощрения за антикоррупционное доносительство;

– 14 материалов судебной практики о привлечении государственных (муниципальных) служащих за отказ от уведомления об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений.

Территориальные и хронологические рамки проведенного исследования. Территориальные рамки исследования ограничены исключительно территорией Российской Федерации. Хронологические рамки исследования охватывают период действия Федерального закона «О противодействии коррупции», т. е. с 2008 по 2019 гг.

Содержание, процесс и результаты проведенного исследования

Проведенный нами сравнительно-правовой анализ российских федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов о противодействии коррупции и поощрении за отдельные заслуги в трудовой деятельности показал, что органы публичной власти используют стимулирование анти-

коррупционной деятельности в трех формах: моральное, материальное и комбинированное. Моральное стимулирование антикоррупционной деятельности связано с публичным поощрением (награждением) лица различными по своей природе наградами (поощрениями) от имени публичного органа власти. Материальное стимулирование антикоррупционной деятельности предусматривает предоставление органами публичной власти материальных благ в виде выплаты денежных средств или ценных подарков, повышения заработной платы либо повышения по должности [25]. Комбинированное стимулирование антикоррупционной деятельности предусматривает как предоставление органами публичной власти указанных выше материальных благ, так и публичное награждение соответствующей официальной (государственной, ведомственной, региональной, муниципальной или корпоративной) наградой.

Проведенное нами исследование показало, что наиболее распространенными видами официальных поощрений за заслуги в сфере противодействия коррупции выступает материальное вознаграждение в форме единовременного денежного премирования. При этом поощрение в форме единовременной денежной выплаты осуществляется за разовые заслуги, связанные, как правило, с добросовестным исполнением работником своих трудовых (профессиональных, служебных, должностных) обязанностей, предусмотренных ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции», – уведомлять работодателя и/или правоохранительные органы об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений⁸. На наш взгляд, такое разовое общественно полезное правомерное антикоррупционное поведение работника следует именовать общим для однородных (типичных) действий термином – «антикоррупционный поступок». Разновидностью такого одобряемого правомерного антикоррупционного поступка следует считать частный случай уведомления – об отказе работника в получении предложенной ему взятки за правомерное или неправомерное поведение. При этом нормативными правовыми актами, как правило, устанавливается обязательное

⁸ О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ (в ред. от 16.12.2019 № 432-ФЗ) от 25.12.2008 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

условие такого официального поощрения – активное содействие уведомившего лица органам публичной власти в служебном расследовании коррупционного правонарушения и/или правоохранительным органам в расследовании коррупционного преступления или административного коррупционного правонарушения. С учетом того, что современное российское антикоррупционное законодательство противоречиво относится к наименованию (уведомление, заявление, информирование о коррупции) и содержанию этого средства противодействия коррупции, полагаем, что приемлемым для него термином следует признать словосочетание «антикоррупционное доносительство». Это словосочетание по своему содержанию значительно шире, чем предусмотренное ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» уведомление работником работодателя и/или правоохранительные органы об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений по нескольким основаниям. Во-первых, этот общественно полезный антикоррупционный поступок является не только обязанностью государственных и муниципальных служащих, но и распространяется на более широкий неопределенный круг лиц, для которых этот вид деятельности не является трудовой (профессиональной, служебной, должностной) обязанностью. Во-вторых, объективно антикоррупционное поведение при уведомлении предусматривает сообщение компетентным на то органам и должностным лицам о попытке подкупа либо склонения к совершению коррупционного проступка лично чиновника (на стадии приготовления к совершению коррупционного деяния. – Прим. П. К.). В то же время при антикоррупционном доносительстве возможно уведомление о совершении коррупционных деяний иными лицами без вовлечения в процесс коррупционной деятельности доносителя (заявителя) о коррупции и на любой стадии. В-третьих, антикоррупционное уведомление работником работодателя является его трудовой (профессиональной, служебной либо должностной) обязанностью, в то же время для иных лиц, не обладающих властными полномочиями, участие в антикоррупционном доносительстве – это их гражданская позиция, обусловленная сформированной антикоррупционной культурой поведения или иными обстоятельствами. В-четвертых, антикоррупционное доносительство направлено не только на установле-

ние факта совершения коррупционного проступка, но и на иные связанные с ним обстоятельства. Например, о местах хранения имущества, полученного от коррупционного деяния, о месте нахождения скрывающегося коррупционного преступника, о способах легализации имущества, полученного в результате совершения коррупционного деяния, и др. Невзирая на некоторую содержательную разницу между антикоррупционным уведомлением и антикоррупционным доносительством, суть их сводится к одному: сообщению работником или иным лицом в уполномоченный на то орган публичной власти сведений о поступке физического и/или юридического лица, содержащего признаки коррупционного деяния (информирование о коррупционном деянии). Определившись с содержанием антикоррупционного доносительства, можно перейти к рассмотрению содержания стимулирования антикоррупционного поведения. Основной целью стимулирования антикоррупционного доносительства работодателем сотрудника является поощрение добросовестного исполнения им трудовых (профессиональных, служебных, должностных) обязанностей. В случае если такое доносительство осуществлено лицом, не вовлекаемым в коррупционный процесс, целью стимулирования антикоррупционного доносительства является материальное поощрение гражданской активности этих лиц [26, с. 17–31].

Важнейшей составляющей официального материального стимулирования в форме единовременного денежного вознаграждения является его размер, который символизирует вклад поощряемого лица в реализацию государственной политики противодействия коррупции. Проведенный анализ российских нормативных правовых актов свидетельствует о том, что подходы к материальной оценке правомерных антикоррупционных поступков и правомерной антикоррупционной деятельности различны. В некоторых нормативных правовых актах размер единовременного материального поощрения для лиц, обратившихся с уведомлением к работодателю и/или в правоохранительные органы о склонении его к совершению коррупционного деяния, не определен и ставится в зависимость от финансовых возможностей работодателя⁹ – при наличии экономии

⁹ Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения государственного гражданского служащего Государственного комитета

по фонду оплаты труда¹⁰. Минимальной суммой разового денежного вознаграждения за совершение правомерного антикоррупционного поступка, связанного с уведомлением о склонении к совершению коррупционного правонарушения работодателя сотрудником и оказанием содействия в его расследовании, является сумма в размере одной тысячи рублей¹¹. В отдельных случаях сумма единовременного денежного вознаграждения за антикоррупционное доносительство

возрастает до трех тысяч рублей¹², а иногда даже до десяти тысяч рублей¹³ либо в размере одного¹⁴ или двух

Кабардино-Балкарской Республики по энергетике, тарифам и жилищному надзору к совершению коррупционных правонарушений: приказ Государственного комитета Кабардино-Балкарской Республики по энергетике, тарифам и жилищному надзору № 50-ОД от 30.04.2015 // Официальная Кабардино-Балкария. 2015. 16 октября; Распоряжение Главы города Сургута № 12 «Об утверждении Положения о поощрениях за муниципальную службу» от 19.07.2007 (в ред. от 17.10.2013 № 53) // Информационный бюллетень Думы и Администрации города Сургута. 2007. № 7. 31 июля.

¹⁰ Об утверждении Положения об оплате труда (денежном содержании) и материальном стимулировании сотрудников Государственного комитета Республики Башкортостан по жилищному и строительному надзору: приказ Госкомитета Республики Башкортостан по жилищному и строительному надзору № 82 от 03.02.2015 (в ред. от 03.02.2017 № 52) // Республика Башкортостан. 2015. 20 марта; Об утверждении Положения о денежном содержании и материальном стимулировании государственных гражданских служащих Республики Башкортостан, замещающих должности государственной гражданской службы Республики Башкортостан в Государственном комитете Республики Башкортостан по тарифам: приказ Государственного комитета Республики Башкортостан по тарифам № 86 от 18.07.2016 (в ред. от 04.03.2019 № 14) // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 03.08.2016.

¹¹ Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, включаемых в состав денежного содержания государственных гражданских служащих Республики Марий Эл в Комитете гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл, а также о поощрениях и награждениях за государственную гражданскую службу: приказ Комитета гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл № 154 от 20.06.2018 // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. URL: marийэл.рф, 28.06.2018; Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, включаемых в состав денежного содержания государственных гражданских служащих Республики Марий Эл в Департаменте экологической безопасности, природопользования и защиты населения Республики Марий Эл, а также о поощрениях и награждениях за государственную гражданскую службу: приказ Департамента экологической безопасности, природопользования и защиты населения Республики Марий Эл № 43 от 13.03.2017 // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл. URL: marийэл.рф, 21.03.2017 (утратил силу в связи с изданием приказа Комитета гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл от 20.06.2018 № 154).

¹² Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия государственной гражданской службы, премий за выполнение особо важных и сложных заданий, материальной помощи и единовременного поощрения государственным гражданским служащим в Правительстве Ульяновской области и государственным гражданским служащим Ульяновской области, замещающим должности руководителей исполнительных органов государственной власти Ульяновской области: постановление Губернатора Ульяновской области № 45 от 22.04.2014 (в ред. от 20.04.2018 № 44) // Ульяновская правда. 2014. 28 апреля; Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия государственной гражданской службы, премий за выполнение особо важных и сложных заданий, материальной помощи и единовременного поощрения государственным гражданским служащим Министерства здравоохранения Ульяновской области: приказ Минздрава Ульяновской области № 50-п от 25.03.2019 // Ульяновская правда. 2019. 19 апреля; Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячной надбавки к должностному окладу за особые условия государственной гражданской службы, премий за выполнение особо важных и сложных заданий, материальной помощи и единовременного поощрения государственным гражданским служащим Министерства строительства и архитектуры Ульяновской области: приказ Министерства строительства и архитектуры Ульяновской области № 8-пр от 14.03.2019 // Ульяновская правда. 2019. 29 марта; О порядке уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения государственного гражданского служащего министерства здравоохранения Самарской области к совершению коррупционных правонарушений, перечне сведений, содержащихся в уведомлениях, порядке регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений: приказ министерства здравоохранения Самарской области № 1296 от 18.09.2014. URL: <http://minzdrav.samregion.ru/documents/prikazy/document114.html> (дата обращения: 22.06.2019).

¹³ О видах поощрений и награждений муниципальных служащих Администрации города Ханты-Мансийска, органов Администрации города Ханты-Мансийска, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения: постановление Администрации города Ханты-Мансийска № 1448 от 08.11.2013 (в ред. от 13.02.2017 № 75) // Самарово-Ханты-Мансийск. 2013. 14 ноября; О видах поощрений и награждений муниципальных служащих, работников администрации города Покачи, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения: постановление Администрации города Покачи № 1428 от 18.12.2013 (в ред. от 16.11.2017 № 1276) // Покачевский вестник. 2013. 27 декабря.

¹⁴ Об утверждении Положения о денежном содержании и материальном стимулировании муниципальных служащих Прохладненского муниципального района, оплата труда которых осуществляется за счет средств районного бюджета Прохладненского муниципального района КБР: решение Совета

должностных окладов¹⁵. Такая форма разового денежного вознаграждения не имеет цели материального стимулирования (поощрения) правомерного антикоррупционного поведения в силу его малозначительности или незначительного размера, а, скорее, выступает формой морального поощрения антикоррупционного доносительства, требующего официального одобрения и обнародования. Обнародование результатов такого официального материального поощрения, по мнению отдельных отечественных специалистов, может не только и не столько получить одобрение окружающих (коллег, сослуживцев и т. д.), сколько вызвать их негодование и обернуться для этих людей личной трагедией [1, с. 14]. Поскольку его мизерный размер в совокупности с объективной стороной некоторых антикоррупционных деяний, например информирование о совершении коррупционного дисциплинарного проступка сослуживцем – соседом по кабинету, может отождествляться с тридцатью сребрениками Иуды Искариота, придавая негативную окраску совершенному правомерному одобряемому антикоррупционному поступку и дискредитации как поощренной, так и поощряемой стороны. Такое поведение поощряющей стороны можно считать лжестимулированием антикоррупционного доносительства, поскольку оно противоречит принципу стимулирования соразмерности и дискредитирует систему мер противодействия коррупции. Поэтому отдельные органы публичной власти указывают на то обстоятельство, что единовременное материальное поощрение за антикоррупционное доносительство должно быть обеспечено конфиденциальностью данных получателя поощрения¹⁶. Безусловно, конфи-

денциальность получателя разового вознаграждения за антикоррупционное доносительство обеспечивает не только стимулирование его поведения, но создает условия для безопасности заявителя от преследования со стороны коррупционеров и их окружения.

Как показал проведенный нами анализ нормативных правовых актов, при выплате разового денежного поощрения как формы признания заслуг поощряемого лица за совершенный правомерный антикоррупционный поступок фактически не учитывается ряд важнейших обстоятельств:

- объем выполненных работ, вызванных его совершением;
- степень отвлечения лица от его основных трудовых (профессиональных, служебных, должностных) обязанностей;
- сроки исполнения работ;
- степень тяжести и общественной опасности предотвращенного, пресеченного, выявленного или совершенного коррупционного деяния;
- наступившие благоприятные последствия антикоррупционного доносительства (размер предотвращенного и/или возмещенного материального ущерба и др.).

Современная российская судебная и административно-правовая практика показывает, что значимость помощи в противодействии коррупции может быть разной: в одних случаях в результате предотвращается коррупционный дисциплинарный проступок, в других – пресекается организованная коррупционная преступная деятельность. В связи с этим становится актуальным вопрос о соразмерности между вкладом заявителя в изобличение коррупционных деяний и размером материального вознаграждения, получаемого от правомерного антикоррупционного поведения. Трудно переоценить значение уведомлений работниками и иными лицами работодателя и/или правоохранительных органов о склонении к совершению коррупционных правонарушений в наиболее коррупциогенных сферах жизнедеятельности. Например, в таких как:

- закупки товаров и услуг для государственных (муниципальных) нужд;

местного самоуправления Прохладненского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики № 4/5 от 21.11.2016 (в ред. от 09.04.2019 № 50/9).

¹⁵ Приказ Упркультнаследия Кабардино-Балкарской Республики № 35-ОД/2016 «Об утверждении Положения о порядке премирования, поощрения и оказания материальной помощи государственным гражданским служащим Управления по государственной охране объектов культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики и лицам, замещающим государственные должности в Управлении по государственной охране объектов культурного наследия Кабардино-Балкарской Республики» от 02.08.2016.

¹⁶ Решение Совета местного самоуправления Прохладненского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики № 4/5 «Об утверждении Положения о денежном содержании и материальном стимулировании муниципальных служащих

Прохладненского муниципального района, оплата труда которых осуществляется за счет средств районного бюджета Прохладненского муниципального района КБР» от 21.11.2016 (в ред. от 09.04.2019 № 50/9).

– распоряжение биологическими ресурсами;
– управление государственным имуществом;
– контрольная и надзорная деятельность [27, с. 15–17; 28, с. 74–90]. В этих сферах жизнедеятельности в результате уведомления работника о склонении к совершению коррупционного деяния (антикоррупционное доносительство или антикоррупционное информирование) может быть предотвращен многомиллиардный ущерб государству и обществу. В подобных случаях и сферах жизнедеятельности уведомление работодателя и/или правоохранительных органов – очевидная и результативная антикоррупционная заслуга лица, уведомившего о приготовлении к совершению коррупционного деяния и/или уже о совершенном коррупционном деянии. Безусловно, такая заслуга требует официального материального и/или морального поощрения (награды), адекватной совершенному антикоррупционному поступку. В связи с этим заслуживает внимания опыт правового регулирования официального материального стимулирования (поощрения) антикоррупционного доносительства в Ялте (Республика Крым). В соответствии с постановлением администрации этого города размер единовременного денежного поощрения лица, уведомившего правоохранительные органы о коррупционном деянии, зависит от степени тяжести предотвращенного, пресеченного или выявленного коррупционного противоправного деяния. За уведомление о совершении административного коррупционного правонарушения физическим или юридическим лицом размер единовременного денежного вознаграждения составляет 15 000 рублей. За информирование о коррупционных преступлениях размер денежного вознаграждения увеличивается в зависимости от уголовно-правового критерия – степени тяжести совершенного коррупционного деяния. Так, за информирование о коррупционном преступлении небольшой тяжести размер денежного вознаграждения равен 20 000 рублям; средней тяжести – 40 000; тяжком – 60 000; особо тяжком – 100 000¹⁷. Этот дифференцированный подход к официальному мате-

риальному стимулированию антикоррупционного доносительства администрацией Ялты был заимствован у администрации города Великие Луки Псковской области, где аналогичным образом решался вопрос об официальном материальном поощрении физических лиц за антикоррупционное информирование. В городе Великие Луки размер материального вознаграждения за антикоррупционное доносительство устанавливался в зависимости от степени общественной опасности предотвращенного, выявленного или пресеченного коррупционного деяния, только размеры вознаграждения были иными. За помощь в выявлении административного коррупционного правонарушения размер денежного поощрения был установлен в 10 000 рублей; за помощь в выявлении и расследовании коррупционного преступления небольшой тяжести – 20 000; средней тяжести – 30 000; тяжкое и/или особо тяжкое – 50 000¹⁸. В нормативных правовых актах обоих муниципальных образований предусмотрен добровольный письменный отказ награжденного лица от получения единовременных денежных вознаграждений. В таком случае органы местного самоуправления самостоятельно решают вопрос о замене материального вознаграждения моральным поощрением, награждая это лицо благодарностью или почетной грамотой муниципального образования в зависимости от характера и социальной значимости антикоррупционной заслуги.

В качестве материального стимулирования за антикоррупционное доносительство органы публичной власти в качестве альтернативы денежного вознаграждения предусматривают награждение (поощрение) ценным подарком. В одних случаях их стоимостное выражение не указывается в нормативном правовом акте¹⁹, в других стоимость ценного подарка определяется награждающей стороной, но в пределах оговоренной суммы, как правило, не более 10 000 рублей²⁰.

¹⁷ Об утверждении Порядка поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым: постановление администрации г. Ялты Республики Крым № 5556-п от 28.12.2016 // Официальный сайт городского округа Ялта <http://yalta.rk.gov.ru>, 28.12.2016.

¹⁸ Об утверждении Порядка поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения на территории города Великие Луки: постановление Администрации города Великие Луки Псковской области № 343 от 28.02.2014 // Великолукская правда. Новости. 2014. 8 апреля.

¹⁹ Об утверждении Положения о поощрениях за муниципальную службу: распоряжение Главы города Сургута № 12 от 19.07.2007 (в ред. от 17.10.2013 № 53) // Информационный бюллетень Думы и Администрации города Сургута. 2007. № 7.

²⁰ О видах поощрений и наградений муниципальных служащих Администрации города Ханты-Мансийска, органов

Намного сложнее обстоит дело с официальным материальным стимулированием (поощрением) должностных лиц органов публичной власти за отказ от незаконного денежного вознаграждения, поскольку в нормативных актах предусмотрено вознаграждение в размере предложенной взятки²¹. Во-первых, это требует включения подобного рода материальных (финансовых) затрат в документы бюджетного планирования органа публичной власти, а во-вторых, уголовно-процессуального подтверждения отказа от получения незаконного вознаграждения либо судебного решения по результатам антикоррупционного доносительства.

Следует отметить, что в отдельных российских муниципальных образованиях имеются нормативные правовые акты, в которых предусмотрено комплексное стимулирование антикоррупционного доносительства, когда наравне с награждением муниципальными наградами осуществляется материальное стимулирование антикоррупционного до-

носительства. Так, решением Думы города Лангепаса Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 21 октября 2016 г. № 22, регулирующим вопросы награждения муниципальными наградами, для жителей этого города за содействие в раскрытии правонарушений коррупционной направленности предусмотрено награждение муниципальными наградами: Почетная грамота Думы города Лангепаса, Благодарственное письмо главы города Лангепаса, Почетная грамота главы города Лангепаса с выплатой денежной премии в размере 7 000 или 5 000 рублей²². Такая практика официального комплексного стимулирования антикоррупционного доносительства на муниципальном уровне носит исключительный характер, поэтому нуждается в мониторинге правоприменения.

Выводы

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование правового регулирования антикоррупционного доносительства в Российской Федерации показало следующее.

Во-первых, антикоррупционное доносительство – это официальное письменное сообщение работником или иным лицом сведений о поступке физического и/или юридического лица, содержащего признаки коррупционного деяния, работодателю и/или в уполномоченный на то орган публичной власти. Такое поведение следует признавать правомерным антикоррупционным поступком, нуждающимся в официальном одобрении и поощрении, в том числе и материальном вознаграждении.

Во-вторых, правовое регулирование материального стимулирования антикоррупционного доносительства в современном российском обществе носит разрозненный, бессистемный и противоречивый характер. Нормативными актами устанавливаются размеры материального вознаграждения, как правило,

Администрации города Ханты-Мансийска, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения: постановление Администрации города Ханты-Мансийска № 1448 от 08.11.2013 (в ред. от 13.02.2017 № 75) // Самарово-Ханты-Мансийск. 2013. 14 ноября; О видах поощрений и награждений муниципальных служащих, работников администрации города Покачи, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения: постановление Администрации города Покачи № 1428 от 18.12.2013 (в ред. от 16.11.2017 № 1276) // Покачевский вестник. 2013. 27 декабря.

²¹ Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, включаемых в состав денежного содержания государственных гражданских служащих Республики Марий Эл в Комитете гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл, а также о поощрениях и награждениях за государственную гражданскую службу: приказ Комитета гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл № 154 от 20.06.2018 // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф, 28.06.2018; Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, включаемых в состав денежного содержания государственных гражданских служащих Республики Марий Эл в Департаменте экологической безопасности, природопользования и защиты населения Республики Марий Эл, а также о поощрениях и награждениях за государственную гражданскую службу: приказ Департамента экологической безопасности, природопользования и защиты населения Республики Марий Эл № 43 от 13.03.2017 // Официальный интернет-портал Республики Марий Эл марийэл.рф, 21.03.2017 (утратил силу в связи с изданием приказа Комитета гражданской обороны и защиты населения Республики Марий Эл от 20.06.2018 № 154).

²² Об утверждении Положения о наградах и почетных званиях муниципального образования городской округ город Лангепас, о порядке рассмотрения документов о награждении государственными наградами Российской Федерации и их направления для дальнейшего рассмотрения Губернатору Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, о порядке внесения ходатайств о награждении наградами или присвоении почетных званий Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: решение Думы города Лангепаса № 22 от 21.10.2016 (в ред. от 26.10.2018 № 117) // Звезда Лангепаса. 2016. 29 октября.

без учета содержания заслуги и объема временных, материальных и иных затрат заявителя о коррупции, что противоречит принципу соразмерности антикоррупционного деяния и получаемой награды.

В-третьих, для совершенствования правового регулирования материального стимулирования антикоррупционного доносительства в современном российском обществе требуется его систематизация, а также дифференциация и индивидуализация размеров материального вознаграждения при совершении правомерного антикоррупционного поступка. При этом нужно формировать систему, которая направлена

не только на соразмерное материальное вознаграждение за антикоррупционное доносительство, но и надежную защиту лиц, сообщивших о фактах коррупции.

В-четвертых, совершенствование правового регулирования материального стимулирования антикоррупционного доносительства невозможно без новых научных исследований этого феномена отечественными специалистами различных отраслей знаний, а поэтому данная проблематика должна входить в число приоритетных научных направлений исследования государственной политики противодействия коррупции в Российской Федерации.

Список литературы

1. Богунова А. А. Уведомления о фактах обращения к военнослужащим в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, как одна из мер профилактики коррупции // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 108–116.
2. Булыгин А. В., Бровина А. В. Уведомление об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений: некоторые проблемы регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 1. С. 59–64.
3. Дьяченко Н. Н., Кузнецов А. Е. Уведомление о склонении к коррупционному поведению в системе мер профилактики коррупции в органах внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 4 (24). С. 44–47.
4. Хлонова Н. В. Сообщения о коррупционных правонарушениях: перспективы совершенствования с учетом зарубежного опыта // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 272–279.
5. Лесников Г. Ю., Тищенко Ю. Ю. Особенности процесса уведомления работниками уголовно-исполнительной системы о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 126–129.
6. Пресняков М. В. Обязанность уведомлять о фактах обращения с целью склонения к совершению коррупционных правонарушений: проблемы практической реализации // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 38–43.
7. Сабитов Р. А. Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 4 (14). С. 5–13.
8. Сидоренко Э. Л. Информирование о фактах коррупции: правовые стимулы и гарантии защиты (зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5. С. 3–6.
9. Полтарыгин Р. В., Сахапов И. Р. Позитивная практика МВД по Республике Татарстан по стимулированию антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел поощрением за отказ от получения взятки // Криминологическая ситуация и реагирование на нее: сборник. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2014. С. 207–213.
10. Полтарыгин Р. В., Сахапов И. Р. Поощрение за отказ от получения взятки как один из видов стимулирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 24–27.
11. Полтарыгин Р. В., Сахапов И. Р. Стимулирование антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел поощрением за отказ от получения взятки (опыт МВД по Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С. 66–70.
12. Трунцевский Ю. В. Whistleblowing (доносительство) как требование корпоративной культуры по предупреждению взяточничества и коррупции // Международное публичное и частное право. 2017. № 3. С. 45–48.
13. Горохова В. В. Whistleblowing как требование корпоративной культуры по предупреждению коррупции // Правила корпоративной культуры как стандарт поведения, инструмент достижения делового успеха: материалы заседания дискуссионного клуба «Человек. Труд. Общество». Краснодар, 2017. С. 43–45.
14. Водолеева Е. А., Батаева Б. С. Формирование института «сигнализаторства» в корпоративной культуре российских компаний // Современные корпоративные стратегии и технологии в России: сборник научных статей. В 3 ч. М., 2016. С. 80–86.
15. Siddiqui M. S. Whistleblowers' law to fight corruption. URL: <https://ru.scribd.com/document/423990110/Whistleblowers-Law-to-Fight-Corruption> (дата обращения: 24.11.2019).

16. Gholami H., Habeeb Salihu H. Combating Corruption in Nigeria: The Emergence of Whistleblowing Policy // *Journal of Financial Crime*. 2019. Vol. 26, № 1. Pp. 131–145. DOI: 10.1108/JFC-10-2017-0102
17. Al-Haidar F. Whistleblowing in Kuwait and UK against corruption and misconduct // *International Journal of Law and Management*. 2018. Vol. 60, № 4. Pp. 1020–1033. DOI: 10.1108/IJLMA-05-2017-0119
18. Sapna Chadah. Containing Corruption: Role of Whistleblowers // *The Indian journal of public administration: quarterly journal of the Indian Institute of Public Administration*. 2011. Vol. 57, № 3. Pp. 741–757. DOI: 10.1177/0019556120110333
19. Tanjević N. Zaštita uzbunjivača u Srbiji - uloga i značaj uzbunjivača u otkrivanju korupcije // *Trendovi u poslovanju*. 2017. Vol. 5, br. 2. Str. 61–69. DOI: 10.5937/trendpos1702061T
20. Abdulwahab Qudus Abdulgafar Fahm. The Policy of Whistleblowing in Nigeria: An Islamic Perspective // *International Journal of Civic Engagement and Social Change*. 2018. Vol. 5, № 3. Pp. 32–47. DOI: 10.4018/IJCESC.2018070103
21. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск: ИПЦ «Гузель», 1995. 172 с. DOI: 10.13140/RG.2.1.4978.6003
22. Кабанов П. А. Корыстные злоупотребления по службе в дореволюционном российском уголовном законодательстве: лекция. Нижнекамск, 1993. 25 с. DOI: 10.13140/RG.2.1.2226.0889
23. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: диалектика системного подхода. М., 2003. 98 с.
24. Teichmann F. Incentive systems in anti-bribery whistleblowing // *Journal of Financial Crime*. 2019. Vol. 26, № 8. Pp. 519–525. DOI: 10.1108/JFC-04-2018-0041
25. Закрепление обязанностей работников организации, связанных с предупреждением коррупции, ответственность и стимулирование: памятка Минтруда России. URL: <https://rosmintrud.ru/> (дата обращения: 19.09.2019).
26. Пальцун И. Н. Государственное финансирование института информаторства: история и современность // *Экономика, предпринимательство и право*. 2017. Т. 7, № 1. С. 17–31.
27. Бикеев И. И. Коррупциогенность и коррупциогенные сферы в современном российском обществе // *Следователь*. 2009. № 2 (130). С. 15–17.
28. Астанин В. В. Профилактика коррупционных правонарушений в организациях, контролируемых госкорпорациями: практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2019. 264 с.

References

1. Bogunova A. A. Noticing about the facts of inducing military personnel to corruptive crimes as a measure for corruption prevention, *Военное право*, 2018, No. 5 (51), pp. 108–116 (in Russ.).
2. Bulygin A. V., Brovina A. V. Noticing about inducing to corruptive crimes: some issues of regulation, *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2015, No. 1, pp. 59–64 (in Russ.).
3. D'yachenko N. N., Kuznetsov A. E. Noticing about inducing to corruptive behavior in the system of corruption preventive measures in law enforcement, *Nauchnyi portal MVD Rossii*, 2013, No. 4 (24), pp. 44–47 (in Russ.).
4. Khlonova N. V. Notices about corruptive crimes: prospects of improvement with the account of foreign experience, *Actual problems of economics and law*, 2013, No. 1 (25), pp. 272–279 (in Russ.).
5. Lesnikov G. Yu., Tishchenko Yu. Yu. Features of the procedure of noticing about inducing to corruptive crimes by the personnel of criminal-executive system, *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2018, No. 1, pp. 126–129 (in Russ.).
6. Presnyakov M. V. Obligation to notice about the attempts to induce to corruptive crimes: issues of practical implementation, *Administrativnoe pravo i protsess*, 2019, No. 2, pp. 38–43 (in Russ.).
7. Sabitov R. A. Legal incentives for noticing about corruption, *Viktimologiya*, 2017, No. 4 (14), pp. 5–13 (in Russ.).
8. Sidorenko E. L. Informing about corruption: incentives and protection guarantees (foreign experience), *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2015, No. 5, pp. 3–6 (in Russ.).
9. Poltarygin R. V., Sakhapov I. R. Positive practice of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan on stimulating anticorruption behavior of the personnel for incentives for refusal to take a bribe, *Kriminologicheskaya situatsiya i reagirovanie na nee*, Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2014, pp. 207–213 (in Russ.).
10. Poltarygin R. V., Sakhapov I. R. Incentives for refusal to take a bribe as a type of stimulating anticorruption behavior of the personnel of the law enforcement agencies, *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2014, No. 2 (30), pp. 24–27 (in Russ.).
11. Poltarygin R. V., Sakhapov I. R. Stimulating anticorruption behavior of the personnel of the law enforcement agencies through incentives for refusal to take a bribe (experience of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan), *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2013, No. 4 (14), pp. 66–70 (in Russ.).
12. Truntsevskii Yu. V. Whistleblowing (noticing) as a requirement of corporate culture to prevent bribery and corruption, *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2017, No. 3, pp. 45–48 (in Russ.).

13. Gorokhova V. V. Whistleblowing as a requirement of corporate culture to prevent corruption, *Pravila korporativnoi kul'tury kak standart povedeniya, instrument dostizheniya delovogo uspekha: Materialy zasedaniya diskussionnogo kluba "Chelovek. Trud. Obshchestvo"*, Krasnodar, 2017, pp. 43–45 (in Russ.).
14. Vodoleeva E. A., Bataeva B. S. Developing the institution of “whistleblowing” in the corporate culture of the Russian companies, *Sovremennye korporativnye strategii i tekhnologii v Rossii: sbornik nauchnykh statei*, in 3 parts, Moscow, 2016, pp. 80–86 (in Russ.).
15. Siddiqui M. S. *Whistleblowers' law to fight corruption*, available at: <https://ru.scribd.com/document/423990110/Whistleblowers-Law-to-Fight-Corruption> (access date: 24.11.2019).
16. Gholami H., Habeeb Salihu H. Combating Corruption in Nigeria: The Emergence of Whistleblowing Policy, *Journal of Financial Crime*, 2019, Vol. 26, No. 1, pp. 131–145. DOI: 10.1108/JFC-10-2017-0102
17. Al-Haidar F. Whistleblowing in Kuwait and UK against corruption and misconduct, *International Journal of Law and Management*, 2018, Vol. 60, No. 4, pp. 1020–1033. DOI: 10.1108/IJLMA-05-2017-0119
18. Sapna Chadah. Containing Corruption: Role of Whistleblowers, *The Indian journal of public administration: quarterly journal of the Indian Institute of Public Administration*, 2011, Vol. 57, No. 3, pp. 741–757. DOI: 10.1177/0019556120110333
19. Tanjević N. Zaštita uzbunjivača u Srbiji - uloga i značaj uzbunjivača u otkrivanju korupcije, *Trendovi u poslovanju*. 2017. Vol. 5, br. 2. Str. 61–69. DOI: 10.5937/trendpos1702061T
20. Abdulwahab Qudus Abdulgafar Fahm. The Policy of Whistleblowing in Nigeria: An Islamic Perspective, *International Journal of Civic Engagement and Social Change*, 2018, Vol. 5, No. 3, pp. 32–47. DOI: 10.4018/IJCESC.2018070103
21. Kabanov P. A. *Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal-legal aspects*, Nizhnekamsk, IPTs "Guzel", 1995, 172 p. (in Russ.). DOI: 10.13140/RG.2.1.4978.6003
22. Kabanov P. A. *Lucrative abuse of office in the pre-revolutionary Russian criminal law*, lecture, Nizhnekamsk, 1993, 25 p. (in Russ.). DOI: 10.13140/RG.2.1.2226.0889
23. Astanin V. V. *Struggle against corruption in Russia in the 16th – 20th cc: dialectics of systemic approach*, Moscow, 2003, 98 p. (in Russ.).
24. Teichmann F. Incentive systems in anti-bribery whistleblowing, *Journal of Financial Crime*, 2019, Vol. 26, No. 8, pp. 519–525. DOI: 10.1108/JFC-04-2018-0041
25. *Stipulating the official duties related to corruption prevention, liability and incentives: memorandum of the Russian Ministry of Labor*, available at: <https://rosmintrud.ru/> (access date: 19.09.2019) (in Russ.).
26. Pal'tsun I. N. State financing of the institution of whistleblowing: history and modernity, *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2017, Vol. 7, No. 1, pp. 17–31 (in Russ.).
27. Bikeev I. I. Corruptogenicity and corruption factors in the modern Russian society, *Sledovatel'*, 2009, No. 2 (130), pp. 15–17 (in Russ.).
28. Astanin V. V. *Prevention of corruption crimes in organizations controlled by public corporations*, manual, Moscow, Yurlitinform, 2019, 264 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 29.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 02.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Кабанов П. А., 2020

© Kabanov P. A., 2020

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

УДК 343.63:004(73)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.105-141>

Р. А. ДЕЛФИНО¹

¹Школа права Лойолы, г. Лос-Анджелес, США

ПОРНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИПФЕЙКИ: СЛЕДУЮЩИЙ ТРАГИЧЕСКИЙ АКТ ФЕНОМЕНА «ПОРНО ИЗ МЕСТИ» И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ*

Ребекка А. Делфино, внештатный преподаватель права, Школа права Лойолы
Адрес: Loyola Law School, 919 Albany Street, Los Angeles, California 90015–1211

Цель: изучение проблемы порнографических дипфейков – сфальсифицированных фотографий и видеороликов с наложением изображений лиц людей, не участвовавших в их съемке, и внесение предложений по ее решению.

Методы: наблюдение, изучение документов, сравнение, анализ, синтез.

Результаты: предлагается на уровне федерального уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки решение общенациональной проблемы порнографических дипфейков, поскольку ни один федеральный закон или закон штата в настоящее время не предусматривает ответственности за их создание или распространение.

Научная новизна: впервые рассматривается правовой аспект порнографических дипфейков как феномена современной цифровизации и использования новых методов создания вредоносной для человека виртуальной реальности.

Практическая значимость: предлагается новый федеральный уголовный закон, регулирующий создание и распространение порнографических дипфейков. В этом законе сочетаются компоненты законов ENOUGH и MDFPA и добавлены другие необходимые компоненты с целью поставить заслон порнографическим дипфейкам и защитить их жертвы. Приводятся текст и анализ предлагаемого закона. Результаты исследования могут быть востребованы для учета в последующих научных работах, при совершенствовании законодательства и в правоприменительной деятельности не только Соединенных Штатов Америки, но также Российской Федерации и других стран.

Ключевые слова: порнографический дипфейк; цифровизация; виртуальная реальность; порнографические материалы; аудиозапись; видеозапись; правонарушение; киберпреступность

Благодарность: автор благодарит Кэтрин Бросэмл, Дженнифер Роджес и Кэтлин Саймерс за помощь в исследовании, Школу права Лойолы за щедрую стипендиальную поддержку и, как всегда, семью за терпение, снисходительность и содействие и посвящает эту статью своим родителям, Кену и Розмари Делфино, которые научили ее не только отделять правду от вымысла, но и изучать разницу между ними.

* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Fordham Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь по адресу: tmelnick@law.fordham.edu.

Цитирование оригинала статьи на английском: Rebecca A. Delfino, Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act, 88 Fordham L. Rev. 887 (2019).

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss3/2>

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Делфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 1. С. 105–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.105-141>

R. A. DELFINO¹

¹Loyola Law School, Los Angeles, USA

PORNOGRAPHIC DEEPFAKES: THE CASE FOR FEDERAL CRIMINALIZATION OF REVENGE PORN'S NEXT TRAGIC ACT*

Rebecca A. Delfino, Clinical Professor of Law at Loyola Law School, Los Angeles.
Address: Loyola Law School, 919 Albany Street, Los Angeles, California 90015–1211

Objective: to study the problem of pornographic deepfakes – doctored images and videos featuring faces of persons who were not engaged in the acts, and to propose solutions for the problem.

Methods: observation, document study, comparison, analysis, synthesis.

Results: it is proposed to solve the problem of pornographic deepfakes at the level of the U.S. federal criminal legislation, as currently there is no federal or state law criminalizing their creation or distribution.

Scientific novelty: for the first time, the legal aspect of pornographic deepfakes is considered as a phenomenon of today's digitalization and using of new techniques for creating virtual reality harmful for humans.

Practical significance: a new federal criminal statute is proposed to regulate creation or distribution of pornographic deepfakes. The proposed law combines components of the ENOUGH Act and MDFPA with other necessary elements to combat pornographic deepfakes and protect their victims. The proposed statute text is set forth and analyzed. The research results can be used in further scientific works, to improve legislation and law-enforcement practice not only in the United States but also the Russian Federation and other countries.

Keywords: Pornographic deepfake; Digitalization; Virtual reality; Pornographic materials; Audio recording; Video recording; Offense; Cybercrime

Acknowledgements: I am grateful and indebted to Katherine Brosamle, Jennifer Roges, and Kathleen Simers for their research assistance, Loyola Law School for its generous support of faculty scholarship and, as always, my family for their patience, indulgence, and encouragement. This Article is dedicated to my parents, Ken and Rosemary Delfino, who not only taught me to discern fact from fiction at a young age but also inspired me to care about the difference.

For citation of Russian version: Delfino R. A. Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 105–141. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.105-141>

* This Note is brought to you for free and open access by FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. It has been accepted for inclusion in Fordham Law Review by an authorized editor of FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu.

For original publication: Rebecca A. Delfino, Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act, 88 Fordham L. Rev. 887 (2019).

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol88/iss3/2>

Это может произойти с вами.

Как и миллионы людей во всем мире, вы загружали свои цифровые фотографии в Интернет через социальные медиаплатформы. Ваши фотографии не имеют отношения к сексу – они изображают вашу повседневную жизнь, как вы проводите время с друзьями или делаете селфи в отпуске. Но затем кто-то решает, что вы ему не нравитесь. Используя приложение, доступное на любом смартфоне, этот ваш противник вырезает ваше лицо из невинных фотографий и приставляет его к телу человека, участвующего в откровенно сексуальных сценах. Без вашего ведома и согласия вы становитесь «звездой» реалистичного порнографического дипфейка.

Эта гипотетическая ситуация отражает новое явление в сфере криминальной сексуальной эксплуатации – это следующий шаг после незаконного публичного распространения личных сексуально откровенных фото- или видеоматериалов, известных как порно из мести. Можете ли вы что-то сделать, если вас вставили в фейковое порнографическое фото или видеоизображение против вашей воли? Законно ли создавать, публиковать и распространять фальсифицированную порнографию в Интернете?

Ответ на эти вопросы в лучшем случае будет сложным и неопределенным. В худшем случае ответ – «нет». Хотя самым эффективным сдерживающим фактором подобных деяний является их криминализация, в настоящее время нет ни одного федерального закона или закона на уровне штата, который бы устанавливал ответственность за создание или распространение порнографических дипфейков. А поскольку дипфейки существуют в киберпространстве, они не относятся к юрисдикции отдельных штатов. В данной статье впервые рассматривается правовой аспект порнографических дипфейков и предлагается законодательное решение относительно различных видов ущерба, который они причиняют. Таким образом, в статье предлагается решение, основанное на федеральном уголовном законодательстве и затрагивающее проблему на общенациональном уровне, так как жертвой дипфейка может стать каждый – даже вы.

Введение

Личина! Видно, ты полна коварства
И бес тобой воспользоваться рад!

Уильям Шекспир.
Двенадцатая ночь, акт 2, сцена 2¹

Ежедневно в реальном и виртуальном мире на нас обрушивается шквал правдивой и ложной информации, новостей, изображений, видео. Мы не всегда можем отделить истину от вымысла, и право не поспевает за темпом возникновения проблем. В последние годы в темных углах Интернета появилось нечто новое: обработанные фото- и видеоизображения, в которых лицо одного человека убедительно приставлено к телу другого, участвующего в откровенно сексуальных сценах. Создатели², комментаторы³ и исследователи⁴ называют такие изображения дипфей-

ками⁵. Хотя эти изображения фиктивные, созданные с помощью новых технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), они предлагаются как реальные изображения реальных людей, обычно женщин. Технология их создания развивалась так быстро, что сейчас стало широко доступно соответствующее при-

⁵ Название происходит от псевдонима пользователя платформы Reddit, который впервые выложил в Интернет обработанные видео с откровенно сексуальными сценами [2]. Термин объединяет две концепции: deep – «глубокий», от deep learning – «глубокое обучение»: аспект искусственного интеллекта, основанный на тех же принципах, что и обучение человека; и fake, от fake news – «фейковые новости», т. е. ложное или сенсационное сообщение, созданное, чтобы привлечь внимание, ввести в заблуждение или испортить репутацию. См. [8, 9]. Хотя происхождение слова известно, его написание остается противоречивым: можно встретить слитное (deepfake), дефисное (deep-fake) и раздельное (deep fake) написания. Правоведы и политики чаще пишут раздельно. См. Malicious Deep Fake Prohibition Act of 2018, S. 3805, 115th Cong. (2018); [6, 7]. Напротив, в блоге словаря Merriam-Webster и как минимум одном онлайн-словаре технического направления используется слитное написание: deepfake. См. Words We're Watching: 'Deepfake', Merriam-Webster (July 31, 2019). URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/deepfake-slang-definition-examples> [<https://perma.cc/W8FG-75QU>]; см. также [9]. В данной статье мы используем слитное написание, так как это слово образовано слиянием двух слов, что часто встречается при описании современных технологий (например, Pinterest, sexting, webinar).

¹ Twelfth Night act 2, sc. 2: пер. А. Кронеберга.

² См. [1] (описывается, как осенью 2017 г. анонимный пользователь Reddit разместил в Интернете несколько порнографических видео под псевдонимом «Дипфейки» (Deepfakes), на одном из которых лицо актрисы Дейзи Ридли было прикреплено к телу порноактрисы); см. также [2].

³ См., например, [3–5].

⁴ См. [6]. См. в целом [7].

ложение для смартфона [1]. Это приложение снизило технический порог, необходимый для их создания, поэтому фейковые порнографические изображения публичных фигур и рядовых граждан будут, вероятно, все более распространены. Сегодня любой, кто имеет цифровое фото, может против своей воли стать «порнозвездой», а в законе нет никаких средств помешать этому.

Неспособность закона защитить потенциальных жертв становится все более очевидной по мере усовершенствования и упрощения соответствующей технологии. Рассмотрим пример. Отелло и Дездемона находятся в долговременных отношениях. Отелло увлекается цифровой фотографией и снимает Дездемону на свой смартфон везде, где они бывают: гуляя по улочкам Венеции, осматривая морской порт на Кипре, устраивая пикник в саду своего замка. Дездемона не возражает против этих снимков, но никогда не разрешает Отелло фотографировать себя обнаженной или с сексуальным подтекстом. Они расстаются после того, как Отелло начинает подозревать, что Дездемона имела любовную связь с его другом Кассио. В отместку Отелло загружает снимки Дездемоны в приложение на своем смартфоне и накладывает ее лицо на тело некоей актрисы, занятой в порнографических сценах. Затем он размещает эти фейковые видео и контактную информацию Дездемоны на различных площадках социальных медиа.

Когда Дездемона обращается в правоохранительные органы, требуя, чтобы порнографические фейковые видео удалили, а Отелло арестовали, она узнает, что его поведение не нарушает никакого закона. Когда она спрашивает, можно ли осудить его по новому закону штата о порнографии из мести или по другому закону о киберпреступлении, ей не могут ответить с уверенностью и начинают сомневаться, является ли она вообще жертвой преступления, ведь она не была владельцем этих фото, а Отелло использовал в видео только ее лицо. К сожалению, эта история отражает новый зарождающийся феномен в киберпреступлениях с сексуальной эксплуатацией – это следующий трагический акт в неправомерном публичном распространении частных, сексуально откровенных фото- и видеоматериалов, которое известно как порно из мести.

В разд. I данной статьи дается определение и объясняется феномен дипфейков, а также их место в контексте Интернета. В этом разделе рассматриваются потенциальные опасности и риски, которые дипфейки

несут нашему обществу и демократическим институтам из-за их связи с фейковыми новостями и фальшивыми изображениями публичных и официальных лиц, а затем дипфейки рассматриваются в контексте порнографии, снятой без согласия участников, и близкого к ней явления «порно из мести».

В разд. II исследуется весь комплекс правовых и иных проблем, связанных с дипфейками. Например, как определить, кто на самом деле стал жертвой дипфейка, ведь видео изображает как минимум двух участников – того, чье тело было использовано, и того, чье лицо было добавлено. Является ли жертвой преступления первый, второй или оба? В этом разделе также обсуждаются трудности, связанные с выявлением личности и местонахождения преступников и привлечением их к ответственности, а также с удалением дипфейков из Интернета, учитывая принятый в 1996 г. Акт о соблюдении приличий в СМИ (Communications Decency Act, CDA)⁶, который освобождает дистрибьюторов контента от ответственности за контент, принадлежащий третьим сторонам.

В разд. III изучаются существующие меры правового воздействия. Хотя обвинители могут инициировать иски о преследовании в Сети, криминальных угроз, незаконном доступе к цифровой информации, детской порнографии, существующее уголовное федеральное законодательство не предусматривает наказания конкретно за дипфейки. В этом разделе также рассматриваются федеральные законы, находящиеся на стадии обсуждения, включая Акт 2018 г. о запрете дипфейков, созданных со злым умыслом (Malicious Deep Fake Prohibition Act)⁷, и Акт 2017 г. о борьбе с преследованиями, осуществляемыми с помощью изображений пользователя в Сети, полученных без его согласия (Ending Nonconsensual Online User Graphic Harassment Act)⁸. В разд. III обсуждаются уголовные законы четырех штатов: Калифорнии, Техаса, Флориды и Нью-Йорка, которые показывают, что даже эти штаты с самым многочисленным населением, самым большим количеством как зарегистрированных киберпреступлений, так и законов против порно из мести, не успевают реагировать на ущерб, причиняемый технологией дипфейка.

⁶ Pub. L. No. 104–104, tit. V, 110 Stat. 56 (кодифицирован с поправками в отдельных разделах 15, 18, и 47 U.S.C.).

⁷ S. 3805.

⁸ S. 2162, 115th Cong. (2017).

В разд. IV исследуются недостатки и ограничения как действующих, так и предложенных уголовных законов и показано, что они неспособны полностью исключить ущерб от дипфейковой порнографии. В этом разделе рассматриваются также аспекты, связанные с действием Первой поправки и цензуры.

Наконец, в разд. V рассматриваются пути решения проблемы порнографических дипфейков через принятие федерального уголовного закона. Предлагается правовое решение, совмещающее существующие элементы обсуждаемых федеральных законов, в которых предусматривается ответственность за порно из мести и дипфейки, и новые элементы, включая запретительные нормы и возмещение ущерба жертвам. Наконец, в этом разделе обсуждаются неюридические решения, которые должны создаваться и применяться параллельно. Такие решения включают разработку технологических средств верификации контента и повышение цифровой грамотности населения, так чтобы каждый потребитель контента в Сети знал: интернет-контент может быть истинным и фейковым; необходимо помнить об этом, прежде чем принимать решения или предпринимать какие-либо действия.

I. ФЕНОМЕН ДИПФЕЙКА

В Интернете появилась опасная новая технология, размывающая границы между фактом и вымыслом. Она позволяет пользователям создавать дипфейки – обработанные фото- и видеозображения, правдоподобно объединяющие лицо одного человека и тело другого [2]. Эта технология, основанная на искусственном интеллекте, имеет законные и полезные сферы применения⁹, однако она может также применяться со злым умыслом¹⁰, а именно при производстве порнографии без согласия задействованных лиц

⁹ См. [6, рукопись, pp. 14–16] (обсуждаются возможные «просоциальные» применения дипфейков в образовании, искусстве и самовыражении). См. также [10] («Эту технологию используют также для создания безобидных видео для розыгрышей и пародий, например, вставляют культовую для Reddit фигуру актера Николаса Кейджа в фильмы, где он не снимался»).

¹⁰ Chesney и Citron определили области, в которых возможно использование дипфейков, вредоносное для частных лиц (например, саботаж, шантаж, эксплуатация) или для общества (включая вред для демократических институтов, гражданского дискурса, общественной безопасности, национальной безопасности). См. [6, рукопись, pp. 16–29].

[11, 12]. На большинстве подобных изображений лица знаменитостей женского пола накладываются на тела других людей, участвующих в сексуальных актах¹¹. Миллионы людей, выкладывавших свои фотографии в Интернет, могут без своего ведома стать участниками таких порнографических изображений, которые легко создать с помощью приложения¹².

A. Развитие технологии дипфейка

Дипфейки впервые появились в Интернете в конце 2017 г., когда анонимный пользователь платформы Reddit¹³ выложил реалистичные порнографические видео со знаменитостями [10]. Вскоре после этого другой анонимный пользователь платформы создал и выпустил бесплатное приложение FakeApp, позволяющее легко создавать дипфейки [15]. До создания приложения FakeApp производство обработанных видео было дорогостоящим и трудоемким процессом, доступным только на киностудиях Голливуда¹⁴. Создатель FakeApp «сделал технологию дипфейка доступной людям без технического образования и опыта программирования» [1].

FakeApp загружает цифровые изображения в «алгоритм машинного обучения, который научился прикреплять одно лицо поверх другого» [2]; этот алгоритм известен также как «глубокое обучение искусственного интеллекта» (AI deep learning) [11, p. 1]. В этой технологии искусственный интеллект анализирует и изменяет изображение лица одного человека, а затем прикрепляет его к телу другого человека на

¹¹ См. [2] (в качестве некоторых жертв дипфейков называются Эмма Уотсон, Галь Гадот, Тейлор Свифт и Дэйзи Ридли); [13] (обсуждаются дипфейки, нацеленные против знаменитостей).

¹² См. в целом [11] (обсуждается вероятное использование дипфейков в случаях домашнего насилия и киберпреследования).

¹³ Reddit входит в десятку самых популярных веб-сайтов в США и в первую двадцатку в мире, позиционируя себя как «первая страница Интернета». См. [14]. Сайт представляет собой собрание форумов, известных также как subreddits, в которых группы пользователей обмениваются новостями и контентом или комментируют сообщения на самые разные темы. Там же. Заголовок сабреддита начинается на «r/», что отражает структуру URL-адреса на Reddit. Например, форум r/Shakespeare обсуждает жизнь и творчество Шекспира, а форум r/birdswitharms публикует изображения птиц с руками. Там же.

¹⁴ См. [16]. См. также [15] (показано, что приложение FakeApp «делает технологию дипфейка доступной рядовому пользователю»); [13].

видео [11]. Создание такого видео требует всего пяти несложных шагов¹⁵.

Кроме того, FakeApp может извлекать изображения из Google, Instagram и Facebook и использовать их для создания порнографии, отсюда преобладание дипфейков со знаменитостями¹⁶.

В. Распространение дипфейков в других областях

Хотя наиболее известно использование описанной технологии для создания реалистичных порнографических видео, ее можно также использовать для создания фейковых новостей и фейковых изображений с участием политиков и официальных лиц¹⁷. Так могут появиться видео политиков, берущих взятки, солдат, совершающих военные преступления, кандидатов в президенты, совершающих уголовные преступления, официальных лиц, объявляющих о террористической атаке¹⁸. Все эти ситуации способны причинить вред нашей демократии, особенно учитывая, что технологии продолжают быстро развиваться¹⁹. Например, ученые из Университета Вашингтона создали реалистичное видео с участием президента Барака Обамы с синхронизацией движения губ, «совместив аудиоряд с одной из его видеозаписей»²⁰. Это стало возможным, поскольку «в Сети было достаточно видеозаписей Обамы в форме интервью, речей, выступлений и т. п.» [19]. Кроме того, звукоинженеры использовали технологию искусственного интеллекта для «синтезирования 116 777 образцов голоса, каждый

длинной 0,4 секунды, взятых из 831 речи и радиобращения [президента Джона Кеннеди]» [20] и записали его голосом речь, которую он произнес бы 22 ноября 1963 г., если бы не был убит в тот день. Также кинорежиссер Джордан Пил создал с помощью технологии искусственного интеллекта речь Барака Обамы с предупреждением против фейковых видео [21]. По мере развития технологии дипфейка различать обработанные и настоящие видео- и фотоизображения станет все труднее.

Рост количества дипфейков в последнее время показывает несовершенство законодательства и поднимает сложные вопросы о необходимости решения проблем, связанных с дипфейками [6, рукопись, pp. 30–58]. Хотя такие сайты, как Reddit, Pornhub и Twitter, запретили размещение порнографических дипфейков на своих площадках [15], данная ИИ-технология будет, вероятно, все больше распространяться [6, рукопись, pp. 2–4, 8–14]. Имея такие приложения, как FakeApp или Snapchat, который позволяет изменять черты лица, все больше граждан смогут неконтролируемо создавать реалистичные фейковые видео [22; 6, рукопись, p. 814]. Чтобы защищать жертв дипфейка и предотвращать его негативные последствия, законы должны изменяться вместе с технологиями.

С. Дипфейки в контексте порнографии, созданной без согласия участников

Хотя первоначально дипфейки были направлены против знаменитостей, обычный человек также может обнаружить свое изображение в фейковом видео [11, p. 3]. Теперь, когда социальные медиа широко распространены и многие люди выкладывают свои фотографии в Сеть, пользователи FakeApp могут использовать изображения любого человека из Instagram или Facebook²¹. Так, пользователи Reddit открыто обсуждали создание дипфейков, изображающих друзей, преподавателей или бывших партнеров [23].

Поскольку технология дипфейка позволяет создавать реалистичные порнографические видео без согласия изображенных людей и поскольку эти видео могут широко распространяться в Интернете, они относятся к области киберпреступлений, ис-

¹⁵ Процесс сводится к следующим шагам: «1. Загрузите приложение FakeApp или подобное. 2. Убедитесь, что ваша видеокарта достаточно мощная... 3. Укажите видео, которое будете использовать. 4. Соберите несколько сотен фотографий... которые будут накладываться на видео. 5. Загрузите фотографии в FakeApp и запустите программу» [11, p. 5].

¹⁶ [11, pp. 6, 17].

¹⁷ См. [2] («В дипфейках хуже всего то, что эта жалкая порнография – только пролог к тому, что нас ждет дальше»); [13] (утверждается, что технология дипфейков «в будущем может быть использована для дискредитации правительств и народов, вызывая международные конфликты»); см. также [6, рукопись, pp. 16–29). Поиск в Сети может дать множество качественных фотографий, что достаточно для создания дипфейка.

¹⁸ См. [6, рукопись, pp. 16–29]. См. также [18].

¹⁹ См. [10] (отмечается, что технология «глубокого обучения», на которой основано создание дипфейков, стремительно развивается).

²⁰ Там же.

²¹ [13] (показано, что жертвами дипфейков могут стать рядовые граждане, если их качественные фотографии доступны в Сети).

пользующих сексуальную эксплуатацию. К этой же категории относятся такие преступления, как порно из мести и порнография, созданная без согласия участников [24]. Порно из мести – это преступление, состоящее в «предоставлении частного, сексуально откровенного изображения лицу, для которого оно не предназначалось» без согласия участников [25, 26]. Здесь речь идет о настоящих, а не обработанных фото- и видеоизображениях²². Обычно партнеры делятся подобными изображениями по взаимному согласию, а позже один из них распространяет их, желая отомстить другому [26, р. 346].

Однако материалы порно из мести могут также быть краденными или полученными посторонними людьми путем взлома или кражи сотового телефона или компьютера²³. Хакеры могут размещать эти материалы в Сети вместе с идентифицирующей информацией жертвы или без таковой²⁴. Более широкое понятие – «порнография, созданная без согласия участников» – включает сексуально откровенные фото- и видеоизображения, записанные без согласия участника, например, скрытой камерой [26, р. 346].

Порнографические дипфейки и порно из мести имеют ряд тревожных общих черт. Во-первых, и то и другое преимущественно затрагивает женщин²⁵. Один журналист описывал дипфейки как «способ для мужчин иметь неограниченную воображаемую власть над женскими телами» [28]. Во-вторых, оба явления предполагают распространение сексуально откровенных материалов без согласия. Жертвы порно из мести не соглашались на публичное распространение изображений, так же как жертвы дипфейков не соглашались на манипулирование их изображениями. Таким образом, и то и другое нарушает ожидания человека, что его сексуальная активность будет основана исключительно на добровольном согласии [11, р. 4].

²² См. в целом [27] (описывается проблема порно из мести).

²³ Cyber Exploitation – Law Enforcement FAQs, Off. Att’y Gen. URL: <https://oag.ca.gov/sites/all/files/agweb/pdfs/ce/cyber-exploitation-law-enforcement-faqs.pdf> [<https://perma.cc/FBX2-55YZ>] (дата обращения: 12.11.2019) [далее – Cyber Exploitation FAQs].

²⁴ Там же.

²⁵ [26, pp. 347–348] («Наше общество до сих пор плохо справляется с защитой женщин и девушек, становящихся жертвами преступлений»).

Оба эти явления могут иметь долгосрочные эффекты на жертв²⁶ и вызывать схожие эмоциональные и психологические негативные последствия²⁷. Примечательно, что порно из мести не только наносит вред репутации и эмоциональному благополучию человека, но и несет в себе риски значительного законодательного, профессионального и даже физического ущерба²⁸. Проблемы с физической безопасностью включают насилие, преследование и другие преступные деяния²⁹.

Однако между этими явлениями существуют и значительные различия, которые не позволяют жертвам дипфейка заглядывать нанесенный им вред. Во-первых, дипфейки могут представлять собой продукт художественного самовыражения, созданный без злого умысла, тогда как порно из мести всегда представляет собой преступление. Действительно, больше всего внимания привлекают дипфейки, изображающие общественных деятелей и знаменитостей в безобидных и юмористических сочетаниях, – например, лицо Стива Бушеми наложено на тело Дженнифер Лоуренс в видеозаписи, где актриса обсуждает свое любимое реалити-шоу «Настоящие домохозяйки»³⁰. В таких случаях, когда видео явно фейковое, зритель понимает шутку – так, даже порнографические дипфейки изначально создавались как развлечение и художественное самовыражение, а не преступное деяние³¹.

Порно из мести, напротив, изображает частных лиц в интимных актах, которые должны были остаться частным делом, а не служить для массового распространения и развлечения. Аргументация правоведов

²⁶ См. Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23 (цитируя исследование Cyber Civil Rights Initiative’s 2014 End Revenge Porn, в котором было показано, что подавляющее большинство пострадавших от порно из мести – женщины); см. также Revenge Porn Statistics, Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/wp-content/uploads/2014/12/RPStatistics.pdf> [<https://perma.cc/29NH-7848>] (дата обращения: 12.11.2019).

²⁷ [6, рукопись, pp. 16–20; 26, р. 347].

²⁸ См. цитируемые источники выше, примечание 27.

²⁹ См. цитируемые источники выше, примечание 27.

³⁰ См. Birbfakes, Jennifer Lawrence-Buscemi on Her Favorite Housewives [Deepfake], YouTube (Jan. 14, 2019). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r1jng79a5xc> [<https://perma.cc/VDT2-L54N>].

³¹ См. [29]. См. также [15] («В настоящее время законодательство США не может защитить жертв порнографических дипфейков, в основном потому, что суды до сих пор расценивали такие материалы как пародию или сатиру, которые надежно защищены Первой поправкой»).

за введение гражданской и уголовной ответственности за порно из мести строится вокруг нарушения права жертвы на неприкосновенность частной сексуальной жизни [26, pp. 350–356].

В случае порнографических дипфейков не возникает такого нарушения неприкосновенности частной сексуальной жизни. Ведь они не изображают какого-либо реально существующего человека³², а значит, ничья неприкосновенность частной сексуальной жизни не нарушается. Тем не менее зритель может не понимать, что видео является фейковым, и предполагать, что оно изображает реального человека, т. е. того, чье лицо было использовано.

Кроме того, дипфейки отличаются от других форм порнографии, созданной без согласия участников, и от порно из мести тем, что они могут затронуть практически бесконечное количество жертв. Сюда включаются как те, кто согласился на сексуально откровенные фото- и видеоизображения, которые затем были распространены без их согласия (т. е. жертвы обычного порно из мести), так и любой, кто имеет цифровые изображения [29].

II. МОРАЛЬНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИПФЕЙКОВ

Быстрое распространение фейковых порнографических видео и стремительное развитие технологий, позволивших появиться феномену дипфейка, поднимают сложные юридические и моральные проблемы. В данном разделе обсуждается трудность в определении преступников и жертв дипфейков, а также проблема удаления дипфейков с интернет-площадок в свете Акта о соблюдении приличий в СМИ 1996 г. (CDA). Эти проблемы ведут к необходимости принятия адекватного уголовного законодательства.

³² В данной статье рассматриваются только те дипфейки, представляющие собой предмет предлагаемого автором закона, описанного в разд. V, в которых изображение лица одного человека правдоподобно накладывается на тело другого человека, участвующего в сексуальном акте. Другие разновидности дипфейка, например обработка речи или изображения узнаваемой персоны с целью симулировать какое-либо действие или речь, остаются за пределами данного исследования.

A. Проблема определения жертв дипфейков

Развитие новых технологий поднимает проблему определения жертв дипфейков, так как они изображают двух людей: того, кто участвовал в сексуальном акте, и того, чье лицо было наложено [6, рукопись, pp. 9, 16–17]. Несмотря на это, в большинстве статей и комментариев жертвой называют того, чье лицо было использовано (см., например, [6, рукопись, pp. 16–20]). Однако если видео было использовано без согласия участника акта, то не является ли этот человек также жертвой преступления? Кроме того, как в законе может быть определен причиненный вред, если дипфейк не изображает настоящих эпизодов из жизни жертвы? За что должна наступить ответственность, если не был показан ни один реальный человек? Человек, чье лицо было использовано, вероятно, не давал согласия на участие в порнографии, но это не так однозначно относительно того, чье тело было использовано. Актер, чье тело появляется на видео, мог согласиться на оригинальное порнографическое видео, но, скорее всего, не на то, чтобы чье-то лицо было приставлено к его телу. Это также жертва преступления. Таким образом, оба человека, изображенных в дипфейке, должны считаться жертвами.

B. Проблемы с установлением преступников и возмещением вреда

Дипфейки поднимают также сложные проблемы определения правонарушителя и удаления видео после публикации в Интернете. После того как видео опубликовано в Интернете, его сложно удалить, и, как правило, репутационный и эмоциональный ущерб уже нанесен³³. В идеале виновным по закону должен считаться тот, кто создал и опубликовал фейковое видео. Однако определить это лицо бывает сложно по двум причинам. Во-первых, многие площадки, например Reddit, Twitter и Pornhub, предусматривают анонимное использование; неудивительно, что дипфейки процветают именно на этих площадках³⁴. Во-вторых, создатели

³³ [30] («Почти невозможно удалить видео после того, как оно попало в Сеть... Если вы ищете волшебную палочку, которая удалит видео навсегда, то ее, видимо, не существует») (цитируется Eric Goldman, профессор права Школы права Университета Санта-Клары).

³⁴ См. [10] (отмечается, что дипфейки были впервые выложены на Reddit пользователем, который до сих пор остается анонимным); [16] (отмечается, что создатель FakeApp остался анонимным).

дипфейков могут использовать такие программы, как Tor, скрывающие IP-адрес, связанный с дипфейком³⁵.

Поскольку определить создателя видео затруднительно, жертва может попробовать подать в суд на интернет-платформу, разместившую видео. Тогда в действие вступает § 230 Акта CDA³⁶, который отменяет гражданскую и уголовную ответственность по законам штата за размещение контента третьей стороны. Согласно § 230, «провайдер или пользователь интерактивных компьютерных сервисов не рассматривается как лицо, публикующее или сообщающее какую-либо информацию, предоставленную другим производителем контента»³⁷. Это положение снимает с провайдеров контента ответственность за размещение контента третьей стороны на своих площадках³⁸. В теории этот иммунитет призван сохранить свободу выражения в Интернете, снимая ответственность за действия третьей стороны³⁹. Согласно § 230, веб-сайты могут размещать видео, обзоры, разрешенную рекламу и профили в социальных сетях, созданные сотнями миллионов пользователей, не неся ответственности за их содержание⁴⁰. Хотя § 230 прославляют как один из важнейших инструментов, защищающих свободу слова в Интернете⁴¹, он также позволяет интернет-платформам безнаказанно размещать порно из мести, а теперь и дипфейки [35].

Иммунитет по § 230 не позволяет жертвам дипфейков судиться с интернет-платформами за размещение дипфейков [36, pp. 423–424]. Жертвы дипфейков и пор-

но из мести не могут преодолеть иммунитет по Акту CDA, так как «суды предоставляют высокую степень защиты веб-сайтам в рамках § 230» [36, p. 423]. Широкая интерпретация судами Акта CDA основана на желании поддержать намерение Конгресса «поощрять свободную и открытую коммуникацию в Интернете, даже если эта коммуникация включает потенциально вредоносные высказывания или поведение» [36].

Действительно, в деле *Barnes v. Yahoo!, Inc.*⁴² Окружной суд постановил, что § 230 не позволяет привлечь компанию Yahoo! к ответственности «за ненадлежащее оказание услуг» за отказ удалить сексуально откровенные фотографии истца, размещенные ее бывшим партнером. Дело *Barnes* «продемонстрировало эффективность § 230... защищающего веб-сайты от исков за порно из мести» [36, p. 424]. Иск против дипфейка, несомненно, закончится с тем же результатом. С помощью § 230 веб-сайты защищены от ответственности за размещение дипфейков пользователями. Таким образом, жертвы дипфейков не пользуются защитой закона, поскольку они не могут ни определить правонарушителя из-за анонимности, ни подать в суд на интернет-платформу из-за § 230. Даже если правонарушитель определен, успешный иск против создателей дипфейков не затронет провайдеров контента.

Несмотря на защиту по Акту CDA, многие интернет-платформы сами запретили размещение дипфейков и удалили размещенные видео⁴³. Платформа Reddit обнародовала новые правила, касающиеся порнографии, сделанной без согласия участников. Согласно этим правилам, запрещено распространение фото- и видеоматериалов, изображающих любого человека обнаженным или занятым в любом акте сексуального поведения, если эти материалы были созданы или размещены без его разрешения, «включая фейковые изображения такого рода»⁴⁴.

³⁵ См. [31] (объясняется, как программа Tor позволяет пользоваться Интернетом анонимно).

³⁶ 47 U.S.C. § 230 (2012). В соответствующем разделе § 230 указано, что никакой провайдер или пользователь интерактивных компьютерных сервисов не несет ответственности за какие-либо действия, предпринятые добровольно, по ограничению доступа к материалам, которые провайдер или пользователь считает неприличными, непристойными, чрезмерно агрессивными, раздражающими или недопустимыми по иным причинам, независимо от того, защищены ли такие материалы Конституцией. Там же, § 230(c)(2).

³⁷ Там же, § 230(c)(1).

³⁸ См. там же; см. также [32].

³⁹ Section 230 of the Communications Decency Act, Electronic Frontier Found. URL: <https://www.eff.org/issues/cda230> [<https://perma.cc/N9CT-XXPY>] (дата обращения: 12.11.2019); см. также [33].

⁴⁰ Section 230 of the Communications Decency Act, выше примечание 39.

⁴¹ [34] (отмечается, что CDA часто называют «законом, который больше всего влияет на свободу слова в Сети»).

⁴² 570 F.3d 1096, 1105 (9th Cir. 2009).

⁴³ [37] (названы платформы, запретившие размещение дипфейков: Twitter, Pornhub, Gfycat (платформа для размещения GIF-файлов), Discord (платформа, размещающая чаты об играх)).

⁴⁴ Account and Community Restrictions: Do Not Post Involuntary Pornography, Reddit. URL: <https://www.reddithelp.com/en/categories/rules-reporting/account-and-community-restrictions/do-not-post-involuntary-pornography> [<https://perma.cc/23EF-SYBD>] (дата обращения: 12.11.2019); см. также Account and Community Restrictions: Do Not Post Sexual or Suggestive Content Involving Minors, Reddit. URL: <https://www.reddithelp.com/en/>

Аналогичным образом платформа Pornhub объявила, что считает дипфейки порнографией без согласия, нарушающей условия пользования платформой [38, 39]. Платформа Twitter также пообещала закрывать все аккаунты, распространяющие или производящие порнографию без согласия⁴⁵. Недавно платформа Tumblr заявила о своей новой политике, предусматривающей запрет на «нежелательную сексуализацию и сексуальное преследование»⁴⁶.

Проблемы с определением жертвы и правонарушителя, с ответственностью платформы еще больше запутываются из-за неясностей в применении действующего законодательства к дипфейкам. Этому мешают все те же проблемы с изменением изображения и анонимностью, так как остается неясным, кто именно должен нести ответственность за дипфейки. Некоторые меры направлены на создателей контента, другие – на социальные сети, неспособные отследить распространяемый на них контент, третьи – и на то и на другое. Примечательно, что такие платформы, как Pornhub, в целом не смогли удалить существующий контент такого рода и препятствовать размещению нового; уже одно это демонстрирует острую необходимость законодательных решений, затрагивающих как создателей, так и провайдеров такого контента [42].

categories/rules-reporting/account-and-community-restrictions/donot-post-sexual-or-suggestive [https://perma.cc/3F54-P7KX] (дата обращения: 12.11.2019).

⁴⁵ Non-Consensual Nudity Policy, Twitter (Mar. 2019). URL: https://help.twitter.com/en/rules-and-policies/intimate-media [https://perma.cc/F36B-G4UB]; [40].

⁴⁶ Tumblr Bans Non-Consensual Creepshots and Deepfake Porn, BBC News (Aug. 27, 2018). URL: https://www.bbc.com/news/technology-45323287 [https://perma.cc/TXK4-5BP2]; см. также Community Guidelines, Tumblr (Dec. 17, 2018). URL: https://www.tumblr.com/policy/en/community [https://perma.cc/P3E5-ULPQ]. Хотя публичный отказ от распространения порнографических дипфейков является хорошим знаком, они остаются доступными на таких платформах, как Reddit и Pornhub. На платформах Reddit, Pornhub, Twitter и Tumblr пользователи должны выявлять и сообщать о дипфейках [17]. Дипфейки продолжают появляться на этих платформах, потому что «невозможно проверить каждый элемент контента». Там же. Кроме того, после удаления контента правонарушители переходят на другие площадки, например, Erome и Sendvid [38]. Что еще хуже, компания Naughty America, занимающаяся развлечениями для взрослых, начала монетизацию дипфейков, разрешив пользователям получать комиссию за клипы, созданные методом дипфейка [41]. Andreas Hronopoulos, глава Naughty America, назвал «кастомизацию и персонализацию» будущим порноиндустрии. Там же.

С. Необходимость принятия уголовных мер

Каждая жертва дипфейка сталкивается с различными видами несовершенства законодательства. Например, человек, чье лицо было использовано в видео, может стремиться получить компенсацию за показ интимных частей тела, которые не принадлежат ему. Напротив, тот, чье тело было использовано, возможно, будет доказывать, что его тело слишком узнаваемо, и подавать в суд на этом основании. При этом, даже если оба будут признаны жертвами, они должны будут доказывать причинение ущерба по отдельности, что также проблематично, потому что видео не представляет собой изображения интимных деталей жизни конкретного человека [43].

Даже если ущерб доказан, определены жертвы и правонарушители, проблемой может стать получение возмещения. Гражданская ответственность подразумевает единственный правовой способ возмещения ущерба и принуждения правонарушителя к соблюдению общественных норм поведения. Ряд исследователей попытались определить и оценить возможный круг исков и реакцию рынка по этой проблеме⁴⁷.

Однако гражданская ответственность имеет свои ограничения и часто неэффективна. Например, многие создатели дипфейков могут оказаться неподсудны, а значит, наступление гражданской ответственности не остановит их противоправного поведения. Кроме того, жертвы дипфейков, особенно те, чьи тела (но не лица) были использованы в изображениях, могут не хотеть обнародовать свою личность, а гражданские иски могут быть поданы только под настоящим именем. Во-вторых, высокая стоимость расследования и ведения дел по дипфейкам ограничит круг истцов только теми, кто имеет на это достаточно ресурсов. И даже если эти дела против создателей дипфейков будут выиграны, нет гарантии, что дипфейки будут удалены из Интернета, учитывая иммунитет для провайдеров контента третьей стороны, предоставляемый Актом CDA⁴⁸.

⁴⁷ Решения, предлагаемые гражданским законодательством и регулирующие меры в этой области, требуют специального рассмотрения и не входят в сферу данной статьи. Возможность наступления гражданской ответственности за дипфейки и возмещения их жертвам обсуждалась в работах других исследователей. См., например, [6, рукопись, pp. 31–41].

⁴⁸ См. выше примечания 36–40 и соответствующий текст.

Принятие мер по уголовному законодательству не сталкивается с такими проблемами, как по гражданскому. Уголовное преследование за дипфейки будет иметь более выраженный сдерживающий эффект на правонарушителей. В работах Bobby Chesney и Danielle Citron отмечается, что, «имея статус неподсудности, человек может не бояться гражданских исков, но от тюрьмы это его не защитит» [6, рукопись, р. 42]. Кроме того, правоохранительные органы обладают гораздо большими ресурсами, чем большинство истцов, даже знаменитостей, которые они могут использовать для расследования и ведения дел по дипфейкам. Эти аргументы были подробно рассмотрены в работах, доказывающих необходимость криминализации порно из мести⁴⁹. Кроме того, за последние сто лет введение уголовной ответственности за вторжение в частную жизнь получило значительную поддержку в правовой литературе⁵⁰ и в законодательстве – от уголовных наказаний за раскрытие частной финансовой⁵¹ и медицинской информации⁵² и кражи личной информации⁵³ до Акта о предотвращении вуайеризма посредством видео (Video Voyeurism Prevention Act) 2004 г.⁵⁴, которым запрещается намеренное изготовление и трансляция изображения другого человека раздетым. Наконец, уголовное наказание за порнографические дипфейки подаст более жесткий сигнал по сравнению с гражданскими мерами о том, что общество считает такое поведение неприемлемым⁵⁵. В частности, тем

самым передается мысль, что это поведение выходит за рамки нормы и что оно наносит ущерб не только конкретному гражданину, но и обществу в целом [26, pp. 361–363]. Учитывая, что жертвами таких дипфейков становятся преимущественно женщины и девушки, меры общественной защиты в форме уголовного закона вполне оправданы.

III. ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Уже более двух столетий законодатели признают необходимость для закона и правовых институтов идти в ногу с развитием технологий⁵⁶. Реальность, однако, не соответствует этим стремлениям⁵⁷. Стараюсь не отставать от быстрого развития технологий, право все же отстает⁵⁸. Закон о дипфейках не является исключением [49]. Здесь мы сосредоточимся на федеральных законах и законах уровня штата, преимущественно уголовных, которые в настоящее время предусматривают наказания за подобное поведение, включая создание и распространение порнографии без согласия участников и порно из мести. Такие законы могут дать аналогии и рамки для анализа ситуации с дипфейками.

кон создает в обществе комплекс значений и общего понимания между государством и обществом», а также: «... поскольку закон создает и определяет общественные нормы, постольку он имеет важное культурное значение» [46, р. 407].

⁵⁶ Letter from Thomas Jefferson to Samuel Kercheval (July 12, 1816), in 10 The Writings of Thomas Jefferson 37, 42–43 (New York, G. P. Putnam's Sons 1899). В 1816 г. Томас Джефферсон писал: «Законы и институты должны идти рука об руку с прогрессом человеческой мысли. По мере того, как мысль становится более развитой, более просвещенной, делаются новые открытия, раскрываются новые истины, а нормы поведения и мнения изменяются вместе с меняющимися обстоятельствами, институты должны также меняться, не отставая от времени». Там же, р. 43.

⁵⁷ Профессор Jr. Henry H. Perritt выдвинул две идеи, определяющие взаимоотношения между законом и технологиями: во-первых, что технологические изменения являются главным источником тех проблем человечества, на которые должен отвечать закон, и, во-вторых, что «закон отстает от технологий» потому, что рыночные силы и традиции общего права требуют, «чтобы правовая система не предопределяла траекторию применения технологий и разработки новых продуктов» [47].

⁵⁸ Там же. Существует понятие «отставание права», означающее, что право всегда отстает от других областей и что развитие науки и технологии является «силой, определяющей текущую повестку, на которую право может только реагировать» [48, pp. 768–769].

⁴⁹ См. [26, pp. 361–365] (обсуждается необходимость наступления правовой ответственности за порно из мести, поскольку гражданские меры возмещения неэффективны); см. также [44, pp. 36–37] (высказывается требование криминализации порно из мести на федеральном уровне).

⁵⁰ Почти 130 лет назад Samuel D. Warren и Louis D. Brandeis впервые показали, что уголовный закон должен предусматривать ответственность как за тяжкое преступление за публикацию «любой информации, касающейся частной жизни другого человека, при наличии письменной просьбы... не публиковать такой информации» при условии, что эта информация не относится к квалификации данного человека для занятия какой-либо государственной должности или профессии и не представляет государственного интереса» [26, р. 346, п. 11] (цитируя [45, р. 219, п. 8]).

⁵¹ См. 5 U.S.C. § 552(b)(4) (2012).

⁵² См. 42 U.S.C. § 1320d-6 (2012).

⁵³ См. в целом 18 U.S.C. § 1028 (2012).

⁵⁴ 18 U.S.C. § 1801.

⁵⁵ Citron писал о криминализации домашнего насилия: «За-

А. Федеральное законодательство

Нет ни одного федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность конкретно за дипфейки и порно из мести. Таким образом, федеральное законодательство и прокуратура в настоящее время не могут справиться с распространением в Интернете порнографии, созданной без согласия участников.

1. Действующее уголовное федеральное законодательство

Не имея специализированного закона для наказания тех, кто создает и распространяет дипфейки, обвинители пользуются другими федеральными уголовными законами в области киберпреступности⁵⁹. Среди них различные положения ст. 18 Свода законов США, в которых устанавливается уголовная ответственность за требование выкупа, вымогательство, угрозы похищения людей; домогательство в Сети; преследование в Сети [50, pp. 12–14]. Могут использоваться такие положения, как угрозы с помощью средств коммуникации; незаконный доступ к компьютеру; преследование как домашнее насилие⁶⁰. Далее мы разберем каждое из этих положений.

Согласно ст. 18 U.S.C. § 875(c), виновный приговаривается к штрафу, тюремному заключению сроком до двух лет или и тому и другому, если он: «(1) намеренно участвует в акте коммуникации, содержащем реальную угрозу причинения ущерба обмену между штатами и международному обмену, и (2) намеренно придает акту коммуникации характер угрозы или знает, что получатель угрозы интерпретирует ее как угрозу»⁶¹. Учитывая, что выкладывание дипфейка в Сеть считается «актом коммуникации»⁶² согласно разд. 875 и при условии, что присутствуют остальные составляющие разд. 875(c), обвинитель может предъявить создателю дипфейка нарушение разд. 875(c).

⁵⁹ Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23.

⁶⁰ См. в целом 18 U.S.C. § 875, 1030, 2261A (2012).

⁶¹ Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23 (парафразируя ст. 18 U.S.C. § 875(c)).

⁶² Например, в деле *United States v. Jeffries* Окружной суд постановил, что музыкальный видеоклип представлял собой угрожающий акт коммуникации согласно § 875(c), потому что «закон предусматривает любую угрозу, независимо от того, была ли она передана устно (лично, по телефону) или письменно (письмом, электронным письмом, факсом), с помощью видео или песни, старомодными или самыми современными способами». 692 F.3d 473, 482 (6th Cir. 2012).

Кроме того, иск может быть предъявлен по ст. 18 U.S.C. § 1030 за незаконный доступ к компьютеру, т. е. взлом компьютера (хакинг)⁶³. Это положение может быть использовано, если порнографические материалы были получены через незаконный доступ к компьютеру или электронной почте жертвы [50, p. 16]. Наказание также может включать штрафы, тюремное заключение или и то и другое⁶⁴, а также может возрасти в зависимости от того, как виновный получил доступ. Например, если информация получена путем кражи логинов и паролей, то может применяться более строгое наказание за кражу личной информации с обязательным лишением свободы на два года⁶⁵.

В-третьих, при ведении дел, подобных дипфейкам и порно из мести, федеральные обвинители применяли статью о преследовании в Сети, 18 U.S.C. § 2261A⁶⁶. Это положение применяется, когда речь идет о действиях, которые «заставили испытывать обоснованный страх смерти или тяжких телесных повреждений по отношению... (i) к самому себе; (ii) близкому члену семьи или (iii) супругу или близкому партнеру»⁶⁷. Виновный должен иметь намерение «убить, причинить телесные повреждения, преследовать, запугать, следить за [жертвой]» с теми же намерениями; наказание включает штраф, тюремное заключение или и то и другое⁶⁸. Таким образом, если распространение материалов из мести сочетается с преследованием в Сети или сравнимо по уровню с таковым, то возможно наступление уголовной ответственности⁶⁹. В деле *United States v. Matusiewicz*⁷⁰ обвинение опровергло мнение о чрезмерной широте

⁶³ См. 18 U.S.C. § 1030; [50, p. 16].

⁶⁴ См. Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23.

⁶⁵ См. в целом *United States v. Barrington*, 648 F.3d 1178 (11th Cir. 2011).

⁶⁶ 18 U.S.C. § 2261A(1)(A), 2261A(2)(A) (2012); см. [51, p. 12].

⁶⁷ 18 U.S.C. § 2261A(1)(A).

⁶⁸ Там же; см. Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23.

⁶⁹ Согласно опросу EndRevengePorn.org, 49 % респондентов подвергались домогательствам или преследованию в Сети со стороны пользователей, видевших размещенное в Сети порно из мести с их участием. *Revenge Porn Statistics*, выше примечание 26 (показаны результаты опроса, проводившегося на EndRevengePorn.org с августа 2012 г. по декабрь 2013 г., с важным примечанием, что выборка состояла преимущественно из женщин).

⁷⁰ 84 F. Supp. 3d 363 (D. Del. 2015).

ст. 18 U.S.C. § 2261A(2), тем самым дав возможность применять ее к случаям преследования в Сети с применением порнографии⁷¹.

Наконец, если материал порно из мести содержит изображения несовершеннолетних, то обвинение может быть выдвинуто по ст. 18 U.S.C. § 2251 за производство детской порнографии и ст. 18 U.S.C. § 2422(b) за соблазнение или соращение несовершеннолетнего⁷². Опубликованное в 2016 г. исследование показало, что как минимум 3 % жертв порно из мести были в возрасте между пятнадцатью и семнадцатью годами [52], а в исследовании BBC News было показано, что возраст жертв порно из мести в мире начинается от одиннадцати лет [53]. Если жертва несовершеннолетняя, то вышеуказанные статьи могут быть использованы при обвинении за создание и распространение таких материалов.

2. Ранее предложенные федеральные уголовные законы

Правоведы⁷³ и заинтересованные группы⁷⁴ выступают за принятие федерального закона, прямо запрещающего порнографию без согласия⁷⁵. Ими предложены проекты законов, устанавливающих ответственность за порно из мести и дипфейки.

а. Закон 2017 г. «О прекращении домогательств в Сети с использованием изображений пользователя, сделанных без его согласия»: The ENOUGH Act

В 2016 г. член Конгресса Jackie Speier (D-CA) представила акт о защите частной жизни (Intimate Privacy Protection Act, IPPA)⁷⁶, который вводил уголовную ответственность за распространение порнографии без согласия участников⁷⁷. Представляя проект за-

кона, Speier указала, что его необходимо принять потому, что большинство жертв порно из мести не имеет достаточно средств на гражданские иски; таким образом, введение уголовной ответственности на федеральном уровне должно исправить ситуацию⁷⁸. Срок рассмотрения проекта истек к концу 114-го заседания Конгресса.

Затем законопроект был изменен⁷⁹ и в конце 2017 г. подан одновременно в Сенат и в палату представителей под названием «О прекращении домогательств в Сети с использованием изображений пользователя, сделанных без его согласия» (Ending

ми, или любого другого средства обмена между штатами или государствами, для распространения визуального изображения человека, участвующего в сексуально откровенных действиях, которое позволяет визуально идентифицировать личность по самому изображению или информации, размещенной совместно с изображением, или обнаженные гениталии или, в случае женщины в постпубертатном возрасте, сосок, при условии отсутствия согласия этого человека на такое распространение, влечет ответственность в виде штрафа, установленного данной статьей, или лишения свободы сроком до пяти лет, или и того и другого». Там же § 1802(a). Предусматривалось исключение из этого положения в случае использования таких изображений для целей охраны правопорядка, судебных процедур и в других случаях добросовестного использования в интересах общества, а также если изображение было сделано добровольно в публичном месте или в предусмотренной законом коммерческой ситуации. Законопроект также особо выделял провайдеров телекоммуникационных и интернет-услуг, освобождая их от ответственности согласно § 230, кроме случаев, когда провайдер «привлекает или распространяет контент, о котором ему известно, что он нарушает требования данного раздела». Там же § 1802(b)(4).

⁷⁸ Press Release, Congresswoman Jackie Speier, Congresswoman Speier, Fellow Members of Congress Take on Nonconsensual Pornography, AKA Revenge Porn (July 14, 2016). URL: <https://speier.house.gov/media-center/press-releases/congresswoman-speier-fellow-members-congress-take-nonconsensual> [<https://perma.cc/ZE25-WQST>]; см. также [56] (обсуждается попытка Speier ввести такой закон еще в 2014 г.).

⁷⁹ Критики законопроекта IPPA указывали, что он может повредить добросовестной журналистике и ограничить возможности журналистов публиковать фото- и видеоматериалы в интересах общества [57]. Законопроект ENOUGH Act снял это возражение, предусматривая, что лицо, публикующее материалы, может нести ответственность только в случае, если «нет оснований считать, что распространяемое изображение затрагивает общественные интересы». Там же. В комментарии для интернет-площадки Bustle сенатор Kamala Harris пояснил, что законопроект «устанавливает узкие рамки уголовной ответственности». Там же. В законопроекте также предусматривались оговорки, призванные защитить права в рамках Первой поправки. Там же.

⁷¹ Там же. Рр. 366–368.

⁷² 18 U.S.C. § 2251, 2422(b).

⁷³ См. [51, р. 3]. См. также [54].

⁷⁴ Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/> [<https://perma.cc/Z5SF-9F6D>] (дата обращения: 12.11.2019); см. также [55].

⁷⁵ Advocacy, Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/advocacy/> [<https://perma.cc/TG74-AML3>] (дата обращения: 12.11.2019).

⁷⁶ Intimate Privacy Protection Act of 2016, H.R. 5896, 114th Cong. (2016).

⁷⁷ В проекте закона предусматривалось (H.R. 5896): «Намеренное использование почты, любого интерактивного компьютерного сервиса, или средства электронной коммуникации, или системы электронной коммуникации для обмена между штата-

Nonconsensual Online User Graphic Harassment Act of 2017, ENOUGH)⁸⁰. Закон должен был явиться поправкой к ст. 18 Свода законов США, так чтобы становилось незаконным намеренно использовать любые средства коммуникации между штатами или государствами для распространения интимных изображений человека:

«(1) зная или игнорируя –

(A) отсутствие согласия этого человека на такое распространение;

(B) обоснованные ожидания этого человека, что такое изображение останется неопубликованным;

(C) ущерб, который такое распространение причинит этому человеку; а также (2) не имея объективно обоснованного убеждения, что такое распространение затрагивает общественные интересы»⁸¹.

Закон ENOUGH определяет интимное изображение как любое изображение:

«(A) позволяющее визуально идентифицировать личность человека по самому изображению или информации, размещенной совместно с изображением;

(B) на котором:

(i) индивидуум участвует в сексуально откровенных действиях или

(ii) видны обнаженные гениталии или, в случае женщины в постпубертатном возрасте, сосок;

(C) на котором содержание, описанное в подпараграфе (B), не является симуляцией»⁸².

Наказание предусматривалось в виде штрафа, тюремного заключения до пяти лет или обеих мер вместе⁸³. Законопроект ENOUGH предусматривал исключения для целей охраны правопорядка, судебных процедур и «провайдеров информационного контента», как определено в ст. 47 U.S.C. § 230(f), «кроме случаев, когда провайдер коммуникационных услуг намеренно поощряет или распространяет контент, о котором ему известно, что он нарушает требования данного раздела»⁸⁴. Хотя законопроект ENOUGH имел сторонников как среди республиканцев, так и среди демократов, он не вышел за пределы комис-

сии и не был рассмотрен до конца 115-го заседания Конгресса⁸⁵.

b. Акт 2018 г. о запрете дипфейков, созданных со злым умыслом

В конце декабря 2018 г. сенатор Ben Sasse (R-NE) представил законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за злоумышленное создание и распространение дипфейков, – Акт 2018 г. о запрете дипфейков, созданных со злым умыслом (the Malicious Deep Fake Prohibition Act of 2018, MDFPA)⁸⁶. Этот Акт запрещает использование любых средств коммуникации между штатами с целью:

«(1) создания дипфейка для его распространения, заведомо зная, что такое распространение повлечет за собой криминальные или правонарушающие действия согласно федеральному, местному, племенному законодательству, законодательству штата; или

(2) распространения аудиовидеозаписи при условии:

(A) фактического знания о том, что данная аудиовидеозапись является дипфейком и

(B) знания о том, что распространение данной аудиовидеозаписи повлечет за собой криминальные или правонарушающие действия согласно федеральному, местному, племенному законодательству, законодательству штата»⁸⁷.

Законопроект MDFPA определяет дипфейк как «аудиовидеозапись, созданную или измененную таким образом, что она воспринимается как аутентичная запись реальной речи или действий индивидуума»⁸⁸. Он должен был применяться к индивидуальным создателям дипфейков, размещающим их с незаконными целями (например, мошенничество) на таких платформах, как Facebook, однако платформы можно было бы привлечь к ответственности, только если они знали, что распространяют дипфейк. Предусматривалось наказание в виде штрафа или лишения свободы

⁸⁵ См. US S2162, Bill Track 50. URL: <https://www.billtrack50.com/BillDetail/897787> [<https://perma.cc/FX4S-GPK5>] (дата обращения: 12.11.2019).

⁸⁶ S. 3805, 115th Cong. (2018).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Согласно MDFPA, «термин “аудиовидеозапись” (A) предполагает любую аудио- или видеoinформацию в электронной форме и (B) включает любые фотографии, кинофильмы, видеозаписи, электронные изображения или звукозаписи». Там же.

⁸⁰ S. 2162, 115th Cong. (2017); H.R. 4472, 115th Cong. (2017). В данной статье мы цитируем преимущественно версию.

⁸¹ S. 2162.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

сроком до двух лет, или, если дипфейк мог вызвать акт насилия или подорвать деятельность правительства или ход выборов, до десяти лет⁸⁹. Сенатор Sasse внес законопроект MDFPA за день до закрытия сессии в декабре 2018 г.; проект был отправлен в Юридический комитет Сената, срок его представления истек в конце 2018 г.⁹⁰ Он не получил поддержки⁹¹.

В. Законодательство штатов

В настоящее время ни один штат не предусматривает уголовной ответственности за дипфейк. Как и на федеральном уровне, жертвы порнографических дипфейков, желающие подать иски по законодательству штатов, вынуждены обращаться к законам о сопутствующих преступлениях, например, о порно из мести. В отсутствие федеральных законов о порнографии без согласия жертвы довольствуются «разрозненными уголовными законами штатов, часто неадекватными ситуации» [51, р. 3]. Разброс в этих законах велик – от ответственности за порно из мести как за тяжкое преступление до расценивания его как мисдиминора⁹² и даже до полного отсутствия наказания⁹³. В данном разделе рассмотрены штаты Калифорния, Техас, Флорида и Нью-Йорк – штаты с наибольшим количеством исков по киберпреступлениям⁹⁴ и с самой большой численностью населения⁹⁵.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См. US S3805, Bill Track 50. URL: <https://www.billtrack50.com/BillDetail/1000397> [<https://perma.cc/2HEQ-4WYU>] (дата обращения: 12.11.2019).

⁹¹ Там же.

⁹² Мисдиминор (англ. *misdemeanour*) – в уголовном праве США и Великобритании категория наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями. – Прим. ред.

⁹³ См. [58, pp. 956–957] (обобщены различные подходы законодательств штатов к установлению уголовной ответственности за порно из мести). Согласно исследованию Cyber Civil Rights Initiative, в настоящее время 41 штат имеет такие законы. Cyber C.R. Initiative, выше примечание 74.

⁹⁴ См. в целом Fed. Bureau of Investigation, 2017 Internet Crime Report (2017). URL: https://pdf.ic3.gov/2017_IC3Report.pdf [<https://perma.cc/Y2S8-8RRE>].

⁹⁵ US States – Ranked by Population 2019, World Population Review. URL: <http://worldpopulationreview.com/states/> [<https://perma.cc/FSA7-NGAR>] (дата обращения: 12.11.2019).

1. Калифорния

а. Порно из мести

В 2013 г. законодательство штата Калифорния ответило на волну порно из мести изменением существовавшего ранее уголовного закона о нарушении общественного порядка⁹⁶. Изменения вступили в действие 1 октября 2013 г. и коснулись ст. 647 Уголовного кодекса штата Калифорния. Устанавливалось, что за порнографию без согласия предъявляется обвинение в нарушении общественного порядка:

«...лицу, которое намеренно распространяет изображение интимных частей тела другого опознаваемого лица, или изображение человека, участвующего в половом акте, содомии, оральном совокуплении, сексуальном проникновении, или изображение мастурбации изображенного человека, если участвующие лица считали или соглашались, что указанные изображения должны остаться частными при обстоятельствах, в которых лицо, распространяющее такие изображения, знает или должно знать, что их распространение вызовет серьезный эмоциональный стресс у изображенного на них лица»⁹⁷.

Соответственно, лицо, намеренно распространяющее порнографические материалы опознаваемой жертвы без его разрешения, виновно в нарушении общественного порядка, если знает или должно было знать, что это деяние вызовет серьезный эмоциональный стресс у изображенного на них лица и жертва испытывает этот стресс⁹⁸. Осужденный по данной статье виновен в нарушении общественного порядка, что составляет мисдиминор⁹⁹. Максимальное наказание составляет шесть месяцев заключения в тюрьме штата, или штраф до тысячи долларов, или и то и другое¹⁰⁰. Наказание ужесточается за повторные нарушения или если жертвой является несовершеннолетний¹⁰¹.

б. Преследование в Сети

Калифорния стала первым штатом, где было введено наказание за киберпреследование [59, р. 358]. Это было сделано не с помощью особого закона, а с помощью внесения изменений в существовавшие законы о преследовании, чтобы учесть случаи с применением

⁹⁶ Cal. Penal Code § 647(j)(4)(A) (West 2019).

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, § 647.

¹⁰⁰ Там же, § 19.

¹⁰¹ Там же, § 647(1)(1)–(2).

Сети¹⁰². Согласно Уголовному кодексу Калифорнии, ст. 646.9, незаконно «намеренно, злоумышленно и последовательно преследовать <...> или намеренно, злоумышленно домогаться <...> другого человека» и «правдоподобно угрожать <...> с целью заставить человека опасаться за свою безопасность или за безопасность своих близких»¹⁰³. Таким образом, для признания виновным следует доказать не только факт преследования или домогательства, но и намеренность и правдоподобность угрозы¹⁰⁴. Закон учитывал угрозы, сделанные «с использованием средств электронной коммуникации», включая мобильный телефон и компьютер¹⁰⁵. В Калифорнии преследование может рассматриваться и как тяжкое преступление, и как мисдиминор в зависимости от обстоятельств дела¹⁰⁶.

В 2009 г. в Калифорнии была принята ст. 653.2 Уголовного кодекса с целью ликвидировать пробел ст. 646.9, связанный с электронными средствами коммуникации, и «дать возможность привлекать к ответственности тех, кто преследует жертву с помощью электронных средств» [60, р. 741]. Эта узконаправленная статья дополняет законодательство против преследования и устанавливает следующее:

«Намеренные действия с целью вызвать у другого лица опасения за свою безопасность или безопасность члена семьи с применением средств электронной коммуникации и без согласия данного лица, или с целью вызвать у данного лица опасения перед неизбежным причинением нежелательного физического контакта, ущерба, домогательства посредством третьей стороны, с помощью электронного распространения, публикации, рассылки, создания гиперссылок, предоставления для скачивания персональной идентифицирующей информации, включая, но не только цифровые изображения другого лица или электронные сообщения о другом лице, имеющие характер домогательства, которые могут спровоцировать или вызвать вышеуказанные незаконные действия, относятся к категории “мисдиминор” и наказываются лишением свободы на срок до одного года, штрафом в размере не более одной тысячи долларов или штрафом и лишением свободы совместно»¹⁰⁷.

Наличие фразы «цифровые изображения другого лица» может дать возможность в будущем применить данную статью к случаям порно из мести или дипфейков.

с. Другие уголовные законы в данной сфере

Хотя Уголовный кодекс штата Калифорния включает разделы о присвоении личности¹⁰⁸, персонация [выдача себя за другое лицо], будь то цифровая или иная, сама по себе не является уголовным преступлением в этом штате¹⁰⁹. Так, ст. 528.5 Уголовного кодекса Калифорнии устанавливает ответственность за «намеренную, достоверную и совершенную без согласия выдачу себя за иное реальное лицо через интернет-сайт или с помощью другого электронного средства с целью... совершения мошеннических действий в отношении другого лица»¹¹⁰. Такое деяние относится к категории «мисдиминор» и наказывается лишением свободы в окружной тюрьме на срок до одного года, штрафом в размере не более одной тысячи долларов или штрафом и лишением свободы совместно¹¹¹. Статья 529 Уголовного кодекса Калифорнии дает более расширенное толкование персонации: «...ложно выдавать себя за другого человека»¹¹². Однако ст. 529 также применяется, только если «под видом другого человека» обвиняемый совершил одно или несколько из перечисленных мошеннических действий¹¹³. Наконец, в раздел персонации Уголовного кодекса Калифорнии входит положение о «краже

¹⁰⁸ Там же, § 528.

¹⁰⁹ В дополнение к перечисленным в статье преступлениям офис Генерального прокурора представил список других киберпреступлений. См. Cyber Exploitation FAQs, выше примечание 23.

¹¹⁰ Penal, § 528.5(a) (курсив автора).

¹¹¹ Там же § 528.5(d).

¹¹² Там же § 529.

¹¹³ Там же § 529(a). Незаконные действия включают те, в ходе которых лицо, виновное в персонации: (1) «становится гарантом или поручителем...», (2) подписывает или заверяет «любой письменный документ с целью представить, предъявить или использовать его как подлинный» или (3) подвергает представляемое лицо ответственности или наказанию или получает преимущество под видом этого лица. Там же. Выдача себя за другое лицо может рассматриваться и как тяжкое преступление, и как мисдиминор, в зависимости от обстоятельств дела. Wobbler, Black's Law Dictionary (11th ed., 2019). Предусматривается наказание в виде лишения свободы в окружной тюрьме на срок до одного года, штрафа в размере не более одной тысячи долларов или и того и другого совместно. Penal § 529(b).

¹⁰² Penal, § 646.9.

¹⁰³ Там же, § 646.9(a).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, § 646.9(g)–(h).

¹⁰⁶ Там же, § 646.9(a)–(c) (предусматривается, что нарушение судебного запрета или повторные правонарушения должны расцениваться как тяжкое преступление).

¹⁰⁷ Penal, § 653.2(a).

личности»¹¹⁴. Согласно ст. 530.5, кража личности состоит в намеренном присвоении «идентифицирующей информации» другого лица и использовании этой информации «с любыми незаконными целями»¹¹⁵.

d. Предлагаемые законы против дипфейков

В попытке решить проблему дипфейков законодательная власть Калифорнии за последний год успела предложить несколько новых уголовных и гражданских законопроектов против этого явления.

Первое из этих предложений, Assembly Bill 602, было поддержано Гильдией киноактеров (Screen Actors Guild)¹¹⁶. В представленном проекте закона устанавливалась ответственность как за мисдиминор для лица, создающего ложные записи с целью их распространения, заведомо зная, что такая запись введет зрителя в заблуждение¹¹⁷. В ходе последующей доработки законопроекта Assembly Bill 602 уголовные наказания были удалены из него и заменены гражданской ответственностью за ущерб, возникший из-за намеренного создания и опубликования сексуально откровенных материалов без согласия участников¹¹⁸. В таком виде законопроект Assembly Bill 602 предусматривает гражданское возмещение экономических и штрафных убытков, судебных издержек, а также судебные запреты¹¹⁹. Согласно Assembly Bill 602, от ответственности освобождается лицо, публикующее

материалы в ходе сообщения о незаконной деятельности; в ходе судебной процедуры; в ходе исполнения служебных обязанностей сотрудника правоохранительных органов; в связи с законными общественными интересами; в ходе деятельности, представляющей политическую или общественную ценность; с целью комментирования или критики¹²⁰. Также поясняется, что сам факт изображения общественного деятеля недостаточен для признания сексуально откровенного материала имеющим общественную ценность¹²¹.

Другой законопроект, Assembly Bill 1280, определяет дипфейк как запись, которая была создана или изменена таким образом, что может быть ошибочно принята за настоящую запись реальной речи или действий лица, изображенного на ней¹²². В случае принятия данный законопроект создаст новый вид преступлений, состоящий в создании или распространении без согласия участников дипфейка, который изображает человека, участвующего в сексуальных действиях¹²³.

К концу законодательной сессии 2019 г. Assembly Bill 1280 оставался на рассмотрении комиссий, а Assembly Bill 602 был уже одобрен и законодательными органами и направлен губернатору для рассмотрения¹²⁴. Оба законопроекта вызвали критику

¹¹⁴ Там же, § 530.5.

¹¹⁵ Там же, § 530.5(a). Кража личности может рассматриваться и как тяжкое преступление, и как мисдиминор в зависимости от обстоятельств дела. Там же § 529(b).

¹¹⁶ См. Press Release, SAG-AFTRA, Action Alert: Support California Bill to End Deepfake Porn (Apr. 29, 2019). URL: <https://www.sagaftra.org/action-alert-support-california-bill-end-deepfake-porn> [<https://perma.cc/WQM9-22XF>]; California Legislation Takes First Steps Against Deepfakes, SAG-AFTRA (May 3, 2019). URL: <https://www.sagaftra.org/california-legislation-takes-first-steps-against-deepfakes> [<https://perma.cc/Y5QB-GU4J>].

¹¹⁷ См. Assemb. 602, 2019–2020 Leg., Reg. Sess. (Cal. 2019) (в представленном виде); Legislature Grapples with Three Bills to Address "Deepfake" Videos, Cal. News Publishers Ass'n (Mar. 29, 2019). URL: <https://cnpa.com/legislature-grapples-with-three-bills-to-address-deepfake-videos/> [<https://perma.cc/88AS-ULXH>].

¹¹⁸ Cal. Assemb. 602; см. также From a Field of Three, One Deepfake Bill Is Left, Cal. News Publishers Ass'n. URL: <https://cnpa.com/from-a-field-of-three-one-deepfake-bill-is-left/> [<https://perma.cc/4SUV-XYKF>] (дата обращения: 12.11.2019). Похожее предложение, Senate Bill 564, было подано в законодательную комиссию. См. S. 564, 2019–2020 Leg., Reg. Sess. (Cal. 2019).

¹¹⁹ Cal. Assemb. 602.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² Assemb. 1280, 2019–2020 Leg., Reg. Sess. (Cal. 2019).

¹²³ Там же. Assembly Bill 1280 также устанавливает уголовную ответственность за создание и распространение без согласия изображенного лица дипфейка с намерением принудить или обманом заставить избирателя голосовать за или против кандидата или предложение, если выборы состоятся в течение 60 дней. Там же. В другом предложенном законопроекте, Assembly Bill 730, устанавливается запрет лицу, комитету или иной организации в течение 60 дней до выборов с участием кандидата на выборную должность распространять *со злым умыслом* ложные аудио- и видеоматериалы, изображающие кандидата, с намерением навредить репутации кандидата или обманом заставить избирателей голосовать за или против него. Assemb. 730, 2019–2020 Leg., Reg. Sess. (Cal. 2019) (курсив автора) (дайджест законодательного совета).

¹²⁴ AB-602 Depiction of Individual Using Digital or Electronic Technology: Sexually Explicit Material: Cause of Action, Cal. Legis. Info. URL: http://leginfo.ca.gov/faces/billHistoryClient.xhtml?bill_id=201920200AB602 [<https://perma.cc/5FA6-Z4HH>] (дата обращения: 12.11.2019); AB-1280 Crimes: Deceptive Recordings, Cal. Legis. Info. URL: http://leginfo.ca.gov/faces/billHistoryClient.xhtml?bill_id=201920200AB1280 [<https://perma.cc/B4M6-NXNW>] (дата обращения: 12.11.2019).

по поводу соответствия Первой поправке со стороны общественных групп, включая такие группы, как Калифорнийское отделение Американского союза гражданских свобод (American Civil Liberties Union, the ACLU of California), Ассоциация новостных компаний Калифорнии (the California News Publishers Association), Ассоциация телерадиовещательных компаний Калифорнии (the California Broadcasters Association) [61, 62].

2. Техас

а. Порно из мести

В 2015 г. в штате Техас был принят (вступил в действие 1 сентября 2015 г.) закон против порно из мести под названием «Закон о защите личных отношений» (Relationship Privacy Act of 2015)¹²⁵. Статья 21.16 Уголовного кодекса штата Техас предусматривает уголовную ответственность за «незаконное раскрытие или распространение интимных визуальных материалов»¹²⁶. Ответственность наступает, если: (1) указанное раскрытие или распространение было сделано намеренно и без согласия жертвы, (2) жертва «имела основания ожидать, что визуальный материал останется в частном использовании», (3) раскрытие причинило вред жертве и (4) раскрытие позволило идентифицировать жертву «любым способом»¹²⁷. Распространение интимных визуальных материалов относится к категории «мисдиминор класса А» и карается штрафом в 4 000 долларов, лишением свободы до одного года или и тем и другим вместе¹²⁸.

б. Преследование в Сети

В штате Техас имеется один закон против преследования в целом, и он не дает прямых отсылок к киберпреследованию¹²⁹. Данный закон устанавливает ответственность за намеренное участие в действиях, направленных против другого лица (или членов его семьи) с целью домогательства или угроз (или создания страха) физического насилия или смерти, или заставляющих жертву обоснованно чувствовать до-

могательства, раздражение, тревогу, преследование, мучения, смущение, обиду и подобные страдания¹³⁰.

Преследование относится к категории тяжких преступлений третьей степени и наказывается лишением свободы от двух до десяти лет и штрафом до 10 000 долларов¹³¹. При повторных нарушениях категория меняется на вторую степень и наказывается лишением свободы от двух до двадцати лет и штрафом до 10 000 долларов¹³².

Хотя ст. 42.072 не выделяет киберпреследование или домогательства с применением электронных средств, апелляционный суд Техаса интерпретировал это положение как включающее средства электронной коммуникации¹³³. Кроме того, в положении о домогательствах вышеупомянутой ст. 42.07 устанавливается уголовная ответственность за «неоднократные электронные сообщения, посылаемые таким образом, чтобы вызвать обоснованные чувства домогательства, раздражения, тревоги, преследования, мучений, смущения, обиды у другого человека»¹³⁴. Этот случай классифицируется как мисдиминор класса В и наказывается лишением свободы на срок до 180 дней, штрафом до 2 000 долларов или и тем и другим совместно¹³⁵. В случае повторных нарушений, участия несовершеннолетних или нарушения судебного запрета это деяние будет относиться к категории «мисдиминор класса А» и караться штрафом в 4 000 долларов, лишением свободы до одного года или и тем и другим вместе¹³⁶.

с. Другие уголовные законы в данной сфере

Законодательство штата Техас ответило на появление домогательств в Интернете принятием в 2009 г. уголовного закона, направленного конкретно против персонации в Сети¹³⁷. Статья 33.07 устанавливает уголовную ответственность за два вида персонации¹³⁸. Первая категория, относящаяся к тяжким преступлениям третьей степени¹³⁹, состоит в использовании

¹²⁵ 2015 Tex. Gen. Laws 8723-26.

¹²⁶ Tex. Penal Code Ann. § 21.16 (West 2019).

¹²⁷ Там же, § 21.16(b).

¹²⁸ Там же, § 12.21, 21.16.

¹²⁹ Там же, § 42.072.

¹³⁰ Там же, § 42.072(a).

¹³¹ Там же, § 12.34, 42.072(b).

¹³² Там же, § 12.33, 42.072(b).

¹³³ Manuel v. State, 357 S.W.3d 66, 83 (Tex. App. 2011).

¹³⁴ Penal, § 42.07(a)(7).

¹³⁵ Там же, § 12.22, 42.07(c).

¹³⁶ Там же, § 12.21, 42.07(c).

¹³⁷ Там же, § 33.07.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, § 12.34, 33.07(c) (предусматривает от двух до десяти лет лишения свободы и штраф до 10 000 долларов).

«без согласия и с целью причинить вред, совершить мошеннические действия, запугивать или угрожать» имени или личности иного лица путем создания веб-страницы или сообщения в социальных сетях или на других веб-сайтах, кроме электронной почты и форумов¹⁴⁰. Вторая категория, мисдиминор класса А¹⁴¹, состоит в отправлении электронного письма, мгновенного, текстового или иного сообщения, содержащего «имя, электронный адрес, номер телефона или иную идентифицирующую информацию, принадлежащую другому лицу» без согласия этого лица и с намерением вызвать у получателя этого сообщения обоснованную уверенность, что оно было отправлено обладателем указанной информации или с его согласия, и с намерением «причинить вред или совершить мошеннические действия по отношению к любому лицу»¹⁴². Термин «идентифицирующая информация» определяется в ст. 32.51 как «информация, которая сама по себе или в сочетании с иной информацией идентифицирует человека»¹⁴³. В ст. 32.51 также устанавливается уголовная ответственность за мошенническое использование или владение идентифицирующей информацией¹⁴⁴.

3. Флорида

а. Порно из мести

В 2015 г. законодательство штата Флорида занялось проблемой порно из мести и ввело закон, устанавливающий уголовную ответственность за «сексуальные домогательства в Сети»¹⁴⁵. Это деяние определяется в законе как «публикация... сексуально откровенного изображения человека, которое содержит или передает личную идентифицирующую информацию изображенного лица [на веб-сайте] без согласия изображенного лица... без какой-либо законной цели,

с намерением вызвать существенный эмоциональный стресс у изображенного лица»¹⁴⁶. Нарушение относится к категории «мисдиминор первой степени» и наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до 1 000 долларов^{147, 148}. Повторные нарушения относятся к категории тяжких преступлений третьей степени и наказываются лишением свободы на срок до пяти лет или штрафом до 5 000 долларов¹⁹⁴.

б. Преследование в Сети

Во Флориде положение о преследовании в Сети появилось 1 июля 2004 г.¹⁴⁹ Это деяние определяется в законе как «участие в передаче или способствовании передаче через электронную почту или средства электронной коммуникации слов или изображений, направленных на вызывание существенного эмоционального стресса у другого лица и не выполняющих никакой законной функции»¹⁵⁰. Закон штата Флорида против преследования уникален также тем, что выделяет две категории преследования – обычное и с отягчающими обстоятельствами¹⁵¹. Обычное преследование состоит в «намеренном, злоумышленном и неоднократном» преследовании в Сети и классифицируется как мисдиминор первой степени¹⁵². Оно наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до 1 000 долларов¹⁵³. То же деяние плюс одно из следующих обстоятельств: (1) представляет достоверную угрозу, (2) нарушает судебный запрет или иное судебное решение или (3) направлено против несовершеннолетнего в возрасте до 16 лет – являются преследованием с отягчающими обстоятельствами; это тяжкое преступление третьей степени¹⁵⁴. Преследование с отягчающими обстоятельствами наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или штрафом до 5 000 долларов¹⁵⁵.

¹⁴⁰ Там же, § 33.07(a).

¹⁴¹ Там же, § 12.21, 33.07(c) (предусматривает до одного года лишения свободы, или штраф в 4 000 долларов, или и то и другое).

¹⁴² Там же, § 33.07(b).

¹⁴³ Там же, § 32.51(a)(1) (включая имя, дату рождения, «уникальные биометрические данные», «уникальную электронную идентифицирующую информацию», «телекоммуникационную идентифицирующую информацию», «номер социального страхования или иные государственные идентифицирующие номера»).

¹⁴⁴ См. в целом там же, § 32.51.

¹⁴⁵ Fla. Stat. § 784.049 (2019).

¹⁴⁶ Там же, § 784.049(2)(c).

¹⁴⁷ Там же, § 784.049(3)(a); см. также там же, § 775.082(4)(a), 775.083(1)(d).

¹⁴⁸ Там же, § 784.049(3)(b); см. также там же, § 775.082(3)(e), 775.083(1)(c).

¹⁴⁹ Там же, § 784.048.

¹⁵⁰ Там же, § 784.048(d).

¹⁵¹ Там же, § 784.048(2)–(5).

¹⁵² Там же, § 784.048(2).

¹⁵³ Там же, § 775.082(4)(a), 775.083(1)(d), 784.048(2).

¹⁵⁴ Там же, § 784.048(3)–(5).

¹⁵⁵ Там же, § 775.082(3)(e), 775.083(1)(c), 784.048(3)–(5).

4. Нью-Йорк

а. Порно из мести

Нью-Йорк остается одним из двенадцати штатов, в которых нет уголовного наказания за порно из мести¹⁵⁶. Законопроект Senate Bill 642 стал третьей попыткой законодательства штата ввести уголовное наказание за порнографию без согласия¹⁵⁷. Закон был одобрен Сенатом 19 марта 2018 г., а затем передан в Ассамблею, где не получил поддержки, и срок его рассмотрения истек¹⁵⁸.

б. Преследование в Сети

Закон штата Нью-Йорк против преследования в Сети выделяет четыре категории этого правонарушения: преследование четвертой степени¹⁵⁹, третьей¹⁶⁰, второй¹⁶¹, первой степени¹⁶². Положение о преследовании четвертой степени не содержит упоминания о киберпреследовании или домогательствах в Сети¹⁶³. Далее ответственность нарастает в зависимости от таких факторов, как повторность нарушения, возраст жертвы, использование оружия¹⁶⁴.

Кроме того, штат Нью-Йорк имеет отдельное законодательство, направленное против криминальных домогательств¹⁶⁵. Так, лицо, намеренно «участвующее в действиях или неоднократно совершающее действия, которые вызывают серьезную тревогу или раздражение другого лица и не выполняют никакой законной функции», обвиняется в домогательствах второй степени¹⁶⁶. Однако такое нарушение наказывается всего лишь лишением свободы на срок до 15 су-

ток и штрафом до 250 долларов¹⁶⁷. Домогательство второй степени с отягчающими обстоятельствами подразумевает использование электронных средств коммуникации с целью угрозы физического насилия, нанесения вреда имуществу или членам семьи¹⁶⁸. Такое правонарушение относится к категории «мисдиминор класса А» и наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до 1 000 долларов¹⁶⁹.

с. Другие уголовные законы в данной сфере

Как и в Калифорнии, ст. 190.25 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк устанавливает ответственность за персонатию в Сети только в сочетании с какой-либо из обозначенных в этом законе целей¹⁷⁰. Так, ст. 190.25 предусматривает, что криминальная персонатия второй степени с использованием веб-сайта или другого средства электронной коммуникации состоит в выдаче себя за другое лицо с «намерением получить выгоду, или причинить ущерб, или совершить мошеннические действия в отношении другого лица»¹⁷¹. Криминальная персонатия второй степени относится к категории «мисдиминор класса А» и наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом до 1 000 долларов¹⁷².

д. Предлагаемые новые гражданские права

Законопроект Assembly Bill 8155 был внесен на рассмотрение Ассамблеи штата 31 мая 2017 г.¹⁷³ В нем делалась попытка решить проблему дипфейков путем создания новых гражданских прав и средств возмещения ущерба:

«...установить право на частную жизнь и право на публичность для живущих и умерших индивидуумов; установить, что личность индивидуума является его личной собственностью и может свободно передаваться и наследоваться; установить процедуру регистрации таких прав умерших людей через департамент штата; установить, что использование цифровых копий для целей торговли в сфере искусства является нарушением»¹⁷⁴.

¹⁵⁶ [63, p. 119] («Тридцать восемь штатов и округ Колумбия приняли законы против порнографии без согласия»).

¹⁵⁷ S. 642, 2017–2018 Leg., Reg. Sess. (N.Y. 2017).

¹⁵⁸ Senate Bill 642, N.Y. St. Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2017/s642> [<https://perma.cc/TZ2F-9ZMU>] (дата обращения: 12.11.2019). После провала законопроекта, направленного против порно из мести, его сторонники обвиняли компанию Google и другие подобные технологические компании в лоббировании. См. [64, 65].

¹⁵⁹ N.Y. Penal Law § 120.45 (McKinney 2019) (мисдиминор класса B).

¹⁶⁰ Там же, § 120.50 (мисдиминор класса A).

¹⁶¹ Там же, § 120.55 (тяжкое преступление класса E).

¹⁶² Там же, § 120.60 (тяжкое преступление класса D).

¹⁶³ Там же, § 120.45 (включая только телефонную связь и использование GPS для установления местонахождения человека).

¹⁶⁴ Там же, § 120.50, 120.55, 120.60.

¹⁶⁵ См. в целом там же, § 240.25–240.32.

¹⁶⁶ Там же, § 240.26(3).

¹⁶⁷ Там же, § 70.15(4), 80.05(4), 240.26.

¹⁶⁸ Там же, § 240.30(1).

¹⁶⁹ Там же, § 70.15(1), 80.05(1), 240.30.

¹⁷⁰ См. там же, § 190.25.

¹⁷¹ Там же, § 190.25(4).

¹⁷² Там же, § 70.15(1), 80.05(1), 190.25.

¹⁷³ Assemb. 8155, 2017–2018 Leg., Reg. Sess. (N. Y. 2017).

¹⁷⁴ Assembly Bill A8155B, N.Y. St. Senate. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/bills/2017/a8155> [<https://perma.cc/Y9PF-8PZR>] (дата обращения: 12.11.2019) (обзор законопроекта).

Законопроект прошел рассмотрение Ассамблеи и был направлен в Сенат штата Нью-Йорк 18 июня 2018 г.¹⁷⁵ Широта формулировок представленной версии законопроекта вызвала серьезную критику со стороны развлекательных компаний, включая Disney и NBCUniversal), и Американской кинематографической ассоциации (Motion Picture Association of America)¹⁷⁶.

IV. ОГРАНИЧЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ

Хотя против дипфейков могут быть использованы существующие (и предложенные) законы, все они имеют ограничения. В настоящем разделе исследуются недостатки существующих и предлагаемых законов в контексте дипфейков, включая ограничения, связанные с Первой поправкой.

А. Недостатки существующих и предлагаемых законов

1. Недостатки действующих уголовных федеральных законов и законов на уровне штатов против киберпреступности, преследования, криминальных угроз и домогательств

Сразу после появления феномена порно из мести его жертвы, их адвокаты и правоведы отметили, что существующие уголовные законы, как федеральные, так и на уровне штатов, недостаточны для того, чтобы наказать создателей и распространителей и возместить ущерб жертвам¹⁷⁷. Та же недостаточность существует и относительно порнографических дипфейков, то же верно и для существующего уголовного законодательства штатов, даже тех, где введена уголовная ответственность за порно из мести. Краткий обзор

норм, касающихся преследования, криминальных угроз и домогательств, показывает, что существующее законодательство не решает проблем, связанных с порнографией без согласия, будь то порно из мести или порнографические дипфейки.

Федеральный закон о преследовании¹⁷⁸ и соответствующие законы многих штатов, таких как Калифорния¹⁷⁹ и Техас¹⁸⁰, включают специфическое требование относительно страха. Для осуждения обвиняемого необходимо, чтобы он намеренно или по небрежности (в зависимости от юрисдикции) угрожал жертве или действовал таким образом, чтобы жертва испытывала страх физического насилия или смерти относительно себя или члена своей семьи¹⁸¹. Аналогичным образом другие законы также содержат требование доказать «эмоциональный стресс» жертвы¹⁸². Законы против «криминальной угрозы» также могут быть бессильны против дипфейков, так как требуют доказательства наличия угрозы похищения или причинения физического вреда жертве¹⁸³. Хотя дипфейки могут нанести вред жертве, они не всегда представляют собой угрозу нанесения вреда. Хотя многие жертвы порнографии без согласия страдают от эмоционального стресса¹⁸⁴ и опасаются за свою безопасность, особенно если личная информация также была опубликована¹⁸⁵, эти

¹⁷⁸ 18 U.S.C. § 2261A (2012).

¹⁷⁹ Cal. Penal Code § 646.9 (West 2019).

¹⁸⁰ Tex. Penal Code Ann. § 42.072 (West 2019).

¹⁸¹ Ср. 18 U.S.C. § 2261A(1)(A) (относится к действиям, которые «вызывают у жертвы обоснованный страх смерти или серьезного физического ущерба по отношению к (i) самому человеку, (ii) члену семьи или (iii) супругу (супруге) или близкому партнеру такого человека»), with Tex. Penal Code Ann. § 42.072 (West 2019) (устанавливается ответственность за угрозы «(A) физического ущерба или смерти другого человека; (B) физического ущерба или смерти члена семьи или домохозяйства или человека, с которым имеются близкие отношения; или (C) преступления, которое будет совершено против имущества другого человека»).

¹⁸² См., например, Fla. Stat. § 784.048(1)(d) (2019).

¹⁸³ См. 18 U.S.C. § 875(c).

¹⁸⁴ [26, p. 351] (сообщается, что «80% жертв порно из мести испытывают значительный эмоциональный стресс и беспокойство»).

¹⁸⁵ Там же, pp. 350–351 («Порнография без согласия повышает риск преследования в реальности и физического нападения. Из 1 244 опрошенных более 50% жертв сообщили, что их фото в обнаженном виде были опубликованы с указанием их полного имени и профиля в социальных сетях; более 20% жертв сообщили, что вместе с фотографией были опубликованы их электронные адреса и номера телефонов»).

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Katyanna Quach, *New York State Is Trying to Ban ‘Deepfakes’ and Hollywood Isn’t Happy*, Register (June 12, 2018, 10:22 PM). URL: https://www.theregister.co.uk/2018/06/12/new_york_state_is_trying_to_ban_deepfakes_and_hollywood_isnt_happy/ [<https://perma.cc/33HL-8X2P>]; см. также Memorandum from the Motion Picture Ass’n of Am., Inc. (June 8, 2018). URL: https://www.rightofpublicityroadmap.com/sites/default/files/pdfs/mpaa_opposition_to_a8155b.pdf [<https://perma.cc/L6DV-TF4H>]; Letter from Lisa Pitney, Vice President, Walt Disney Co., to Senator Martin Golden (June 8, 2018). URL: https://www.rightofpublicityroadmap.com/sites/default/files/pdfs/disney_opposition_letters_a8155b.pdf [<https://perma.cc/TBL6-V5U5>].

¹⁷⁷ См., например, [26, p. 365; 51, p. 12].

субъективные аспекты сложно, если вообще возможно, доказать в суде.

Кроме того, указанные требования упрощают вред, причиняемый порнографией без согласия. Само требование, чтобы сторона обвинения доказывала эти субъективные аспекты, сигнализирует о том, что публичной демонстрации сексуально откровенного поведения жертвы без ее согласия недостаточно самой по себе для судебного иска¹⁸⁶. Более того, многие законы о преследованиях и домогательствах, например, законы Техаса¹⁸⁷ и Флориды¹⁸⁸, требуют систематического поведения или неоднократных случаев¹⁸⁹. Таким образом, публикация одного материала, даже если он стал вирусным, не будет считаться преступлением по этим законам [44, pp. 24–25].

Законы о персоналии также не отвечают многим сценариям в случае порнографии без согласия. Прежде всего, они применимы только тогда, когда изображение распространялось якобы от лица жертвы¹⁹⁰. Очевидно, что это далеко не всегда так, особенно в отношении дипфейков, изображающих известных людей в порнографических сценах, как те, которые первыми появились на платформе Reddit [15]. Кроме того, в ситуациях, когда элемент персоналии все же присутствует, онлайн- или цифровая персоналия не считается преступлением сама по себе, как было показано выше¹⁹¹; уголовная ответственность предусмотрена только за использование персоналии для совершения противоправного деяния, такого как мошенничество в отношении третьей стороны или наложение ответственности на лицо, за которое себя выдают¹⁹². Эти законы не могут защитить жертв пор-

нографии без согласия, так как размещение порно из мести или дипфейков редко сочетается с дополнительной криминальной целью.

Законы о краже личности могли бы стать многообещающим вариантом, учитывая, как часто порнография без согласия сопровождается личной идентифицирующей информацией [26, p. 351]. Ярким примером является дело Кевина Болларта в Калифорнии. Болларт создал и запустил сайт для размещения порно из мести *ugotposted.com* и сопутствующий сайт *changemyreputation.com*, через который жертве предлагалось заплатить от 250 до 350 долларов за удаление изображения с первого сайта¹⁹³. Болларт был осужден за кражу личности и вымогательство¹⁹⁴. Веб-сайт был закрыт, Болларт получил 18 лет тюрьмы, однако очевидно, что он «был осужден не за преступление, непосредственно связанное с порно из мести, а за требование оплаты за удаление изображений» [51, pp. 20–21]. Соответственно, хотя законы о краже личности могут быть использованы в некоторых случаях порнографии без согласия, они не устанавливают уголовной ответственности за соответствующее поведение, в первую очередь *размещение* порнографии без согласия в Сети.

Аналогичным образом законы о киберпреступлениях, например о несанкционированном доступе или взломе¹⁹⁵, применимы в некоторых ситуациях, когда порнографические материалы, использованные при создании дипфейка, были получены через незаконный доступ к компьютеру или электронной почте жертвы [50, p. 16]. И снова, хотя обвинение по этим законам может привести к желаемому результату, они не нацелены на истинный ущерб, причиняемый распространением порно из мести или порнографических дипфейков, а диапазон их применимости очень узок.

Перечисленные федеральные законы и законы штатов дают некоторые возможности для подачи исков о дипфейках, но они неприменимы к дипфейкам как таковым. И независимо от степени предосудительности деяния, судьи не обязаны распространять действие этих законов на деяния, для которых они не предназначены. Примером является недавнее решение Высшего апелляционного суда штата Массачусетс о том, что фотографирование тела человека под одеж-

¹⁸⁶ См. там же, pp. 350–354 (описывается ущерб, причиняемый жертвам с помощью порно из мести).

¹⁸⁷ Tex. Penal Code Ann. § 42.072 (West 2019).

¹⁸⁸ Fla. Stat. § 784.048(1)(d) (2019).

¹⁸⁹ См. [26, pp. 350–354] (описывается ущерб, причиняемый с помощью порно из мести).

¹⁹⁰ См. [66, p. 194] (обсуждаются схожие моменты преступлений с персоналией и порно из мести); см. также [67, p. 464] («Если злоумышленник просто размещает изображение в Сети, не выдавая жертву за другого человека и не размещая личной информации жертвы, то он не будет обвинен в персоналии или незаконном распространении личной информации через электронные средства коммуникации»).

¹⁹¹ Cal. Penal Code § 528.5(a) (West 2019); N.Y. Penal Law § 190.25 (McKinney 2019); Tex. Penal Code Ann. § 33.07 (West 2019).

¹⁹² См. цитируемые выше источники, примечание 190.

¹⁹³ *People v. Bollaert*, 203 Cal. Rptr. 3d 814, 819 (Ct. App. 2016).

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ 18 U.S.C. § 1030 (2012).

дой является законным, если фотографируемый не обнажен или частично обнажен¹⁹⁶. Нежелание судей расширительно толковать законы – еще один довод в пользу необходимости принятия особых законов против дипфейков.

2. Недостатки действующих и предложенных законов против порно из мести

Вышеперечисленные недостатки привели к тому, что большинство штатов приняли законы, специально нацеленные против порно из мести¹⁹⁷. Эти законы, часто несовершенные даже в контексте порно из мести, не могут исправить ситуацию с дипфейками.

а. Законы штатов

По мере появления законов против порно из мести в разных штатах эти законы стали подвергаться критическому рассмотрению. Выделяются три особенно распространенных и очевидных аспекта критики. Во-первых, многие законы против порно из мести, включая законы Калифорнии, Техаса и Флориды, содержат требование относительно намерения¹⁹⁸. Доказать наличие виновной воли сложно¹⁹⁹. Кроме того, происходит «несоответствие»²⁰⁰: правонарушение состоит в «публикации фотографий обнаженного человека без его согласия и с нарушением его ожидания, что изображение не будет опубликовано»; при этом мотивация такого опубликования не имеет значения [26, р. 387]. Второе возражение касается наличия требования доказать ущерб; законы многих штатов, включая Калифорнию, требуют доказать, что жертве был причинен реальный вред или эмоциональный

стресс²⁰¹. Это тоже сложно доказать в суде, к тому же это «заставляет жертву еще больше раскрывать свою частную жизнь на публике» [71, р. 358]. Наконец, многие законы предусматривают очень незначительное наказание за порно из мести²⁰².

б. Закон 2017 г. «О прекращении домогательств в Сети с использованием изображений пользователя, сделанных без его согласия» (The ENOUGH Act)

Помимо вышеперечисленных аспектов, законы против порно из мести – как действующие законы штатов, так и предложенный федеральный закон ENOUGH Act – не будут действовать против дипфейков по четырем основным причинам.

Во-первых, закон ENOUGH Act, как и законы, введенные штатами, включая Калифорнию, Техас и Флориду²⁰³, требуют наличия жертвы, которая (1) либо участвует в сексуально откровенных действиях, либо чьи интимные части тела были показаны, и (2) в определенной степени может быть идентифицирована на визуальном изображении²⁰⁴. В случае дипфейков выполнить эти требования проблематично, поскольку жертву нелегко идентифицировать и поскольку изображение обязательно включает две жертвы, а не одну. Человек, чье лицо было использовано, может быть легче идентифицирован, тогда как для человека, чье тело было использовано, это сделать сложнее. Оба эти индивидуума являются жертвами, но законы о порно из мести неспособны полностью защитить ни одного из них [63, р. 122].

Второй аспект – согласие. Согласно закону ENOUGH Act и законам штатов против порно из мести, публикация или распространение должны быть сде-

¹⁹⁶ См. *Commonwealth v. Robertson*, 5 N.E.3d 522, 528 (Mass. 2014) (суд установил законность скрытого фотографирования под одеждой, если человек не обнажен или частично обнажен); см. также [68].

¹⁹⁷ 46 States + DC + One Territory Now Have Revenge Porn Laws, Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/revenge-porn-laws/> [<https://perma.cc/V276-JCYC>] (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁹⁸ См., например, Cal. Penal Code § 647(j)(4) (West 2019); Fla. Stat. § 784.049 (2019); Tex. Penal Code Ann. § 21.16 (West 2019).

¹⁹⁹ [69, р. 387] («Обвинение должно “доказать при отсутствии обоснованного сомнения, что обвиняемый разместил фотографии с намерением причинить страдания жертве”, а не “чтобы получить деньги”, “просто для смеха”, “чтобы позлить”, или по любой другой причине, которую он может назвать» (цитируется [70])).

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ См., например, Cal. Penal Code § 647(j)(4) (West 2019).

²⁰² Законы штатов Калифорния, Флорида и Техас квалифицируют первый случай такого правонарушения без отягчающих обстоятельств как мисдиминор, предусматривая в качестве наказания от шести месяцев до одного года лишения свободы и штраф от одной до четырех тысяч долларов. См. Cal. Penal Code § 647(j)(4), (l) (West 2019); Fla. Stat. § 775.082(4)(a), 775.083(1)(d), 784.049(3)(a) (2019); Tex. Penal Code Ann. § 12.21, 21.16 (West 2019).

²⁰³ См., например, Cal. Penal Code § 647(j)(4) (West 2019); Fla. Stat. § 784.049 (2019); Tex. Penal Code Ann. § 21.16 (West 2019).

²⁰⁴ См. S. 2162, 115th Cong. (2017). Закон ENOUGH Act также имеет сходство с некоторыми законами штатов против порно из мести. А именно он не включает требование доказать ущерб, но включает требование доказать намерение. Там же.

ланы без согласия жертвы²⁰⁵. По типичному сценарию порно из мести жертва часто изначально соглашается на создание фото- или видеоизображения в контексте конкретных взаимоотношений. Проблема возникает, когда это изображение показывается в ином контексте, на что жертва согласия не давала [26, pp. 345–348]. Понятие согласия становится еще более размытым в случае дипфейков. Чье согласие требуется? Того, чье лицо было использовано, чье тело было использовано или обоих? О чем должно быть согласие: на создание или на распространение дипфейка? На использование самих изображений или сходства? На использование видео или фотографий, с помощью которых был создан дипфейк? Человек, чье тело было использовано в дипфейке, мог дать согласие на создание и распространение оригинальной записи; однако он, скорее всего, не соглашался на наложение лица другого человека. Аналогично жертва, чье лицо было использовано в дипфейке, вероятно, соглашалась на использование своих фотографий или видео в одном контексте, даже в социальных сетях, но не в дипфейке.

В-третьих, закон ENOUGH Act и законы штатов Техас и Калифорния требуют, чтобы жертва имела обоснованные ожидания, что изображение останется частным²⁰⁶. И снова этот элемент относительно очевиден в контексте порно из мести, когда один из партнеров публикует интимное изображение другого, сделанное в предположении, что оно не будет опубликовано. В контексте дипфейка этот элемент отсутствует и не может быть доказан; ни одна из жертв не имела ожиданий относительно приватности своего изображения.

В-четвертых, закон ENOUGH Act исключает симулированные действия из определения «интимного визуального изображения»²⁰⁷. Это положение прямо противоречит включенному в этот закон определению «сексуально откровенного поведения» в формулировке ст. 18 U.S.C. § 2256, которая включает симулированное поведение²⁰⁸. Это положение исключает

уголовную ответственность за дипфейки, которые по определению являются симуляцией.

Таким образом, поскольку идентификация жертв, первоначальное согласие и ожидание приватности являются явными или скрытыми элементами существующих законов, устанавливающих уголовную ответственность за порно из мести, и поскольку эти элементы либо не существуют (приватность или согласие), либо сложно доказуемы (идентификация всех жертв) в случае дипфейков, действующие и предложенные законы против порно из мести не могут быть использованы против дипфейков. Необходимо новое законодательство, нацеленное против дипфейков.

3. Недостатки Акта 2018 г. о запрете дипфейков, созданных со злым умыслом (MDFPA)

При несомненной необходимости уголовной ответственности за порнографические дипфейки Акт 2018 г. о запрете дипфейков, созданных со злым умыслом (MDFPA), нельзя считать адекватным решением. Прежде всего, закон MDFPA во многих отношениях имеет слишком расширительные формулировки. Во-первых, чрезмерно широко определение дипфейка согласно MDFPA, включающее любые «аудио- и видеозаписи, созданные или измененные таким образом, что запись ошибочно воспринимается как аутентичная запись реальной речи или действий индивидуума»²⁰⁹. Такое определение, не содержащее каких-либо ограничений или модификаторов, очевидно, включает широкий спектр материалов, в том числе законный, неоскорбительный контент, например, компьютерные спецэффекты в фильмах. Чтобы конкретизировать это широкое определение, в законе MDFPA приводится настолько же широкое исключение, соответствующее Первой поправке²¹⁰. В таком виде закон MDFPA приведет к тому, что практически любой дипфейк можно будет представить в суде как пародию или сатиру. Кроме того, он налагает чрезмерно обширную ответственность на распространителей, что может привести к превентивному удалению большого количества кон-

²⁰⁵ См. цитируемые выше источники, примечание 202.

²⁰⁶ S. 2162; См. выше разд. III.B.

²⁰⁷ S. 2162.

²⁰⁸ 18 U.S.C. § 2256 (2012) («Сексуально откровенное поведение» означает «одно из реальных или симулированных действий (i), половой акт, включая генитально-генитальный, орально-генитальный, анально-генитальный, орально-анальный, между людьми одного или разных полов... или (v) раз-
разное демонстрирование гениталий или лобковой зоны»).

²⁰⁹ S. 3805, 115th Cong. (2018).

²¹⁰ Там же. («Никто не может быть осужден по данному закону за какую-либо деятельность, защищенную Первой поправкой к Конституции Соединенных Штатов»).

тента, включая вполне законный, в отсутствие четкого критерия законности и незаконности контента²¹¹.

Кроме того, MDFPA устанавливает уголовную ответственность только за дипфейки, созданные с намерением «спровоцировать криминальное или противоправное поведение» после их распространения²¹². Другими словами, согласно MDFPA, деяние только тогда уголовно наказуемо, когда дипфейк распространяется с намерением совершить какое-либо другое уголовное или гражданское правонарушение. Ставя условием уголовной ответственности за дипфейки доказательство нарушения другого закона создателем или распространителем дипфейка, закон MDFPA проявляет одновременно излишнюю узость²¹³ и излишнюю широту²¹⁴ формулировок, добавляя сложности в работу обвинителя. В то же время, как было показано выше, этот закон не обеспечивает адекватной защиты жертв порнографии без согласия. Таким образом, закон MDFPA не устанавливает уголовной ответственности за порнографические дипфейки, если они не сопровождаются каким-либо другим уголовным или гражданским правонарушением. Однако создание или распростра-

нение порнографического дипфейка и само по себе заслуживает уголовного наказания, без требования наличия намерения нарушить какой-либо иной закон.

Далее, закон MDFPA совершенно не ставит задачи защитить жертв порнографического дипфейка. Он нацелен на политические дипфейки [74]. Фальсификации на выборах, фейковые новости и другие возможные способы нанести ущерб демократическим институтам, несомненно, заслуживают внимания; однако эти ситуации привлекают много внимания и ресурсов. Напротив, жертвы порнографии без согласия, включая дипфейки, не пользуются таким вниманием и приоритетом [46, pp. 402–404]. Хотя порнографические дипфейки, изображающие знаменитостей, сначала привлекли внимание к этой новой технологии, ее потенциальными жертвами являются не только такие люди, как Скарлетт Йоханссон [75]. С самого начала сложилось так, что закон, правоохранительные органы и даже общество в целом не смогли должным образом обратить внимание на жертв порнографии без согласия и защитить их [46, pp. 402–404]. Поэтому, подобно тому, как развитие порно из мести привело к появлению целого ряда законов против него, бороться против порнографических дипфейков придется также с помощью особого уголовного закона.

В. Аспекты, связанные с Первой поправкой

Сразу после того, как в конце 2017 г. появились первые ставшие вирусными в Интернете порнографические дипфейки, изображающие знаменитостей, праведы и журналисты заговорили о том, что это затронет защиту в рамках Первой поправки, которой пользуется сетевой контент²¹⁵. Положения Первой поправки о свободе слова защищают как вербальные средства выражения, так и действия; государство не может «ограничивать свободу самовыражения по причине его смысла, идей, темы или содержания»²¹⁶. Даже если сообщение носит оскорбительный или неприятный характер, оно пользуется защитой как свободное самовыражение²¹⁷.

²¹¹ См. [72] («Профессор права в Университете штата Мэриленд и соавтор основополагающей статьи о дипфейках Danielle Citron говорит, что данный законопроект налагает чрезмерно большую ответственность на дистрибьюторов. По ее мнению, это может заставить платформы немедленно удалить все, что кто-то назовет дипфейком, включая, возможно, и настоящие изображения»).

²¹² S. 3805.

²¹³ Согласно MDFPA, создатель или дистрибьютор порнографического дипфейка избежит уголовной ответственности по предложенному федеральному закону, если независимо от причиненного им ущерба его поведение не нарушает другого закона. Там же. Учитывая неэффективность существующих гражданских мер и уголовного законодательства в отношении дипфейков и иных подобных форм порнографии без согласия, а также необходимость доказывания причиненного ущерба, вероятность успешного обвинения за порнографические дипфейки по закону MDFPA очень низка.

²¹⁴ Согласно MDFPA, сравнительно безобидные дипфейки могут повлечь за собой уголовную ответственность для их создателей и распространителей, если их поведение нарушает другой закон. См. [73] («Рассмотрим пример того, как могут действовать широкие формулировки законопроекта сенатора Sasse. Представьте, что Салли создает дипфейк, наложив свое лицо на видео с политическим выступлением президента Трампа. По мнению Салли, видео очень смешное, и она решает поделиться им с друзьями. Она устраивает вечеринку с живой музыкой, на которой раздает копии своего смешного видео. Однако группа играет так громко, что нарушает закон штата и частную жизнь соседей»).

²¹⁵ [30] («Вероятно, удаление контента означало бы нарушение Первой поправки». «По словам профессора права Эрика Голдмана, весь контент изначально защищен Первой поправкой»).

²¹⁶ *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 716 (2012) (цитируя *Ashcroft v. ACLU*, 535 U.S. 564, 573 (2002)).

²¹⁷ *Virginia v. Black*, 538 U.S. 343, 358 (2003) («Основная цель защиты свободы слова – обеспечивать “свободный обмен

Подобным образом попытки установить уголовную ответственность за порно из мести в разных штатах и на федеральном уровне были встречены с сомнениями по поводу соблюдения Первой поправки [26, pp. 374–377]. Поэтому, чтобы пройти проверку на конституционность, законы против порно из мести были сформулированы узко, чтобы формулировки не затрагивали правдивые, хотя и спорные, сообщения, защищенные положениями о свободе слова [26, pp. 374–377].

Те же сложности возникают и в случае дипфейков [6, р. рукопись, pp. 31–33]. Действительно, Верховный суд США однозначно постановил, что ложные сообщения защищены Первой поправкой²¹⁸. Кроме того, учитывая цифровой характер дипфейков, появляются дополнительные сложности, связанные с пародией и сатирой. Эти опасения правомерны, и законодательство против дипфейков должно учитывать риск, связанный с ограничениями на основе содержания. Однако есть способы и соблюсти требования Первой поправки, и защитить жертв порнографии без согласия, включая дипфейки²¹⁹.

Одно из решений заключается в том, чтобы включить оговорку относительно наличия явно выраженных общественных интересов в закон против порнографических дипфейков [26, р. 388]. Несколько штатов включили в свои законы против порно из мести оговорку «учитывая отсутствие уголовной ответственности за обнародование материалов, затрагивающих общественные интересы» [26]. Права в рамках Первой поправки будут защищены, если освободить от уголовной ответственности за распространение

дипфейков или порно из мести, которые относятся к сфере значимых общественных интересов [26].

Другой вариант – разработать законы таким образом, чтобы они четко определяли дипфейки как материалы, не подпадающие под требования свободы слова, а именно в данном случае по причине непристойности [26, pp. 384–385]. Верховный суд твердо дал понять, что непристойные материалы не пользуются защитой Первой поправки²²⁰. Критерий непристойности контента следующий:

«(а) если “среднестатистический гражданин, применяя существующие в современном обществе стандарты”, считает, что материал, взятый в совокупности, возбуждает сексуальный интерес; (б) если материалы изображают или описывают, явно оскорбительным образом, сексуальное поведение, как оно определяется соответствующим законом штата и (в) если материал, взятый в совокупности, не имеет серьезного литературного, художественного, политического или научного значения»²²¹.

В деле *Miller v. California*²²² суд даже привел примеры непристойности, подлежащей регулированию по закону, например, «явно оскорбительное изображение или описание полового акта, нормального или извращенного, реального или симулированного» или «явно оскорбительное изображение или описание мастурбации, выделительных функций или распутная демонстрация гениталий»²²³. Таким образом, закон против порнографических дипфейков может пройти проверку на соответствие Первой поправке, если регулируемый контент будет определен в терминах непристойности.

V. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РЕШЕНИЯ

В этом разделе приводятся возможные решения проблемы порнографических дипфейков, как правовые, так и внеправовые. Ущерб от дипфейков, как и от порно из мести, состоит в сексуальной объективации без согласия. Они нарушают «ожидания, что все аспекты сексуальной деятельности будут основаны на согласии» [11, р. 4]. Поэтому жертвы порнографических дипфейков, как и жертвы порно из мести, нуждаются в конкретных решениях, в результате которых созда-

идеями” – даже такими, которые подавляющему большинству людей могут показаться неприемлемыми и неудобными» (цитируя *Abrams v. United States*, 250 U.S. 616, 630 (1919) (Holmes, J., особое мнение)); *Texas v. Johnson*, 491 U.S. 397, 414 (1989) («Основополагающий принцип Первой поправки состоит в том, что государство не может запретить выражать какую-либо идею только потому, что общество находит эту идею оскорбительной или неприемлемой»).

²¹⁸ См. *Alvarez*, 567 U.S., pp. 721–722.

²¹⁹ Уголовное законодательство часто используется для защиты неприкосновенности частной жизни, включая уголовные законы против несанкционированного раскрытия частной финансовой или медицинской информации или законы против нарушения границ владения или вуайеризма. См. 18 U.S.C. § 1028, 1801 (2012); 42 U.S.C. § 1320d-6 (2012). Если уголовные законы, защищающие неприкосновенность финансовых, медицинских и других форм частной жизни, совместимы с требованиями Первой поправки, то уголовные законы, направленные против дипфейков, также должны быть совместимы с ней.

²²⁰ *Miller v. California*, 413 U.S. 15, 23 (1973).

²²¹ Там же, р. 24 (цитата опущена) (цитируя *Kois v. Wisconsin*, 408 U.S. 229, 230 (1972)).

²²² 413 U.S. 15 (1973).

²²³ Там же, р. 25.

тели контента понесут ответственность, распространители будут контролироваться, а незаконный контент будет удален из Интернета. Сложилась необходимость принятия федерального уголовного закона, предусматривающего такие решения для защиты жертв.

А. Ответственность по федеральному закону, а не по законам штатов

Федеральный закон, криминализирующий дипфейки, создал бы мощную и эффективную преграду для их создания и распространения²²⁴. Медленные и неровные попытки криминализации порно из мести на уровне штатов, предпринимавшиеся в последнее десятилетие²²⁵, показывают, что такое же медленное движение против дипфейков не будет успевать за техническими разработками, которые становятся все сложнее, но вместе с тем доступнее [76, 77]. Криминализация дипфейков на федеральном уровне необходима по нескольким причинам. Во-первых, Интернет действует вне границ юрисдикций и включает коммуникацию между штатами и государствами; распространяемые в Интернете дипфейки не являются правонарушением в границах штата или региона. Создатель дипфейка может проживать в одном штате, жертва в другом, а дипфейк распространяться везде. Таким образом, порнографические дипфейки, как и другие преступления в Сети, по своей сути находятся вне границ юрисдикций какого-либо штата²²⁶.

Во-вторых, поскольку создание порнографических дипфейков является преступлением вне границ юрисдикций, то и ответственность за него должна быть одинаковой для всей страны, универсальной и последовательной – наказание и возмещение ущерба не должны зависеть от того, в каком штате живет правонарушитель или жертва. Принятие федерального уголовного закона обеспечит защиту жертв в тех штатах, которые

отказываются принимать свои законы или делают это слишком медленно. Кроме того, жертва может испытывать трудности, обратившись за помощью в правоохранительные органы своего штата, если, к примеру, правонарушитель проживает в другой юрисдикции, особенно в той, где данная деятельность не подлежит уголовной ответственности. В таких случаях федеральный уголовный закон говорит о том, что данная деятельность незаконна и должна быть пресечена.

В-третьих, федеральный закон необходим потому, что законы штатов ограничены § 230 Закона CDA, который запрещает иски штатов против операторов веб-сайтов, размещающих порнографию без согласия; однако иммунитет по § 230 не распространяется на федеральное уголовное законодательство²²⁷. В-четвертых, криминализация порнографических дипфейков на федеральном уровне позволит использовать значительные ресурсы федерального правительства, включая обвинительные действия Департамента юстиции и следовательские навыки ФБР.

Наконец, уголовная ответственность за дипфейки на федеральном уровне показывает серьезность ситуации и привлекает внимание к причиняемому вреду, демонстрируя, что проблема важна на общенациональном уровне. Как показали недавние меры интернет-провайдеров по удалению детской порнографии и контролю над другими видами опасного или оскорбительного контента, криминализация дипфейков по федеральному закону может привести к поиску средств и созданию интерактивных сервисов для решения вопроса на добровольной основе [80].

В. Предлагаемый федеральный уголовный закон: Закон об уголовной ответственности за порнографические дипфейки

Проблема порнографических дипфейков нарастает и требует законодательных решений. В данном разделе предлагается новый федеральный уголовный закон, регулирующий создание и распространение порнографических дипфейков. В этом законе сочетаются компоненты законов ENOUGH и MDFPA и добавлены другие необходимые компоненты с целью поставить заслон порнографическим дипфейкам и защитить их жертв. Ниже приводится текст предлагаемого закона, а затем его анализ.

²²⁴ Как отмечали Mary Anne Franks и Danielle Keats Citron, выступая в защиту криминализации порно из мести, «всплеск порнографии без согласия, несомненно, связан с тем, что у правонарушителей мало стимулов воздерживаться от такого поведения» [26, р. 361].

²²⁵ См. [44, pp. 36–37] (требование криминализации порно из мести на федеральном уровне).

²²⁶ См. [78] (отмечается, что большинство преступлений в Сети связано со средствами коммуникации между штатами или государствами); [79, р. 385] (обсуждается неадекватность законодательств штатов для контроля спама, потому что действие Интернета происходит вне границ юрисдикций).

²²⁷ См. 47 U.S.C. § 230(e) (2012).

1. Предлагаемый текст закона

НАЗВАНИЕ. – Закон об уголовной ответственности за порнографические дипфейки.

(а) ПРЕДПОСЫЛКИ. – Законодательный орган считает, что:

(1) технологии, необходимые для создания дипфейков, являются общедоступными и не требуют технического образования, что приводит к быстрому распространению дипфейков;

(2) порнографические дипфейки, как и порнография из мести, являются формой порнографии без согласия;

(3) жертвы порнографии без согласия могут испытывать серьезный эмоциональный и психологический ущерб и опасаться за свою физическую безопасность; а также

(4) порнография без согласия непропорционально виктимизирует лиц женского пола.

(b) ЦЕЛЬ. – Целью данного закона является:

(1) криминализация создания и распространения порнографических дипфейков без согласия;

(2) защита жертв и обеспечение адекватного возмещения ущерба;

(3) установление ответственности для создателей и провайдеров.

(c) ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

(1) АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ ЗАПИСЬ. – Понятие «аудиовизуальная запись» означает:

(A) любой аудио- или видеоматериал в электронном формате; а также

(B) любые фотография, движущееся изображение, фильм, видеозапись, электронное изображение, звукозапись.

(2) ДИПФЕЙК. – Понятие «дипфейк» означает аудиовизуальную запись, созданную или измененную таким образом, что она ошибочно представляется разумному наблюдателю аутентичной записью реальной речи, поведения, внешности или образа индивидуума.

(3) ИНДИВИДУУМ. – Понятие «индивидуум» относится к человеку, чье лицо изображено в дипфейке, или к человеку, чье тело изображено в дипфейке, а понятие «индивидуумы» относится ко всем изображенным в дипфейке.

(4) ПОРНОГРАФИЧЕСКИЙ ДИПФЕЙК. – Понятие «порнографический дипфейк» означает любой дипфейк (как определено в параграфе (2)):

(A) в котором:

(i) какой-либо из индивидуумов участвует или изображен участвующим в сексуально откровенных действиях или

(ii) видны обнаженные гениталии или, в случае женщины в постпубертатном возрасте, соски любого из индивидуумов;

(B) в первоначальной или измененной форме, например, с наложенным фильтром или текстом.

(5) СЕКСУАЛЬНО ОТКРОВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ. – Термин «сексуально откровенное поведение» имеет значение, изложенное в разд. 2256(2)(A).

(6) ИНТЕРАКТИВНЫЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЕРВИС. – Термин «интерактивный компьютерный сервис» имеет значение, изложенное в разд. 230 Закона США (47 U.S.C. § 230).

(7) ПРОВАЙДЕР ИНФОРМАЦИОННОГО КОНТЕНТА. – Термин «провайдер информационного контента» имеет значение, изложенное в разд. 230 Закона США (47 U.S.C. § 230).

(d) ПРАВОНАРУШЕНИЕ. – За исключением случаев, описанных в подразделе (g), является незаконным сознательно использовать любое средство коммуникации между штатами или государствами для распространения или создания порнографического дипфейка:

(1) зная или игнорируя по небрежности:

(A) отсутствие согласия индивидуума или индивидуумов на использование их внешности или образа для создания или распространения порнографического дипфейка, а также

(B) ущерб, который такое распространение может причинить данному индивидууму или индивидуумам;

(2) не имея объективно обоснованных причин полагать, что такое распространение затрагивает общественные интересы.

(e) НАКАЗАНИЕ. – Лицо, нарушающее положения подраздела (d), подвергается наказанию в виде:

(1) штрафа в соответствии с данным законом, лишения свободы сроком до 5 лет или обоим этим наказаниям;

(2) штрафа в соответствии с данным законом, лишения свободы сроком до 10 лет или обоим этим наказаниям в случае второго или последующих нарушений или

(3) штрафа в соответствии с данным законом, лишения свободы сроком до 10 лет или обоим этим наказаниям в случае нарушения, когда любой

индивидуум, изображенный в дипфейке, является несовершеннолетним.

(f) ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА. – Возмещение ущерба производится на усмотрение суда и должно отвечать целям, описанным в подразделе (b). Возможные меры возмещения ущерба включают, но не ограничиваются следующими:

(1) постановление суда об уничтожении аудиовизуальной записи;

(2) постановление суда об обязательстве интерактивного компьютерного сервиса или провайдера информационного контента удалить аудиовизуальную запись;

(3) постановление суда о временном или постоянном запрете для предотвращения дальнейшего распространения дипфейка;

(4) возмещение оплаты судебных издержек в разумных пределах;

(5) возмещение ущерба или реституции жертвам, а также

(6) любые другие меры возмещения, которые суд сочтет необходимыми.

(g) ИСКЛЮЧЕНИЯ. –

(1) ДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ДРУГИЕ ЗАКОННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ. – Данный закон:

(A) не запрещает какой-либо законной правоохранительной, коррекционной или разведывательной деятельности;

(B) не применяется в случае личного добровольного сообщения о незаконной деятельности, а также

(C) не применяется в случае производства или хранения документации, связанной с судебными процедурами.

(2) ПОСТАВЩИКИ УСЛУГ. – Данный закон не применяется к поставщику информационных услуг в отношении контента, предоставленного другим поставщиком информационных услуг, за исключением случаев, когда поставщик информационных услуг намеренно привлекает либо распространяет сознательно или по небрежности контент, нарушающий положения данного закона.

(h) УГРОЗЫ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВО. – Лицо, которое намеренно угрожает совершить преступление, описанное в подразделе (d), независимо от того, является ли данная угроза вымогательством, подлежит наказанию в соответствии с подразделом (e).

(i) ОБЛАСТЬ ДЕЙСТВИЯ И ЭКСТРАТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ. – Обвинение по данному закону может быть выдвинуто по месту проживания ответчика или любого из изображенных индивидуумов, или по месту распространения порнографического дипфейка. Данный закон обеспечивает экстратерриториальную федеральную юрисдикцию указанного правонарушения, если ответчик или изображенный индивидуум является гражданином США или постоянно проживает в США.

2. Анализ Закона об уголовной ответственности за порнографические дипфейки

Предлагаемый закон призван сбалансировать защиту жертв, наказание для правонарушителей и защиту свободы самовыражения. Подразделы от (a) до (c) описывают контекст, цель и рамки данного закона.

В отличие от MDFPA предлагаемый закон более узконаправлен против *порнографических* дипфейков, а в отличие от Закона ENOUGH он в явном виде включает *симулированные* изображения²²⁸. Цель закона и необходимость его принятия раскрываются в контексте порнографии без согласия и непропорционально высокого ущерба для женщин²²⁹.

Далее, определения проясняют область применения и назначение данного закона. С целью дополнить определение дипфейков, данное в Законе MDFPA, но при этом избежать чрезмерно широкого определения в предлагаемом законе к понятию «дипфейк» добавлено уточнение «порнографический»²³⁰. Область применения закона ограничена дипфейками, изображающими «сексуально откровенные действия»²³¹. Это

²²⁸ См. выше разд. IV.A.2.b (отмечается, что порнографические дипфейки не соответствуют рамкам Закона ENOUGH); См. также выше разд. IV.A.3 (обсуждаются чрезмерно расширительные формулировки Закона MDFPA).

²²⁹ См. выше разд. I.C (обсуждается проблема дипфейков в контексте порнографии без согласия и ущерба, причиняемого жертвам).

²³⁰ См. выше разд. IV.A.3 (обсуждаются чрезмерно расширительные формулировки Закона MDFPA).

²³¹ Статья 18 U.S.C. § 2256(2)(A) (2012), инкорпорирующая в предлагаемый закон, определяет «сексуально откровенное поведение» как «одно из реальных или симулированных действий (i), половой акт, включая генитально-генитальный, орально-генитальный, анально-генитальный, орально-анальный, между людьми одного или разных полов; (ii) скотоложество; (iii) мастурбация; (iv) акты садизма или мазохизма или (v) развратное демонстрирование гениталий или лобковой зоны».

ограничение необходимо, чтобы закон мог защитить жертв порнографии без согласия, но при этом не применялся против безобидных дипфейков. Кроме того, в законе особо оговаривается включение *обеих* жертв в определение *пострадавших*. Это обеспечивает защиту обоих лиц, чьи изображения манипулировали и распоряжались без их согласия²³².

Подраздел (d) начинается с требования федеральной юрисдикции²³³ и описывает правонарушение – создание и распространение порнографического дипфейка без ведома или игнорируя отсутствие согласия любой из жертв на использование его (ее) изображения в дипфейке, а также возможный ущерб, причиненный жертве. Намеренные угрозы о совершении данного правонарушения также включены в подраздел (h). Соответственно, предлагаемый закон должен применяться к тем, кто создает или распространяет порнографические дипфейки и расширяет понятие виновной воли на тех, кто действует сознательно или по небрежности²³⁴. Требование намерения не включено не случайно. С одной стороны, как было показано в контексте порно из мести, требование доказать, что нарушитель опубликовал изображение с конкретным намерением причинить ущерб жертве, лишает жертву защиты и делает преступление недоказуемым [58, pp. 979–980]. С другой стороны, такие организации, как ACLU и Electronic Frontier Foundation, традиционно возражали против законов, которые не включают положение о «намеренном причинении ущерба», руководствуясь идеей, что отсутствие требования доказать намерение может нарушать Первую поправку²³⁵. Предлагаемый закон является разумным компромиссом, поскольку включает понятие небрежности как альтернативу виновной воли. Сложная проблема с согласием, присутствующая во многих

законах против порно из мести²³⁶, также частично решена, поскольку в предлагаемом законе требуется знание об отсутствии согласия жертвы на использование изображения в дипфейке или игнорирование такого отсутствия. Аналогично нет и требования причинения реального ущерба; понятие ущерба включено в требование виновной воли в подразделе (d)(1)(B)²³⁷.

Кроме того, данный закон не предусматривает наказания для тех, кто имел «объективно обоснованные причины считать, что распространение данных материалов имеет общественное значение»²³⁸. Это положение повторяет Закон ENOUGH и направлено на то, чтобы обеспечить отсутствие уголовного наказания за законную деятельность в рамках Первой поправки²³⁹. Кроме того, это положение формулируется более узко, чем положение о Первой поправке в Законе MDFPA²⁴⁰.

В подразделе (g) оговариваются две категории исключений – правоохранительные органы и интернет-провайдеры. Последняя категория соответствует иммунитету в рамках § 230²⁴¹, но не безусловно. В данном законе предлагается ответственность «поставщика услуг за намеренное привлечение контента, сознательное или по небрежности распространение контента, нарушающего положения данного раздела»²⁴². Хотя интернет-платформы сложно привлечь к ответственности, данный закон может стимулировать провайдеров самих контролировать и ограничивать распространяемый контент²⁴³.

Заключительные части предлагаемого закона устанавливают: меры наказания (подраздел (e)) и возмещение ущерба (подраздел (f)). Основные меры

²³² См. выше разд. II.A (дается определение жертв); см. также выше разд. IV.A (выделяются сложности, связанные с требованием «возможности идентифицировать жертву», присутствующим во многих законах штатов о порно из мести и в Законе ENOUGH).

²³³ См. выше разд. V.B.1; см. также [81, pp. 235–234].

²³⁴ См. выше разд. IV.A.2.a (обсуждаются сложности, связанные с возможностью обвинителя убедительно доказать наличие виновной воли по требованиям многих законов штатов о порно из мести).

²³⁵ См. [58, p. 979]; см. также [82].

²³⁶ См. выше разд. IV.A.2.b.

²³⁷ См. выше разд. IV.A.2.a (обсуждаются проблемы, возникающие в связи с требованием доказать реальный вред согласно многим законам штатов против порно из мести); см. также выше разд. V.B.1.

²³⁸ См. выше разд. V.B.1 (цитируется раздел (d)(2) предлагаемого закона).

²³⁹ См. выше разд. IV.B (описываются проблемы применения Первой поправки к регулированию на основе контента).

²⁴⁰ См. S. 3805, 115th Cong. (2018) («Никто не может быть осужден по данному закону за какую-либо деятельность, защищенную Первой поправкой к Конституции»).

²⁴¹ См. выше разд. II.B (описываются проблемы применения CDA при попытках регулирования дипфейков).

²⁴² См. выше разд. V.B.1 (цитируется раздел (g)(2) предлагаемого закона).

²⁴³ Многие платформы уже приняли собственные меры, ограничивающие порнографию без согласия. См. [80].

наказания совпадают с таковыми в Законе ENOUGH; пятилетний срок лишения свободы, подчеркивающий тяжесть данного преступления, присутствует и в других законах против порнографии без согласия²⁴⁴. Предложенный закон устанавливает также усиленные меры наказания за повторные правонарушения и за преступления с участием несовершеннолетних.

Помимо наказания виновным, закон предусматривает также меры возмещения для жертв. Учитывая тяжелые и часто долгосрочные последствия для жертв порнографии без согласия, необходимо, чтобы закон помогал жертвам. В данном случае предусматривается возможность судам назначать возмещение по своему усмотрению с целью защиты и компенсации жертвам; суд может потребовать уничтожить оригиналы дипфейков и удалить их с платформ для защиты жертв от последующего ущерба²⁴⁵. Кроме того, могут быть приняты судебные запреты. Могут быть также рекомендованы возмещение судебных издержек и реституция жертвам²⁴⁶.

С. Дополнения к Закону об уголовной ответственности за порнографические дипфейки: внеюрисдикционные решения

В дополнение к принятию федерального уголовного закона необходимо разработать меры противодействия и поддержки, направленные на борьбу с порнографическими дипфейками, включая обучение сотрудников правоохранительных и судебных органов, широкой публики; поддержку организаций и общественных групп; технологические решения. В данном разделе мы остановимся на этих аспектах.

1. Информирование, обучение и воспитание

Чтобы уголовный закон, подобный предложенному, работал в полную силу, т. е. предотвращал и наказывал за противоправные действия, необходимо, чтобы потенциальные правонарушители и представители правоохранительных и судебных органов больше знали о сущности порнографических дипфейков и ущербе от них. Важно понимать,

что потенциальными жертвами являются не только знаменитости и общественные деятели, но и любой человек, которого когда-либо снимали на цифровую фото- или видеокамеру. Прежде всего, необходимо информировать общество о вреде порнографических дипфейков с помощью сообщений на интернет-сервисах и в традиционных СМИ. Информацию об этом преступлении следует включить в школьные программы как часть сексуального воспитания, а в колледжах и на рабочих местах – как часть обучения против сексуальных домогательств и дискриминации.

Сотрудники правоохранительных и судебных органов должны пройти обучение. Представители правоохранительных органов часто недооценивают проявления домашнего насилия и других форм сексуального насилия и домогательств против женщин как дома, так и на рабочем месте, считая эти преступления частным делом или чем-то незначительным, повседневным²⁴⁷. Такое отношение правоохранительных органов сохраняется и в случае домогательств в Сети, включая порно из мести²⁴⁸. Представители правоохранительных и судебных органов должны научиться воспринимать эти преступления серьезно; они должны быть натренированы правильно распознавать их, хорошо знать законы, а также регулярно повышать свою квалификацию вместе с развитием технологий, компьютерных программ и приложений. Кроме того, офицеры полиции и судьи должны владеть технологическим инструментарием для распознавания порнографических дипфейков.

Кроме повышения эффективности правоохранительной деятельности, образовательная деятельность в указанном направлении может привести к сокращению количества порнографических дипфейков, как произошло в случае домашнего насилия²⁴⁹. Чтобы достичь такого эффекта, представители правоохрани-

²⁴⁴ См. [26, pp. 365–367] (обсуждаются меры наказания).

²⁴⁵ См. выше разд. V.B.1 (цитируется раздел (e) предлагаемого закона).

²⁴⁶ См. выше разд. V.B.1 (цитируется раздел (f) предлагаемого закона).

²⁴⁷ Citron описывает случаи, когда полиция отказывала в помощи жертвам порно из мести или домогательств в Сети [83, pp. 20–21, 41, 84–85]. Например, когда жертва домогательств в Сети обратилась в полицию, ее опасения не восприняли всерьез; полицейские сказали: «Мальчишки есть мальчишки» и посоветовали улучшить свою репутацию в Сети [83, p. 41].

²⁴⁸ См. в целом там же.

²⁴⁹ См. [46, p. 409] (описывается развитие законодательства, в результате которого домашнее насилие превратилось из частного дела семьи в уголовно наказуемое деяние, что привело к сокращению случаев домашнего насилия).

тельных и судебных органов, общественности должны понимать роль технологий в проблеме дипфейков, а также ее последствия. Заложенные в законе меры тогда дадут результат, когда в обществе возникнет понимание проблемы и стремление работать над ее решением.

2. Группы поддержки

В настоящее время не существует общественных групп поддержки, нацеленных конкретно на помощь жертвам порнографических дипфейков. Пока не появятся такие группы, жертвы порнографических дипфейков будут вынуждены искать помощи, руководства и поддержки в группах, нацеленных на жертв порно из мести, и следует способствовать тому, чтобы эти группы оказывали помощь жертвам порнографических дипфейков, поскольку ущерб, причиняемый ими, сходен.

Став в 2000-е гг. жертвой порно из мести, Holly Jacobs [55] начала кампанию под названием «Остановим порно из мести» с призывом законодательно ввести уголовную ответственность за это деяние. Позже это движение стало помогать жертвам советами и информацией [55]. В итоге оно слилось с движением «Инициатива за гражданские права в Сети» (Cyber Civil Rights Initiative, CCRI), которое выступает «за технологические, социальные и правовые инновации, направленные против преследования в Сети» в соответствии с положением о некоммерческих организациях 501(c)(3)²⁵⁰. Этот ресурс предоставляет жертвам порнографии без согласия различные виды помощи – от кризисной горячей линии до дешевых или бесплатных услуг и мер поддержки²⁵¹. CCRI предоставляет информацию о том, как сообщить о размещении порнографических постов и потребовать их удаления²⁵². Они также призывают изменить законодательство и предлагают варианты федеральных законов и законов штатов против порно из мести²⁵³.

Другие общенациональные кампании, например, «Без моего согласия», нацелены на нарушения част-

ной жизни в Сети и домогательства в целом, особенно на порнографию без согласия²⁵⁴. Это мощный ресурс для жертв, предоставляющий разнообразную помощь, включая горячие линии, программы защиты жертв, услуги юристов, данные, блоги, а также постоянные обзоры законодательства каждого штата и федерального законодательства²⁵⁵.

Кроме того, помощь жертвам оказывается на уровне отдельных штатов. Например, генеральный прокурор штата Калифорния запустил кампанию «Киберэксплуатация», предоставляющую онлайн-ресурсы жертвам и правоохранительным органам²⁵⁶. По его словам, «размещение интимных изображений в Сети без согласия подрывает неприкосновенность частной жизни, основные гражданские права и общественную безопасность»²⁵⁷. Офис генерального прокурора публикует результаты исследований, согласно которым киберэксплуатация, так же как сексуальные домогательства, насилие и домашнее насилие, причиняет непропорционально больший вред женщинам²⁵⁸. Поэтому была предпринята инициатива «Остановить киберэксплуатацию» (#EndCyberExploitation), имеющая четыре сферы приложения: (1) рабочая группа генерального прокурора по данному вопросу; (2) судебные процессы [;] (3) изменение законодательства и (4) обучение сотрудников правоохранительных органов»²⁵⁹. Пример штата Калифорния следует взять на вооружение другим штатам и федеральному правительству.

3. Технологические решения

Наряду с ответственностью за создание и распространение порнографических дипфейков на уровне федерального закона одновременно могут быть приняты иные меры, способствующие возмещению ущерба жертв с помощью существующих технологий.

²⁵⁴ Without My Consent. URL: <http://www.withoutmyconsent.org/> [<https://perma.cc/6TCB-978S>] (дата обращения: 12.11.2019).

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Cyber Exploitation, Off.Att’yGen. URL: <https://oag.ca.gov/cyberexploitation> [<https://perma.cc/8B9E-GLJG>] (дата обращения: 12.11.2019).

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

²⁵⁰ About Us, Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/welcome/> [<https://perma.cc/MpW3-8RE2>] (дата обращения: 12.11.2019).

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же.

а. Требования об удалении контента

Жертва дипфейка может даже не знать о его создании или распространении. Как только это становится известно, можно направить запрос на удаление материала еще до того, как правонарушитель будет определен и осужден. Закон о цифровых авторских правах в новом тысячелетии (The Digital Millennium Copyright Act, DMCA)²⁶⁰ позволяет удалить контент по запросу владельца авторских прав²⁶¹. Это широко распространенная стандартная процедура, хорошо известная владельцам веб-сайтов и провайдером²⁶². Такие запросы жертва может делать, если является владельцем контента и считает, что он «размещен в Сети без ее согласия», даже если контент не защищен авторским правом²⁶³. Однако закон DMCA не дает решения относительно дипфейков в форме видео, если жертва не является владельцем записи. Технически такие видеозаписи могут нарушать права как тех, кто участвовал в оригинальных съемках, так и тех, чьи лица были наложены [84]. Это особенно верно для случаев, когда были использованы лица знаменитостей [84]. Существуют две различные точки зрения на запрос об удалении цифрового материала в случае персонификации. Во-первых, владельцем контента может быть человек, создавший первоначальное видео. Тогда подать запрос может только жертва, чье тело использовано в дипфейке. Второй вариант, представленный на веб-сайте DMCA, – запрос об удалении может подать любой, кто изображен на видео, а значит, любая из жертв дипфейка²⁶⁴.

Запрос на удаление в рамках Закона DMCA, очевидно, не всегда может защитить жертву дипфейка; однако есть и другие меры, которые можно предпринять для удаления видео с веб-сайтов [11, р. 7]. На таких площадках, как Facebook, Instagram, Twitter, Reddit и Tumblr, есть собственные службы для выявления

и удаления порнографии без согласия по запросам²⁶⁵. В отличие от DMCA в этом случае жертва может сообщить о порнографическом дипфейке, даже если не является владельцем копирайта, и контент будет удален с платформы. На веб-сайте CCRJ есть раздел с подробными инструкциями о том, как сообщить о порнографическом дипфейке и потребовать его удаления с каждой из этих платформ²⁶⁶. Кроме того, жертва может удалить из своих списков или заблокировать пользователей; однако это не поможет удалить контент [11, р. 7].

б. Независимые наблюдатели

Развитие технологии дипфейков может привести к появлению рынка того, что называется «неизменяемым идентификационным следом» [85]. Это платная услуга (подобная мониторингу финансового состояния) по отслеживанию цифровых данных, перемещений и изображений [85]. Она позволит следить за физическими перемещениями и коммуникациями человека с помощью его электронных данных, связи, навигации, присутствия в Интернете, включая социальные сети [85]. Теоретически возможно будет определять фейковую информацию и удалять ее от имени клиента²⁶⁷.

²⁶⁰ Pub.L. No. 105–304, 112 Stat. 2860 (1998) (кодифицировано с изменениями в различных разделах Свода законов США).

²⁶¹ What Is a DMCA Takedown?, DMCA. URL: <http://www.dmca.com/solutions/view.aspx?ID=aa18445c-9d91-44b3-9718-49da3eb208a2&?ref=sol5a32> [<https://perma.cc/4BL8-WP5E>] (дата обращения: 09.04.2019).

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ [84]. См. также What Is a DMCA Takedown?, выше примечание 260.

²⁶⁵ См. Online Removal Guide, Cyber C.R. Initiative. URL: <https://www.cybercivilrights.org/online-removal/> [<https://perma.cc/9VYP-4TC5>] (дата обращения: 12.11.2019) (дается пошаговая инструкция по подаче запроса на удаление в различных социальных медиаплатформах, включая Facebook, Instagram, Twitter, Reddit, Tumblr, Yahoo!, Google и Microsoft).

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ [85]. Однако идея такого рода сервиса, даже созданного с благими намерениями, имеет много недостатков. При обладании множеством личных данных о клиенте может оказаться невозможно оценить их все. Кроме того, человеческие и/или машинные ошибки при определении реального и фейкового будут серьезной проблемой. Наконец, и это, возможно, самое главное, возникают проблемы частной жизни. Считается, что, независимо от того, какие блага может принести такая услуга, она повлечет за собой «риск разрушения частной жизни – другими словами, уничтожение частной жизни в результате общественного договора, несмотря на все возможные правовые меры ее защиты». Там же. Компания, которая будет иметь не только доступ, но и возможности обработки бесконечного объема данных об отдельном человеке, будет обладать неограниченной властью над ним и представлять собой бесценный инструмент для рынка и исследований. Там же.

Стремительно развиваются не только технологии создания дипфейков, но и технологии, позволяющие определить их. В настоящее время подлинность цифрового и сетевого контента определяется с помощью алгоритмов машинного обучения, водяных знаков, цифровых ключей, отпечатков пальцев. Очевидно, что технологии распознавания также будут развиваться. Первая из них, алгоритмы машинного обучения, уже используется [11, р. 7]. Например, компания Gfycat применяет алгоритм, позволяющий определить фейковое видео путем сравнения его с оригинальным контентом [11]. Однако пока этот алгоритм не может проверять видео на частных серверах или личных аккаунтах в социальных сетях, поэтому для проверки дипфейк должен быть размещен в Интернете [11].

Технологическая «гонка вооружений» приблизилась к тому, чтобы различать ложную информацию, фото- и видеоизображение [6]. Идеальным ответом «на угрозу дипфейка стало бы одновременное развитие и распространение программного обеспечения, способного быстро и надежно распознавать дипфейки», а также «не отстающего от инноваций в технологии дипфейка» [6]. В настоящее время, однако, программное обеспечение для мониторинга и реагирования на данную проблему отстает от техно-

логий, позволяющих создавать дипфейки [6]. Поэтому принятие федерального уголовного закона против дипфейков является насущной необходимостью.

Заключение

Порнографические дипфейки стали феноменом в области киберпреступности с использованием сексуальной эксплуатации, который появился в последние несколько лет и в Интернете, и в повседневной жизни миллионов людей. Хотя первоначально жертвами этого явления были только женщины-знаменитости, быстрое развитие и широкое распространение технологий искусственного интеллекта ставит под угрозу каждого, кто имеет цифровые изображения. Подобно феномену «порно из мести», порнографические дипфейки стали представлять собой проблему прежде, чем законодатели могли на нее ответить. Поскольку ни один федеральный закон или закон штата в настоящее время не предусматривает ответственности за создание или распространение порнографических дипфейков, а также поскольку эти действия не ограничены какой-либо одной юрисдикцией, необходимо принимать меры на общенациональном уровне путем принятия федерального уголовного закона против дипфейков, так как их жертвой может стать каждый.

Список литературы / References

1. Cole S. We Are Truly Fucked: Everyone Is Making AI-Generated Fake Porn Now, *VICE: Motherboard*, Jan. 24, 2018, available at: https://motherboard.vice.com/en_us/article/bjye8a/reddit-fake-porn-app-daisy-ridley [https://perma.cc/EN85-JSM7].
2. Dold K. Face-Swapping Porn: How a Creepy Internet Trend Could Threaten Democracy, *Rolling Stone*, Apr. 17, 2018, available at: <https://www.rollingstone.com/culture/features/face-swapping-porn-how-creepy-trend-could-threaten-democracy-w518929> [https://perma.cc/7J2Q-J2QD].
3. Schwartz O. You Thought Fake News Was Bad?: Deep Fakes Are Where Truth Goes to Die, *Guardian*, Nov. 12, 2018, available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/nov/12/deep-fakes-fake-news-truth> [https://perma.cc/2KBB-FDWH].
4. All Things Considered: Technologies to Create Fake Audio and Video Are Quickly Evolving, *NPR*, Apr. 2, 2018, available at: <https://www.npr.org/2018/04/02/598916380/technologies-to-create-fake-audio-and-video-are-quickly-evolving> [https://perma.cc/V5TM-AUVJ].
5. BuzzFeed (@BuzzFeed), *Twitter*, Apr. 17, 2018, available at: <https://twitter.com/BuzzFeed/status/98625799179922272> [https://perma.cc/6A5J-RBEG].
6. Bobby Chesney, Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security, *Calif. L. Rev.*, 2019, available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3213954> [https://perma.cc/FQG5-RG3Y].
7. Blitz M. J. Lies, Line Drawing and (Deep) Fake News, *Okla. L. Rev.*, 2018, Vol. 71, p. 59.
8. Vincent J. Why We Need a Better Definition of 'Deepfake', *Verge*, May 22, 2018, available at: <https://www.theverge.com/2018/5/22/17380306/deepfake-definition-ai-manipulation-fake-news> [https://perma.cc/Z2VE-56UV].
9. Rouse M. Deepfake (Deep Fake AI), *Whatis.com*, available at: <https://whatis.techtarget.com/definition/deepfake> [https://perma.cc/8UEZ-4NNP] (дата обращения: 12.11.2019).
10. Rise of the Deepfakes, *Week*, June 9, 2018, available at: <http://theweek.com/articles/777592/rise-deepfakes> [https://perma.cc/2P9A-DRWF].

11. Adam Dodge, Johnstone E. Using Fake Video Technology to Perpetuate Intimate Partner Abuse, *Without my consent*, available at: <https://withoutmyconsent.org/perch/resources/2018-04-25deepfakedomesticviolenceadvisory.pdf> [<https://perma.cc/Q6DS-8G7S>] (дата обращения: 12.11.2019).
12. Roettgers J. 'DeepFakes' Will Create Hollywood's Next Sex Tape Scare, *Variety*, Feb. 2, 2018, available at: <http://variety.com/2018/digital/news/hollywood-sex-tapes-deepfakes-ai-1202685655/> [<https://perma.cc/Q4Q7-SCM5>].
13. Lee D. Deepfakes Porn Has Serious Consequences, *BBC News*, Feb. 3, 2018, available at: <https://www.bbc.com/news/technology-42912529> [<https://perma.cc/R4TY-LJQK>].
14. Jake Widman, Nicol W. What Is Reddit?: A Beginner's Guide to the Front Page of the Internet, *Digital Trends*, May 22, 2019, available at: <https://www.digitaltrends.com/social-media/what-is-reddit/> [<https://perma.cc/6ATF-U9FE>].
15. Hawkins D. Reddit Bans 'Deepfakes,' Pornography Using the Faces of Celebrities Such as Taylor Swift and Gal Gadot, *Wash. Post.*, Feb. 8, 2018, available at: <https://www.washingtonpost.com/news/morning-mix/wp/2018/02/08/reddit-bans-deepfakes-pornography-using-the-faces-of-celebrities-like-taylor-swift-and-gal-gadot/> [<https://perma.cc/2TPE-AYBG>].
16. Roose K. Here Come the Fake Videos, Too, *N. Y. Times*, Mar. 4, 2018, available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/04/technology/fake-videos-deepfakes.html> [<https://perma.cc/6QA8-78NL>].
17. Rense S. What Are 'Deepfakes,' and Why Are Pornhub and Reddit Banning Them?, *Esquire*, Feb. 12, 2018, available at: <https://www.esquire.com/lifestyle/sex/a17043863/what-are-deepfakes-celebrity-porn/> [<https://perma.cc/3QQS-XUCF>].
18. Donovan J. Deepfake Videos Are Getting Scary Good, *How Stuff Works*, Sept. 5, 2018, available at: <https://electronics.howstuffworks.com/future-tech/deepfake-videos-scary-good.htm> [<https://perma.cc/D6FA-HJA9>].
19. Suwajanakorn S. et al. Synthesizing Obama: Learning Lip Sync from Audio, *ACM Transactions on Graphics*, July 2017, p. 95:1.
20. Steinbuch Y. Listen to JFK Speak from Beyond the Grave, *N. Y. Post.*, Mar. 16, 2018, available at: <https://nypost.com/2018/03/16/jfks-voice-delivers-speech-he-never-gave-day-of-assassination/> [<https://perma.cc/TJQ9-6AFQ>].
21. Gstalter M. 'Obama' Voiced by Jordan Peele in PSA Video Warning About Fake Videos, *Hill*, Apr. 17, 2018, available at: <http://thehill.com/blogs/in-the-know/in-the-know/383525-obama-voiced-by-jordan-peele-in-psa-video-warning-about-fake> [<https://perma.cc/9F4R-466W>].
22. McCarter R. Idiots on the Internet Are Getting Really Good at Splicing Nic Cage's Face onto Every Movie, *AV Club*, Sept. 4, 2018, available at: <https://news.avclub.com/idiots-on-the-internet-are-getting-really-good-at-splicing-1828799192> [<https://perma.cc/5VAP-WQTK>].
23. Cole S. People Are Using AI to Create Fake Porn of Their Friends and Classmates, *Vice: Motherboard*, Jan. 26, 2018, available at: https://motherboard.vice.com/en_us/article/ev5eba/ai-fake-porn-of-friends-deepfakes [<https://perma.cc/8EPJ-GNNA>].
24. Roberts J. J. Fake Porn Videos Are Terrorizing Women. Do We Need a Law to Stop Them?, *Fortune*, Jan. 15, 2019, available at: <http://fortune.com/2019/01/15/deepfakes-law/> [<https://perma.cc/TNA3-G7TM>].
25. Franks M. A. Drafting an effective "Revenge porn" law, *A Guide for Legislators*, 2016, available at: <https://www.cybercivilrights.org/wp-content/uploads/2016/09/Guide-for-Legislators-9.16.pdf> [<https://perma.cc/W3KB-Q7YQ>].
26. Danielle Keats Citron, Franks M. A. Criminalizing Revenge Porn, *Wake Forest L. Rev.*, 2014, Vol. 49, pp. 345.
27. Gilden A. Sex, Death, and Intellectual Property, *Harv. J. L. & Tech.*, 2018, Vol. 32, p. 67.
28. Cole S. Deepfakes Were Created as a Way to Own Women's Bodies – We Can't Forget That, *Vice: Broadly*, June 18, 2018, available at: https://broadly.vice.com/en_us/article/nekqmd/deepfake-porn-origins-sexism-reddit-v25n2 [<https://perma.cc/7FJ4-99T8>].
29. Buxton M. The Deep Dark World of Fake Porn, *Refinery*, available at: <https://www.refinery29.com/en-gb/2018/02/190383/deepfakes-ai-assisted-fake-porn> [<https://perma.cc/6NPX-KKQX>] (дата обращения: 07.02.2018).
30. Farokhmanesh M. Is It Legal to Swap Someone's Face into Porn Without Consent?, *Verge*, Jan. 30, 2018, available at: <https://www.theverge.com/2018/1/30/16945494/deepfakes-porn-face-swap-legal> [<https://perma.cc/5HP9-FQM6>].
31. Greenberg A. It's About to Get Even Easier to Hide on the Dark Web, *Wired*, Jan. 20, 2017, available at: <https://www.wired.com/2017/01/get-even-easier-hide-dark-web/> [<https://perma.cc/HKB6-C924>].
32. Spiccia P. The Best Things in Life Are Not Free: Why Immunity Under Section 230 of the Communications Decency Act Should Be Earned and Not Freely Given, *Val. U. L. Rev.*, 2013, Vol. 48, p. 369.
33. Bridy A. Remediating Social Media: A Layer-Conscious Approach, *B.U. J. SCI. & Tech. L.*, 2018, Vol. 24, p. 193.
34. Klonick K. The New Governors: The People, Rules, and Processes Governing Online Speech, *Harv. L. Rev.*, 2018, Vol. 131, p. 1598.
35. Cole S. Targets of Fake Porn Are at the Mercy of Big Platforms, *Vice: Motherboard*, Feb. 5, 2018.
36. Patton R. B. Taking the Sting Out of Revenge Porn: Using Criminal Statutes to Safeguard Sexual Autonomy in the Digital Age, *Geo. J. Gender & L.*, 2015, Vol. 16, p. 407.
37. Gil N. "Deepfake" Porn: The New Way Women Are Being Exploited Online, *Refinery29*, June 21, 2018, available at: <https://www.refinery29.com/en-gb/2018/06/202456/deepfake-pornography> [<https://perma.cc/J75W-MJJK>].
38. McKay T. Pornhub Says Digitally Generated 'Deepfakes' Are Non-Consensual and It Will Remove Them, *Gizmodo*, Feb. 6, 2018, available at: <https://gizmodo.com/pornhub-says-digitally-generated-deepfakes-are-non-cons-1822786071> [<https://perma.cc/6EJH-E7HU>].

39. Terms & Conditions, *Pornhub*, available at: <https://www.pornhub.com/information#terms> [<https://perma.cc/UB7Q-9D78>] (дата обращения: 18.05.2018).
40. Vincent J. Twitter Is Removing Face-Swapped AI Porn from Its Platform, Too, *Verge*, Feb. 7, 2018, available at: <https://www.theverge.com/2018/2/7/16984360/twitter-ban-fake-porn-ai-face-swap> [<https://perma.cc/NE6B-HSXL>].
41. Roettgers J. Naughty America Wants to Monetize Deepfake Porn, *Variety*, Aug. 20, 2018, available at: <https://variety.com/2018/digital/news/deepfake-porn-custom-clips-naughty-america-1202910584/> [<https://perma.cc/4PLT-BK7V>].
42. Clark B. Pornhub Promised to Ban ‘Deepfakes’ Videos. And It Failed Miserably, *TNW*, Apr. 18, 2018, available at: <https://thenextweb.com/insider/2018/04/19/pornhub-promised-to-ban-deepfakes-videos-and-it-failed-miserably/> [<https://perma.cc/GYC8-48AF>].
43. Ellis E. G. People Can Put Your Face on Porn – and the Law Can’t Help You, *Wired*, Jan. 26, 2018, available at: <https://www.wired.com/story/face-swap-porn-legal-limbo/> [<https://perma.cc/5VSH-CYRA>].
44. Linkous T. It’s Time for Revenge Porn to Get a Taste of Its Own Medicine: An Argument for the Federal Criminalization of Revenge Porn, *Rich. J. L. & Tech.*, 2014, Vol. 20, p. 14.
45. Samuel D. Warren, Brandeis L. D. The Right to Privacy, *Harv. L. Rev.*, 1890, Vol. 4, p. 193.
46. Citron D. K. Law’s Expressive Value in Combating Cyber Gender Harassment, *Mich. L. Rev.*, 2009, Vol. 108, p. 373.
47. Perritt H. H. *Law and the Information Superhighway*, New York, 1996.
48. Jasanoff S. Making Order: Law and Science in Action, *The Handbook of Science and Technology Studies*, 2008, p. 761.
49. Chris Meserole, Polyakova A. The West Is Ill-Prepared for the Wave of “Deep Fakes” That Artificial Intelligence Could Unleash, *Brookings*, May 25, 2018, available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/05/25/the-west-is-ill-prepared-for-the-wave-of-deep-fakes-that-artificial-intelligence-could-unleash/> [<https://perma.cc/NNL4-9F8D>].
50. Groban M. S. Intimate Partner Cyberstalking – Terrorizing Intimate Partners with 21st Century Technology, *U. S. Attorneys’ Bull.*, May 2016, p. 12.
51. Brady K. M. Revenge in Modern Times: The Necessity of a Federal Law Criminalizing Revenge Porn, *Hastings Women’s L. J.*, 2017, Vol. 28, p. 3.
52. Amanda Lenhart et al. Nonconsensual Image Sharing: One in 25 Americans Has Been a Victim of “Revenge Porn”, *Data & Soc’y Res. Inst.*, Dec. 13, 2016, available at: https://datasociety.net/pubs/oh/Nonconsensual_Image_Sharing_2016.pdf [<https://perma.cc/Q6KG-F5P6>].
53. Sherlock P. Revenge Pornography Victims as Young as 11, Investigation Finds, *BBC News*, Apr. 27, 2016, available at: <https://www.bbc.com/news/uk-england-36054273> [<https://perma.cc/S339-LKSR>].
54. Fay M. The Naked Truth: Insufficient Coverage for Revenge Porn Victims at State Law and the Proposed Federal Legislations to Adequately Redress Them, *B. C. L. Rev.*, 2018, Vol. 59, p. 1839.
55. Jacobs H. This Is What It Is Like to Be the Victim of Revenge Porn, and Why We Need to Criminalise It, *Independent*, Feb. 13, 2015, available at: <https://www.independent.co.uk/voices/comment/this-is-what-it-is-like-to-be-the-victim-of-revenge-porn-and-why-we-need-to-criminalise-it-10045067.html> [<https://perma.cc/Y9WV-PW66>].
56. Nelson S. Federal ‘Revenge Porn’ Bill Will Seek to Shriveled Booming Internet Fad, *U. S. News & World Rep.*, Mar. 26, 2014, available at: <https://www.usnews.com/news/articles/2014/03/26/federal-revenge-porn-bill-will-look-to-shriveled-booming-internet-fad> [<https://perma.cc/86UZ-LCNQ>].
57. Lahitou J. What Is the ENOUGH Act?: Lawmakers Are Pushing to Criminalize Revenge Porn with a New Bill, *Bustle*, Nov. 28, 2017, available at: <https://www.bustle.com/p/what-is-the-enough-act-lawmakers-are-pushing-to-criminalize-revenge-porn-with-a-new-bill-6337236> [<https://perma.cc/3ZXU-HXQD>].
58. Roffer J. Nonconsensual Pornography: An Old Crime Updates Its Software, *Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L. J.*, 2017, Vol. 27, p. 935.
59. Carter T. B. Local, State, and Federal Responses to Stalking: Are Anti-Stalking Laws Effective?, *Wm. & Mary J. Women & L.*, 2016, Vol. 22, p. 333.
60. Wegman A. N. Cyberbullying and California’s Response, *U. S. F. L. Rev.*, 2013, Vol. 47, p. 737.
61. Christopher B. Can California Crack Down on Deepfakes Without Violating the First Amendment?, *Kqed News*, July 3, 2019, available at: <https://www.kqed.org/news/11758994/can-california-crack-down-on-deepfakes-without-violating-the-first-amendment> [<https://perma.cc/MA3Q-JJ7V>].
62. Sheeler A. California Is Moving to Ban Deepfakes. What Are They, Anyway?, *Sacramento Bee*, July 1, 2019, available at: <https://www.sacbee.com/news/politics-government/capitol-alert/article232162032.html> [<https://perma.cc/Y375-9QTK>].
63. Harris D. Student Article, Deepfakes: False Pornography Is Here and the Law Cannot Protect You, *Duke L. & Tech. Rev.*, 2019, Vol. 17, p. 99.
64. Kirstan Conley, Fonrouge G. Google Kills Revenge Porn Bill, *N. Y. Post*, June 21, 2018, available at: <https://nypost.com/2018/06/21/new-yorks-revenge-porn-bill-dies-after-11th-hour-campaign-by-google/> [<https://perma.cc/8YSF-Z8V3>].

65. Hetherington J. What Happened to New York's Revenge Porn Bill?, *Newsweek*, June 21, 2018, available at: <https://www.newsweek.com/what-happened-new-yorks-revenge-porn-bill-google-989666> [<https://perma.cc/7ZHY-C8JD>].
66. Greene A. The Ill of Misogyny on the Internet: Why Revenge Porn Needs Federal Criminalization, *Colo. Tech. L. J.*, 2017, Vol. 16, p. 175.
67. Desai S. Smile for the Camera: The Revenge Pornography Dilemma, California's Approach, and Its Constitutionality, *Hastings Const. L. Q.*, 2015, Vol. 42, p. 443.
68. Assefa H. Massachusetts Court Says 'Upskirt' Photos Are Legal, *CNN*, Mar. 6, 2014, available at: <https://www.cnn.com/2014/03/05/us/massachusetts-upskirt-photography/index.html> [<https://perma.cc/943Q-R2EA>].
69. Bustamante D. Florida Joins the Fight Against Revenge Porn: Analysis of Florida's New Anti-Revenge Porn Law, *Fiu L. Rev.*, 2017, Vol. 12, p. 357.
70. Fox H. Why Revenge Porn Laws May Not Protect Women, *Takepart*, Dec. 2, 2014, available at: <http://www.takepart.com/article/2014/12/02/revenge-porn-protections/> [<https://perma.cc/V6ZZ-Z8V4>].
71. Nisttahuz C. Fifty States of Gray: A Comparative Analysis of "Revenge-Porn" Legislation Throughout the United States and Texas's Relationship Privacy Act, *Tex. Tech L. Rev.*, 2018, Vol. 50, p. 333.
72. Waddell K. Lawmakers Plunge into "Deepfake" War, *Axios*, Jan. 31, 2019, available at: <https://www.axios.com/deepfake-laws-fb5de200-1bfe-4aaf-9c93-19c0ba16d744.html> [<https://perma.cc/KRH5-ZRWE>].
73. Kerr O. S. Should Congress Pass a "Deep Fakes" Law?, *Volokh Conspiracy*, Jan. 31, 2019, available at: <https://reason.com/volokh/2019/01/31/should-congress-pass-a-deep-fakes-law> [<https://perma.cc/6M8U-G7MA>].
74. Sasse B. This New Technology Could Send American Politics into a Tailspin, *Wash. Post.*, Oct. 19, 2018, available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-real-scary-news-about-deepfakes/2018/10/19/6238c3ce-d176-11e8-83d6-291fced2ab1_story.html [<https://perma.cc/SL33-27K8>].
75. Hollister S. Scarlett Johansson Slams Deepfakes, Says She Can't Stop the Internet from Pasting Her Face on Porn, *Verge*, Dec. 31, 2018, available at: <https://www.theverge.com/2018/12/31/18163351/scarlett-johansson-slams-deepfakes-internet-lost-cause> [<https://perma.cc/SMK2-3H3P>].
76. Bloomberg. How Faking Videos Became Easy – and Why That's so Scary, *Fortune*, Sept. 11, 2018, available at: <http://fortune.com/2018/09/11/deep-fakes-obama-video/> [<https://perma.cc/64MB-JGG9>].
77. Donie O'Sullivan et al. When Seeing Is No Longer Believing: Inside the Pentagon's Race Against Deepfake Videos, *CNN Bus*, available at: <https://www.cnn.com/interactive/2019/01/business/pentagons-race-against-deepfakes/> [<https://perma.cc/6ASD-WK3Y>] (дата обращения: 12.11.2019).
78. Robert L. Ullmann, Ferrera D. L. Crime on the Internet, *Bos. B. J.*, Nov./Dec. 1998, p. 4.
79. Hawley A. E. Taking Spam out of Your Cyberspace Diet: Common Law Applied to Bulk Unsolicited Advertising via Electronic Mail, *UMKC L. Rev.*, 1997, Vol. 66, p. 381.
80. Petroff A. Google, Microsoft Move to Block Child Porn, *CNN Bus.*, Nov. 18, 2013, available at: <https://money.cnn.com/2013/11/18/technology/google-microsoft-child-porn/index.html> [<https://perma.cc/6V7F-JFQM>].
81. Burriss A. Hell Hath No Fury Like a Woman Porned: Revenge Porn and the Need for a Federal Nonconsensual Pornography Statute, *Fla. L. Rev.*, 2014, Vol. 66, p. 2325.
82. Danny O'Brien, DiaKayyali. Facing the Challenge of Online Harassment, *Electronic Frontier Found*, Jan. 8, 2015, available at: <https://www.eff.org/deeplinks/2015/01/facing-challenge-online-harassment> [<https://perma.cc/9994-VK52>].
83. Citron D. K. *Hate Crimes in Cyberspace*, 2014.
84. Cole S. Personalized Fake Porn Videos Now for Sale on Reddit, *Vice: Motherboard*, Feb. 6, 2018, available at: https://motherboard.vice.com/en_us/article/7x799b/selling-ai-generated-fake-porn-is-probably-a-good-way-to-get-sued [<https://perma.cc/P5X7-VASJ>].
85. Robert Chesney, Citron D. Deep Fakes: A Looming Crisis for National Security, Democracy, and Privacy?, *Lawfareblog*, Feb. 21, 2018, available at: <https://www.lawfareblog.com/deep-fakes-looming-crisis-national-security-democracy-and-privacy> [<https://perma.cc/SBJ2-7B3x>].
86. Rebecca A. Delfino, Pornographic Deepfakes: The Case for Federal Criminalization of Revenge Porn's Next Tragic Act, *Fordham L. Rev.*, 2019, 88, p. 887.

Дата поступления / Received 15.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 03.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Делфино Р. А., 2020. Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 25.03.2020

© Delfino R. A., 2020

Д. МАНЗИ¹

¹Школа права Фордемского университета, г. Нью-Йорк, США

УПРАВЛЕНИЕ РЫНКОМ ДЕЗИНФОРМАЦИИ: ПЕРВАЯ ПОПРАВКА И БОРЬБА ПРОТИВ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ*

Даниэла Манзи, кандидат юриспруденции, Школа права Фордемского университета
Адрес: 150 W. 62nd Street, New York, NY 10023

Цель: исследование ситуации, когда защита свободы слова ограничивает возможности правительства по защите от фейковых новостей политического дискурса как необходимого для демократического государства процесса, и выработка мер государственного регулирования журналистской деятельности, которые бы позволили гражданам гарантированно получать точную информацию от законных средств массовой информации.

Методы: наблюдение, изучение документов, сравнение, анализ и синтез.

Результаты: на основе проведенного исследования внесено предложение об обязательном лицензировании профессиональных журналистов, поскольку проблема фейковых новостей несет в себе целый ряд угроз демократии США, подрывая возможность для граждан полагаться на источники информации и их способность формировать осознанное мнение и принимать рациональные решения. Информированная общественность, как и сильная пресса, чрезвычайно важны для демократического самоуправления. Фейковые новости угрожают демократии, делая граждан уязвимыми перед манипуляциями, которые могут заставить их голосовать против своих интересов, принимать необоснованные убеждения или утратить доверие к законным СМИ.

Научная новизна: сформулировано понимание фейковых новостей как опасного для демократического государства феномена, и рассмотрены вопросы минимизации его негативных эффектов.

Практическая значимость: предложение о лицензировании профессиональных журналистов по тем же принципам, что и работников других профессий, является одним из возможных способов достижения равновесия между защитой ораторов и слушателей. Это оправдано особым доступом к информации, который имеют журналисты. Аналогично тому, как к специализированной юридической информации имеют доступ только юристы, к медицинской – врачи.

Ключевые слова: фейк; фейковые новости; СМИ; информация; ложная информация; вброс; свобода слова; защита свободы слова; цензура; этика

Благодарность: автор выражает благодарность профессору Абнеру С. Грину за руководство, коллективу журнала Fordham Law Review за помощь в редактировании, а также семье и друзьям за поддержку.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Манзи Д. Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 142–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.142-164>

* Впервые статья опубликована на английском языке в журнале Fordham Law Review. По вопросам коммерческого использования обратитесь по адресу: tmelnick@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Daniela C. Manzi, Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, 87 Fordham L. Rev. 2623 (2019).

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol187/iss6/12>

D. C. MANZI¹

¹Fordham University School of Law, New York, USA

MANAGING THE MISINFORMATION MARKETPLACE: THE FIRST AMENDMENT AND THE FIGHT AGAINST FAKE NEWS*

Daniela C. Manzi, J.D. Candidate, 2020, Fordham University School of Law
Address: 150 W. 62nd Street, New York, NY 10023

Objective: to study how speech protections interfere with the government's ability to protect political discourse as a process necessary for a democratic state and to propose the government regulations of journalists activity to ensure that people can rely on legitimate news media to receive accurate information.

Methods: observation, document study, comparison, analysis and synthesis.

Results: based on the carried out research, the author proposes mandatory licensing of professional journalists, as the fake news problem presents a number of threats to U.S. democracy because it undermines people's ability to rely on information sources and interferes with their ability to form reasoned opinions and make rational decisions as citizens. Both an informed public and a strong press are crucial to democratic self-governance. Fake news threatens democracy by making citizens vulnerable to manipulation that could cause them to vote against their interests, adopt unfounded beliefs, or distrust legitimate media.

Scientific novelty: the notion of fake news as a phenomenon threatening a democratic state is formulated; the issues of minimizing its negative effects are considered.

Practical significance: the proposal of licensing of professional journalists according to the same principles as other professionals is one of the plausible ways to achieve this balance between protections for speakers and listeners. This is justified by the journalists' special access to information, as nonlawyers and nondoctors are unable to access specialized information about law or medicine.

Keywords: Fake; Fake news; Mass media; Information; False information; Freedom of speech; Speech protection; Censorship; Ethics

Acknowledgements: I would like to thank Professor Abner S. Greene for his guidance, the Fordham Law Review team for their editing assistance, and my family and friends for their support.

For citation of Russian version: Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 142–164. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.142-164>

Введение

В последние годы фейковые новости захватили Интернет. Создатели таких новостей имеют возможность их широкого и дешевого распространения через сайты социальных сетей, собирая миллионы лайков, комментариев и репостов, при этом некоторые из фейковых новостей создают тренды на ряде платформ. Легкость создания и распространения ложной ин-

формации привела к беспрецедентному росту рынка дезинформации в отношении его объема и влияния. Уязвимость граждан перед лицом фейковых новостей состоит в том, что люди уже не могут получить верную политическую информацию, а значит, принимать информированные решения при голосовании. Поскольку демократическая система основывается на информированном волеизъявлении масс, фейковые

* This Note is brought to you for free and open access by FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. It has been accepted for inclusion in Fordham Law Review by an authorized editor of FLASH: The Fordham Law Archive of Scholarship and History. For more information, please contact tmelnick@law.fordham.edu

For original publication: Daniela C. Manzi, Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, 87 Fordham L. Rev. 2623 (2019).

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol87/iss6/12>

новости представляют собой беспрецедентную угрозу демократии в США.

Хотя фейковые новости угрожают демократическим институтам, защита в рамках Первой поправки значительно затрудняет принятие законодательных мер против этой угрозы. В настоящей работе исследуется, как защита свободы слова ограничивает возможности правительства по защите политического дискурса, – т. е. процесса, который обеспечивает его эффективное функционирование, – и предлагаются меры государственного регулирования журналистской деятельности, которые бы позволили гражданам гарантированно получать точную информацию от законных средств массовой информации.

30 октября 1938 г. газета «Нью-Йорк Таймс» написала о панике и массовой истерии, охвативших Нью-Йорк после радиопередачи Орсона Уэллса по роману «Война миров», когда слушатели поверили, что вторжение инопланетян произошло на самом деле¹. Сообщалось, что жители целыми семьями покидали город, опасаясь газовой атаки, что привело к коллапсу на дорогах и в средствах связи². Как случилось, что тысячи людей поверили в нечто настолько невероятное?

Как выяснилось, не радиопередача была источником дезинформации, в которую поверило множество людей. На самом деле фейковой новостью было именно сообщение о массовой истерии. Средства массовой информации сильно преувеличили реакцию публики на радиопостановку «Войны миров», раздув несколько анекдотических случаев до размеров массовой истерии [1].

Хотя понятие «фейковая новость» стало широко использоваться относительно недавно, озабоченность по поводу распространения дезинформации существует давно. В эпоху Интернета ложные сообщения заняли новое и внушающее тревогу место на рынке информации. Многолетнее убеждение, что радиопостановка «Войны миров» вызвала массовую истерию, показывает, как ложные сообщения продолжают определять интерпретацию событий даже после их развенчания.

Благодаря технологиям авторы ложных новостей получили возможность распространять их дешево,

быстро и широко, используя мошеннические методы для формирования общественного мнения.

В данной работе мы показываем, как в эпоху Интернета ложные новости получают защиту Первой поправки, при этом подрывая ее основную цель: обеспечивать свободный обмен мнениями в ходе публичного обсуждения, который формирует общественное мнение и информационно поддерживает демократическое самоуправление. Хотя в общественном дискурсе термин «фейковая новость» приобретает множество различных значений, в данной работе он обозначает ложное изложение фактов, передаваемое средствами массовой информации онлайн и воспринимаемое читателями как истинное, и включает как намеренную ложь, так и неумышленные искажения³.

В разд. I обсуждаются философские концепции, определившие юридическую интерпретацию защиты ложной информации, и объясняется, как проблема фейковых новостей в эпоху Интернета представляет беспрецедентную угрозу демократии. В разд. II описываются меры защиты ложной информации в рамках Первой поправки и анализируются взаимоотношения между этими мерами и философскими основаниями теории свободы слова. В разд. III объясняется невозможность адекватно предотвращать распространение ложной информации в юридических рамках Первой поправки. В разд. IV предлагается способ использовать теоретические положения философии защиты свободы слова для регулирования распространения ложной информации без нарушения Первой поправки.

³ Концепция фейковых новостей существует уже несколько столетий, первые упоминания об этом явлении относятся к 1500-м гг., а термин был впервые использован в 1890 г. The Real Story of 'Fake News,' Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/the-real-story-of-fake-news> [<https://perma.cc/YNT8-QZHA>] (дата обращения: 10.04.2019). В последнее время термин стал популярным благодаря его широкому использованию Дональдом Трампом в «Твиттере». Президент Трамп обвинил журналистов в публикации фейковых новостей для дискредитации реальных мнений, если они содержат критику его действий. См. [2]. Сайт Dictionary.com определяет фейковые новости как «ложные новостные сообщения, часто сенсационного характера, созданные для широкого распространения с целью извлечения выгоды, продвижения или дискредитации публичной фигуры, политического движения, компании и т. п.». Fake News, Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/fake-news> [<https://perma.cc/K42T-VHB8>] (дата обращения: 10.04.2019). В настоящей работе используется данное определение с сайта Dictionary.com.

1. УСУГУБЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗАЩИТЫ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В этом разделе дается основная информация по проблеме фейковых новостей. В разд. I.A рассматриваются философские теории в области защиты ложной информации и обсуждается роль свободы слова в обществе. В контексте указанных философских теорий в разд. I.B объясняется, почему фейковые новости представляют собой беспрецедентную угрозу демократии США, вызывая смятение среди потребителей и сея недоверие к новостным медиа.

А. Ложная информация: философский и исторический контекст

В философской науке давно обсуждается значение защиты ложной информации. В своем труде «О свободе» Джон Стюарт Милль отстаивает необходимость такой защиты, так как считает, что ложные мнения позволяют людям утвердить истину в открытом и свободном обсуждении [3]. По его мнению, идеологическая истина не является внутренним или универсальным знанием, а должна вырабатываться в ходе дебатов. Милль утверждает, что ошибочные мнения имеют ценность, так как они заставляют людей глубже исследовать проблему, тем самым приводя к открытию истины [3, pp. 19–21, 35]. Если же неверные идеи подвергаются цензуре, то обнаружение истины будет затруднено [3]. Постоянные обсуждения заставляют людей защищать и проговаривать истину, тем самым усиливая ее воздействие⁴. Таким образом, свобода слова может обеспечить «более ясное восприятие и живое впечатление от истины, происходящие от ее столкновения с заблуждением» [3, p. 19].

Иммануил Кант в своей работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» [5] исследовал моральные запреты против сознательной лжи. Кант считал, что любая ложь вредна, поскольку она подрывает достоинство других людей, не позволяя им действовать свободно и рационально [5, pp. 163–165]. Произнося ложь, оратор нарушает право своих слушателей на получение верной информации и манипулирует их

⁴ [3, p. 35] («Если идея не обсуждается полно, часто и без страха, то она будет восприниматься как мертвая догма, а не живая истина»). См. также [4, p. 159].

способностью принимать осознанные решения, основанные на фактах [5, 6]. Кроме того, Кант доказывал, что ложь порождает еще больший вред, подрывая доверие к оратору, что, в свою очередь, заставляет людей не доверять мнениям друг друга [5, pp. 163–164]. В совокупности философские теории Милля и Канта охватывают право на распространение идей и право на получение информации в открытом дискурсе.

Основываясь на этих философских идеях, судья Верховного суда США Оливер Венделл Холмс выдвинул концепцию «рынка идей» в рамках принципа свободы слова. Он писал: «В конечном итоге желаемого блага легче достичь через свободный обмен идеями – истина состоит в силе мысли, которая будет принята в конкурентной борьбе на рынке...»⁵ По его мнению, свободный обмен идеями способствует демократической системе управления, позволяя гражданам обнаруживать то, что наилучшим образом отвечает потребностям общества. Объединяя доктрины Милля и Канта, теория рынка идей утверждает, что индивидум не сможет расширить свои знания, пока не будет свободно провозглашать свои идеи и проверять их относительно идей других людей [7]; рынок функциональных идей предполагает, что истинные идеи могут быть обнаружены и что участники свободного дискурса добросовестно пытаются обнаружить истину⁶.

В. Вредное воздействие фейковых новостей на демократические институты и электорат

По словам Джеймса Мэдисона, «общественное мнение налагает ограничения на любое правительство, а для каждого свободного правительства является наивысшей властью»⁷. Поскольку демократическое правительство должно, в теории, отвечать обществен-

⁵ Abrams v. United States, 250 U.S. 616, 630 (1919) (судья Holmes, особое мнение).

⁶ [8, pp. 502–503]. Подобно Канту, который считал, что люди имеют моральное обязательство говорить правду, Милль писал, что люди имеют моральное обязательство отстаивать только те мнения, которые они искренне считают верными [3, p. 21]. («Обязанность правительств и отдельных граждан – формировать самые верные мнения, какие возможно; формировать их тщательно и никогда не навязывать их другим, если только они не абсолютно уверены в их истинности»); см. также [9, p. 141].

⁷ For the National Gazette, [Ca. 19 December] 1791, Founders Online, <https://founders.archives.gov/documents/Madison/01-14-02-0145> [<https://perma.cc/28EE-86T2>] (дата обращения: 10.04.2019).

ному мнению [7, р. 14], постольку очень важно, чтобы люди имели возможность сформировать осознанные представления о государственной политике. Традиционно такую возможность давали новостные средства массовой информации, в свою очередь, обеспечивая информацией действия и решения правительства⁸. Однако с развитием социальных сетей и сенсационализма в традиционных медиа начался рост проблемы фейковых новостей. Количество читателей газет сократилось, тогда как объем информации онлайн, в том числе ложной, растет в геометрической прогрессии [10]. Появление социальных сетей создало мир, в котором люди тонут в беспрецедентных проблемах перед демократией в США.

1. Преобладание и сущность фейковых новостей

Легкость распространения ложных сообщений создала ряд проблем для институтов демократии. Поскольку избиратели сталкиваются с потоком фейковых новостей, они уже не могут выбрать подходящего кандидата [11, р. 1064]. Слова Канта о лжи в еще большей степени относятся к рынку дезинформации: фейковые новости создают «плотный туман», не позволяющий избирателям принимать информированные, рациональные решения о кандидатах, «скрывая реальные новости и информацию, сообщаемую в рамках кампаний» [12, р. 69]. В результате избиратели не могут выбрать кандидата, который представлял бы их интересы; кроме того, проведению выборов могут препятствовать ложные сообщения о месте, времени и порядке их проведения⁹.

Хотя политическая дезинформация не новая проблема, массовое и целенаправленное распространение фейковых новостей в социальных сетях нарушает рынок идей новыми и внушающими тревогу способами. Социальные медиа дают возможность политикам подавлять пользователей и разрушать их чувство реальности, распространяя ложные сообщения и политическую рекламу с небывалыми скоростями и объемом [14, pp. 48–49]. Поскольку ложные новости часто более экстремальны и вопиющи, чем настоящие,

они с большей вероятностью распространяются социальными медиаплатформами [15, р. 575]. Проблему усиливает «паразитическая журналистика» – практика передачи новостей, взятых из другого источника, без каких-либо добавлений [16, р. 69]. Массачусетский технологический институт недавно проводил исследование «Твиттера», которое показало, что «ложные сообщения распространялись дальше, быстрее, глубже и шире, чем истинные во всех категориях информации», а также что «иначе говоря, истина не может подняться на верхние позиции [рынка идей], так как этот рынок плотно заполнен ложью»¹⁰.

Простота загрузки и распространения онлайн-контента означает, что фейковые новости под видом истинных расходятся очень быстро и достигают аудитории от сотен до миллионов пользователей [6, pp. 48–49]. В социальных сетях политические структуры используют рекламу и автоматические сообщения от ботов для охвата конкретных демографических групп, особо подверженных влиянию ложных сообщений, при этом многих избирателей можно заставить голосовать против их интересов [6].

Президентские выборы 2016 г. показали, как технологии можно использовать для массового введения в заблуждение. В течение всего цикла выборов быстро распространялись фейковые новости; фейковые статьи в пользу Трампа набрали 30,3 млн репостов, а в пользу Клинтон – 7,6 млн репостов только на «Фейсбуке» [10, р. 208]. Анализ, проведенный компанией BuzzFeed во время предвыборной кампании, показал, что двадцать самых популярных фейковых статей – статей с фальшивых сайтов и с блогов ярых сторонников кандидатов – привлекли больше пользователей, чем самые популярные статьи с основных новостных площадок¹¹. Среди таких ложных статей были сообщения о том, что Клинтон продавала оружие ИГИЛ, Папа Римский поддерживает Трампа, что Клинтон запрещено занимать любые должности на федеральном уровне и многие другие [19]. Автор ложной новости о том, что в Огайо обнаружены тысячи фальшивых бюллетеней за Клинтон, признался, что создал это сообщение за пятнадцать минут; в итоге его просмотрело шесть млн человек [8, pp. 498–499].

⁸ [7, р. 35].

⁹ [11, pp. 1064–1065]. Такая непропорциональность затрагивает слабо представленные группы, включая женщин и национальные меньшинства [13, pp. 143, 159].

¹⁰ [17] (ссылаясь на [18, р. 1147]).

¹¹ [19].

Вероятно, потому, что сообщения с шоковым контентом скорее становятся вирусными, политические конспиративные теории стали популярны в последние годы, нанося вред отдельным личностям, компаниям и демократическим институтам. Так, конспиративная теория о том, что стрельба в начальной школе Сэнди-Хук была фейком, разыгранным противниками продажи оружия, привела к агрессии по отношению к семьям жертв [20, р. 181]. Теория заговора «Пиццагейт» о том, что демократическая партия организовала похищения людей для сексуальных услуг через пиццерию, привела к угрозам владельцу и стрельбе в ресторане [21]. Эти случаи не только нанесли вред конкретным людям и компаниям, но и продемонстрировали восприимчивость некоторых американцев к фальшивым сообщениям, какими бы абсурдными они ни были, и растущее недоверие населения к политическим противникам. Когда конспирологи «под чужим флагом» сообщили, что самодельные бомбы, полученные некоторыми известными демократами, были посланы другими демократами, чтобы республиканцы выглядели радикалами перед промежуточными выборами 2018 г., журналист «Нью-Йорк Таймс» Кевин Руз прокомментировал: «Конспирологическое мышление было всегда – убийство Кеннеди, высадка на Луну, масоны. Но теперь все это возросло многократно... поскольку кабельные каналы и услужливые социальные сети позволяют наспех слепленным теориям в одно мгновение распространяться среди миллионов людей» [22].

Выборы 2016 г. также показали восприимчивость США к манипуляциям со стороны зарубежных игроков. В 2016 г. российские агенты тайно влияли на американских избирателей с целью посеять недоверие к кандидатам на пост президента и американской политической системе в целом [23]. Российские агенты использовали ложные сообщения и автоматические боты для влияния на отдельные группы людей, восприимчивых ко лжи, включая журналистов, которые могли распространять фейковые сообщения [10, pp. 206–207]. Преобладание ботов в социальных сетях делает зарубежное вмешательство особенно опасным. Между 16 сентября и 21 октября 2016 г. около 20 % всех твитов о выборах было сгенерировано ботами [12, р. 70]. Невозможно определить, откуда исходили эти автоматические сообщения и кто их запустил, однако они показывают, насколько пользователи социальных сетей беззащитны перед зарубежным фейковым кон-

тентом [12]. Одна-единственная российская компания с менее чем сотней сотрудников создала контент от имени российского государства, который увидели около 150 миллионов пользователей «Фейсбука» [24].

2. Упадок настоящих СМИ

Журналистика производит общественное благо, предоставляя фактическую информацию людям, которые затем могут принимать осознанные решения и формировать обоснованные мнения. Специалист по государственной политике Филип Наполи объясняет: «Журналистика... производит общественное благо (положительный внешний эффект), которое часто не учитывается в экономических транзакциях между организациями-потребителями в современном обществе... Это приводит к неэффективности рынка в форме недопроизводства сферы журналистики» [16, pp. 89–90]. Такая неэффективность угрожает рынку настоящих новостей, который и так уже снизился [10, р. 203]. Паразитическая журналистика также способствует усилению этой неэффективности, поскольку перепечатка новостей оттягивает на себя аудиторию и прибыль от источников настоящей информации, что значительно увеличивает затраты на производство качественного контента [16, pp. 69–70].

Преобладание фейковых новостей также заставляет людей все в более широких масштабах не доверять новостям и обходиться без них. С помощью ботов в разных источниках распространяется одна и та же фальшивая информация, так что у читателей возникает ощущение, что она циркулирует шире, чем настоящая¹². Такой метод «флудинга» приводит к тому, что люди вообще перестают доверять средствам массовой информации; из-за перегруженности фейковой информацией люди не знают, чему верить, и одинаково избегают надежных и ненадежных источников¹³. Как утверждает профессор Шина Шиффрин, «намеренные искажения смысла подрывают доверие, с которым мы, как предполагается, должны относиться к свидетельствам других людей... тем самым противореча целям свободы слова»¹⁴. Постоянно повторяющиеся фейки

¹² [25]. Эта тактика настолько эффективна, что даже вызвала преобладание некоторых фейковых новостей над настоящими в социальных сетях [25].

¹³ [14, pp. 48–49].

¹⁴ [9, р. 117].

в средствах массовой информации приводят к тому, что зрители перестают доверять этому источнику информации. Проблема усугубляется, когда информацию распространяют социальные сети. Технологии позволяют им производить контент, который, по их мнению, понравится пользователям; это приводит к появлению так называемых эхокамер, в которых пользователи постоянно получают одну и ту же информацию и отгораживаются от противоречащих ей источников¹⁵.

В эпоху Интернета использование традиционных медиа значительно сократилось, а недоверие к ним будет, вероятно, усиливать эту тревожную тенденцию¹⁶. Рынок новостей уже наводнен фейками. В недавнем опросе компании Gallup было показано, что, по мнению американцев, 39 % новостей, которые они видят в традиционных СМИ, являются фейковыми¹⁷. Согласно другому опросу, 58 % респондентов считают, что увеличение количества источников информации затрудняет получение информации¹⁸. Эти данные показывают, что тенденции недоверия и запутанности усиливаются из-за роста рынка дезинформации.

Недоверие к традиционным СМИ не позволяет прессе играть роль стабилизирующего демократического института¹⁹. Если граждане перестанут доверять традиционным медиа из-за фейковой информации, то пресса уже не сможет служить сдерживающим фактором по отношению к государству. Поскольку подотчетность государства во многом обеспечивается этим сдерживающим фактором, то сокращение количества СМИ или их аудитории может привести к усилению коррупции²⁰. Отношение американцев к СМИ уже стало более скептическим. Хотя 84 % опрошенных согласны, что медиа «крайне важны» или

«очень важны» для демократии, однако только 28 % считают, что СМИ «хорошо» или «очень хорошо» служат демократии [29]²¹.

Сокращение традиционных новостных медиа в пользу социальных медиа может также наносить вред демократии тем, что политики и их сторонники могут бесконтрольно распространять неверную информацию, также способствуя политической коррупции [10, р. 209]. Изначально традиционные новостные медиа служили посредниками между государством и гражданами, преследуя цель «воспитывать сознательность и гражданственность в избирателях»; теперь роль посредников перешла к социальным медиа²². Однако основной целью последних не является ни сохранение демократии, ни поиск истины на рынке идей [12, р. 74].

Кроме того, раньше политические руководители и кандидаты могли общаться с гражданами только посредством телевидения, радио или газет; теперь они могут распространять свои идеи напрямую через социальные медиа. Исторически ошибочные или завышенные заявления корректировались в законных СМИ, теперь же провокаторы могут распространять свои ложные призывы и комментарии через «Твиттер» или «Фейсбук» [10, pp. 212–214]. Лишившись законных СМИ в качестве необходимого посредника, правительство также может использовать ложь для достижения неприглядных целей²³. Политические лидеры могут использовать ложь для дискредитации своих критиков, манипулировать общественным мнением или отвлекать общественность от контроля над действиями правительства²⁴. Так, в ноябре Белый дом разместил в «Твиттере» сфабрикованное видео перебранки между репортером CNN, который часто критиковал президента, и сотрудником Белого дома, чтобы оправдать отзыв аккредитационного удостоверения этого репортера [31]. Всего за два дня до промежуточных выборов 2018 г. кандидат на должность губернатора Брайан Кемп, который в то время был также главой канцелярии штата Джорджия, голословно заявил, что демократы пытались взломать файлы

¹⁵ [25, р. 4].

¹⁶ [10, pp. 202–203].

¹⁷ [26]. В этом опросе традиционные медиа включали телевидение, радио и газеты. Там же: по мнению респондентов, 65 % новостей, которые они видят в социальных сетях, являются дезинформацией. Там же: в 2016 г. опрос компании Gallup показал, что только 32 % американцев считают, что СМИ «передают новости в полном объеме, точно и справедливо», тогда как максимальное количество доверявших СМИ пришлось на 1976 г. – 72 %, после освещения Вьетнамской войны и скандала Уотергейт в СМИ [27].

¹⁸ [28].

¹⁹ [10, pp. 201–205].

²⁰ [10, pp. 209–210] (показано, что более высокие уровни коррупции на уровне государства и местных правительств коррелируют с освещением их деятельности в газетах).

²¹ Еще 27 % считают, что действия новостных медиа в поддержку демократии «приемлемы». Там же.

²² [12, р. 74].

²³ См. в целом [30].

²⁴ Там же [30, р. 355].

регистрации избирателей этого штата; при этом его самого обвиняли в давлении на избирателей, голосовавших против него²⁵.

Фейковые новости подрывают демократию тем, что подавляют способность избирателей принимать обоснованные политические решения и сеют недоверие к законным медиа. Поскольку фейковые новости легко создать и широко распространить, проблема вряд ли разрешится сама собой.

II. КАК ПЕРВАЯ ПОПРАВКА ЗАЩИЩАЕТ ЛОЖНУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Хотя фейковые новости представляют целый ряд угроз демократии, они защищены Первой поправкой. В данном разделе рассматриваются меры конституционной защиты ложной информации. В разд. II.A объясняется цель Первой поправки и описывается, как Верховный суд счел ложную информацию за не имеющую ценности, но при этом подлежащую защите. В разд. II.B анализируется дело *United States v. Alvarez*²⁶, в результате которого был отменен закон, вводивший уголовную ответственность за ложные заявления о получении военных наград; это показывает, как Первая поправка может защищать ложную информацию. Наконец, в разд. II.C обсуждается связь Первой поправки с философскими теориями, описанными в разд. I.A, которые лежат в основе доктрины свободы слова.

A. Конституционные основы

Поскольку информированность общества чрезвычайно важна для демократического самоуправления, основной целью Первой поправки является защита публичного обсуждения, через которое формируется общественное мнение²⁷. Демократия в США «определяется всеобщим участием [общества] в обсуждении и оценке конкурирующих взглядов»²⁸. Первая поправка запрещает принятие Конгрессом любых законов,

«ограничивающих свободу слова»²⁹, поскольку общественное мнение формируется путем свободного и открытого дискурса. На основе принципов Милля эта широкая защита гарантирует, что «будет высказано все, что достойно быть высказанным», так что сумма знаний будет увеличиваться при отсутствии ограничений со стороны государства, а граждане смогут донести свою коллективную волю до руководства³⁰. Однако для обеспечения свободы слова дополнительную защиту получает кое-что из того, что недостойно быть высказанным, например, ложная информация³¹.

Чтобы понять, как Первая поправка защищает ложную информацию, нужно определить, что такое ложная информация. В деле *Milkovich v. Lorain Journal Co.*³² суд постановил, что изложением факта следует считать такое выражение мнения, которое, с точки зрения здравомыслящего правоприменителя, является «в достаточной мере фактическим, чтобы подлежать проверке на истинность»³³.

Суд неоднократно повторял, что ложные изложения фактов не имеют ценности с точки зрения Конституции³⁴. Так, в деле *Hustler Magazine, Inc. v. Falwell*³⁵ суд отметил, что «ложные изложения фактов не имеют ценности, так как противоречат функции рынка идей,

²⁹ U.S. Const. amend. I.

³⁰ [7, pp. 14–16].

³¹ [33, p. 1160] («Мы хотим, чтобы ораторы имели полную свободу в выражении и передаче своих намерений. От этого зависит [демократическая] законность. Следовательно, защита горького наравне со сладким может быть необходимым условием сохранения тех ценных процессов и результатов, которые появляются благодаря вдохновенному высказыванию»).

³² 497 U.S. 1 (1990).

³³ См. там же. P. 21.

³⁴ Хотя данное утверждение было сделано в категоричной форме, в других случаях Верховный суд заявлял о конституционной ценности ложных сообщений. См. ниже примечание 36 и соответствующий текст. В деле *United States v. Alvarez*, которое подробно обсуждается в разд. II.B, судьи, высказавшие особое мнение, указали на множество контекстов, в которых ложные сообщения имеют общественную значимость. 567 U.S. 709, 733 (2012) (J. Breyer, особое мнение) («Ложные фактические утверждения могут служить важным целям в человеческом обществе, например, в социальных контекстах: предотвращать неловкие ситуации, защищать частную жизнь, ограждать человека от предвзятого отношения, давать утешение больным, беречь невинность ребенка; в общественном контексте они могут остановить панику или иным образом сохранить спокойствие перед лицом опасности...»).

³⁵ 485 U.S. 46 (1988).

²⁵ См. [32]. Делая это заявление, Кемп не использовал социальные медиа, поэтому традиционные медиа опровергли его как несостоятельное, действуя в качестве посредника между его сотрудниками и обществом. См. там же.

²⁶ 567 U.S. 709 (2012).

²⁷ [7, p. 14].

²⁸ [33, p. 1160].

закрывающейся в поиске истины»³⁶. В деле *Gertz v. Robert Welch, Inc.*³⁷ суд повторил, что никакое ложное заявление не имеет конституционной ценности, поскольку «ни намеренная ложь, ни ошибка по небрежности не отвечают интересам общества в ведении «открытого, смелого и свободного обсуждения общих тем»³⁸. Однако суд отметил, что, хотя и будучи конституционно незначимыми, некоторые ложные утверждения подлежат защите в рамках Первой поправки, для того чтобы обеспечить развитие рынка идей³⁹. Такие меры, о которых пойдет речь в разд. II.B и II.C, защищают создание и распространение фейковых новостей.

В. Дело «Соединенные Штаты против Альвареса» (United States v. Alvarez)

Хотя фейковые новости представляют серьезную угрозу демократическим институтам, законодательство в рамках Первой поправки существенно затрудняет их регулирование. Решение Верховного суда в деле *Alvarez* демонстрирует конституциональные противоречия, возникающие из запрета на распространение ложной информации⁴⁰. В деле *Alvarez* суд отменил закон *Stolen Valor Act*, который вводил уголовную ответственность за ложные сведения о наличии военных наград с целью получения материальных выгод⁴¹. В решении большинства членов суда

были отмечены два обоснования. Во-первых, закон не был одобрен, потому что государство не смогло доказать, что присвоение военных наград причиняло вред⁴². Выступая в защиту данного закона, государство утверждало, что обесценивание наград вследствие их присвоения является само собой разумеющимся и не требует доказательств⁴³. Однако суд счел, что тем самым будет создан прецедент, позволяющий государству ограничивать свободу слова без доказывания материального ущерба, поэтому закон был отменен⁴⁴. Большинство судей согласилось, что формулировка закона должна быть более узкой и предусматривать доказывание конкретного или материального ущерба, тем самым «гарантируя, что закон не будет применяться чрезмерно широко, запрещая ложные утверждения в тех случаях, когда причинение ущерба маловероятно или необходимость запрета низка»⁴⁵.

Во-вторых, большинство судей высказали опасения, что данный закон создаст опасный прецедент чрезмерно широкого регулирования ложных высказываний без юридического ограничения этого регулирования⁴⁶. Большинство судей в деле *Alvarez* обратили внимание на то, что данный закон можно применить практически к любым высказываниям о военных заслугах, независимо от времени, места, аудитории или цели, а также отметили, что он относится в равной степени к публичным и «личным, домашним разговорам»⁴⁷. Основная часть опасений суда относилась к этой второй группе. Большинство судей были озабочены не столько защитой права на ложные высказывания, сколько возможностями государства объявить целые категории высказываний противоречащими Конституции⁴⁸. Они сочли, что государство сможет диктовать, какие категории ложных высказываний должны регулироваться законом⁴⁹. В заключении суда отмечалось:

³⁶ Там же. P. 52. Суд, однако, провел различие между правдоподобной ложью и сообщениями, которым общественность не может поверить, например, таким как пародии, которые имеют важное значение в качестве инструментов критики государственных деятелей. Там же. Pp. 50, 54.

³⁷ 418 U.S. 323 (1974).

³⁸ Там же. P. 340 (ссылаясь на *N.Y. Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254, 270 (1964)).

³⁹ Там же. Pp. 340–341.

⁴⁰ См. в целом *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709 (2012).

⁴¹ Там же. P. 730 (мнение большинства). В законе говорилось: «Лицо, ложно представившее себя в устной или письменной форме награжденным каким-либо знаком отличия или медалью, утвержденными Конгрессом для Вооруженных Сил США... подлежит наказанию в виде штрафа, лишения свободы сроком до шести месяцев или обоим этим видам наказания». 18 U.S.C. § 704 (2012). Ранее закон предусматривал уголовную ответственность за любые ложные сведения, а Суд ввел в него требование о преднамеренности совершенных действий. См. *Alvarez*, 567 U.S. Pp. 725–726 (мнение большинства) (при обсуждении ущерба, нанесенного ложью «нарушителей»); там же. P. 736 (J. Breyer, особое мнение) («[Закон] может запрещать только сознательные и намеренные действия по введению в заблуждение, касающиеся только доказуемых фактов наличия информации у говорящего...»).

⁴² Там же. Pp. 725–726 (мнение большинства).

⁴³ Там же.

⁴⁴ См. там же: Судьи, высказавшие особое мнение, утверждали, что ложные сведения о военной службе приводили к материальному ущербу; например, в одном из районов США «двенадцать человек ввели в заблуждение Отдел по делам ветеранов и получили более 1,4 миллиона долларов в виде ветеранских льгот». Там же. P. 743 (J. Alito, особое мнение).

⁴⁵ Там же. Pp. 736, 738 (J. Breyer, особое мнение).

⁴⁶ Там же. P. 723 (особое мнение).

⁴⁷ [34, pp. 722–723].

⁴⁸ [34, p. 383].

⁴⁹ Там же.

«Если государство получит возможность объявить уголовным преступлением такие высказывания, будь они сделаны публично или частным образом, то оно тем самым сможет составлять списки тем, по которым ложные сообщения наказуемы. Такие полномочия государства не будут иметь ограничивающих принципов. Наша традиция Конституции несовместима с мыслью, что нам может понадобиться Министерство правды по образцу Океании»⁵⁰.

Далее суд отметил, что предоставление «широких цензорских полномочий» государству с целью регулирования ложной информации навредит и истинным высказываниям, потому что люди начнут бояться преследований⁵¹. Стремясь избежать ситуации, в которой любая категория ложных высказываний будет регулироваться, включая критику злоупотреблений властью со стороны государства, суд «перестраховался» и счел, что государство не должно ограничивать никакие ложные высказывания, если они не привели к доказуемому ущербу⁵².

В деле Alvarez суд оставил открытым вопрос о том, какая степень расследования должна быть применена при регулировании ложных высказываний. Судьи, присоединившиеся к мнению большинства, рассматривали закон Stolen Valor Act, в котором ложные высказывания о военных заслугах противопоставлялись любым другим ложным высказываниям, по «самым высоким стандартам», которые требуют, чтобы закон был действительно необходим для защиты государственных интересов⁵³. Напротив, судьи, придерживавшиеся особого мнения, применяли стандарт «пропорционального рассмотрения», что означает, что ущерб от ограничения свободы слова сравнивается с положительным воздействием данного закона⁵⁴. Этот стандарт был выбран потому, что ограничения

не составляли «тяжкого и неприемлемого вреда для свободы слова», поскольку касались только ложных высказываний о «легко проверяемых фактах»⁵⁵.

Верховный суд не определил стандарт, по которому следует рассматривать общие ограничения на ложные высказывания, т. е. те, которые не относятся к конкретной теме. Выбор стандарта, вероятно, будет зависеть от того, будут ли любые фактические высказывания признаны основанными на теме. В деле *Police Department v. Mosley*⁵⁶ Верховный суд выделил два типа регулирования содержательных высказываний: на основе мнения и на основе темы⁵⁷. Регулирование первого типа включает ограничения, устанавливающие приоритет одного мнения над другим, тогда как регулирование второго типа ограничивает высказывания по определенным темам независимо от высказываемых мнений⁵⁸.

Однако в деле *Reed v. Town of Gilbert*⁵⁹ Верховный суд постановил, что строгие стандарты расследования должны применяться к любым случаям регулирования свободы высказываний на основе темы, а также что регулирование на основе темы имеет место, если оно относится к теме высказывания оратора или «к содержанию речи, подлежащей регулированию»⁶⁰. Согласно этому правилу ложь проще ограничить, опираясь на намерение оратора обмануть аудиторию, чем на содержание речи [9, pp. 126, 132]. Например, если два оратора сделали одинаковые заявления – один по заблуждению, а другой со злым умыслом, – то последний должен предстать перед судом без разбирательства по строгим стандартам, поскольку он будет обвиняться за намеренный обман, а не за содержание его высказывания. Однако, поскольку любой запрет ложных сообщений – сделанных по ошибке или намеренно – будет ссылаться на ложное содержание речи, он будет почти всегда подвергаться расследованию по строгим стандартам⁶¹.

Поскольку суд будет применять расследование по строгим стандартам, необходимо будет очень точно

⁵⁰ Alvarez, 567 U.S. P. 723 (особое мнение) (цитируя George Orwell, *Nineteen Eighty-Four* (Centennial ed. 2003) (1949)). Двое судей, высказавших особое мнение, выступали за защиту права на ложные высказывания, однако они также согласились, что регулирование ложных высказываний без существенных ограничений порождает опасный прецедент: «всеобщий характер ложных высказываний, будь то из благих мотивов или наоборот, случайных или осознанных, приводящих к ущербу или нет, дает государству орудие преследования, которых у него и без того достаточно». Там же. P. 734 (J. Breyer, особое мнение).

⁵¹ Там же. P. 723 (особое мнение).

⁵² См. там же; см. также [34, p. 383].

⁵³ Alvarez, 567 U.S., pp. 724–725 (мнение большинства).

⁵⁴ Там же. P. 730 (J. Breyer, особое мнение).

⁵⁵ Там же. Pp. 731–732.

⁵⁶ 408 U.S. 92 (1972).

⁵⁷ Там же. Pp. 95–96.

⁵⁸ См. там же.

⁵⁹ 135 S. Ct. 2218 (2015).

⁶⁰ Там же. P. 2222 (ссылаясь на *Ward v. Rock Against Racism*, 491 U.S. 781, 791 (1989)).

⁶¹ См. Reed, 135 S. Ct. at 2222.

сформулировать законодательство, регулирующее ограничение ложных сообщений, чтобы эти ситуации попадали под определение государственных интересов⁶². В деле Alvarez Верховный суд постановил, что защита целостности военных наград относится к таким интересам, но что соответствующий закон нельзя поддержать, потому что для достижения той же цели существуют менее запретительные меры⁶³. При этом обе группы судей – как оказавшиеся в большинстве, так и высказавшие особое мнение – согласились, что адекватной ответной мерой на ложь является истина⁶⁴. Исходя из принципов Милля, судья Энтони Кеннеди утверждал: «Исправить ложное сообщение можно истинным сообщением. В свободном обществе это обычный путь. Ответ неразумному – разумное, незнающему – просвещенное, беззастенчивой лжи – простая правда»⁶⁵. Критикуя закон Stolen Valor Act как патерналистский, судья Кеннеди заявил, что «только слабое общество нуждается в защите или вмешательстве со стороны государства для сохранения истины. Для утверждения истины не нужны ни наручники, ни эмблемы»⁶⁶.

Необходимость узко формулировать законы, регулирующие ограничение ложных сообщений, чтобы эти ситуации попадали под определение государственных интересов, является главным препятствием при введении этих законов, поскольку «ни одно законодательство не может создать закон, касающийся индивидуальной свободы слова, без того чтобы разрешить развитие дискурса в форме свободных и открытых дебатов» [35, pp. 740–741]. Таким образом, основное требование при рассмотрении ограничения по строгим стандартам – это «вопрос эффективности истины» [35, p. 741].

⁶² Citizens United v. FEC, 558 U.S. 310, 340 (2010).

⁶³ United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 724–726, 729 (2012) (мнение большинства) («Если правительство хочет регулировать свободу слова, то ограничения должны быть «минимальными среди имеющихся эффективных альтернатив» (ссылаясь на Ashcroft v. ACLU, 542 U.S. 656, 666 (2004))).

⁶⁴ Там же. P. 727; там же. P. 738 (J. Breyer, особое мнение).

⁶⁵ Там же. P. 727 (мнение большинства).

⁶⁶ Там же. P. 729.

С. Две точки зрения на регулирование ложных высказываний

Таким образом, расследование по строгим стандартам затрудняет регулирование ложных высказываний; однако существует ряд законов, которые конституционно регулируют их. В деле Alvarez судьи, выразившие особое мнение, утверждали, что «согласно многим законам и доктринам общего права, ложные высказывания определенного рода являются незаконными»⁶⁷. Эти законы не имеют тех конституционных недостатков, которые свойственны закону Stolen Valor Act, – последний не устанавливает требования доказуемого ущерба и какого-либо ограничительного принципа⁶⁸. Судья Breyer описал несколько допустимых ограничений, включая диффамацию и намеренное причинение морального вреда; обман потребителей и лжесвидетельство; ложные сообщения о террористических атаках и других бедствиях⁶⁹. Сужение зоны ответственности происходит преимущественно в трех направлениях: (1) «с помощью требования доказательства конкретного ущерба, причиненного определенным жертвам»; (2) «с помощью установления контекста, в котором вероятно причинение материального ущерба» и (3) «с помощью наложения ограничений только в тех сферах, где причинение вреда наиболее вероятно»⁷⁰.

Законы о диффамации, защите прав потребителей и намеренном причинении морального вреда относятся к первой категории, они требуют доказывания конкретного ущерба и рассматривают причинение репутационного, экономического, физического, эмоционального ущерба частным лицам, а также нарушение неприкосновенности частной жизни⁷¹. Лжесвидетельство – пример запрета из второй категории, поскольку ложь в зале суда не только может нанести ущерб свободам или имуществу другой стороны, но и затрагивает функционирование судебной системы⁷². К третьей категории относятся ложные сообщения о террористических атаках, так как это пример узкой

⁶⁷ Alvarez, 567 U.S. P. 734 (J. Breyer, особое мнение).

⁶⁸ См. выше разд. II.A.

⁶⁹ Alvarez, 567 U.S. Pp. 734–735 (J. Breyer, особое мнение).

⁷⁰ Там же. P. 734.

⁷¹ См. там же.

⁷² См. там же.

сферы, в которой ущерб может быть нанесен обществу, например, в виде возникшей паники⁷³.

Существуют и другие способы, которыми в праве описывается защита от ложной информации. Высокие барьеры для ответственности за ложные высказывания следует понимать как защиту ораторов, тогда как сами регулирующие нормы понимаются как защита слушателей. В разд. II.A.1 рассматривается стандарт «злого умысла», который защищает ораторов от ответственности за многие виды ложных высказываний. В разд. II.A.2 анализируются некоторые нормы относительно ложных высказываний в рамках подхода, защищающего слушателей от ложной информации.

1. Защита ораторов по принципам Милля

С помощью требования наличия *mens rea* (виновной воли) для наступления ответственности Верховный суд обезопасил ложные высказывания. В деле *New York Times Co. v. Sullivan*⁷⁴ – одном из первых дел, рассматривающих защиту ложных высказываний в сфере политики с помощью Первой поправки, – Верховный суд постановил, что ответчики лишь в том случае должны оплатить ущерб официальному лицу за клевету, если будет доказано, что ложное заявление было сделано «со злым умыслом», т. е. зная, что заявление ложно, или не заботясь о том, ложное ли оно⁷⁵. В деле *Sullivan* суд руководствовался теми же соображениями второго порядка, которые были подняты в деле *Alvarez* почти пятьдесят лет спустя, а именно что боязнь ответственности за ложное заявление при отсутствии необходимости доказывать злой умысел станет препятствием к выражению истины, «гася пыл любого оратора, кроме самых решительных и самых безответственных»⁷⁶. Таким образом, решение по делу *Sullivan* защищает ораторов от ничем не ограниченной ответственности за непреднамеренные ложные заявления и признает, что «ошибочные высказывания неизбежны при свободном обсуждении»⁷⁷. Суд подчеркнул, что защита ораторов, даже за счет других лиц, является фундаментальным требованием для

сохранения свободы дискурса⁷⁸. Позже, в деле *Gertz v. Robert Welch, Inc.* о диффамации, суд объяснил, что решение по делу *Sullivan* признает строгий стандарт ответственности, однако требовать от ответчиков гарантии точности каждого публичного заявления было бы требованием «недопустимой самоцензуры»⁷⁹. В этом случае ответчики, боясь возможных судебных издержек и возмещения ущерба, не могли бы сказать вообще ничего, кроме того, в чем уверены лично⁸⁰. Этот подход основан на принципе Милля, гласящем, что законы должны позволять ораторам вступать в свободные дебаты и снимать барьеры для участия в них⁸¹.

После дела *Sullivan* «злой умысел» стал ключевым элементом для наступления ответственности за ложную информацию. В деле *Alvarez* решение большинства еще раз подтвердило, что «ложность высказывания сама по себе не является достаточным основанием, чтобы вывести его из-под защиты Первой поправки», и что для назначения судом денежного штрафа или уголовного наказания «высказывание должно быть ложным осознанно или по небрежности»⁸². Поскольку злой умысел сложно доказать, этот прецедент часто позволяет ораторам уходить от ответственности, причинив ущерб ложными высказываниями.

Дело *Gertz* оставило открытым вопрос о возможности более ограничительных законов против ложных высказываний. Для наступления ответственности за диффамацию официального лица требуется доказательство «злого умысла», а в деле *Gertz* Верховный суд постановил, что достаточно доказательства «небрежности», если в деле затронуты частные лица и они могут доказать причинение ущерба⁸³. Суд объяснил свою позицию тем, что частные лица, по сравнению с официальными, имеют более ограниченный доступ к средствам коммуникации, через которые они могли бы исправить ложные или ошибочные

⁷³ См. там же. Pp. 734–735.

⁷⁴ 376 U.S. 254 (1964).

⁷⁵ Там же. Pp. 279–280.

⁷⁶ Там же. P. 282 (ссылаясь на *Barr v. Matteo*, 360 U.S. 564, 571 (1959)).

⁷⁷ Там же. P. 271.

⁷⁸ См. там же. Pp. 281–282.

⁷⁹ *Gertz v. Robert Welch, Inc.*, 418 U.S. 323, 340 (1974).

⁸⁰ См. там же.

⁸¹ См. выше разд. I.A.

⁸² *United States v. Alvarez*, 567 U.S. 709, 719 (2012) (мнение большинства).

⁸³ *Gertz*, 428 U.S. P. 349. Тем самым суд создал лазейку для диффамации в виде стандарта «небрежности». Там же. P. 361 (*Brennan, J.*, особое мнение) («Государство не может установить строгую ответственность за диффамацию...»).

заявления, а значит, имеют меньше возможностей снизить репутационный ущерб⁸⁴. Поскольку частные лица более уязвимы для таких видов ущерба, государство больше заинтересовано в защите частных лиц, чем официальных⁸⁵. В деле Gertz связываются неэффективность опровержений ложной информации и широкие возможности государства для ограничения свободы высказываний.

2. Защита слушателей по принципам Канта

В решении большинства по делу Alvarez не рассматривалась такая возможность, но государство может в рамках Конституции ограничить ложную информацию, обратив внимание на ее влияние на слушателей. В концепции рынка идей заложена возможность граждан полагаться на фактические высказывания при формировании обоснованных мнений. Свобода мнения не может существовать без фактической базы для этих мнений, поскольку «правда факта питает политическую мысль» [7, р. 29]⁸⁶. Защита слушателей очень важна для обеспечения их участия в демократическом дискурсе⁸⁷. Хотя Кант выступал конкретно против лжи, его аргументация может быть экстраполирована на более широкое понятие ошибочных сообщений. С точки зрения слушателей ложь неотличима от ошибочного высказывания, при этом и то и другое ущемляет их права на получение информации и их возможность формировать обоснованные мнения.

В рамках этого подхода интересы слушателей по получению верной информации ставятся выше интересов ораторов по свободе слова, в случае неравновесного влияния или неравноценного доступа к информации [36]. Этот подход можно «охарактеризовать как ситуацию, в которой ораторы имеют особый доступ к информации (или особую власть над ней), оставляя слушателей полагаться на свое свидетельство, так как слушатели не имеют возможности легко или быстро проверить сообщение другим способом» [9, р. 131]. Такое неравенство возникает,

когда ораторы создают информацию или сохраняют монополию над ней [36, р. 446].

В деле Alvarez судьи, выступившие с особым мнением, указывали на случаи регулирования ложных высказываний; среди этих случаев обман потребителей и лжесвидетельство служат примерами того, как ограничение свободы слова оправдано защитой слушателей. В законах о защите прав потребителей признается, что предприниматели имеют гораздо больше информации о своих товарах и услугах, чем потребители [36]. Из-за такого информационного неравенства потребители вынуждены полагаться на заявления предпринимателей при принятии решения о покупке, так как сами они зачастую не могут судить о качестве товаров и услуг [16, р. 61]. Невозможность для потребителей определить, правду ли говорят предприниматели, делает их особенно уязвимыми перед обманом, манипуляцией и причинением ущерба из-за ложной информации, сообщенной намеренно или по ошибке [36, р. 446].

В законах о лжесвидетельстве также рассматриваются аспекты информационного неравенства между ораторами и слушателями. В рамках судебного процесса судьи, присяжные и другие представители власти вынуждены полагаться на утверждения граждан, находящихся под присягой. Зачастую эти граждане обладают монополией на данную информацию, что еще больше подчеркивает необходимость защиты получателей информации, которые полагаются на их свидетельства при принятии важных решений.

В стандарте «реального вреда» воплощен подход Милля, который ориентирован на защиту ораторов; противоположный же подход в большей степени основан на принципах Канта, согласно которым ложь лишает слушателей возможности свободно принимать рациональные, обоснованные решения⁸⁸. Хотя в обеих интерпретациях запрета на ложные сообщения подчеркивается причинение реального или потенциального вреда, однако дела Sullivan и Gertz показали, что для наступления ответственности необходимо наличие *mens rea* (виновной воли). Это означает, что в настоящее время существует острая нехватка законодательных средств, способных предотвратить значительный вред от ложных высказываний.

⁸⁴ Там же. Р. 344 (мнение большинства).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См. также выше примечания 27–28 и соответствующий текст.

⁸⁷ См. [7, р. 34]. («Когнитивные способности необходимы как для разумного самоуправления, так и для оценки демократической законности»).

⁸⁸ См. выше разд. I.A.

III. МОЖНО ЛИ СОВМЕСТИТЬ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПЕРВОЙ ПОПРАВКИ

Поскольку фейковые новости можно так легко создать и быстро распространить и они потребляются в больших количествах, то их регулирование, вероятно, будет еще долго отсутствовать. Ученые и законодатели выдвинули уже несколько предложений по борьбе с этой проблемой. В разд. III.A предложенные решения анализируются как с точки зрения практики, так и их конституционности. В разд. III.B обсуждается, можно ли совместить регулирование свободы слова с требованиями Первой поправки, которые были описаны в разд. II.

А. Неэффективность ранее предложенных решений

В данном разделе мы рассмотрим, почему предложенные решения по проблеме фейковых новостей не способны с ней справиться. В разд. III.A.1 объясняется, почему предложения, не ограничивающие ложные высказывания, не будут иметь существенного влияния на рынок ложной информации, а в разд. III.B – почему предлагаемые способы ограничения ложных высказываний не пройдут стандарт строгого рассмотрения.

1. Неадекватность предлагаемых решений, не ограничивающих ложные высказывания

Решения, не предусматривающие ограничение ложных высказываний на основе их ложности, почти наверняка пройдут проверку на конституционность, однако они вряд ли окажут значительное влияние на фейковые новости. Выдвигалось предположение, что вред от фейковых новостей можно снизить с помощью образовательных программ, посвященных медиаграмотности или важности перепроверки фактов [37, р. 171; 25, р. 11]. Такие программы могли бы повысить уровень скептицизма по отношению к содержанию новостей в Сети и научить граждан критически анализировать их корректность [37, р. 171]. Однако усилия по объяснению важности перепроверки фактов вряд ли будут эффективными, потому что потребители уже знают о том, что среди новостей превалирует дезинформация⁸⁹. Более того, обучение граждан распознавать

фальшивые новости не приведет к успеху потому, что они получают фейковые новости из множества различных источников, количество которых часто превышает число законных источников, поэтому проверка фактов превращается в сложный и запутанный процесс⁹⁰.

Еще одно предложение – ввести этический кодекс для кандидатов на политические посты, чтобы избирательные кампании проходили честно [11, р. 1069]. Те кандидаты, которые заявят о своей поддержке этического кодекса, будут добровольно проверяться на соблюдение этики особым органом [11]. Такой этический кодекс не станет эффективным средством борьбы с фейковыми новостями, поскольку некоторые из таких новостей исходят от самих политических деятелей или кандидатов, но многие создаются третьими сторонами⁹¹. Кроме того, кандидаты, которые уже распространяют ложные сообщения, не захотят подчиняться этическому кодексу, особенно если не будет никакого механизма принуждения к этому [11, р. 1068].

Многие правоведы считают, что изменение § 230 Акта о соблюдении приличий в СМИ (Communications Decency Act, CDA)⁹², согласно которому провайдеры онлайн-контента освобождаются от ответственности за распространение незаконного контента пользователей, может стать эффективным способом контроля над производством и распространением онлайн-контента [38, pp. 453–455]. Те, кто печатает или перепечатывает деликтные или незаконные высказывания на бумаге, несут за это ответственность, однако социальные медиа имеют полный иммунитет согласно закону CDA, даже если их платформы поощряют размещение незаконного контента пользователями⁹³. Если § 230 будет изменен, то социальным медиа придется принимать соответствующие меры против незаконного контента, размещенного их пользователями, иначе сами медиа будут нести ответственность [38, р. 471]. Такая угроза гражданской ответственности могла бы уменьшить проблему фейковых новостей, так как у провайдеров онлайн-контента появилась бы заинтересованность в удалении ложных или оскорбительных сообщений [40, р. 687]. Изменение § 230 CDA в сторону ограничения иммунитета социальных медиа, которые активно

⁸⁹ См. выше примечание 17 и соответствующий текст.

⁹⁰ См. выше примечания 12–13 и соответствующий текст.

⁹¹ См. выше разд. I.B.1.

⁹² 47 U.S.C. § 230 (2012 & Supp. 2017).

⁹³ [38, pp. 455–456; 39, pp. 4–6].

поощряют или пассивно разрешают размещение незаконных высказываний на своих платформах, стало бы хорошей отправной точкой в борьбе с фейковыми новостями.

Первоначально § 230 был создан для того, чтобы побудить интернет-издателей принимать добровольные меры для регулирования своего контента; при этом не предусматривалось никакой ответственности ни за чрезмерное, ни за недостаточное отслеживание контента с целью отсеять незаконный, противоправный или иной нежелательный контент [38, pp. 457–458]. Эту первоначальную задачу могла бы вернуть обсуждаемая поправка к § 230, согласно которой эти компании должны принимать меры к скрытию и удалению незаконного контента. Тем самым в рамках закона будет создана мотивация, чтобы издатели удаляли деликтные или незаконные высказывания со своих платформ, иначе они будут нести ответственность за их размещение [41, p. 420]. Требование добровольного цензурирования контента включает в себя фейковые новости, поскольку онлайн-издатели будут вынуждены удалять дискредитирующие высказывания, передаваемые другими лицами. Таким образом, у издателей появляется стимул не позволять уже первичное размещение таких высказываний. Онлайн-платформы могут настроить свои сайты таким образом, чтобы сохранить и неприкосновенность личной информации, и свободу самовыражения [42], поэтому требование обоснованности вкупе с уже существующими мерами защиты от чрезмерного цензурирования могло бы побудить эти компании блокировать ботов или известные вредоносные сайты, которые размещают соответствующий контент.

Вместе с тем сомнительно, что одним только изменением § 230 можно уничтожить распространение фейковых новостей в Сети. Угрозы дорогостоящих судебных разбирательств могло быть достаточно, чтобы побудить компании социальных медиа удалять дискредитирующий контент, размещенный их пользователями, однако этому мешает существующее требование доказательства злого умысла. На практике только крупные частные игроки, имеющие значительные финансовые ресурсы, будут инициировать судебное преследование против социальных медиагигантов, так как доказать злой умысел очень сложно. Более того, по существующему законодательству США применяется только к фейковым новостям дискредитирующего

характера: издатель может понести ответственность за ложные высказывания, причиняющие ущерб конкретному лицу, но не вред в целом [13, p. 156]. По действующему законодательству фейковые новости, наносящие вред путем нарушения процедуры выборов или создания конспирологических теорий, не влекут за собой ответственности, поэтому даже измененный § 230 не сможет заставить онлайн-издателей блокировать такой контент.

Другая идея, направленная против онлайн-издателей, – применить к онлайн-рекламе требования по раскрытию источников [10, pp. 217–218]. Такой закон требовал бы при размещении платного контента, предоставленного третьей стороной, давать потребителям информацию об источнике оплаты [43, pp. 685–689]. Подобные законы уже действуют применительно к трансляционным медиа; требование раскрытия источников платного онлайн-контента позволит пользователям точнее оценивать истинность контента [44, p. 282]. Имея больше информации о спонсорах контента, пользователи социальных медиа в Сети смогли бы лучше оценивать, «откуда исходит информация, какие ценности она может представлять и чьи интересы обслуживать» [43, p. 665].

Требование раскрытия информации о платных сообщениях в Сети полезно само по себе, но оно не может полностью решить проблему фейковых новостей. Хотя информация об источнике контента поможет пользователям лучше судить о его валидности [44, p. 282], фейковые истории, быстро и широко распространяющиеся по социальным медиа, часто являются бесплатным контентом [43, pp. 690–691]. Раскрытие информации о финансировании могло бы предотвратить манипуляции со стороны иностранных агентов, использующих платный контент для влияния на выборы, но в остальных случаях оно имеет незначительный эффект. Кроме того, анонимность высказываний находится под сильной защитой [43], так что неясно, выдержит ли данное требование проверку на конституционность.

2. Неконституционность предлагаемых решений, ограничивающих ложные высказывания

Вышеперечисленные предложения направлены на ограничение потока фейковых новостей путем влияния на их последствия или на площадки, где они распространяются; другие предложения стремятся

воздействовать на сами фейковые высказывания. Так, некоторые штаты попытались бороться с вредоносным влиянием фейковых новостей на демократию путем ограничения ложных высказываний вокруг выборов [13, pp. 158–161]. Было заявлено, что запрет ложной платной политической рекламы или материалов для предвыборной кампании может стать решением проблемы фейковых новостей; такие запреты были введены в нескольких штатах [11, pp. 1058–1059]. В одном из предложенных законов запрещалась клевета во время избирательной кампании [45]. В другом устанавливалось уголовное наказание за ложные высказывания об избирательных инициативах [13, pp. 169–170]. Еще одно предложение – запретить ложные высказывания о проведении выборов, например, о времени, месте и порядке голосования [46, pp. 222–223]. Такие законы призваны защитить избирателей от манипуляций, снижающих явку на выборы⁹⁴.

Эти предложения по ограничению ложных высказываний неприменимы в контексте борьбы с фейковыми новостями, так как они не могут остановить их распространение, а кроме того, противоречат Первой поправке и не проходят проверку на конституционность, описанную в разд. II. Запрет ложной платной политической рекламы, уже введенный в нескольких штатах, имеет сходство с предложениями о раскрытии информации об источниках финансирования такой рекламы в том, что ни то, ни другое не станет достаточным для исправления вреда, наносимого фейковыми новостями. Как отмечалось выше, проблема фейковых новостей не связана напрямую с ложной рекламой, потому что обычно ложные высказывания делаются в форме бесплатного контента, распространяемого под видом настоящих новостей⁹⁵. Запреты на ложную политическую рекламу предусматривают необходимость доказывания злого умысла или конкретного намерения, что затрудняет привлечение к ответственности ее создателей [47, pp. 149–150]. Однако основным возражением против этих законов является наложение ими уголовной ответственности [47, pp. 149–150 pp. 53–56]. Дело Alvarez ясно показало, что наложение уголовной ответственности за ложные политические высказывания недопустимо, поскольку открывает возможности

для злоупотреблений со стороны государства⁹⁶. Угроза уголовного преследования ораторов, использующих платную рекламу для передачи политических идей, – особенно при отсутствии необходимости доказывать нанесенный ими материальный ущерб – станет барьером для истинных высказываний, а значит, такие законы не пройдут проверку на конституционность. До настоящего времени такие законы отвергались судами в тех штатах, где проходили судебные процессы по соответствующим делам [47, p. 150].

Аналогичным образом законы о ложных высказываниях, касающихся выборов, вероятно, окажутся не соответствующими Конституции. В деле Alvarez было показано, что криминализация ложных политических выступлений, включая высказывания о подсчете голосов и о процедуре голосования, противоречит Конституции, поскольку дает возможность правительству преследовать за любую критику⁹⁷, хотя введение обязанности доказывать материальный ущерб могло бы спасти эти законы от юридического аннулирования⁹⁸. Но даже в этом случае ложные заявления о подсчете голосов и процедуре голосования представляют собой лишь малую часть проблемы; необходимо, чтобы ограничение ложных высказываний применялось к гораздо более широкому кругу фейковых новостей.

Некоторые из предложений, перечисленных в данном разделе, например, изменение закона CDA, введение требований раскрытия информации для онлайн-рекламы, запрет ложных высказываний, касающихся выборов, если они не противоречат Конституции, должны быть введены в действие, так как они частично решают проблему фейковых новостей. Однако ученые не могут предложить конституционно приемлемого всеобъемлющего решения для этой проблемы. Отсюда возникает вопрос, возможно ли напрямую регулировать фейковые новости, не нарушая право на свободу слова, постулированное Первой поправкой.

В. Невозможность напрямую ограничить распространение фейковых новостей

Строгие рамки, установленные решением по делу Alvarez, оставляют мало возможностей для регулирования фейковых новостей. В деле Alvarez

⁹⁴ См. выше примечание 9 и соответствующий текст.

⁹⁵ См. выше разд. I.B.

⁹⁶ См. выше примечание 52 и соответствующий текст.

⁹⁷ См. выше примечание 51 и соответствующий текст.

⁹⁸ См. выше примечания 44–45 и соответствующий текст.

окончательно проявилась несостоятельность закона Stolen Valor Act, так как, по мнению государства, ложные заявления о военных заслугах представляют меньшую проблему, чем регулирование ложных заявлений в духе «Министерства правды»⁹⁹. Другими словами, проблема регулирования фейковых новостей включает в себя «выбор меньшего из зол» между вредом от ложной информации и возможным ограничением свободы слова [20, р. 195]. Таким образом, регулирование с большей вероятностью пройдет конституционный контроль, если вред от фейковых новостей будет «особенно значительным и если риск злоупотреблений со стороны государства будет каким-то образом существенно ограничен» [20].

Поскольку пользователи не могут различить издателей, публикующих фейковые новости со злым умыслом и по ошибке, и результатом становится одинаковое заблуждение и недоверие, то эффективное средство против фейковых новостей должно защищать от всех их видов в равной степени. Регулирование фейковых новостей на основе их ложности потребует строгой системы доказательств. Верховный суд признал, что «в нашей практике законы редко выдерживали проверку по строгим стандартам»¹⁰⁰, однако эту проверку выдержал целый ряд ограничений против ложных высказываний, как было показано в разд. II.B¹⁰¹. Государство крайне заинтересовано в том, чтобы обосновать необходимость регулирования, включая обеспечение выбора достойных кандидатов избирателями, защиту избирателей от мошенничества, которое не даст им проголосовать, защиту выборов от иностранного вмешательства, поддержку сильной прессы как средства борьбы с коррупцией на государственном уровне, поддержку рынка идей, – и все это находится под угрозой из-за фейковых новостей¹⁰². Таким образом, чтобы пройти проверку на конституционность, закон должен быть достаточно узко нацелен на обеспечение этих государственных интересов. Как было показано ранее, одной из минимально ограничительных мер

является опровержение ложной информации с помощью правдивой, поэтому конституциональность ограничений на ложные высказывания будет зависеть от эффективности истинных.

В деле Alvarez суд переоценил эффективность опровержения. Хотя и большинство, и меньшинство судей в этом деле отмечали, что закон Stolen Valor Act не является узко нацеленным, так как существует менее ограничительная мера, чем уголовное преследование, а именно создание базы данных лиц, имеющих военные награды, однако их утверждение, что опровержение является эффективной мерой, было ошибочным¹⁰³. В подтверждение эффективности этой меры судья Кеннеди цитировал слова судьи Холмса о концепции рынка идей: «Наша Конституция основана на том, что “лучшей проверкой истинности идеи будет выигрыш этой идеи в конкурентной рыночной борьбе”»¹⁰⁴. Однако такое понимание рынка идей ошибочно: то, что обогащает обсуждение и позволяет гражданам принимать обоснованные решения при голосовании, – это свободный обмен идеями, а не фактами¹⁰⁵. Судьи, занявшие позицию меньшинства в этом деле, также неверно поняли слова как судьи Холмса, так и Милля, когда утверждали, что ложное изложение фактов добавляет ценности политическим дебатам¹⁰⁶. Утверждение суда, что опровержение является адекватным средством против ложных высказываний, не только основано на неверно интерпретированных философских теориях, но также игнорирует ту сложность, что на рынке фактов истина не всегда превалирует¹⁰⁷.

¹⁰³ См. United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 729 (2012) (мнение большинства).

¹⁰⁴ Там же, р. 728 (ссылаясь на Abrams v. United States, 250 U.S. 616, 630 (1919) (J. Holmes, особое мнение)).

¹⁰⁵ См. выше разд. I.A.

¹⁰⁶ Судья Брейер пишет, что «ложные фактические утверждения с меньшей вероятностью, чем истинные фактические утверждения, вносят ценный вклад в рынок идей». Alvarez, 567 U.S., р. 732 (J. Breyer, особое мнение). Позже судья Брейер цитирует Милля в поддержку своего положения, что рассмотрение ложного фактического утверждения может «подтолкнуть к мысли, которая приведет к истине». Там же, р. 733. Здесь не только неверно понимается свободный обмен идеями как механизм поиска истины, но и игнорируется давний прецедент, согласно которому ложное фактическое утверждение, которое разумный человек считает истинным, не имеет никакой конституционной ценности. См. там же. Pp. 746–747 (J. Alito, особое мнение); Gertz v. Robert Welch, Inc., 418 U.S. 323, 340–41 (1974).

¹⁰⁷ См. выше разд. I.B.

⁹⁹ См. выше примечание 50 и соответствующий текст.

¹⁰⁰ Burson v. Freeman, 504 U.S. 191, 211 (1992) (утверждалось, что закон, запрещающий агитацию и показ агитационных материалов в радиусе 100 футов от места голосования, прошел проверку на конституционность).

¹⁰¹ См. выше разд. II.B.

¹⁰² См. выше разд. I.B.

Сообщение истины не является эффективной мерой против фейковых новостей, потому что люди не «потребляют» больше истинных новостей, чем ложных. Свободный обмен идеями может привести к открытию идеологической «истины», как считал когда-то Милль¹⁰⁸, но свободный обмен фактами препятствует этому. Поскольку фейковые новости кажутся истинными, нацелены на людей, подверженных обману, и распространяются быстрее, чем законные новости, постольку опровержения бессильны на рынке фактов: как может истина одержать победу над ложью, если люди не могут отличить одно от другого? Доктрина опровержений не учитывает новых технологических способов потребления новостей, а также психологических предпосылок, заставляющих людей держаться за свои ошибочные убеждения, даже когда им предъявляют доказательства обратного [16, pp. 67–68]. Действуя во многом аналогично рынку товаров, рынок идей может убедить потребителей «купить» информацию, «упакованную» в соответствии с их поверхностными предпочтениями, вместо действительно ценной для них информации [8, p. 503]. Научные исследования показывают, что на то, какие факты человек «купит» на рынке информации, влияет множество факторов, совершенно не зависящих от качества информации [48]¹⁰⁹. Метафора рынка идей также не подходит для понимания принципа свободы слова, потому что изначально предполагается, что участники добросовестно стремятся найти «истину»¹¹⁰. В реальности мы видим множество недобросовестных ораторов,

которые продвигают различные идеи в собственных корыстных целях, а не для увеличения общественного блага. Все это приводит к неэффективности рынка идей, во многом так же, как и на обычных экономических рынках.

Кроме того, правдивые опровержения неспособны повлиять на иные виды вреда, наносимого фейковыми новостями. Доказывая доктрину эффективности опровержений, суд в деле Alvarez не смог показать, как меры защиты слушателей служат целям рынка идей, а именно дают возможность гражданам формировать обоснованные мнения в демократическом обществе. Так же, как ложные сообщения подрывают доверие читателей к прессе [9, p. 139], их неконтролируемое распространение в сетях вызовет недоверие и к онлайн-медиа. Опровержение не сможет восстановить доверие читателей к источнику информации. Если эта проблема не будет решена, то упадок традиционных медиа продолжится, а значит, будет снижаться их способность контролировать работу правительства¹¹¹. Поскольку метод опровержений не способен предотвратить широкое распространение обмана и недоверия, значит, более ограничительная альтернатива становится конституционно приемлемой.

В теории закон может стать узко направленным при помощи ряда способов, ограничивающих ответственность с целью предотвращения злоупотреблений со стороны государства. Один из таких способов – требование доказательства материального ущерба¹¹². В деле Alvarez суд постановил, что, хотя совокупность ложных заявлений о наличии военных заслуг может понизить их ценность, но единичное подобное заявление, вероятно, не будет иметь значительных вредных последствий¹¹³. Аналогичным образом, хотя каждая фейковая новость наносит вред демократии, однако не каждая ложь причиняет существенный ущерб. Ответственность за фейковые новости может быть ограничена теми случаями, которые привели к определенному объему отклика социальных медиа,

¹⁰⁸ См. выше разд. I.A.

¹⁰⁹ Профессор Schauer отметил: «Помимо истины, огромное множество факторов влияют на то, какое суждение будет принято или отвергнуто отдельным человеком или группой людей, – харизма, авторитет, убедительность оратора; соответствие суждения имеющимся убеждениям слушателя; соответствие между тем, что говорится, и тем, во что, по мнению слушателя, верят другие слушатели; то, как часто произносится данное суждение; подкрепление суждения визуальными или аудиальными элементами; степень удовлетворенности слушателя тем, что он услышал, независимо от содержания; и еще бесчисленное количество других. Если мы изучим все множество этих факторов, то поймем, что верить в превосходство правды над всей этой массой факторов – это то же самое, что верить в непоколебимую рациональность человека и сознательно игнорировать множество научных и маркетинговых исследований, доказывающих обратное» [48, p. 909].

¹¹⁰ См. выше примечание 6 и соответствующий текст.

¹¹¹ См. выше разд. I.B.

¹¹² См. выше примечание 45 и соответствующий текст.

¹¹³ United States v. Alvarez, 567 U.S. 709, 725–726 (2012) (мнение большинства). Отметим фразу о лжи, «сказанной чуть слышным шепотом». См. выше примечание 50 и соответствующий текст.

при условии что определенное количество лайков, репостов или комментариев свидетельствует о значительном нарушении политического дискурса.

Кроме того, действие закона может быть ограничено по аспекту времени или площадки для выступления. Так, в 2016 г. фейковые новости особенно широко распространились в последние три месяца президентской предвыборной кампании [19], таким образом, ограничения относительно ложных сообщений могут действовать только в последние месяцы перед основным этапом выборов. Поскольку ошибки в открытом дискурсе неизбежны¹¹⁴, запрет должен действовать только относительно опубликованных ложных заявлений. Помимо этого, можно ограничить действие закона лишь площадками социальных медиа или веб-сайтами с определенным количеством подписчиков.

Хотя в теории описанное регулирование фейковых новостей может совпадать с интерпретацией Первой поправки, данной судом по делу Alvarez, на практике любое подобное регулирование вряд ли окажется одновременно конституционным и эффективным. Гражданское или уголовное преследование издателей фейковых новостей потребует доказывания злого умысла, что нереально в случае фейковых новостей, распространяемых онлайн из множества неизвестных источников. Рассуждая абстрактно, закон мог бы избежать требования доказывания злого умысла и установить ответственность за распространение фейковых новостей, при этом не нарушая свободы слова¹¹⁵, путем признания символического ущерба: например, суд может вынести заключение о ложности высказывания¹¹⁶. Однако такой закон вряд ли остановит издателей от создания и размещения ложных сообщений, а также не возместит вред, причиненный множеству пользователей социальных медиа, которые уже увидели данный контент и поверили ему. Более того, любой прямой запрет фейковых новостей чрезвычайно затруднен юридическими барьерами,

существующими вокруг Первой поправки. Не доказав причинение вреда конкретно и детально, истец не сможет подать иск в федеральный суд против издателей фейковых новостей, а значит, вред, нанесенный демократическим институтам в целом, не станет предметом судебного разбирательства¹¹⁷. Иски штатов против онлайн-издателей будут, вероятно, отклонены на основании § 230, а значит, их будет невозможно привлечь к ответственности в штатах с мягкими стандартами судебных процедур¹¹⁸.

Итак, Верховный суд не предложил никакой существенной защиты для слушателей в рамках Первой поправки, а государство не смогло ограничить ложные высказывания в деле Alvarez. Это означает, что необходим совершенно новый подход к борьбе против фейковых новостей.

IV. ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Решение проблемы фейковых новостей должно поддерживать функцию рынка идей, состоящую в поиске истины. Это возможно сделать, только объединив защиту по принципу Милля, позволяющую ораторам участвовать в общественном дискурсе, не опасаясь преследований, и защиту по принципу Канта, позволяющую слушателям получать достоверную информацию и формировать свое мнение. Объединив оба эти подхода, закон, регулирующий фейковые новости, должен гарантировать, что «все, достойное высказывания, будет высказано»¹¹⁹. При этом он должен также бороться с неэффективностью рынка, вызванной недобросовестными ораторами, которые стремятся обманывать и манипулировать слушателями, а не участвовать в поиске идеологической истины и создании общественного блага¹²⁰.

Одним из возможных способов достижения этого равновесия между защитой ораторов и слушателей является лицензирование профессиональных жур-

¹¹⁴ См. выше примечание 77 и соответствующий текст.

¹¹⁵ См. выше разд. II.C. 1.

¹¹⁶ См. Dun & Bradstreet, Inc. v. Greenmoss Builders, Inc., 472 U.S. 749, 768 n. 2 (1985) (J. White, особое мнение) («Таким образом, я не вижу ничего в Конституции, что помешало бы истцу получить заключение суда о ложности высказывания, а затем использовать это заключение для восстановления своей репутации и предотвращения дальнейшего вреда...»).

¹¹⁷ См. Lujan v. Defenders of Wildlife, 504 U.S. 555, 559–562 (1992).

¹¹⁸ 47 U.S.C. § 230(e)(3) (2012) («Ни один закон штата или местный закон не может служить основанием иска или привлечения к ответственности, если он противоречит данному разделу»).

¹¹⁹ См. выше примечание 30 и соответствующий текст.

¹²⁰ См. выше примечание 6 и соответствующий текст.

налистов по тем же принципам, что и работников других профессий. Это оправдано особым доступом к информации, который имеют журналисты. Аналогично тому, как к специализированной юридической информации имеют доступ только юристы, к медицинской – врачи, обычные люди не могут самостоятельно оценить качество информации на рынке фактов¹²¹. Поскольку профессионалы выполняют важные функции, недоступные другим, их клиенты «имеют право полагаться на истинность и точность суждений профессионалов» [7, р. 47]. Подобным образом журналисты часто обладают ресурсами для расследований и привилегиями прессы, которые дают им информацию, недоступную для других; как и клиенты других профессий, потребители медиа должны иметь возможность доверять журналистам и полагаться на достоверность информации, которую те распространяют как посредники между источником информации и потребителем медиа¹²². От юристов и врачей ожидают, что они будут ставить интересы своих клиентов выше своих собственных, потому что выполняют важные функции, увеличивающие общественное благо [7, pp. 47–48]. Следовательно, журналисты также должны ставить интересы своих слушателей выше собственных, так как их роль в качестве защитников демократического дискурса крайне важна¹²³.

Введение ограничений для журналистов, подобно представителям других профессий, усилит защиту слушателей, сохраняя тот же уровень участия ораторов на рынке идей. Во-первых, лицензированные журналисты должны будут подчиняться дисциплинарным нормам, включая этические стандарты. Согласно этим нормам, журналисты должны будут при исполнении своих профессиональных обязанностей тщательно исследовать факты и точно передавать полученную информацию. Подобный этический кодекс поможет уменьшить проблему фейковых новостей путем обеспечения граждан надежными источниками фактической информации. Поскольку простые граждане не могут отличить фейковые новости и проверить их источник, должна сложиться группа одобренных государством, но не принадлежа-

щих ему лицензированных журналистов и новостных компаний, которая позволит гражданам полагаться на информацию, которую они получают из этих источников. Восстановление доверия к законным СМИ также усилило бы их способность контролировать действия правительства и снизило бы разрушительное влияние фейковых новостей на общественное мнение¹²⁴.

Во-вторых, лицензированные журналисты должны будут повышать свою квалификацию в течение всей профессиональной карьеры. Продолжение образования в сфере сбора информации с помощью новых технологий и передового опыта, обучение тому, как избегать манипуляций со стороны недобросовестных участников станет гарантией того, что общество будет получать от журналистов фактическую информацию высокого качества. Такая информация лучше послужит демократии, так как повысит способность граждан принимать обоснованные решения¹²⁵.

Наконец, перечисленные нормы не станут препятствием для публикации новостей нежурналистами. Это значит, что рядовые граждане смогут добавить свои, ценные или нет, идеи на рынок идей, не опасаясь преследования или надзора со стороны государства¹²⁶. Ораторы сохранят полную свободу делиться информацией. Однако слушатели уже не будут подвержены манипуляциям со стороны распространителей ложных сообщений, поскольку у них будут надежные, лицензированные государством источники, к которым можно обратиться при принятии решений. Чтобы журналисты могли выступать свободно как простые граждане, они должны будут сообщать, что в конкретный момент выступают не в своей профессиональной роли.

Те лицензированные журналисты, которые нарушат этический кодекс или не выполнят требование непрерывного образования, должны будут предстать перед советами штата. Если выяснится, что они нарушили правила по небрежности, они не будут подвергаться гражданским штрафам или уголовному преследованию, а их нарушение будет рассматриваться как

¹²¹ См. выше примечания 14–18 и соответствующий текст.

¹²² См. выше примечание 22 и соответствующий текст.

¹²³ См. выше примечание 19 и соответствующий текст.

¹²⁴ См. выше примечание 20 и соответствующий текст.

¹²⁵ См. выше примечание 8 и соответствующий текст.

¹²⁶ См. выше примечания 47–52 и соответствующий текст.

издержки свободы слова¹²⁷. Вместо этого они лишаются лицензии на профессию, но смогут публиковаться как рядовые граждане.

Хотя регулирование профессиональной деятельности обычно не входит в зону действия Первой поправки [7, р. 53], такой режим может быть воспринят как регулирование свободы слова на основе содержания, поскольку он является дискриминирующим по отношению к ложному контенту. Однако он, вероятно, пройдет проверку по строгим стандартам. Этический надзор над журналистами отвечает интересам государства по обеспечению свободного и открытого дискурса и защите честных выборов¹²⁸. Поскольку метод опровержений неэффективен в борьбе с фейковыми новостями¹²⁹, такой, чуть более ограничительный, метод является допустимым. Он достаточно узконаправлен, чтобы отвечать вышеупомянутым государственным интересам, поскольку призван бороться с доказуемым вредом, наносимым демократии, и не ограничивает свободу слова через угрозу гражданской или уголовной ответственности тех, кто делает ложные политические заявления.

Заключение

Проблема фейковых новостей несет в себе целый ряд угроз демократии США, поскольку подрывает возможность для граждан полагаться на источники информации и их способность формировать осознанное мнение и принимать рациональные решения. Как информированная общественность, так и сильная пресса чрезвычайно важны для демократического самоуправления. Фейковые новости угрожают демократии, делая граждан уязвимыми перед манипуляциями, которые могут заставить их голосовать против своих интересов, принимать необоснованные убеждения или утратить доверие к законным СМИ. Хотя Первая поправка защищает право на ложные высказывания, ее основная цель состоит в обеспечении эффективности и развития рынка идей. С этой целью вступают в противоречие широкие меры защиты фейковых новостей, которые признаны вредоносными и не имеющими ценности с точки зрения Конституции. Приемлемым способом борьбы с фейковыми новостями, остающимся в рамках Первой поправки, могло бы стать законодательное лицензирование профессиональных журналистов.

Список литературы / References

1. Emery D. Did the 1938 Radio Broadcast of 'War of the Worlds' Cause a Nationwide Panic?, *SNOPE*, 2016, Oct. 28, available at: <https://www.snopes.com/fact-check/war-of-the-worlds/>
2. Keith T. How Trump Tries to Discredit What He Doesn't Like with 'Fake' and 'Phony' Labels, *NPR*, 2018, Aug. 31, available at: <https://www.npr.org/2018/08/31/643798637/how-trump-tries-to-discredit-what-he-doesnt-like-with-fake-and-phony-labels> [<https://perma.cc/S5DU-M68Z>]
3. Mill J. S. On Liberty, *On liberty, utilitarianism and other essays*, 2015, Vol. 5, No. 15, pp. 18–54.
4. Bezemek C. The Epistemic Neutrality of the "Marketplace of Ideas": Milton, Mill, Brandeis, and Holmes on Falsehood and Freedom of Speech, *First Amend. L. Rev.*, 2015, Vol. 14, p. 166.
5. Kant I. On a Supposed Right to Lie Because of Philanthropic Concerns, *Ethical Philosophy*, Vol. 162, 1994.
6. Varat J. D. Deception and the First Amendment: A Central, Complex, and Somewhat Curious Relationship, *Ucla L. Rev.*, 2006, Vol. 53, pp. 1107, 1114.
7. Post R. C. *Democracy, expertise, and academic freedom: a First amendment jurisprudence for the modern state*, New Haven; London, Yale Univ. Press, 2012, 177 p.
8. Hundley A. C. Fake News and the First Amendment: How False Political Speech Kills the Marketplace of Ideas, *Tul. L. Rev.*, 2017, Vol. 92, pp. 497–518.
9. Shiffrin S. V. *Speech Matters: on lying, morality, and the law*, Princeton University Press, 2014.
10. Hasen R. L. Cheap Speech and What It Has Done (to American Democracy), *First Amend. L. Rev.*, 2017, Vol. 16, pp. 200, 201.
11. Lieffring S. First Amendment and the Right to Lie: Regulating Knowingly False Campaign Speech After United States v. Alvarez, *Minnesota Law Review*, 2013, Vol. 97, No. 3, pp. 1047–1078.

¹²⁷ См. выше примечания 50–51, 82 и соответствующий текст.

¹²⁸ См. выше разд. I.B.

¹²⁹ См. выше разд. III.B.

12. Persily N. Can Democracy Survive the Internet?, *J. Democracy*, 2017, Vol. 28, p. 63.
13. Kruse B. The Truth in Masquerade: Regulating False Ballot Proposition Ads Through State Anti-False Speech Statutes, *Calif. L. Rev.*, 2001, Vol. 89, p. 129.
14. Varat J. D. Truth, Courage, and Other Human Dispositions: Reflections on Falsehoods and the First Amendment, *Okla. L. Rev.*, 2018, Vol. 71, p. 35.
15. Pauli C. "Fake News," No News, and the Needs of Local Communities, *How. L. J.*, 2018, Vol. 61, p. 563.
16. Napoli P. M. What if More Speech Is No Longer the Solution? First Amendment Theory Meets Fake News and the Filter Bubble, *Fed. Comm. L. J.*, 2018, Vol. 70, p. 55.
17. Waldman A. E. The Marketplace of Fake News, *U. Pa. J. Const. L.*, 2018, Vol. 20, p. 845.
18. Soroush Vosoughi, al. e. The Spread of True and False News Online, *Science*, 2018, Vol. 359, p. 1146.
19. Silverman C. This Analysis Shows How Viral Election News Stories Outperformed Real News on Facebook, *Buzzfeed News*, 2016, Nov. 16, available at: <https://www.buzzfeednews.com/article/craigsilverman/viral-fake-election-news-outperformed-real-news-on-facebook> [<https://perma.cc/JV6F-QJPD>].
20. Han D. S. Conspiracy Theories and the Marketplace of Facts, *First Amend. L. Rev.*, 2017, Vol. 16, p. 178.
21. Kang C. Fake News Onslaught Targets Pizzeria as Nest of Child-Trafficking, *N. Y. Times*, 2016, Nov. 21.
22. Roose K. 'False Flag' Theory on Pipe Bombs Zooms from Right-Wing Fringe to Mainstream, *N. Y. Times*, 2018, Oct. 25, available at: <https://www.nytimes.com/2018/10/25/business/false-flag-theory-bombs-conservative-media.html> [<https://perma.cc/M66U-TNL3>].
23. Scott Shane M. M. The Plot to Subvert an Election: Unraveling the Russia Story So Far, *N. Y. Times*, 2018, Sept. 20.
24. Osnos E. Can Mark Zuckerberg Fix Facebook Before It Breaks Democracy?, *New Yorker*, 2018, Sept. 17, available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/09/17/can-mark-zuckerberg-fix-facebook-before-it-breaks-democracy> [<https://perma.cc/558E-ZCES>].
25. Fighting Fake News, *Yale L. Sch.*
26. Jones J. M. Americans: Much Misinformation, Bias, Inaccuracy in News, *Gallup*, 2018, June 20, available at: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/235796/americans-misinformation-bias-inaccuracy-news.aspx> [<https://perma.cc/6AJ8-BJA4>].
27. Swift A. Americans' Trust in Mass Media Sinks to New Low, *Gallup*, 2016, Sept. 14, available at: <http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx> [<https://perma.cc/9AQW-W2Z5>].
28. Jeffrey M. Jones Z. R. Americans Struggle to Navigate the Modern Media Landscape, *Gallup*, 2018, Jan. 23, available at: <https://news.gallup.com/poll/226157/americans-struggle-navigate-modern-media-landscape.aspx> [<https://perma.cc/NV6T-LAZR>].
29. Zacc Ritter Jeffrey M. Jones. Media Seen as Key to Democracy but Not Supporting It Well, *Gallup*, 2018, Jan. 16, available at: <https://news.gallup.com/poll/225470/media-seen-key-democracy-not-supporting.aspx> [<https://perma.cc/459P-T8GY>].
30. Norton H. The Government's Manufacture of Doubt, *First Amend. L. Rev.*, 2017, Vol. 16, p. 342.
31. Lukas I. Alpert R. B. White House Posted Video That Exaggerated Incident with CNN Reporter, Social-Media Firm Says, *Wall St. J.*, 2018, Nov. 8, available at: <https://www.wsj.com/articles/white-house-accused-of-posting-edited-video-that-exaggerated-incident-involving-cnn-reporter-1541703579> [<https://perma.cc/E2WD-2GJ2>].
32. Richard Fausset A. B. Brian Kemp's Office, Without Citing Evidence, Investigates Georgia Democrats over Alleged 'Hack', *N. Y. Times*, 2018, Nov. 4, available at: <https://www.nytimes.com/2018/11/04/us/politics/georgia-elections-kemp-voters-hack.html> [<https://perma.cc/2G9L-QDWN>].
33. Shiffrin S. V. Speech, Death, and Double Effect, *N.Y.U. L. Rev.*, 2003, Vol. 78, p. 1135.
34. Greene A. S. The Concept of the Speech Platform: Walker v. Texas Division, *Ala. L. Rev.*, 2016, Vol. 68, p. 337.
35. Victory Through Deceit: The Constitutional Collision Between Free Speech and Political Lies, *Suffolk U. L. Rev.*, 2017, Vol. 50, p. 717.
36. Norton H. Powerful Speakers and Their Listeners, *U. Colo. L. Rev.*, 2019, Vol. 90, p. 441.
37. Clay Calvert, Vining A. Filtering Fake News Through a Lens of Supreme Court Observations and Adages, *First Amend. L. Rev.*, 2017, Vol. 16, p. 153.
38. Danielle Keats Citron, Wittes B. The Problem Isn't Just Backpage: Revising Section 230 Immunity, *Geo. L. Tech. Rev.*, 2018, Vol. 2, p. 453.
39. Zipursky B. C. The Monsanto Lecture: Online Defamation, Legal Concepts, and the Good Samaritan, *Val. U. L. Rev.*, 2016, Vol. 51, p. 1.
40. Timmer J. Fighting Falsity: Fake News, Facebook, and the First Amendment, *Cardozo Arts & Ent. L.J.*, 2017, Vol. 35, p. 669.
41. Danielle Keats Citron, Wittes B. The Internet Will Not Break: Denying Bad Samaritans § 230 Immunity, *Fordham L. Rev.*, 2017, Vol. 86, p. 401.

42. Citron D. K. Section 230's Challenge to Civil Rights and Civil Liberties, *Knight First Amend. Inst.*, available at: <https://knightcolumbia.org/content/section-230s-challenge-civil-rights-and-civil-liberties> [<https://perma.cc/YE6Q-JMQG>] (дата обращения: 10.04.2019).

43. Levi L. A "Faustian Pact"? Native Advertising and the Future of the Press, *Ariz. L. Rev.*, 2015, Vol. 57, p. 647.

44. Getmanenko S. Freedom from the Press: Why the Federal Propaganda Prohibition Act of 2005 Is a Good Idea, *Penn St. L. Rev.*, 2009, Vol. 114, p. 251.

45. Kane T. Malice, Lies, and Videotape: Revisiting *New York Times v. Sullivan* in the Modern Age of Political Campaigns, *Rutgers L. J.*, 1999, Vol. 30, p. 755.

46. Weinstein J. Free Speech and Domain Allocation: A Suggested Framework for Analyzing the Constitutionality of Prohibitions of Lies in Political Campaigns, *Okla. L. Rev.*, 2018, Vol. 71, p. 167.

47. Sellers J. S. Legislating Against Lying in Campaigns and Elections, *Okla. L. Rev.*, 2018, Vol. 71, p. 141.

48. Schauer F. Facts and the First Amendment, *Ucla L. Rev.*, 2010, Vol. 57, p. 897.

49. Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, *Fordham L. Rev.*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651.

Дата поступления / Received 21.12.2019

Дата принятия в печать / Accepted 02.02.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Манзи Д., 2020. Впервые опубликовано на русском языке

в журнале «Актуальные проблемы экономики и права» (<http://apel.ieml.ru>) 25.03.2020

© Daniela C. Manzi, 2020

ПОЗНАНИЕ

Бегишев, И. Р.

Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с. – (Серия «Цифровая безопасность»).

Монография представляет собой первое в России комплексное исследование феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации. В ней рассмотрены вопросы уголовно-правовой природы преступлений в сфере компьютерной информации, предложены решения выявленных проблем ответственности за их совершение, внесены рекомендации по противодействию исследуемой категории преступлений, а также варианты устранения пробелов нормативного регулирования.

Будет полезна научным и педагогическим работникам, обучающимся разных уровней профессионального и дополнительного образования, слушателям специализированных учебных заведений, сотрудникам правоохранительных и судебных органов, разным категориям пользователей цифровой информации, а также всем интересующимся вопросами обеспечения цифровой безопасности.

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

УДК 342.7:342.4:341.231.14:070(049.32)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

А. В. КЛЁМИН¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), г. Казань, Россия

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ

(Рецензия на статью Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651)

Клёмин Андрей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
Адрес: г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kleminandrey@mail.ru

Цель: оценка авторского видения проблемы дезинформации через средства массовой информации, приведшая к юридическому спору относительно конституционных прав человека и защиты общества от фейковых новостей.

Методы: диалектический метод и системный подход, общенаучные методы аналитической проработки произведения (анализ и синтез, обобщение, сравнение, абстрагирование и др.), формально-юридический.

Результаты: на основе всестороннего рассмотрения рецензируемой статьи сделаны обоснованные выводы о выявленной в Соединенных Штатах Америки коллизии между правом на распространение информации и правом на получение качественной и достоверной информации, которая в настоящее время удовлетворительно решена быть не может ввиду политизированности проблемы и относительными неконкретностью и декларативностью американской Конституции. Автор сопоставляет ситуацию по данной проблеме в России и других странах, приглашая исследователей к дальнейшему корректному научному диалогу.

Научная новизна: комментарий к статье Д. Манзи может быть полезен для формирования обобщенного видения проблемы фейковых новостей и тех последствий, которые она имеет для правоприменительной деятельности.

Практическая значимость: формализация юридического спора между конституционными правами человека и защитой общества от фейковых новостей может дать возможность более детально сформировать политику России в отношении рисков, которые несут в себе фейковые новости, и гипертрофированной озабоченности правами человека.

Ключевые слова: свобода слова; права человека; фейк; фейковые новости; вседозволенность и порядок; СМИ; правительство; право на свободу слова; защитники фейка; допустимость права на свободу слова; коронавирусы

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Клёмин А. В. Права человека и возможности их ограничения (Рецензия на статью Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651) // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 1. С. 165–173. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

A. V. KLEMIN¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia

HUMAN RIGHTS AND POSSIBILITIES TO LIMIT THEM

(Review of the article by Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651)

Andrey V. Klemin, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90
E-mail: kleminandrey@mail.ru

Objective: to assess the author's vision of the problem of disinformation through the mass media, which led to a legal dispute regarding the constitutional human rights and the protection of society against fake news.

Methods: dialectical method and system approach, general scientific methods of analytical study of the work (analysis and synthesis, generalization, comparison, abstraction, etc.), formal legal method.

Results: based on a comprehensive review of the article, reasonable conclusions are made about the conflict between the right to disseminate information and the right to receive high-quality and reliable information, which currently cannot be satisfactorily resolved due to the politicization of the problem and the relative lack of specificity and a declarative character of the American Constitution. The author compares the situation on this issue in Russia and other countries, inviting researchers to further proper dialogue.

Scientific novelty: the comment to the article by D. Manzi can be useful for forming a generalized vision of the problem of fake news and the consequences it has for law enforcement.

Practical significance: formalization of a legal dispute between constitutional human rights and the protection of society against fake news may provide an opportunity to thoroughly form Russia's policy with regard to the risks posed by fake news and hypertrophied concerns about human rights.

Keywords: Freedom of speech; Human rights; Fake; Fake news; Permissiveness and order; Mass media; Government; Right to freedom of speech; Defenders of fake; Admissibility of the right to freedom of speech; Coronavirus

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Klemin A. V. Human rights and possibilities to limit them (Review of the article by Manzi D. C. *Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News* // *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651), *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 165–173 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.165-173>

В журнале *Fordham Law Review* за 2019 г., № 6 (87), pp. 2623–2651¹, была опубликована любопытная статья D. C. Manzi «*Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News*». В ней освещаются юридический спор и судебная тяжба, последовавшие за попыткой государства (США) по-

ставить под контроль качество и достоверность журналистской информации. Проще говоря, осадить фейки. Казалось бы, благое дело. Но неожиданно американская фемида заняла прямо противоположную позицию. Выяснилось, что столь полезное дело, как охрана общества от фальшивбросов, вступает в конфликт с конституционными правами человека. Конкретно с правом на свободу слова и мнений. Об опасностях лженовостей (фейков) для общества не приходится и говорить. Они очевидны. Но американский суд (пользуясь правом прецедента) запретил какое бы то ни было ограничение указанного права на свободу слова. Кто-то скажет, что, мол, эта

¹ Русскоязычный вариант статьи опубликован в этом номере журнала. См.: Манзи Д. Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2020. Т. 14, № 1. С. 142–164. – Прим. ред.

интрига происходит далеко от России, а значит, тема абстрактна и интересна разве что узким специалистам. Но не тут-то было. Ровно те же проблема и коллизия случились и в России. Но больше удивляет другое: их совпадение и по времени, и по существу. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, мы сразу можем выразить благодарность нашему автору за проблему, поднятую в данном исследовании. Она затрагивает и нас в меньшей степени. Полагаем, что и у стран Западной Европы есть аналогичная проблема. Так что иностранный автор поднял животрепещущую проблему, которая имеет место в наши дни. В чем же дело? И в чем ее смысл? Внешне конфликт выглядит как сугубо юридический и абстрактный спор о соотношении «права человека» (на свободу слова) с одной стороны и конкретного отраслевого закона, притязающего на его ограничение с другой. Может ли и в какой мере конкретный закон ограничивать права человека? Смысл коллизии более конкретен. Просто говоря, перед нами столкновение не столько двух идей, концепций и норм, сколько конфликт средств массовой информации (далее – СМИ) и государства. Либерального и консервативного замыслов. Государства и оппозиции. То есть спор предельно конкретен. О неограниченности и самоограничении в выборе способа подачи новостей. Первые требуют сохранения безграничной свободы для любых сообщений, невзирая на их недостоверность и печальность последствий. Официальные службы, напротив, стремятся оградить общество от ложных и тем разрушительных новостей СМИ, угрожающих обществу или публичному порядку. Не забудем, что СМИ – это самый влиятельный рычаг на государство. А недобросовестные, панические и сенсационные вбросы (фейки) – это не случайные недосмотры, а эффективный метод расшатать обстановку, ослабить государственные скрепы, опорочить публичный порядок, а то и вовсе довести до коллапса. Все в курсе последних лжевбросов о коронавирусе и его всемирной угрозе. Что мы видим в результате? Китай трясет, США трясет, Азия и Западная Европа, кажется, другими вопросами уже не занимаются. Урон экономике ВВП Китая от коронавируса в первом квартале 2020 г. составил \$143 млрд². При этом будто никто не замечает того очевидного факта, что от простого гриппа и ОРВИ

в том же Китае умирает в 5 раз больше больных, чем от нового вируса. Однако панические вбросы не прекращаются, а только набирают обороты. 12 февраля новостные каналы уже сообщают о 10 000 чел., якобы умерших от коронавируса³. Стоит ли после этого задуматься о контроле за СМИ или попустительствовать фантазиям и далее? Это вопрос, на который любой человек ответит однозначно.

Но не будем упрощать. Внешне это противостояние камуфлируется лоббистами со стороны СМИ правами человека (правом на свободу слова и мнений). А как ведет себя государство? Оно вынуждено действовать с оглядкой на права человека. Причем либеральными институтами создается образ государства как едва ли не потенциального нарушителя конституционного права человека. И странно видеть, что у официальных служб не находится контраргументов, чтобы объяснить обществу и тем же СМИ, что их действия как раз и направлены на соблюдение прав человека (свободу слова). Что безопасность и благополучие общества только растут от введения госнадзора за фейками. А это и есть главный критерий всякой управленческой деятельности государства. Убедить, что административный надзор за качеством и достоверностью новостных сообщений – это не целевое узурпаторское противодействие правам человека, а надзор и отсечение злоупотребления информацией. Увы, она тоже бывает разной. Мы прекрасно знаем, и автор широко показал, насколько могут быть вредны обществу фейковые новости. К сожалению, государство добровольно соглашается с образом потенциального узурпатора прав человека. В итоге в абстрактно-судебном споре побеждает 1-я поправка к Конституции США, а государство проигрывает. Средства массовой информации США получают ничем не ограниченную свободу любых новостей и их произвольного толкования. В итоге фейки (например, о том же коронавирусе) продолжают с возрастающей фантазийностью. Точно так же и русофобские измышления об отравлении Скрипаля, по делу Литвиненко, Березовского, российских спецслужб, Трампа, которому якобы помогли с выборами русские хакеры (и сам Путин). К сожалению, политический мейнстрим заставляет американских и западноевропейских авто-

² URL: <https://ria.ru/20200217/1564854827.html> (дата обращения: 12.02.2020).

³ URL: <https://radiovesti.ru/brand/61178/episode/2246265/> (дата обращения: 12.02.2020).

ров упоминать о вымышленных «российской угрозе», «российском вмешательстве», чего, к сожалению, не сумел в полной мере избежать и автор рецензируемой, безусловно интересной, статьи.

Ставится вопрос до абсурда навыворот: до каких материально-правовых границ официальные службы государства могут позволить себе «нарушить» право на свободу слова и мнений. Либеральные оппоненты заставляют госслужбы оправдываться за свои меры по сохранению мира, спокойствия, государственного и общественного порядка. И называют эту полезную правоохранительную деятельность посягательством на права человека. Вот каким парадоксом оборачивается на практике, казалось бы, абстрактный спор о праве.

Допускаем, что с другими «правами человека» тяжба могла бы пройти и не столь заметно. Но отношения государства и частных СМИ имеют, очевидно, повышенную чувствительность. Дело в том, что либеральная общественность (как в США, так и в РФ) считает СМИ своим главным ресурсом и рычагом в битве с государством. И потому стоит насмерть, отстаивая полную свободу формировать нужные умонастроения, вплоть до антигосударственных. Так что перед нами очередное столкновение либеральной общественности и их структур с одной стороны и (консервативного) государства, а заодно и консервативной общественности с традиционными ценностями (порядочности, справедливости, семьи, созидания) с другой. Государственная власть видится населению как ценность: опора, помощь и защита. А не как противник, враг и узурпатор, т. е. как либеральная антиценность.

Правозащитники противодействуют государству и пытаются игнорировать «надзорные» начинания правительства. Не выступая фронтально против новоуказаний – выхолостить их изнутри. Например, вместо его поддержки в борьбе с фейками они требуют провести исследования и сравнить свободу Интернета в РФ и в других странах. Другими словами, проблема фейка оказалась самой что ни на есть идеологической. Вот в какие безжалостные (идеологические) жернова попал автор с данной темой. Ему, правда, удается сохранять нейтралитет, не проявляя особо внешних симпатий ни к той, ни к другой стороне. Все-таки тема щекотливая. Но градус напряженности в отношениях сторон, по нашему мнению, вряд ли снизится. Тем более не стоит рассчитывать на «примирение сторон» по мере активизации правительственных структур в пресечении

фейковых новостей. А блокирование действительно осуществляется, и, по отзывам, довольно эффективно. Интернет сообщает об учащении блокирования фейковых контентов. И одновременно о новых попытках либеральных сил выхолостить это право (на блокирование).

А это делается разными предложениями: якобы необходимостью независимых экспертиз, долгих предварительных расследований, дискуссий, которые будто бы должны предварять блокировку, введения правила отсрочки блокирования на один день, многомесячных судебных тяжб за честь, достоинство и деловую репутацию и т. д.). Предложения, как видим, изобретательны и даже виртуозны, так как фейковая новость даже за один день «висения» на новостном сайте в силах нанести ощутимый вред обществу и государству. Именно поэтому законодатель ввел обязанность незамедлительного удаления недостоверной информации. И именно с этим словом – «незамедлительно» – борются больше всего. Но все это в российском законе. А вот американский закон, видимо, вчистую проиграл в суде «праву человека». Таким образом, коллизия конкретного закона (о борьбе с фейком) с декларативно конституционным правом на свободу слова вылилась в конфликт между *вседозволенностью* и *порядком*, в битву журналистской анархии с попыткой ее регулирования.

Заметим, что у россиян нет такого негативного опыта с ложными информационными новостями, как у американцев. Автор пишет о казусах еще 1930-х гг. Если помните, в советское время вся новостная информация справедливо считалась идущей от государства. А значит, проверенной, точной и достоверной. Так же как и советские продукты питания – никому не приходило в голову ставить под сомнение их качество и достоверность. К тому же мы всегда железно знали, кто за все это отвечает (правительство). Сегодня не знаем – правительство устранилось, а граждане остались один на один с частными хищными агентствами новостей и частных каналов. Но как только правительство вступилось за граждан и наконец-то решило навести порядок, отрегулировав эту важнейшую отрасль и определив для СМИ рамки незаконной информации, на него обрушился град молний за вторжение в якобы «неприкасаемую» свободу слова. Даже сегодня, спустя 30 лет после приватизации почти всех новостных агентств, основная масса населения считает, что они по-прежнему так или иначе исходят от государства. И уж если что-то

сообщается, то обязательно от правительства. Апеллировать за защитой к правительству и государству у нас принято исторически. Если наводнение – правительство «должно» построить. Сгорело – правительство «должно» восстановить. Пострадали – обеспечить. Обанкротился частный банк – правительство «должно». Мошенничество – опять «должно» вмешаться правительство. Обманутый дольщик – вновь подавай правительство. Обманули – «куда смотрит президент». Вот такая неизбывная апелляция к правительству. Увы, это российская этатистская традиция. Отсюда и доверие к новостям у нас, вероятно, более высокое.

В США такой традиции нет. Поэтому у россиян все-таки нет той закалки и скептицизма к фейковым новостям, как у американцев. Скажем так, сенсацией у нас еще можно кого-то удивить. Обратим заодно внимание и на то, что доверие к телевизионным новостям в РФ традиционно выше, чем к Интернету. Это тоже объяснимо. В США иная традиция: частные новостные агентства там – привычное дело. Так, автор указывает на первые казусы в США еще довоенных времен. И как результат – самые фейковые новости, с самыми невообразимыми фантазиями исходят именно из США. А уж когда надо кого-то демонизировать и сделать преступником (скажем, Уго Чавеса, М. Каддафи, С. Хусейна, спецслужбы РФ, Ким Чен Ына, венесуэльского президента Мадуро), то фейковые новости, ложные сенсации и панические атаки сыплются из США как из рога изобилия. Все тамошние СМИ как по команде садистски забивают указанный объект до степени изгиба и всеобщей справедливой ненависти.

Так что проблема фейковых новостей не такая уж узкая, как может показаться с первого взгляда. Да, фейковые новости опасны сами по себе. Общественное, государственное и личное благополучие может сильно пострадать и уже страдает от вбросов и фальши в СМИ. Статья на эту тему дает прекрасное представление о тех опасностях и угрозах обществу, которые порождают недостоверные новостные сообщения. Со своей стороны мы можем лишь пополнить перечень наиболее известных случаев, когда фейковые новости вызвали сильные общественные волнения, а иной раз даже жертвы (Индия)⁴. Огромное поле для недо-

стоверной информации дал в последние недели и упомянутый коронавирус. Так, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 17 февраля 2020 г. сообщает, что в «Фейсбуке» гуляет новость о якобы 10 тысячах умерших от коронавируса. Но ни ВОЗ, ни кто-то другой не подтверждает авторства новости. С этим не поспорить. И со своей стороны мы лишь подтверждаем всю отвратительность и грозную опасность этого недавно возникшего явления. Автор совершенно справедливо указывает на *аморальность и неэтичность* фейковой деятельности. Подчеркнем, что она носит осозанный (а не случайный) характер. С заведомо проектируемыми негативными последствиями. Что говорить, с современными техническими устройствами стало намного проще и эффективнее оказывать влияние на умы населения. Автором приводится немало случаев такого влияния и последствий, вызванных фейком.

Уже по названию статьи можно судить, что исследователь не ограничился лишь общими рассуждениями об опасности этого феномена. Он взял в качестве фокуса очень любопытный и довольно деликатный аспект – столкновения правовой коллизии «прав человека» с обычным отраслевым конкретным правом. И вольно или невольно показал нам неоднозначность и критериальную неясность такой концепции и такого права, как право на свободу слова, да и прав человека в целом. Мы, например, увидели, что права человека, и в частности на свободу слова, до сих пор не имеют той понятийной определенности, которую следовало бы иметь любому праву. Право обязывает законодателя дать предельно ясное понятие любому праву. Без него оно не может работать. Может быть, это не всем известно, но важно понимать, насколько фундаментальна роль понятия в праве (законе). А если его нет...

Добавим, что отсутствие понятия оставляет широкий простор («люфт») усмотрению суда. Мы много раз видели такие решения, где суд сам дает некие политологические определения и уже на их основе выносит «правильные» решения. Особенно страдает этим англо-американская судебная юрисдикция, построенная, как известно, на прецеденте. Еще одним показательным примером такой самоаргументации, является Суд ЕС. И, как результат, право на свободу слова не только вступает в коллизию с конкретным правом, но может, к сожалению, оказаться и опасным «оправдателем» и даже сподвижником такого антигосударственного и антиобщественного явления, как

⁴ URL: <https://lenta.ru/news/2018/08/07/messengers/> (дата обращения: 12.02.2020).

искажение объективной действительности (в СМИ). Автор подробно привел нам несколько таких решений. Это говорит о двух проблемах.

Во-первых, о концепции прав человека, одна из которых (на данном примере), оказывается, не всегда может быть полезна человеку и обществу, как мы привыкли о ней думать. Согласимся, что абсолютность полезности свободы слова несколько блекнет на фоне проблемы фейка и уже не кажется столь безапелляционной и бесспорной, как представлялась еще недавно. Фейк показывает, что права человека можно использовать не только на пользу, но и во вред общественному благополучию. Судя по юрисдикции США, именно это и произошло с правом на свободу слова, которое признает законным и дает простор для таких антиобщественных действий, как фейки. Сегодня не принято оспаривать основные права и свободы. А то еще обвинят в антидемократизме. Напротив, принято фетишизировать их и считать, что они *непререкаемы и неотъемлемы*. Однако случай с фейком дал основательный повод для дискуссии о правах человека в целом. Как минимум *об отсутствии у «прав человека» понятий*. Мы уже высказывались, что отсутствие четкого правового понятия дает возможность «люфта» в толковании, правоприменении и правореализации. Вот только один пример. Что значит конституционное право на образование – право поступать в Кембридж за 13,4 тыс. фунтов иностранцам из третьих стран (включая РФ)? Или за 8,4 тыс. фунтов для учащихся из ЕС? Или 3,4 тыс. фунтов для англичан? Или это право на бесплатное обучение, как было в СССР? Толкуй, как пожелается.

То есть речь *о понятийных критериях*, о мере – до каких границ распространяемы права человека. Ведь если это «права» (а не декларации под видом «прав»), то должны быть законодательно определены и рамки их действию: *во времени, по кругу лиц, по силе воздействия*. Могут ли они противоречить конкретным «отраслевым» правам? Или, напротив, *Lex specialis derogate lex generalis* («закон специальный отменяет генеральный»)? Это римский «общий принцип права». А какой планкой следует ограничить конкретный отраслевой закон? Проще говоря, автором подспудно поднимается вопрос о понятии *права на свободу слова*. Жаль лишь, что он не углубляется в анализ и оценку этих «прав». Не поднимает хотя бы словом вопрос о понятии законодательном, конституционном. Кста-

ти, американский суд, как видим, умело пользуется отсутствием законодательного понятия «права на свободу слова и мнений», толкуя его в нужном русле.

И второе: *о понятии фейка*. Исследователь, увы, не дает нам его американского определения. Напомним, что вопрос о понятии – это болезненный вопрос всех правовых систем. И международного права в том числе. Законы часто бывают больны декларативностью. Например, национальные законы не знают даже понятий «федерализм», «федеративное государство». А что такое «Российская Федерация» или «субъект Федерации»? Законодатель умалчивает об их свойствах и критериях. А это, кстати, для работы конституционной комиссии сегодня крайне важно. Зато появляются новые понятия: «обманутый дольщик», «фальсификат», «паломник», «вино»... Бывало, что отсутствие понятия стоило жизни. И это не преувеличение. Так, в 1984 г. по известному делу «Гастронома “Елисеевский”» был расстрелян его директор. Оказывается, ст. 173–174 («Дача, получение взятки») предусматривали от 5 до 15 лет лишения свободы. Но была и приписка: «При особых обстоятельствах» – смертная казнь. УК РСФСР не давал понятия «особых обстоятельств». Пользуясь этим, суд вынес смертный приговор. Едва ли он мог бы сделать это при наличии четких признаков «особых обстоятельств». Вот сколь существенна роль понятия. Нет понятия – и закон/норма не работает. Поэтому, на наш взгляд, вопрос понятия фейка мог бы быть раскрыт чуть более пристально. Автор же поступил с ним как истинный политолог – не вдаваясь в детали субстанции «недостовверная информация». А вот российское законодательство, напротив, в 2019 г. восполнило пробел в информационном праве. Как известно, ст. 15 ч. 3 была дополнена следующим весьма конкретным недвусмысленным содержанием. После этой новеллы кривотолки и разночтения стали невозможны не только в вопросе квалификации фейка, но и в процессуальных аспектах применения содержащихся в нем запретов. Появился новый термин: «незамедлительно». Именно такой срок теперь отводится соответствующим службам для блокировки ложного сообщения. Конкретны и меры ответственности.

Право на свободу слова против права на защиту от фейка – мы видим, что суд США дважды решал вопрос о границах этих двух узаконений. И делал он это с трудом и сомнениями, выбрав в итоге права

человека. Теперь вопрос: охватываются ли эти два понятия соподчинением или это два чуждых друг другу понятия? Это вопрос, на который стало ответить еще труднее, чем до указанных решений суда. А если они действительно проистекают из одной идеи – естественных прав, то каково их соотношение? Другими словами, какому правопритязанию следует отдавать приоритет? Более широкому (праву на свободу слова) или узкому (закону о недобросовестных новостях)? Какие принципы должны действовать при коллизии общего и специального права – *specialis-generalis* или *Lex posterior derogate lex anterior* («закон последующий отменяет предыдущий»)?

То есть отсутствие понятий общего и специального американского законов заводит в тупик поиск справедливого решения. Автор, к сожалению, не дает «американского» понятия фейка, но по российскому закону 2019 г. мы знаем точное законодательно-понятийное определение «недостовестных новостей». Похвалим российское понятие – оно большое и критериально-конкретное. Такое тоже нечасто случается.

Таким образом, законодательная неопределенность указанного права человека оказалась невольно разоблачена. Естественен и следующий вопрос: почему такое важное право, как право на свободу слова, не имеет четкого, критериально сформулированного законодательного понятия? Можно ли сказать, что это недосмотр законодателя? Или, как говорят юристы, *если нет понятия, то нет и явления*. И наоборот – *если нет явления, то нет и понятия*. В общем, так или иначе, а автор, видимо, не осознавая и не ставя такой задачи, выводит нас на все эти рассуждения. А именно о соотношении прав человека и отраслевого конкретного права. И далее, почему в таком непростом, подчеркнем, юридическом споре берут верх не юридические аргументы (статья, норма, коллизия, верховенство...), а чисто моралистские доводы суда о невозможности приуменьшения права на свободу слова, ибо это... «нельзя». Где мера такой «невозможности»? Каковы критерии этого беспредельно широкого права? И почему суд впадает в ступор, сталкиваясь с таким, казалось бы, ясным делом, как коллизия двух «законов», двух норм, двух прав. Об идеологической подоплеке этой проблемы мы уже упоминали.

То есть фейк обнажил проблему концепции прав человека. Иными словами, было бы ошибкой ду-

мать, что с основными правами и свободами все уже окончательно ясно. И человечеству осталось лишь следовать им. Как видим, и тут должны быть и есть рамки, границы и пределы. Например, никому точно не известно, сколько всего этих «прав и свобод человека». С данным делом мы получили уже не абстрактный конфликт двух «прав» (норм), а вполне конкретный. И от его разрешения зависят безопасность и благополучие общества и человека. Как быть? Суд вместо юридических доводов и конкретных (арифметических) критериев, свойственных (четкому) негативному праву, принимает решения, как ни странно, умозрительно, по своему, ему одному известному наитию и невнятной собственной логике. Автор, к сожалению, не углубляется в анализ и оценку этой проблемы и остается де-факто в рамках лишь ее общего описания, тогда как проблема представляется все-таки намного более глубокой. Ведь что на самом деле мы имеем? Фундаментальное право (абстрактное) коллидирует с отраслевым административным правом (конкретным). Как известно, абстрактное – это формальное, т. е. право без применения. Конкретное – это действующее право, применяемое. Право конкретного запрета, дозволения, поощрения. То есть государство не только формулирует такое право, но и применяет его в жизненной практике: удаляет фейки, блокирует сайты, требует действий как от надзорных органов, так и СМИ, налагает штрафы.

А в результате оказывается, что право, не имеющее понятия, по существу декларация, получает высшую юридическую силу по сравнению с настоящим правом – нормой. В этом приоритете нет логики. Выходит, что американский суд ставит декларацию, т. е. абстрактное провозглашение, выше конкретной нормы права, *рекомендацию выше закона*. К тому же в ущерб обществу. С этим уже не поспорить. Вот какой аспект искомого соотношения дополнительно вторгается в наши размышления. Еще раз напомним, что без понятия нет права (кража, грабеж, бандитизм, мошенничество, коррупция, агрессия, терроризм, акт терроризма...). А есть лишь декларация, или, как говорят специалисты, вместо понятия и термина – просто слово, просто словосочетание. Суд, по всей видимости, не определяет никаких границ ни действию закона о фейковых новостях, ни рамок «декларации о свободе слова», где именно заканчивается сфера регулирования одного и начинается другое.

Заметим, что не только суд США, но и некоторые российские законодатели, причастные к выработке нового права, встали на сторону права на свободу слова, призывая, например, дать время до нескольких суток (на усмотрение СМИ) на удаление ложного интернет-контента. Объяснялось это тем же самым: дать возможность реализоваться праву на свободу слова. Этот факт говорит о том, что не только США, но и Российское государство не знает точных критериев права на свободу слова, что дает простор для применения любого критерия. В данном случае «временного». То есть одни сутки и право на свободу слова в глазах либеральных лиц уже как будто реализовано. Вот что значит нет понятия.

Защитники фейка выступают против использования в законе и термина «незамедлительно». Он означает «без малейшего промедления с удалением информации». Казалось бы, справедливое требование, ибо каждый лишний час недобросовестных новостей, как мы уже знаем, может дорого обойтись обществу и государству. Однако сторонники приоритета «неограниченной свободы слова» пытаются придать дискусионность справедливости удаления фейка и просто задебатировать каждый такой акт Роскомнадзора. Они предлагают превратить приравнивание информации к фейку в поединок надзорных органов и СМИ. И, конечно, исключить из закона требование «незамедлительного удаления» недостоверных новостей. В итоге максимально растянуть тяжбу, давая фейку время делать свое черное дело – дезинформирование и введение в заблуждение. Ими считается, что фейк – это лишь относительное правонарушение и оно может считаться таковым только при самых явных и очевидных обострениях, причем фактических, а не будущих, ибо и вред от них еще якобы не доказан. И даже способы его доказывания якобы неизвестны.

Например, Совет по правам человека РФ ссылается на практику применения ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая «не допускает ограничения права на свободу выражения мнения исключительно по мотиву недостоверности распространяемой информации. В постановлении от 6 сентября 2005 г. по делу «Салов против Украины» ЕСПЧ указал, что «статья 10 Конвенции сама по себе не запрещает дискуссию или распространение информации, даже если есть серьезные подозрения, что эта информация не является правди-

вой (параграф 113)»⁵. То есть апологеты верховенства права слова всегда исходят из неограниченности его приоритета. Заведомая недостоверность информации и ее последствия (для жизни и здоровья) их не смущают. Дебаты идут, дискуссия продолжается. А тем временем фейки множатся и вред общественным и государственным интересам не уменьшается, а растет. Взять хотя бы вбросы и сгущения о коронавирусе. Отсутствие четких понятийных критериев права на свободу слова превращает это право в декларацию, а в худшем случае в вольно трактуемую, растяжимую и многосмысловую вседозволенность.

Для разрешения удаления Совет по правам человека требует привлечения сбора, во-первых, максимально полной информации от официальных служб, а также наличия независимых экспертных мнений⁶. Он предлагает «открытую и свободную дискуссию» о фейке. Остается открытым один вопрос: а как быть с самим фейком? Он все это время висит на сайте и продолжает вызывать «социальную нестабильность» или все-таки удаляется на время предлагаемой дискуссии? Сторонники либерального крыла прилагают все усилия для размывания границ между свободой СМИ и конкретными запретами закона о фейковых новостях. Автор как раз и поднимает эту проблему в своей статье: о границе допустимости права СМИ на свободу слова, с одной стороны, и права на защиту от недобросовестной информации официальными службами, с другой. Вот такие вопросы вызвал, казалось бы, простой вопрос о недобросовестных новостях. И, как видно, не только у нас, но и в США. И вызвал очень похожие, мы бы сказали, аналогичные трения.

Как конкретно совместить гарантии прав и свобод человека с возможностью их ограничения федеральным законом согласно ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ: «... только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности

⁵ Экспертное заключение на принятие Государственной Думой Закон «О внесении изменений в статью 153 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и на Закон «О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» п. 7. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5324/> (дата обращения: 12.02.2020).

⁶ Там же. П. 11.

государства». А вот упомянутая ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека указывает на противоположное – что «право свободно выражать свое мнение включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1)». Но и конвенция дает государствам право на ограничение права на свободу слова: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (пункт 2).

Ему вторит и Конституционный суд РФ – что «федеральный законодатель должен, исходя из принципа равенства и вытекающих из него критериев разумности, необходимости и соразмерности, обеспечивать баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных право-

отношений⁷. Правда, нам кажется, что КС тоже не вполне верно противопоставляет «конституционные ценности» «правам и законным интересам участников конкретных правоотношений». Как будто это разные, несовпадающие вещи – конституционные и конкретные права⁸. (постановление КС РФ от 30 июня 2011 г. № 14-П).

То есть безбрежности права на свободу слова и Конституция РФ, и Европейская конвенция, и Конституционный суд противопоставляют возможность их ограничения государством. Однако в США, увы, мнение суда склонилось на сторону СМИ, а не публичной власти. Заметим, что американская конституция страдает в отличие от российской удивительной для нас неконкретностью и декларативностью. Всего 10 статей и 36 поправок. В таком виде она дает суду возможность самого широкого «люфта» в оценке события – пренебрегать юридическими аргументами в угоду политологическим соображениям. К тому же США не являются участником Европейской конвенции 1950 г. и могут не считаться с мнением ЕСПЧ. Вот такие вопросы и дискуссии порождает тема фейковых новостей, поднятая рецензируемой статьей, столь интересной и познавательной для российского читателя. Считаем, что она очень полезна для юристов – как практиков, так и студентов. Все-таки она учит разрешать правовые коллизии. В частности, фундаментальных прав и возможностей их ограничения

Список литературы / References

1. Manzi D. C. Managing the Misinformation Marketplace: The First Amendment and the Fight Against Fake News, *Fordham Law Review*, 2019, Vol. 87, No. 6, pp. 2623–2651.

Дата поступления / Received 20.02.2020

Дата принятия в печать / Accepted 10.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Клёмин А. В., 2020

© Klemmin A. V., 2020

⁷ См. постановления Конституционного Суда РФ № 3-П от 18 февраля 2000 г., № 10-П от 14 ноября 2005 г., № 14-П от 26 дек. 2005 г., № 9-П от 16 июля 2008 г., № 14-П от 7 июня 2012 г., № 4-П от 12 марта 2015 г. и др.).

⁸ См. постановления Конституционного Суда РФ № 14-П от 30 июня 2011 г.

УДК 519:658:004

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.1.174-185>

И. Ю. ПОЛЯКОВА¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

ЭВРИСТИКА СНИЖЕНИЯ ЧЕРЕДУЮЩИХСЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ ДЛЯ ЗАДАЧИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЛИЧИНЫ РАЗНОРОДНОЙ ПАРТИИ В СЛУЧАЕ ПОВТОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Полякова Ирина Юрьевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Адрес: 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 62, тел.: +7 (812) 363-64-94

E-mail: irpol96@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7278-9114>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/2989389/irina-poliakova/>

Цель: демонстрация применения эвристического метода исследования окрестностей к проблеме определения размера партии.

Методы: эвристический метод исследования окрестностей.

Результаты: проблема определения размера партии является задачей, для которой не существует известного полиномиального алгоритма, таким образом, время нахождения решения растет с размером задачи. В статье раскрыты основные методы определения размера партии, размера партии с учетом возврата продукции, описаны методы, используемые другими исследователями, и приведены аргументы для использования эвристического метода исследования окрестностей. Принцип работы метода представлен на практическом примере.

Научная новизна: метод позволяет значительно сократить временные затраты при решении задачи определения размера партии.

Практическая значимость: метод может быть применен для решения задачи определения размера партий в различных отраслях, в том числе целлюлозно-бумажной промышленности, производстве потребительских товаров, тяжелой промышленности.

Ключевые слова: окрестностный спуск; проблема определения размера партии; переработка; многопродуктовое производство; эвристический подход; замкнутый логистический цикл; обратная логистика

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Полякова И. Ю. Эвристика снижения чередующихся окрестностей для задачи определения величины разнородной партии в случае повторного производства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 174–185. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.1.174-185>

I. YU. POLIAKOVA¹

¹Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

A VARIABLE NEIGHBORHOOD DESCENT HEURISTIC FOR A MULTI-ITEM LOT-SIZING PROBLEM WITH REMANUFACTURING

Irina Yu. Poliakova, post-graduate student, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg), Russia

Address: 191123, Saint-Petersburg, Tchaikovskogo st., 62, tel. : +7 (812) 363-64-94

E-mail: irpol96@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7278-9114>

Web of Science Researcher ID: <https://publons.com/researcher/2989389/irina-poliakova/>

Objective: to implement the neighborhood descent heuristic approach into solving the lot-sizing problem.

Methods: a variable neighborhood descent heuristic approach and a framework of lot-sizing problem.

Results: dynamic lot-sizing problem is supposed to be an NP-hard problem – a problem for which there is no known polynomial algorithm, so the time to find a solution grows with a problem size. In the article, we explain the basic lot-sizing, lot-sizing in closed-loop, describe methods used by other researchers, and provide reasoning for using a variable neighborhood descent heuristic method. Implementation of the method is presented in a numerical example. Application of the method significantly reduces estimation time when searching for lot-sizing problem solution. Application of the method significantly reduces estimation time when searching for lot-sizing problem solution.

Scientific novelty: the method may significantly reduce time expenses during the solution of the lot-sizing problem.

Practical significance: the method may be implemented for solving the lot-sizing problem in various industries, such as pulp and paper, consumer goods industry and heavy industry.

Keywords: Neighborhood descent; Lot-sizing problem; Remanufacturing; Multi-item lot-sizing; Heuristic approach; Closed-loop; Reverse logistics

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Poliakova I. Yu. A variable neighborhood descent heuristic for a multi-item lot-sizing problem with remanufacturing, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 174–185 (in Engl.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.1.174-185>.

Introduction

The problem solving in lot-sizing is applicable at the intersection of economics and manufacturing, especially in closed-loop logistics.

It refers to the development of exact and heuristic methods for production planning and scheduling problems. Part Period Balancing (PPB), Wagner-Whitin algorithm and Economic order quantity (EOQ) techniques are among the exact methods.

"Lot-for-lot techniques" orders that are required for production may not always be feasible. If setup costs are high, the costs may be high as well. Economic order quantity (EOQ) expects a known constant demand and Material requirements planning (MRP) systems often deal with unknown and variable demand. Part Period Balancing (PPB) looks at future orders to determine the most economic lot size. The Wagner-Whitin algorithm is a complex dynamic programming technique that assumes a finite time horizon [1, pp. 310–323].

Use of PPB, Wagner-Whitin or EOQ techniques gives reasonable results only when setup costs are significant and demand is reasonably smooth. That is why exact methods cannot be widely implemented in practice. The main goal in the fitting process is to obtain a model which makes good predictions for new inputs. The main purpose of this research is to show the heuristic method of solving lot-sizing problem with some extensions.

However, a trend for not optimal, but heuristic approaches gains popularity. In this paper we will draw attention to heuristic approaches. To answer why heuristic approaches are becoming more popular among the researchers, firstly, we need to define the term "heuristic". A heuristic technique, often called just "heuristics", is a kind of approach to problem solving that is suitable for achieving the goal in a limited time, but not guaranteed to be optimal. In other words, the time costs spent on finding the optimal solution are bigger than the effect of finding and applying this optimal solution. That is why it is worth looking for "local", not "global", optimal solutions and using heuristic approach (see above).

There are not many papers revealing the problem of multi-product dynamic lot-sizing with remanufacturing activities (MDLSRP). Li et al., for example, developed a multi-product lot-sizing problem, proposed some mathematical algorithms and then proposed heuristic genetic algorithm to solve the problem [2, pp. 101–115]. Another group of scientists led by Sahling proposed a new model formulation for the MDLSRP and fundamentally different approach – a column-generation solution with the combination of a truncated branch-and-bound method [3, pp. 55–75]. Figueira et al. applied a hybrid approach to the specific case in the industry of pulp and paper. This industry is one of the most significant and relevant where it is worth to apply different solutions with reverse logistics [4, pp. 1804–1818].

This research refers to Variable Neighborhood Descent (VND) solution. The approach is based on a systematic change of the neighborhood structures in order to find the best solution. Sifaleras and Konstantaras provide their VND heuristic approach and present benchmark set with the largest instances in the literature [5, pp. 385–392].

In this paper, it is proposed the literature review on Lot-Sizing Problem with Remanufacturing, model formulation, basic idea of neighborhood descent and numerical example for the two products in three periods with applied neighborhood descent heuristic techniques.

Literature review on Lot-Sizing in Closed-Loop with remanufacturing

The first dynamic lot-size model was announced in inventory theory as a generalization of the economic order quantity model. This model takes into account that demand for the product varies over time. Wagner and Whitin introduced the model in 1958 [6, pp. 89–96].

The idea of lot-sizing discussed in this paper is almost the same, but more applied to logistics. For example, the retailer orders items from the manufacturer to satisfy the customer's demand. The demand of the customers is fixed in each period and varies from one period to another.

For dependent demand, total cost is discrete, and the minimum total cost over the planning period usually occurs at the point closest to the balance of the holding and setup costs. The goal of Lot-sizing problem is to satisfy the demand of items in each period while minimizing the combined costs.

The setup costs – are the costs incurred to get equipment ready to produce the next product lots. The setup costs incur whenever the production quantity is greater than zero.

The holding costs incur per unit and are costs associated with storing items that remains unsold. These costs are one part of total inventory costs among ordering and shortage costs.

Therefore, the manufacturer should decide how many items to produce in each period taking into account process costs and holding costs in order to minimize the sum of holding and setup costs. The holding and setup costs in lot-sizing problem act as constraints.

Closed-Loop supply chain management is the design, control and operation of a system with the aim of maximizing value creation over the entire of a product's life cycle.

Closed-Loop logistics appears when it becomes cheaper for enterprise to remanufacture returned goods or parts of goods and to recover the value from different types and volumes of returns over time. The difference between direct logistics and closed-loop logistics is in the Fig. 1.

As we have already mentioned, the objective of Lot-Sizing in Closed-Loop is to determine the number of manufactured and remanufactured items in different periods, in order to minimize the sum of set up costs of the manufacturing and remanufacturing processes and holding costs for returns and units that were produced in previous period but not sold. The returned items could be remanufactured and sold as new ones.

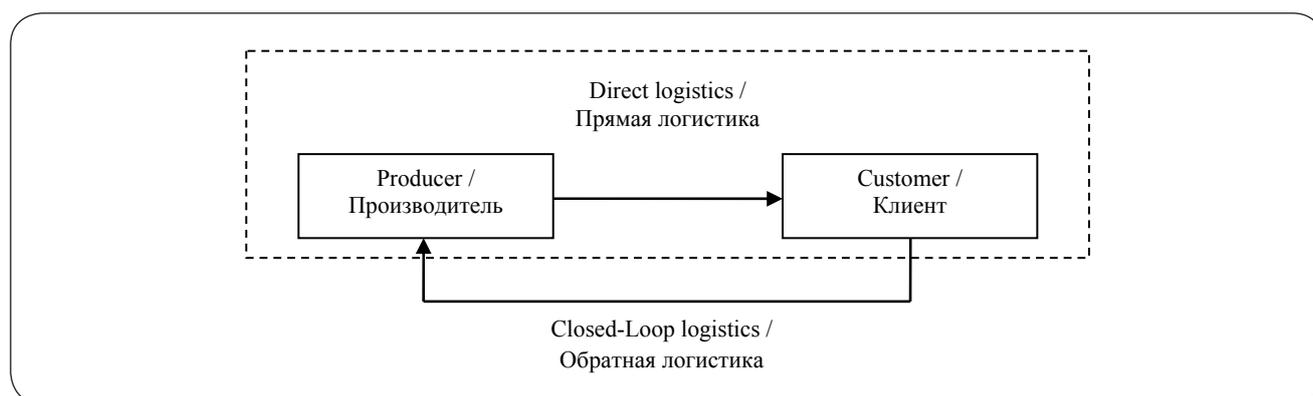

Fig. 1. The difference between direct and closed-loop logistics

Source: compiled by the author.

Рис. 1. Различия между прямой и обратной логистикой

Источник: составлено автором.

Lot size is the number of units that the producer needs either manufacture or remanufacture. The size of the lots in each period is set on the basics of market demand and the number of returns that are both given, but non-stationary.

The problem discussed in the paper consists of the multi-product dynamic lot-sizing model with manufacturing and remanufacturing setup costs. "The lot-sizing problem under separate set up costs, for manufacturing and remanufacturing, is suitable for situations where there are separate production lines" [5, pp. 385–392].

Except the approach of A. Sifalerasand and I. Konstantaras there is a big number of other approaches related to Lot-Sizing problem in Closed-Loop, which are worth taking under consideration. We will briefly say further about some of them.

Li, Chen, and Cai [2, 7] presented an uncanceled lot-sizing problem for several products and applied a heuristic technic to determine a production plan.

The authors described a model formulation for the lot-sizing problem with the "substitution": the remanufactured product serves as new one. The model limits production capacity, ignores the interaction of products and setup times. [7, pp. 301–317].

Sahling suggests combination of two approaches: a column-generation and a truncated branch-and-bound to solve the multi-product capacitated lot-sizing problem. The author presents a new model formulation with remanufacturing and returns. [3, pp. 55–75].

Koken, Seok and Yoon address their research to the capacitated dynamic lot-sizing problem with returns and hybrid product. The problem is to identify how many of each product type to produce during each period for a hybrid system with manufacturing capacity constraints. The objective of their approach is "to maximize total profit of the production system that consists of new, remanufactured and hybrid products" [8, pp. 739–747].

Model formulation for a Multi-Product Lot-Sizing Problem with Remanufacturing

Before presenting the model formulation for a Multi-Product Lot-Sizing Problem with Remanufacturing, it is essential to introduce all the notations [6, pp. 301–317].

In the following, a set of k products $k = \{1, 2, \dots, K\}$ are considered. The production process is regarded in several time periods $t = \{1, 2, \dots, T\}$.

The demand for product k in time period t $D(k, t)$ and the number of returned items of product k in period t $R(k, t)$ are exogenous parameters and assumed to be time-varying. The demand of each product needs to be fulfilled for each product separately. The returned items can be completely remanufactured and sold as new. Also there are holding costs for the serviceable items of product k per unit time $hM(k)$ and for the recoverable items of product k per unit time $hR(k)$. The holding costs incur per unit, whereas the setup costs incur whenever the production quantity is greater than zero.

In each time period it is necessary to decide to produce or not to produce the items. Thus $zM(k, t)$ and $zR(k, t)$ shows the binary decision variable denoting the initiation of the manufacturing and remanufacturing lot of product k in period t .

The number of manufactured items $xM(k, t)$ and number of remanufactured items $xR(k, t)$ of product k in period t shows lot sizes.

Setup costs of product k for manufacturing $kM(k)$ and remanufacturing $kR(k)$ shows the costs for setting of the the production lines. Also among the notations we need to set the production cost of product k per unit $pM(k)$ and remanufacturing cost of product k per unit $pR(k)$.

$YM(k, t)$ and $yR(k, t)$ shows respectively the inventory level of serviceable and remanufacturable items of product k in period t . A sufficiently large number M is noted for its technical use. These notations give us opportunity to introduce mathematical formulation.

Mathematical formulation is borrowed from Sifalerasand and Konstantaras [5]. As it has been already said, the objective of solving lot-sizing problem is to build operations of manufacturing and remanufacturing and to figure out how many units the manufacturer need to produce in order to minimize the total costs for all items and during all the periods.

The mathematical model (1) represents minimizing Z -value as sum of the total costs for holding items, both manufactured and remanufactured (row 1), costs to produce and re-produce the items (row 2) and the set up costs (row 3).

$$\min Z = \sum_{k=1}^K \sum_{t=1}^T (hR(k)yR(k, t) + hM(k)xM(k, t)) + \sum_{k=1}^K \sum_{t=1}^T (pR(k)xR(k, t) + pM(k)xM(k, t)) +$$

$$+ \sum_{k=1}^K \sum_{t=1}^T (kR(k)zR(k, t) + kM(k)zM(k, t)). \quad (1)$$

The set up costs depends on the decision to manufacture or not and to remanufacture or not, so $zR(k, t)$ and $zM(k, t)$ are binary decision variables denoting the initiation of a remanufacturing or manufacturing lot (2).

$$zR(k, t) = \begin{cases} 1, & \text{if } xR(k, t) > 0 \\ \text{otherwise} \end{cases}$$

$$xM(k, t) = \begin{cases} 1, & \text{if } xM(k, t) > 0 \\ \text{otherwise} \end{cases}. \quad (2)$$

The constraints defined in Equations (3) are the inventory balance equations, which compute the inventory of returns and serviceables, respectively.

$$yR(k, t) = yR(k, t-1) + R(k, t) - xR(k, t),$$

$$yM(k, t) = yM(k, t-1) + xR(k, t) + xM(k, t) - D(k, t),$$

$$\forall t = 1, 2, \dots, T, \quad \forall k = 1, 2, \dots, K. \quad (3)$$

Relations (4) are the adapted valid inequalities for the model. Relations (5) ensure that a fixed setup cost incurred when remanufacturing or manufacturing takes place, respectively.

$$yM(k, t) \geq \sum_{s=t+1}^{t+p} (D(k, s) - M(k, s)(zM(k, s) + zR(k, s))),$$

$$\forall k, \forall t = 1, \dots, T-1, \forall p = 1, \dots, T-t, \quad (4)$$

$$yR(k, t) \geq \sum_{s=t-1}^t (R(k, s) - M(k, s)zR(k, s)),$$

$$\forall k, \forall t = 1, \dots, T-1, \forall p = 1, \dots, T-t,$$

$$xR(k, t) \leq MzR(k, t), \quad xM(k, t) \leq MzM(k, t),$$

$$\forall t = 1, 2, \dots, T, \quad \forall k = 1, 2, \dots, K. \quad (5)$$

Equations (6) ensure that the inventories are initially empty, set the indicator variables and prevent negative manufacturing, remanufacturing or inventory.

$$yR(k, t), yM(k, t), xR(k, t), xM(k, t) \geq 0,$$

$$zR(k, t), zM(k, t) \in \{0, 1\}, \quad (6)$$

$$yR(k, 0) = yM(k, 0) = 0, \quad \forall t = 1, 2, \dots, T, \quad \forall k = 1, 2, \dots, K.$$

Basic idea of neighborhood descent

Variable neighborhood search (VNS) is "a metaheuristic method for solving a set of combinatorial optimization

and global optimization problems" [9]. According to this method, distant neighborhoods of the current solution are explored. The next step includes moves to a new one neighborhood until an improvement was made. If an improvement was not made, the current solution is regarded as an optimal solution. The VNS method applied repeatedly to get to local optimum [9]. The goal is to find the local minimums in a time-limited environment.

The local search method is applied repeatedly to get from solutions in the neighborhood to local optimum. VNS was designed for approximating solutions of discrete and continuous optimization problems [9].

On the line S, which could be found in the Fig. 2, mark 1 shows the starting point – our starting solution. After having the starting solution, according to VND, the neighborhood descents (marks 2 and 3) should be analyzed and the optimal solutions there should be found. Here we can see that the value in mark 3 is better than in mark 2, so we can move to another neighborhood descent, for example, we can move to mark 4. The value in mark 4 seems to be worse than in mark 3, so we need to return to mark 3 and to explore some neighbourhood descents between marks 1 and 3 and so on.

The Variable neighborhood search is built up on the three following perceptions [10].

Firstly, a local minimum (mark 3) with respect to all possible neighboring structures is recognized as a global, so that the global extremum (mark 5) from the Fig. 2 does not participate in the solution.

Secondly, a local minimum with respect to one neighboring structure is not necessarily a local minimum for another neighborhood structure. It means that many different combinations of neighborhoods can be considered, and accordingly the final problem solutions will differ depending on which way we will move, what neighborhood combinations we will choose.

Thirdly, for many problems, local minimum with respect to one or several neighborhoods are relatively close to each other. This means that it would not be a mistake to choose ones neighborhood structures and not others.

Introduction of numerical example

In this paper we consider the numerical example of solving Multy-product Lot-Sizing Problem with Remanufacturing under separate manufacturing and remanufacturing set up costs. There are separate production lines, one for

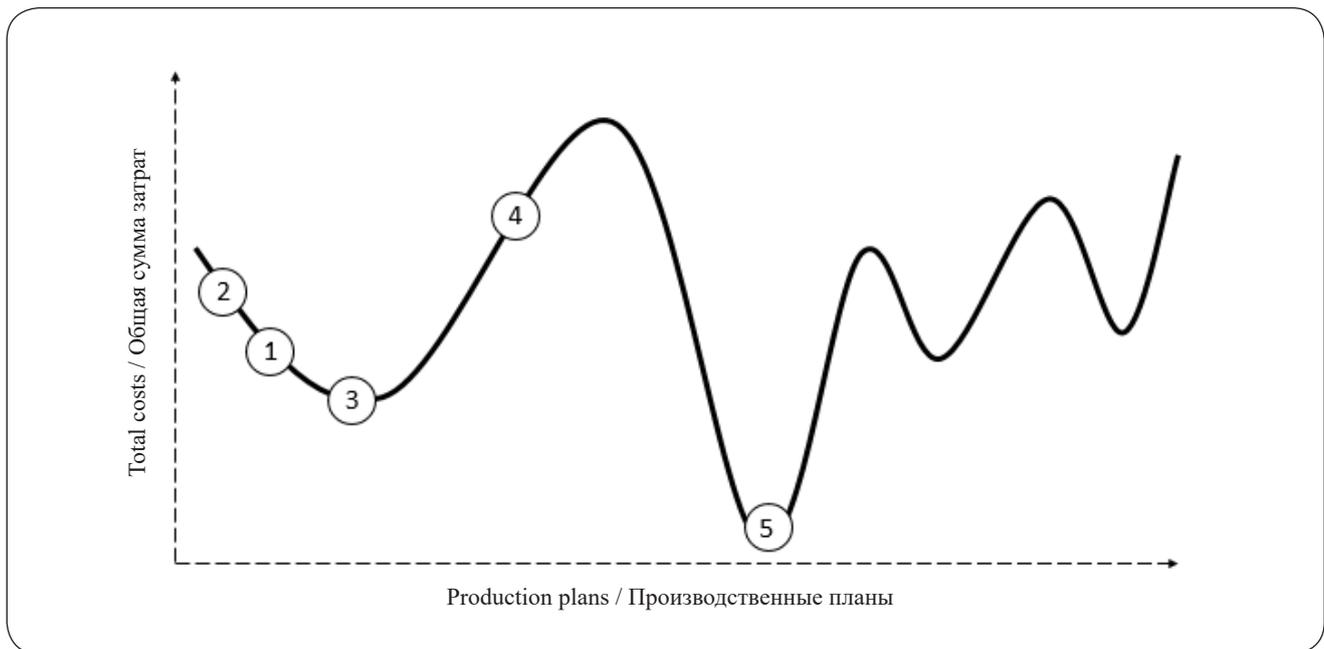

Fig. 2. Graphic example of neighborhood descent

Source: compiled by the author.

Рис. 2. Графический пример снижения окрестностей

Источник: составлено автором.

manufacturing and one for remanufacturing. In the following, the set of two products in three periods is considered.

Holding costs per unit are 10. Set up costs are 300 for the both lines: for manufacturing and remanufacturing. The demand value in each period and the number of returns could be found in the Table 1.

The objective is to determine the number of remanufactured and manufactured items in each period, in order to minimize the sum of set up costs of the manufacturing and remanufacturing processes and holding costs for returns and serviceables under various operational constraints.

According to the input data for the numerical example, we start from σ neighborhood descent for the first product:

$$\sigma = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 1 \end{pmatrix}.$$

The first row in vector σ shows decisions for the manufacturing production line and the second row shows decisions for the remanufacturing line. The columns are time-periods (from 1 to 3). Numbers 1 and 0 mean just if there is or not production in each period. Vector σ does not show the number of units that enterprise should produce.

Table 1

Input data for the numerical example

Таблица 1. Входные данные для численного примера

Input data / Входные данные	Product 1 / Продукт 1			Product 2 / Продукт 2		
	1	2	3	1	2	3
Time period / Период времени	1	2	3	1	2	3
Demand (t, k) / Спрос (t, k)	10	20	30	30	20	40
Returns (t, k) / Возвраты(t, k)	5	20	10	20	10	30

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

For starting solution of the numerical example, vector σ means the decision to manufacture only in the first period and to remanufacture only in the second and third periods that is shown in the vector σ . Starting solution for the Product 1 can be found in the Table 2. Total costs for the 3 periods amount to 1 300.

Table 2

Starting solution for the Product 1

Таблица 2. Начальное решение для Продукта 1

Period / Период	1	2	3	Σ
Demand (t) / Спрос (t)	10	20	30	60
Return (t) / Возвраты (t)	5	20	10	35
Lots: Q manufacture (t) / Партия: производство Q (t)	25	0	0	25
Lots: Q remanufacture (t) / Партия: повторное производство Q (t)	0	25	10	35
In the stock (units) / На складе (штук)	20	20	0	40
In the stock (rem units) / На складе (штук)	5	0	0	5
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	200	200	0	400
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	0	0	300
Set up costs, rem / Затраты на запуск 2-й линии	0	300	300	600
Total costs / Общие затраты	500	500	300	1 300

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

The same we have for the Product 2. Vector σ shows that the starting solution regarding the second product for enterprise is to manufacture and remanufacture in the first period, only to manufacture in the second and only to remanufacture in the third period:

$$\sigma = \begin{pmatrix} 1 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 1 \end{pmatrix}.$$

Starting solution for the Product 2 is shown in the Table 3. According to the outputs and chosen vector σ , the enterprise should manufacture 10 and remanufacture 20 units in the first period. In the second period the number of manufactured items is 20. In the third period the enterprise should remanufacture 40 units of product 2. Total costs for the three periods are 1 300. The fact that the total costs for the both products coincided is accidental.

The second step after getting results of starting solution is to explore the neighborhoods.

Table 3

Starting solution for the Product 2

Таблица 3. Начальное решение для Продукта 2

Period / Период	1	2	3	Σ
Demand (t) / Спрос (t)	30	20	40	90
Return (t) / Возвраты (t)	20	10	30	60
Lots: Q manufacture (t) / Партия: производство Q (t)	10	20	0	30
Lots: Q remanufacture (t) / Партия: повторное производство Q (t)	20	0	40	60
In the stock (units) / На складе (штук)	0	10	0	10
In the stock (rem units) / На складе (штук)	0	10	0	10
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	0	100	0	100
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	300	0	600
Set up costs, rem / Затраты на запуск 2-й линии	300	0	300	600
Total costs / Общие затраты	600	400	300	1 300

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

Firstly, we start the VND procedure and repeat it. Then asking if we find a better solution, we get 1 or 0 (1 – yes, 0 – no). After finding a solution that is better than the previous one, we set this best solution as start for the second iteration.

Thus, we continue doing iterations and finding the best neighbors with best solutions until the improvement indicates zero, i. e. a better solution is not found and this means the end of VND procedure. VND heuristics takes its advantage of evaluating several solutions at each iteration, comparing them and selecting the best among them before it goes through all other steps at an iteration.

In terms of considered example, we limit each iteration up to three neighborhoods. Thus, three neighborhoods of starting solution are explored. These neighborhoods are obtained by shifting the set-up for manufacturing and remanufacturing from 1 to 0 and from 0 to 1, respectively. Neighborhoods, in the conditions of our example, are structures that differ from starting solution by only one parameter in one of the two production lines. The tree of neighborhood structures for the Product 1 can be found in the Fig. 3.

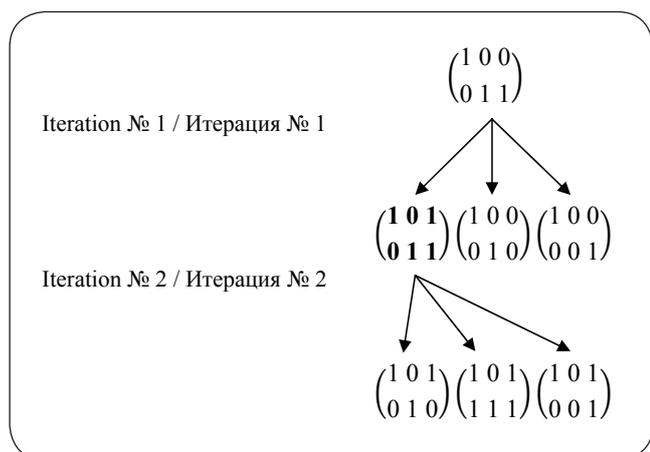

Fig. 3. Neighborhood descents for the Product 1

Source: compiled by the author.

Рис. 3. Снижение окрестностей для Продукта 1

Источник: составлено автором.

Regarding the first iteration, the optimal solution that minimizes total costs in each neighborhood has been

found. In the Table 4 the lot sizes and inventories in the stock in each of three periods are given.

Total costs in neighborhoods are 1 100, 1 250 and 1 150, respectively. It is obvious that the best from these three solutions is 1 100.

Thus, the best solution from the first iteration, which corresponds to vector $\begin{pmatrix} 1 & 0 & 1 \\ 0 & 1 & 1 \end{pmatrix}$, is selected as starting

solution for the second iteration, and is indicated by the arrows in the Fig. 4. The second pool of solutions is introduced in the Table 5.

According to the new total costs, there is no one better solution than the starting one. Therefore, the VND solution for the Product 1 shows that the global minimum of total costs achieves while manufacturing 15 units in the first period, remanufacturing 15 units in the second and both manufacturing (10) and remanufacturing (20) in the third period. The tree of neighborhood structures within two iterations for the Product 2 can be found in the Fig. 4.

Table 4

Three solutions in neighborhood descents during first iteration for the Product 1

Таблица 4. Три решения при снижении окрестностей в первой итерации для Продукта 1

<i>t</i>	Neighborhood № 1 / Окрестность № 1				Neighborhood № 2 / Окрестность № 2				Neighborhood № 3 / Окрестность № 3			
	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ
Demand (<i>t</i>) / Спрос (<i>t</i>)	10	20	30	60	10	20	30	60	10	20	30	60
Return (<i>t</i>) / Возвраты (<i>t</i>)	5	20	10	35	5	20	10	35	5	20	10	35
Lots: <i>Q</i> manufacture (<i>t</i>) / Партия: производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	15	0	10	25	30	0	0	30	30	0	0	30
Lots: <i>Q</i> remanufacture (<i>t</i>) / Партия: повторное производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	0	15	20	35	0	25	0	25	0	0	30	30
In the stock (units) / На складе (штук)	10	10	0	20	25	30	10	65	25	25	5	55
In the stock (rem units) / На складе (штук)	5	10	0	15	5	25	10	40	5	25	5	35
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	100	100	0	200	250	300	100	650	250	250	50	550
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	0	0	300	300	0	0	300	300	0	0	300
Set up costs, rem / Затраты на запуск повторного производства	0	300	300	600	0	300	0	300	0	0	300	300
Total costs / Общие затраты	400	400	300	1 100	550	600	100	1 250	550	250	350	1 150

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

Table 5

Three solutions in neighborhoods during second iteration for the Product 1

Таблица 5. Три решения при снижении окрестностей во второй итерации для Продукта 1

<i>t</i>	Neighborhood № 1 / Окрестность № 1				Neighborhood № 2 / Окрестность № 2				Neighborhood № 3 / Окрестность № 3			
	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ
Demand (<i>t</i>) / Спрос (<i>t</i>)	10	20	30	60	10	20	30	60	10	20	30	60
Return (<i>t</i>) / Возвраты (<i>t</i>)	5	20	10	35	5	20	10	35	5	20	10	35
Lots: <i>Q</i> manufacture (<i>t</i>) / Партия: производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	5	0	30	35	5	0	20	25	30	0	5	35
Lots: <i>Q</i> remanufacture (<i>t</i>) / Партия: повторное производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	5	20	0	25	5	20	10	35	0	0	5	5
In the stock (units) / На складе (штук)	0	0	10	10	0	0	0	0	25	25	10	60
In the stock (rem units) / На складе (штук)	0	0	10	10	0	0	0	0	5	25	5	35
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	0	0	100	100	0	0	0	0	250	250	100	600
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	0	300	600	300	0	300	600	300	0	300	600
Set up costs, rem / Затраты на запуск 2-й линии	300	300	0	600	300	300	300	900	0	0	300	300
TOTAL COSTS / Общие затраты	600	300	400	1 300	600	300	600	1 500	550	250	700	1 500

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

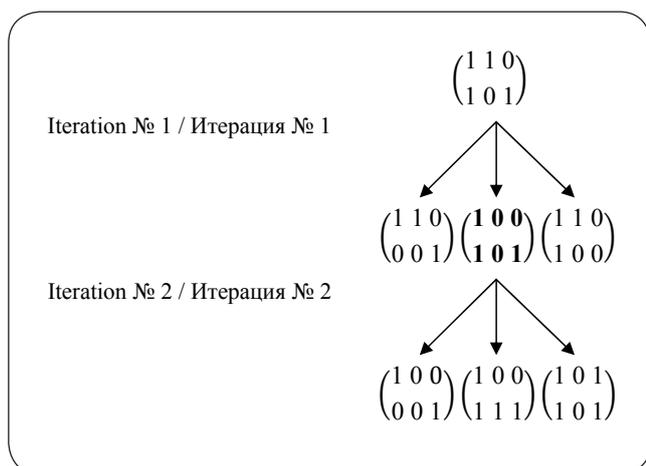

Fig. 4. Neighborhood descents for the Product 2

Source: compiled by the author.

Рис. 4. Снижение окрестностей для Продукта 2

Источник: составлено автором.

During the second iteration the better solution in the second neighborhood was found. The total costs in this solution amount to 1 200 (Table 6). Taking the solution of neighborhood $\begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 1 \end{pmatrix}$ as a new starting point we move to the second iteration of VND heuristics.

The Table 7 indicates that we should finish our VND method and get back to starting solution of the second iteration because of absence of better solution comparing with starting one. The global minimum accounts for the following neighborhood $\begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 1 \end{pmatrix}$, where total costs are 1 200.

The strategy implies manufacturing and remanufacturing in the first period, 30 and 20, respectively, no production in the second period and then remanufacturing 40 units in the third period.

Полякова И. Ю. Эвристика снижения чередующихся окрестностей для задачи определения величины разнородной партии в случае повторного производства
Poliakova I. Yu. A variable neighborhood descent heuristic for a multi-item lot-sizing problem with remanufacturing

The results of the research

In this research, the multi-product lot-sizing problem with returns has been studied. And to solve this problem, the VND heuristic method has been applied. In the first part of the work the basic ideas of neighborhood descent and closed-loop were revealed.

VND heuristic method explores small neighborhoods until a local optimum is encountered. VND is not a trajectory following method (as Simulated Annealing or Tabu Search) and does not specify forbidden moves. While the basic VND heuristic method is clearly useful for approximate solution of many combinatorial and global optimization problems, it remains difficult or long to solve very large instances. Often, the size of problems considered is limited in practice by the tools available to solve them more than by the needs of potential users of these tools. Therefore, improvements appear to be highly desirable. Moreover, when heuristics

are applied to large instances, the strengths and weaknesses become clearly apparent. Three improvements of the basic VNS for solving large instances are now considered.

Then we introduced the literature review on Lot-Sizing Problem with Remanufacturing and explored different views on this problem in the scientific society. We presented the model formulation and model assumption for the further introducing of numerical example. The example was given for the two products in three periods with applied neighborhood descent heuristic techniques. The example provides some mathematic calculations, computed in Microsoft Excel.

Using the variable neighborhood descents for solving multi-product dynamic lot-sizing problem with remanufacturing activities showed the solutions for producing two products. Minimum total costs for both products amount to 2 300. Both obtained best solutions were in the pool of neighborhoods of the first iteration.

Table 6

Three solutions in neighborhood descents during first iteration for the Product 2

Таблица 6. Три решения при снижении окрестностей в первой итерации для Продукта 2

<i>t</i>	Neighborhood № 1 / Окрестность № 1				Neighborhood № 2 / Окрестность № 2				Neighborhood № 3 / Окрестность № 3			
	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ
Demand (<i>t</i>) / Спрос (<i>t</i>)	30	20	40	90	30	20	40	90	30	20	40	90
Return (<i>t</i>) / Возвраты (<i>t</i>)	20	10	30	60	20	10	30	60	20	10	30	60
Lots: <i>Q</i> manufacture (<i>t</i>) / Партия: производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	30	20	0	50	30	0	0	30	30	60	0	90
Lots: <i>Q</i> remanufacture (<i>t</i>) / Партия: повторное производство <i>Q</i> (<i>t</i>)	0	0	60	60	20	0	40	60	20	0	0	20
In the stock (units) / На складе (штук)	20	30	20	70	20	10	0	30	20	50	40	110
In the stock (rem units) / На складе (штук)	20	30	20	70	20	10	0	30	20	50	30	100
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	200	300	200	700	200	100	0	300	200	500	400	1100
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	300	0	600	300	0	0	300	300	300	0	600
Set up costs, rem / Затраты на запуск 2-й линии	0	0	300	300	300	0	300	600	300	0	0	300
Total costs / Общие затраты	500	600	500	1 600	800	100	300	1 200	800	800	400	2 000

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

Table 7

Three solutions in neighborhoods during second iteration for the Product 2

Таблица 7. Три решения при снижении окрестностей во второй итерации для Продукта 2

<i>t</i>	Neighborhood № 1 / Окрестность № 1				Neighborhood № 2 / Окрестность № 2				Neighborhood № 3 / Окрестность № 3			
	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ	1	2	3	Σ
Demand (t) / Спрос (t)	30	20	40	90	30	20	40	90	30	20	40	90
Return (t) / Возвраты (t)	20	10	30	60	20	10	30	60	20	10	30	60
Lots: Q manufacture (t) / Партия: производство Q (t)	50	0	0	50	30	0	0	30	30	0	10	40
Lots: Q remanufacture (t) / Партия: повторное производство Q (t)	0	0	40	40	20	10	30	60	20	0	30	50
In the stock (units) / На складе (штук)	40	30	20	90	20	10	0	30	20	10	10	40
In the stock (rem units) / На складе (штук)	20	30	20	70	20	10	0	30	20	10	0	30
Satisfy demand / Спрос удовлетворен	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да	Yes / Да
Total holding costs / Общие затраты на хранение	400	300	200	900	200	100	0	300	200	100	100	400
Set up costs, man / Затраты на запуск производства	300	0	0	300	300	0	0	300	300	0	300	600
Set up costs, rem / Затраты на запуск 2-й линии	0	0	300	300	300	300	300	900	300	0	300	600
Total costs / Общие затраты	700	300	500	1 500	800	400	300	1 500	800	100	700	1 600

Source: compiled by the author.

Источник: составлено автором.

Conclusion

The method has a wide usage in industrial field, especially in heavy industry and in pulp and paper industry. Proper formulation of the problem and correct method application would help to optimize manufacturing process in a short time, saving rather large funds for setting ups and inventory storing. Many companies are very interested in this kind of process optimisations and need to be connected with the scientific society to solve lot-sizing problems and grow up their business.

Regarding further research directions, it would be interesting to expand the planning horizon from three periods that seems to be unrealistic in practice to 52–360 periods. The second thing that could be improved in the model is increasing of the considered products number. Also it would be interesting to consider in the algorithm the possibility of changing input parameters. For example, expenses for starting a production line or the cost of a unit storing can differ from one period to another.

References / Список литературы

1. Perez K., Yossiri M., Raf A., Reinaldo J., Eli M., Tosoc A. An exact optimization approach for an integrated process configuration, lot-sizing, and scheduling problem, *Computers & Operations Research*, 2019, March, No. 103, pp. 310–323.
2. Li Y., Chen J., Cai X. Uncapacitated production planning with multiple product types, returned product remanufacturing, and demand substitution, *OR Spectrum*, 2006, No. 28, pp. 101–125.
3. Sahling. A column-generation approach for a short-term production planning problem in closed-loop supply chains, *Business Research*, 2013, No. 6, pp. 55–75.

Полякова И. Ю. Эвристика снижения чередующихся окрестностей для задачи определения величины разнородной партии в случае повторного производства
Poliakova I. Yu. A variable neighborhood descent heuristic for a multi-item lot-sizing problem with remanufacturing

4. Figueira G., Santos M. O., Almada-Lobo B. A hybrid VNS approach for the short-term production planning and scheduling: A case study in the pulp and paper industry, *Computers & Operations Research*, 2013, No. 40, pp. 1804–1818.
5. Sifaleras A., Konstantaras I. Variable neighborhood descent heuristic for solving reverse logistics multi-item dynamic lot-sizing problems, *Computers & Operations Research*, 2017, No. 78, pp. 385–392.
6. Wagner H., Whitin T. Dynamic Version of the Economic Lot Size Model, *Management Science*, 1958, Vol. 5, No. 1, pp. 89–96.
7. Li Y., Chen J., Cai X. Heuristic genetic algorithm for capacitated production planning problems with batch processing and remanufacturing, *International Journal of Production Economics*, 2007, No. 105, pp. 301–317.
8. Koken, Seok, Yoon. A simulated annealing algorithm with neighbourhood list for capacitated dynamic lot-sizing problem with returns and hybrid products, *International Journal of Computer Integrated Manufacturing*, 2018, Vol. 31, No. 8, pp. 739–747.
9. Mladenović N. A variable neighborhood algorithm – a new metaheuristic for combinatorial optimization. *Abstracts of Papers Presented at Optimization Days*, Montréal, 1995.
10. Brandimarte P. Multi-item capacitated lot-sizing with demand uncertainty, *International Journal of Production Research*, 2006, Vol. 44, No. 15, pp. 2997–3022.
11. Macedo P., Douglas A., Santos A. Hybrid manufacturing and remanufacturing lot-sizing problem with stochastic demand, return, and setup costs, *International Journal of Advanced Manufacturing Technology*, 2015, Vol. 82, No. 5.
12. Alfares H., Turnadi R. Lot sizing and supplier selection with multiple items, multiple periods, quantity discounts, and backordering, *Computers & Industrial Engineering*, 2018, February, pp. 59–71.
13. Shekarabi S., Gharaei A., Karimi M. Modelling and optimal lot-sizing of integrated multi-level multi-wholesaler supply chains under the shortage and limited warehouse space: generalised outer approximation, *International Journal of Systems Science: Operations & Logistics*, 2019, Vol. 6, Is. 3, pp. 237–257. DOI: <https://doi.org/10.1080/23302674.2018.1435835>
14. Zhou S., Zhou Y., Zuo X., Xiao Y., Cheng Y. Modeling and solving the constrained multi-items lot-sizing problem with time-varying setup cost, *Chaos, Solitons & Fractals*, 2018, November, pp. 202–207. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chaos.2018.09.012>
15. Güner Gören, H., Tunali, S. Fix-and-optimize heuristics for capacitated lot sizing with setup carryover and backordering, *Journal of Enterprise Information Management*, Vol. 31, No. 6, 2018, pp. 879–890.

Дата поступления / Received 10.06.2019

Дата принятия в печать / Accepted 10.01.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Полякова И. Ю., 2020
© Poliakova, I. Yu., 2020

ПОЗНАНИЕ

Бикеев, И. И., Кабанов, П. А.

Антикоррупционное просвещение: вопросы теории и практики / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. В 3 т. Т. 3. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 240 с. – (Серия: Противодействие коррупции).

В книге рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с антикоррупционным просвещением как инструментом противодействия коррупции. Изложены особенности правового регулирования этого инструмента на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, а также особенности оценки качества его организации и осуществления в органах публичной власти и организациях.

Работа предназначена для лиц, реализующих государственную политику противодействия коррупции, научных работников, преподавателей, обучающихся и всех, кто интересуется проблемами коррупции.

В. А. ТОЛСТИК¹

¹ Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НОРМАЛЬНОГО (СПРАВЕДЛИВОГО) ГОСУДАРСТВА И ИХ КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

Толстик Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: +7 (831) 464-30-18

E-mail: tolstikva@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018>

Цель: формулирование концептуальных основ модели нормального (справедливого) государства и обоснование возможности и необходимости их конституционного закрепления.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений определил следующие методы исследования: анализ, синтез, моделирование, прогнозирование, сравнение, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты: сформулированы концептуальные основы модели нормального (справедливого) государства, предполагающей создание совокупности политических, экономических, социальных, правовых и иных условий, необходимых для обеспечения благоприятной жизни многонационального народа Российской Федерации. С этой целью определены и конкретизированы принципы нормального (справедливого) государства. Обращено внимание на то, что для формирования окончательного, выверенного, практически пригодного варианта иницилируемой модели требуются коллективные усилия (уточнения, дополнения) ученых различных отраслей научного знания. В целях практической реализации концептуальных основ модели нормального (справедливого) государства предложено дополнить Конституцию Российской Федерации статьей 80.1 и закрепить в ней наиболее значимые положения, определяющие основные параметры и векторы внутренней и внешней политики современной России.

Научная новизна: впервые в социогуманитарном знании разработана модель нормального (справедливого) государства, концептуализированная в принципах первичности общественно полезного (производительного) труда, справедливой оплаты труда, обоснованности государственных (муниципальных) расходов, оптимизации структуры и численности государственного (муниципального) аппарата, справедливого распределения доходов от использования природных ресурсов, иных нетрудовых преимуществ и монопольного положения, обоснованности ценообразования в монополиях и государственных организациях, ограничения экспорта переработанного сырья, деофшоризации российской экономики и др.

Практическая значимость: конституционное закрепление концептуальных основ модели нормального (справедливого) государства и их последовательная реализация позволят обеспечить достижение цели моделируемого государства.

Ключевые слова: государство; нормальное государство; закономерности общественного развития; государственно-правовые закономерности; принципы организации и деятельности государства; принципы права; справедливость

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Толстик В. А. Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 186–200. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.186-200>

V. A. TOLSTIK¹

¹*Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia*

CONCEPTUAL BASES OF A NORMAL (JUST) STATE AND THEIR CONSTITUTIONAL STIPULATION

Vladimir A. Tolstik, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Professional Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Nizhniy Novgorod Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye shosse, 603950 Nizhniy Novgorod, tel.: +7 (831) 464-30-18
E-mail: tolstikva@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5834-9561>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/Q-6136-2018>

Objective: to formulate the conceptual foundations of the model of a normal (fair) state and justify the possibility and necessity of their constitutional consolidation.

Methods: the dialectical approach to the cognition of social phenomena has determined the following research methods: analysis, synthesis, modeling, forecasting, comparison, formal legal, comparative legal methods.

Results: the conceptual foundations of the model of a normal (fair) state are formulated, which presuppose the creation of a set of political, economic, social, legal and other conditions necessary to ensure a favorable life for the multinational people of the Russian Federation. For this purpose, the principles of a normal (fair) state are defined and specified. Attention is drawn to the fact that the formation of a final, verified, practically suitable version of the initiated model requires collective efforts (clarifications, additions) of scientists from various branches of scientific knowledge. To operationalize the conceptual foundations of models of normal (fair) state, it is proposed to amend Article 80.1 of the Constitution of the Russian Federation stipulating in it the most important provisions determining the basic parameters and directions of internal and foreign policy of modern Russia.

Scientific novelty: for the first time in the social sciences and humanities, a model of normal (fair) state was developed, conceptualized in the principles of the primacy of public benefit (productive) labour, fair pay, justified public (municipal) expenditures, optimized size and structure of the state (municipal) apparatus, equitable distribution of income from natural resources and other unearned advantages and monopoly position, reasonableness of pricing in monopolies and government organizations, restrictions on the export of unprocessed raw materials, deoffshorization of the Russian economy, etc.

Practical significance: the constitutional consolidation of the conceptual foundations of the model of a normal (fair) state and their consistent implementation will ensure the achievement of the goal of the simulated state.

Keywords: State; Normal state; Laws of social development; State-legal regularities; Principles of organization and activity of the state; Principles of law; Justice

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Tolstik V. A. Conceptual bases of a normal (just) state and their constitutional stipulation, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 186–200 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.186-200>

В настоящей статье не ставится задача создать идеальную и тем более идеологизированную модель развития и функционирования российского государства. Речь будет идти лишь о попытке сформулировать концептуальные основы такой модели государственного и общественного устройства, в которой, с одной стороны, будут определены политические, экономические, социальные и правовые условия для обеспечения

благоприятной жизни многонационального народа Российской Федерации, а с другой – обеспечены элементарные требования социальной справедливости в организации государственной и общественной жизни. Вполне очевидно, что для формирования окончательного, выверенного, практически пригодного варианта иницируемой модели потребуются коллективные усилия (уточнения, дополнения) ученых различных

отраслей научного знания, к чему, собственно, и призывает научную общественность автор данной статьи.

Второй значимой задачей являются технико-юридическое обоснование конституционного закрепления базовых положений нормального (справедливого) государства и разработка проекта закона о поправке к Конституции России.

Не акцентируя особое внимание на обосновании наименования иницилируемой модели, полагаем, что ее можно обозначить как нормальное (справедливое) государство. И в природе, и в обществе прилагательное «нормальный» означает соответствующий параметрам, отражающим норму (закон) в природе и норму социально-культурного должествования (в обществе).

В энциклопедическом словаре по психологии и педагогике понятие «нормальность» определяется как представление о желательном состоянии человека, в соответствии с которым проводятся различия между здоровьем и болезнью, нормой и патологией¹. Устойчивыми словосочетаниями являются: нормальная погода, нормальная температура тела, нормальные отношения и т. п.

О позитивной коннотации слова «нормальный» свидетельствует и его синонимический ряд: обычный, стандартный, типовой, здоровый, подходящий, правильный; партнерский, неизвращенный, в здравом уме, адекватный, разумный, естественный, в природе вещей, нефальсифицированный, здоровый².

В наиболее общем виде суть нормального (справедливого) государства может быть представлена в следующих простых формулах: если государство закрепило³ в конституции и иных законах права и свободы, они должны быть гарантированы; если право нарушено, оно должно быть восстановлено, компенсировано; если человек желает заниматься бизнесом, для этого должны быть созданы благоприятные условия; если человек обратился в суд, должно быть вынесено правосудное решение; если совершено правонарушение, виновный должен быть

справедливо наказан; если государство собирает налоги, они должны быть потрачены на социально значимые нужды (безопасность, качественное образование, качественное медицинское обслуживание и т. п.); если человек работает, он должен получать достойную заработную плату, при этом чем больше и лучше работает, тем выше должна быть заработная плата; если человек покупает товар (услугу), они должны быть качественными; и т. д., и т. п.

Нормальное (справедливое) государство можно определить как государство, основной целью которого является создание политических, экономических, социальных, правовых и иных условий для обеспечения благоприятной жизни многонационального народа Российской Федерации⁴.

С другими государствами нормальное (справедливое) государство должно находиться в здоровой конкуренции по качеству жизни (образования, здравоохранения, социальной защищенности, безопасности, товаров, услуг, условий для занятия бизнесом и т. п.).

Концептуальное обоснование модели нормального (справедливого) государства следует начать с элементарных положений, которые без сколько-нибудь существенных возражений могут и должны приниматься рациональным сознанием.

1. Государство, являясь организацией политической власти общества, может как способствовать развитию общественных отношений, так и тормозить их, как способствовать торжеству принципа справедливости, так и исказить его. Одним из основных средств, с помощью которого государство воздействует на общественные отношения, является право.

Зададим вопрос: от чего зависит позитивная или негативная направленность государственно-правового воздействия на общественные отношения? Вполне очевидно, что такая направленность детерминирована большим количеством объективных и субъективных факторов. При этом степень влияния каждого отдельного из них различна. В доктринальном плане важно выявить наиболее существенные факторы, учет или игнорирование которых оказывает определяющее воздействие на развитие общественных отношений. Решение этой научной задачи возможно лишь на ос-

¹ Краткий психоаналитический словарь-справочник. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5041095779> (дата обращения: 20.02.2019).

² Словарь синонимов русского языка. URL: <https://sinonim.org/s/нормальный> (дата обращения: 20.02.2019).

³ Вполне очевидно, что, если государство не закрепляет в источниках права основные права и свободы, оно не может признаваться нормальным.

⁴ Полагаем, что идея построения нормального (справедливого) государства, без ложного пафоса, вполне могла бы стать национальной идеей России.

нове глубоких знаний корреляций, связей, и прежде всего такой их разновидности, как закономерности общественного развития, в том числе государственно-правовые закономерности.

Если в государстве установлены за пределами высокие ставки налогов, чрезмерно дорогие кредиты, экономика развиваться не будет. Если государственное управление излишне забюрократизировано – нормального и прогрессивного развития не будет. Если государство оценивает результаты научной деятельности исключительно на основе количественных критериев и при этом полностью игнорирует качественные только потому, что непрофессиональным чиновникам так проще управлять⁵ – технологического и гуманитарного развития не будет.

Наряду с объективно существующими закономерностями, игнорирование которых будет выступать серьезным препятствием на пути поступательного развития общественных отношений и, как следствие, эффективности государства, чрезвычайно важным для любого цивилизованного государства является и то, в какой мере в нем реализуется принцип справедливости. Здесь тоже работает своеобразная закономерность: *чем меньше в государстве и обществе справедливости, тем менее цивилизованным оно является*. Если государство толерантно относится к фактам очевидной социальной несправедливости, то оно, по своей сути, аморально, безнравственно, а в ряде случаев просто цинично. Если в государстве де-факто действует принцип «друзьям – всё, врагам – закон», ни нравственности, ни законности, ни правопорядка не будет. И. А. Ильин отметил, что «каждая норма и каждый императив как правила лучшего должны предписывать то, что в самом деле является лучшим. Человек должен соблюдать предписанный порядок именно потому, что он лучший. Поэтому, прежде чем устанавливать норму, необходимо иметь верное и отчетливое представление о том, что есть лучшее. Тот, кто пытается установить правило мышления, должен исследовать, что есть лучшее в мышлении, т. е. что такое истина; кто ищет правило для художественного творчества, тот должен решить вопрос о том, что есть лучшее в искусстве, т. е. что такое красота; кто

стремится установить правило нравственно праведной жизни, тот должен исследовать сущность добра; а тот, кто устанавливает правовую норму, предполагает известным, в чем состоит сущность справедливости» [2].

Таким образом, делая предварительный вывод, следует указать на два условия, при наличии которых государственно-правовое воздействие на общественные отношения будет юридически и социально эффективным: а) соответствие закономерностям общественного развития; б) наличие элементарной справедливости в общественных отношениях.

2. В процессе исторического развития каждого конкретного государства под воздействием разнообразных факторов формируется некая комплексная модель, синтезирующая отдельные подсистемы (политическую, экономическую, правовую, нравственную, религиозную и иные с их атрибутивными параметрами) и определяющая ту или иную направленность общественного развития в данном государстве.

В зависимости от различных оснований может быть представлена достаточно обширная классификация как комплексных, так и компонентных моделей государства. Однако такая аналитическая задача в рамках настоящей статьи не ставится. В данном случае принципиальное значение имеет сущностное деление моделей государства. В проблеме сущности государства ключевым был, есть и всегда будет вопрос, в чьих интересах осуществляется государственная власть. По этому основанию все модели можно разделить на две разновидности: социально ориентированная (общесоциальная) и классово ориентированная (стратоприориентированная, классовая, эксплуататорская).

Что дает научно обоснованное представление о моделях реально существующих государств, их функционировании и динамике? Правильное определение концептуальных основ модели функционирования конкретного государства предопределяет его эффективность и жизнеспособность.

Какой должна быть модель современного российского государства? Прежде чем ответить на этот вопрос, нельзя оставить без внимания идею, по которой в последнее время ностальгирует определенная часть российского общества, – идею возвращения к модели Советского Союза. Особого внимания здесь заслуживают два момента: чем обусловлены и насколько обоснованы данные настроения? Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что ностальгия

⁵ Подробнее об оценивании результатов научной деятельности смотри [1].

по временам Советского Союза у старшего поколения и аналогичное желание у определенной части молодого объясняется в значительной степени тем, что существующая сегодня модель российского государства не только не реципировала положительный, а по ряду позиций передовой социально-экономической и иной опыт, что, кстати, сделало большинство государств Западной Европы и США, но и привнесла социальные практики, которые прогрессивными современными государствами оцениваются как нежелательные, а отдельные из них как крайне негативные.

В результате современная модель России по целому ряду позиций оказалась не только неэффективной, несправедливой, но и непривлекательной для других народов. Сегодня нет ни одного государства (народа), которое стремилось бы заимствовать у современной России ее модель существования и развития. По сути, в последние годы мы наблюдаем закономерный процесс последовательного отмежевания от России не только стран так называемого социалистического лагеря, но и стран, которые совсем недавно были составными частями СССР в качестве союзных республик.

Более того, по нашему твердому убеждению, глубочайший конфликт, существующий сегодня между Россией и Украиной, был бы невозможен в принципе, если бы у нашего государства была модель нормального (справедливого) государства. Отсюда напрашивается и элементарный вывод: наиболее реальный способ решения этого конфликта – трансформация существующей модели России в модель нормального государства. Построение такой модели будет являться и весомой гарантией для внутреннего единства и целостности Российской Федерации.

Что касается обоснованности ностальгии, то таковой она может быть признана лишь в рамках альтернативы: либо модель Советского Союза, либо модель современной России, третьего не дано.

Но была ли модель Советского Союза оптимальной для нормального и прогрессивного развития общества? Полагаем, что идеализировать ее так же невежественно, как и отрицать существовавшие в тот период времени неоспоримые преимущества. Советский Союз, наряду с несомненными достоинствами, имел и немало пороков (политических, экономических, социальных и пр.). Ис с этой точки зрения его неразумно рассматривать как модель, требующую воссоздания в чистом виде в современной России.

Поэтому, конструируя доктринальную модель нормального (справедливого) государства, следует взять все лучшее из того, что было в Советском Союзе и при этом пригодное на современном этапе общественного развития, и дополнить ее лучшими социальными практиками.

Базовые основы нормального (справедливого) государства концептуализируются в его принципах. Ключевыми из них, на наш взгляд, являются нижеследующие.

Принцип первичности общественно полезного (производительного) труда. Одна из исходных идей нормального государства состоит в том, что первичной основой национального развития является общественно полезный (производительный) труд. Антиподом общественно полезного труда выступают криминальный «труд» и легализованные формы чрезмерного ростовщичества и спекуляций⁶.

Р. Иеринг пишет: «Вырождение здорового чувства собственности... могло получиться лишь благодаря извращению естественных отношений собственности. Ответственность за это я возлагаю не на богатство и роскошь – в том и другом я не усматриваю решительно никакой опасности для народного правового чувства – но на *безнравственность приобретения* (курсив наш. – В. Т.). Исторически источник и нравственное оправдание собственности есть труд, включая сюда не только труд физический, но и труд умственный и художественный, и я признаю право на продукт труда не только за самим трудящимся, но и за его наследниками, т. е. нахожу наследственное право необходимым выводом из трудового принципа: я держусь того взгляда, что нельзя возбранять трудящемуся отказываться от пользования результатами своего труда и предоставлять их другим лицам, будет ли это при его жизни или после его смерти. Лишь при постоянной связи с трудом собственность может оставаться свежей и здоровой, лишь у этого ее источника, из которого она непрерывно вновь порождается и освежается, можно с полной ясностью и наглядностью понять ее значение для чело-

⁶ Под ростовщической деятельностью понимается получение дохода посредством предоставления финансовых и иных ресурсов под необоснованно высокие проценты. Под спекулятивной деятельностью понимается получение дохода посредством покупки и перепродажи, не обусловленного соответствующей мерой труда и иными объективными затратами (издержками).

века. Чем же более удаляется поток от этого источника и уклоняется в области легкого или даже совершенно ни с какими усилиями не сопряженного приобретения, тем он становится мутнее, пока наконец в тине биржевой игры и грюндерской горячки не исчезает всякий след того, чем он был первоначально» [3, с. 45–46].

Для нормального (справедливого) государства принципиальное значение имеют не только нравственно оправданные способы приобретения собственности, но и направленность мотивации на ту или иную трудовую деятельность. Мотивация объективна. Концептуально ее нельзя изменить никакими призывами. Она детерминирована совокупностью существующих в государстве условий, предопределяющих направленность трудовых усилий. Для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей люди должны зарабатывать деньги. Но куда направить свои трудовые усилия? В какой сфере и какая деятельность позволит эту задачу решить наиболее эффективно? Это зависит от условий, созданных государством. Сегодня в реальном монополизированном секторе экономики при отсутствии административного ресурса сделать это крайне затруднительно.

Определить вектор существующей на сегодняшний день мотивации можно с помощью двух тестовых вопросов. Во-первых, кто в современной России является богатым человеком? Богатые в России прежде всего высокопоставленные чиновники, топ-менеджеры государственных корпораций, собственники приватизированных в 1990-е гг. крупнейших предприятий. Во-вторых, кем желает стать молодое поколение, стоящее перед выбором своей будущей трудовой деятельности? Опросы, проведенные различными социологическими центрами Санкт-Петербурга, показывают, что 23 % выпускников петербургских школ хотят стать чиновниками, 20 % – бизнесменами, 15 % – правоохранителями. При этом молодых людей интересует не сама государственная служба, а, как они полагают, широкие возможности, связи и льготы, свободное распоряжение бюджетными деньгами и солидная зарплата, а потом хорошая пенсия [4].

Это путь порочный! Какой должна быть мотивация в нормальном государстве? Люди должны быть ориентированы на занятие общественно полезным трудом, который, кроме психологического удовлетворения при его легитимном характере, должен приносить достаточное денежное вознаграждение.

О чем мечтает трудоспособный среднестатистический американец, китаец или европеец? Их помыслы направлены на создание своего бизнеса или повышение трудовой квалификации, которые бы позволили им зарабатывать достаточное количество средств для нормального уровня жизни себя и своей семьи. И, заметим, в соответствующих государствах созданы для реализации этих намерений вполне комфортные условия. В современной России, напротив, на пути удовлетворения своих материальных и духовных потребностей посредством добросовестного общественно полезного труда существует крайне много правовых и неправовых препятствий.

Базовое положение нормального (справедливого) государства можно сформулировать следующим образом: «*В нормальном государстве должен стимулироваться общественно полезный труд, запрещаться криминальный доход и ограничиваться чрезмерная ростовщическая и спекулятивная деятельность*».

Парадокс, но в современной России первичным ростовщиком является само государство в лице своего Центрального банка, который устанавливает, например, в период с 3 февраля 2013 г. по настоящее время ключевую ставку в пределах от 5,5 до 17 % годовых.

Разве ЦБ России – это коммерческая организация? Разве у Центрального банка нет иных инструментов для осуществления эффективного регулятивного воздействия на экономические процессы? Вопросы риторические.

В логике Центрального банка России действуют и все иные финансовые организации. В результате, например, как следует из отчетности Сбербанка, чистая прибыль по РСБУ в 2018 г. выросла на 24,1 % по сравнению с предыдущим годом – до 811,1 млрд рублей без учета событий после отчетной даты (СПОД) [5]. По сути, Сбербанк заработал на ростовщичестве около 1 трлн рублей. Это безумие! История экономического развития не предъявляет ни одного факта, когда бы экономика государства эффективно развивалась в условиях непомерного ростовщичества.

Какие конкретные меры следует предпринять?

В нормальном государстве ключевая ставка Центрального банка должна устанавливаться в размере от 0 до 1 % без какого-либо дополнительного увеличения, а в целом денежно-кредитная политика Банка России должна быть ориентирована на развитие реального сектора экономики.

При этом необходимое регулятивное воздействие на экономические процессы Центральный банк России вполне успешно может осуществлять посредством не ростовщических (паразитарных), а иных, не сдерживающих экономическое развитие инструментов.

В целях ограничения ростовщической и спекулятивной деятельности полезными будут также следующие нормативные положения:

– в случае покупки и перепродажи физическими и юридическими лицами иностранной валюты с них взимается налог в размере 95 % на разницу превышения цены продажи над ценой покупки;

– в организациях, осуществляющих ростовщическую деятельность, налог на прибыль до 10 % устанавливается в размере 50 %, а на прибыль более 10 – в размере 90 %;

– в организациях, осуществляющих торговую деятельность без объективно необходимых издержек, прибыль взыскивается в доход государства.

Принцип справедливой оплаты труда. В нормальном государстве данный принцип предполагает установление и нелукавую реализацию двух базовых императивов.

Во-первых, размер заработной платы должен находиться в прямой зависимости от количества и качества труда.

Во-вторых, минимальный размер оплаты труда не может быть ниже прожиточного минимума. При этом последний должен исчисляться исходя не из среднестатистического, а реального набора потребительской корзины в соответствующем регионе и размещаться в детализированном виде в сети Интернет.

Особое значение для нормального (справедливого) государства имеет установление соотношения между минимальным размером оплаты труда и максимальной совокупной заработной платой государственных и муниципальных служащих, дельта которого не может превышать 10 раз.

Причем здесь важны не только минимальный и максимальный (для чиновников) пределы заработной платы, но и жесткая связь между этими величинами. Если государственные (муниципальные) чиновники государства хотят повысить себе заработную плату, то сделать это можно только вслед и в пропорциях повышения минимальной заработной платы. Такой подход повысит заинтересованность чиновников

государства в создании условий для увеличения минимального размера оплаты труда.

Принципиальным с точки зрения справедливого (нормального) государства является установление верхнего предела заработной платы в организациях, находящихся в собственности государства, субъектов Федерации и муниципальных образований, а равно в иных монополиях на уровне заработной платы в государственных органах и органах местного самоуправления. Это означает, что заработная плата в государственных корпорациях, государственных учреждениях и на предприятиях не должна быть выше зарплаты государственных (муниципальных) чиновников.

Отступление от этого принципа с моральной точки зрения должно квалифицироваться как легализованная безнравственность, а многомиллионные зарплаты государственных (муниципальных) служащих и менеджмента соответствующих организаций – как откровенный цинизм.

Принцип обоснованности государственных (муниципальных) расходов. Сколько стоит функционирование государства, вопрос отнюдь не праздный. Какими должны быть затраты на содержание нормального государства? Базовая идея может быть сформулирована следующим образом: государство не должно потреблять больше, чем это необходимо для осуществления его объективно необходимых функций. Вполне очевидно, что данная идея нуждается в конкретизации.

Помимо справедливой оплаты труда государственных и муниципальных служащих, о чем говорится выше, в рамках реализации принципа обоснованности государственных (муниципальных) расходов принципиальное значение имеют следующие положения.

Материально-техническое обеспечение государственного и муниципального аппарата должно осуществляться на уровне стандарт-класса в градации: эконом, стандарт, бизнес. Роскошь⁷ ни в коей мере

⁷ В средствах массовой информации можно найти огромное количество фактов, когда чиновники за государственный счет закупают дорогой транспорт, мебель, оплачивают баснословные счета за проживание в отелях и т. п. При этом в таком непомерном расточительстве ни они, ни законодатель, ни правоохранительные институты государства не видят не только ничего противоправного, но и нравственно ущербного. Для их безнадежно деформированного нравственно-правового сознания это совершенно нормальное поведение. Вполне очевидно, что в нормальном государстве так быть не должно.

не способствует качественному выполнению государственных (муниципальных) функций, она лишь нарочито подчеркивает ничем не обоснованное превосходство чиновника над обычными гражданами.

Цены накупаемую для государственных (муниципальных) нужд продукцию, выполняемые работы и оказываемые услуги не должны быть выше средних рыночных в соответствующем регионе.

Из государственного и муниципального бюджета не должны финансироваться избыточные привилегии⁸ (персональный транспорт, личная охрана, связь, поддержание рейтинга государственного (муниципального) служащего и т. п.). При этом исчерпывающий перечень должностей государственных и муниципальных служащих, а также предоставляемых им привилегий должен устанавливаться федеральным законом.

Вплоть до создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ), государство не может осуществлять финансирование любых проектов (олимпиад, чемпионатов и т. п.), не направленных на непосредственное выполнение функций государства.

Государственные и муниципальные органы, равно как и любые иные организации, находящиеся в собственности государства (муниципалитета), не вправе финансировать деятельность, не связанную с осуществлением государственных (муниципальных) функций.

Принцип оптимизации структуры и численности государственного (муниципального) аппарата.
Структура и численность государственного аппарата не только влияют на его стоимость, но и самым непосредственным образом определяют степень его эффективности. Разрастаясь сверх необходимой меры, что само по себе также закономерно, служащие государственного аппарата начинают выполнять работу, в которой нет потребности с точки зрения здорового государственного (муниципального) управления. Это порождает издержки тройного рода. Во-первых,

на выполнение этой работы затрачиваются немалые ресурсы. Во-вторых, избыточная работа выполняется не параллельно необходимой управленческой деятельности, а взамен ее и нередко вопреки. В-третьих, осознание избыточности, ненужности, бесполезности выполняемой работы порождает нигилистическое отношение к государству и праву.

Содержательная конкретизация этого принципа должна опираться на следующие закономерности: обусловленности функций управления целями (задачами) системы, соответствия структуры функциям управления, оптимального соотношения внутренних и внешних функций, необходимого разнообразия⁹. Приведенные закономерности подробно рассмотрены нами в ранее опубликованных работах.

Опираясь на указанные закономерности, можно сформулировать следующие положения, направленные на оптимизацию структуры и численности государственного (муниципального) аппарата.

Структура и численность государственного (муниципального) аппарата должны находиться в прямой зависимости от объективно необходимых функций государственного (муниципального) управления.

В Российской Федерации не допускается введение избыточных (дублирующих) функций и устанавливаются эффективные (упрощенные) процедуры реализации объективно необходимых функций государственного (муниципального) управления.

В структуре государственных (муниципальных) органов и организаций не допускается излишняя дифференциация структурных подразделений, а равно введение в штатное расписание должностей, регламенты которых не предусматривают непосредственное выполнение общественно значимой работы.

Принцип справедливого распределения доходов от использования природных ресурсов, иных нетрудовых преимуществ и монопольного положения.
В соответствии со ст. 9 Конституции России «1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. 2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности».

⁸ Под избыточными привилегиями следует понимать преимущества, влекущие издержки государственного и муниципального бюджета, не обусловленные необходимостью осуществления соответствующих функций. Так, на работу и домой чиновник может ездить на личном транспорте. Почему эта услуга должна оплачиваться из государственного или муниципального бюджета, непонятно. То же самое касается услуг связи и многого иного.

⁹ Подробнее об этих закономерностях смотри [6, с. 76–86].

Земля и природные ресурсы могут находиться в любой собственности. Главное в том, что они должны использоваться как основа жизни и деятельности всех граждан государства, а не безмерного обогащения узкой группы лиц. Для нормального государства такое представление является аксиоматичным. Иное незаконно, несправедливо и безнравственно.

Реализации принципа справедливого распределения доходов от использования природных ресурсов, иных нетрудовых преимуществ и монопольного положения будут способствовать следующие нормативные предписания.

Предельный размер прибыли в организациях, добывающих и реализующих природные ресурсы, а также использующих иные нетрудовые преимущества, устанавливается в размере 10 %.

Сверхприбыль, получаемая от реализации переработанных природных ресурсов и иных нетрудовых преимуществ (природная и иная рента), поступает в казну государства и используется для повышения качества жизни населения.

Отдельно следует сказать об иных нетрудовых преимуществах. Приведем наглядный пример. Дом, построенный на окраине и в центре города по одному и тому же проекту из одних и тех же материалов и т. п., будет иметь одинаковую себестоимость и существенно различающуюся рыночную цену. Разница в стоимости обусловлена не трудовыми и иными затратами, а рыночной конъюнктурой. Это не трудовое преимущество. Поэтому ценовая разница должна поступать в соответствующую казну Российской Федерации, субъекта Федерации, муниципального образования и использоваться для повышения качества жизни населения.

Принцип обоснованности ценообразования в монополиях и государственных организациях. Рынок является эффективным регулятором экономических отношений лишь в условиях конкурентной борьбы. За счет последней обеспечивается повышение качества товаров, работ и услуг и снижение цены. В таких условиях по общему правилу директивное регулирование цен нецелесообразно. Иное дело – монополии. Здесь нет конкуренции и, следовательно, отсутствуют стимулы к повышению качества продукции и снижению ее стоимости. Напротив, монопольное преимущество всегда будет использоваться для повышения цен, причем нередко за счет снижения качества.

Именно поэтому для монополий и государственных (муниципальных) организаций должен действовать особый режим ценообразования, включающий в себя следующие нормативные положения.

Монополии (ж/д, электро-, газо-, водоснабжающие организации, ЖКХ и другие) работают на основе принципа себестоимости.

Затраты на инвестиции, необходимые для нормального функционирования и развития соответствующих предприятий, включаются в себестоимость и могут быть использованы исключительно по своему целевому назначению.

Цены (тарифы) на товары, работы, услуги монополий и государственных (муниципальных) организаций устанавливаются на основе обоснованных и документально подтвержденных затрат (включая инвестиционные).

Структура цены (тарифа) на товары, работы, услуги размещается на интернет-сайте соответствующей организации.

Принцип ограничения экспорта переработанного сырья. Необходимость ограничения экспорта переработанного сырья обусловлена рядом причин: а) продавать сырье в переработанном виде на порядок выгоднее, чем в переработанном; б) развитие переработки обеспечивает занятость населения, создание новых рабочих мест; в) переработка способствует развитию новых технологий; г) повышается уровень национального самосознания. Россия становится не сырьевым придатком Запада, а развитой в технологическом отношении державой.

Для реализации идеи ограничения экспорта переработанного сырья предлагаем закрепить в законодательстве следующие положения.

Государство стимулирует переработку природных ресурсов и иного сырья, а также ограничивает их экспорт в переработанном виде.

Налог на прибыль от экспорта переработанных природных ресурсов и иного сырья устанавливается в размере 90 %.

Принцип деофшоризации российской экономики. Реализация этого принципа позволит деофшоризировать российскую экономику и, как следствие, обеспечить надлежащий сбор налогов от экономической деятельности на территории нашей страны.

Нормативно данная идея может быть выражена в следующей форме.

На территории Российской Федерации не допускается деятельность предприятий, зарегистрированных в иностранной юрисдикции. Для занятия бизнесом на территории России требуется регистрация предприятия в соответствующей юрисдикции.

Принцип экономической самодостаточности (суверенитета) Российской Федерации. Незыблемость государственного суверенитета предполагает не только наличие высокого уровня обороноспособности России, но и высокую степень экономической самодостаточности. В этой связи в законодательстве в качестве одного из целевых ориентиров должно быть закреплено следующее положение.

В Российской Федерации обеспечивается продовольственная, промышленная, технологическая, финансовая и иная независимость от других государств.

Принцип наибольшего благоприятствования для развития реального сектора отечественной экономики. Исходя из того, что развитие экономики является неременным условием для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, обязанность нормального государства – создавать максимально благоприятные условия для развития реального сектора отечественной экономики.

В чем конкретно это должно выражаться?

Органы государственной власти всех уровней и местного самоуправления должны оказывать всестороннее содействие в согласовании всех видов документов, необходимых для создания и функционирования предприятий.

Земельные участки под строительство предприятий и осуществление сельскохозяйственной деятельности должны предоставляться бесплатно в постоянное (бессрочное) пользование при условии использования по целевому назначению.

Подключение предприятий к коммуникациям энерго-, газо-, водоснабжения должно осуществляться по себестоимости соответствующего вида работ.

Совокупное налогообложение, устанавливаемое в Российской Федерации, не должно препятствовать обеспечению экономически обоснованной рентабельности и при этом обязано рационально ограничивать ростовщическую и спекулятивную деятельность.

Государство должно оказывать содействие в реализации продукции, произведенной в Российской Федерации, на внутреннем и внешних рынках.

Вплоть до обеспечения полной экономической самодостаточности (суверенитета) Российская Федерация не должна размещать собственные средства в иностранные ценные бумаги.

Государство осуществляет прямое целевое финансирование строительства новых и модернизации действующих предприятий, продукция которых необходима для обеспечения экономической самодостаточности (суверенитета) государства, с жестким контролем за целевым использованием денежных средств.

Существенное значение для разумного кредитования реального сектора экономики будут иметь меры, ограничивающие предельный размер ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации до 1 %, а максимальную прибыль ростовщиков – до 10 %. Полагаем, что эти меры позволят выйти на размеры ставок, сопоставимые с европейскими странами, т. е. в пределах 3–4 % годовых. Кстати, российские банки, работающие в Европе, выдают кредиты европейским клиентам в указанных пределах.

Указанные меры будут способствовать реализации еще одного принципа – **принципа доступности жилья**. В европейских странах кредит на покупку жилья можно оформить под следующие проценты: Великобритания – от 2 %; Франция – от 2 %; Испания – от 3 %; Италия – от 3,5 % годовых [7].

Полагаем, что антиростовщические и антиспекулятивные меры в Российской Федерации позволят обеспечить максимальную ставку ипотечного кредитования в размере до 4 % годовых.

Принцип сбалансированного (равномерного) развития территорий Российской Федерации.

Конституционная обязанность государства состоит в том, чтобы создавать условия для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека на всей территории Российской Федерации. Сегодня эта обязанность полноценно не выполняется. В современной России имеют место гигантские диспропорции в финансовых возможностях Федерации, различных субъектов Федерации и муниципальных образований.

В чем причины такой ситуации? На наш взгляд, прежде всего в нарушении **принципа справедливого распределения налогов и иных доходов**. В чем конкретно это выражается?

Во-первых, диспропорции существуют между федеральным бюджетом и иными уровнями бюджетной

системы государства. Федеральная власть аккумулирует значительную часть финансовых ресурсов, которые используются не только на осуществление объективно необходимых общефедеральных функций, но и целого ряда задач, которые не имеют к ним непосредственного отношения. Так, значительная часть финансовых средств Российской Федерации размещена в иностранных ценных бумагах под мизерные проценты. Если при этом принять во внимание, что более 20 миллионов человек в России живут за чертой бедности, имея доход ниже прожиточного минимума [8; 9, с. 428], с центральных каналов российского телевидения идет целенаправленное попрошайничество денег у населения для того, чтобы помочь детям, нуждающимся в дорогостоящих препаратах, операциях или иной помощи, и такая ситуация продолжается на протяжении достаточно длительного периода времени, становятся очевидными бездушное и циничное отношение власти к этой категории населения страны.

Федеральный центр держит подавляющее большинство субъектов Российской Федерации на коротком поводке. Потребность в таком своеобразном способе обеспечения целостности российской государственности была оправдана в период стабилизации федеративных отношений. Сегодня такой потребности нет, но «поводок» по-прежнему не ослабляют.

Во-вторых, существенные диспропорции имеют место при распределении налогов и между субъектами Российской Федерации. Самым богатым регионом является Москва. В столице России живет 10 % населения. При этом, по данным РБК, в Москве сосредоточено около 70 % денег государства [10]. Если перефразировать русскую поговорку, то получим следующую формулу: «Москва с жиру бесится», а большинству регионов «не до жиру, быть бы живу». Почему так происходит? Дело в том, что налог на прибыль предприятий уплачивается в том регионе, в котором зарегистрирована головная компания. Большинство крупных компаний зарегистрированы в столице. В результате даже те регионы, на территории которых находятся высокодоходные предприятия, могут иметь дефицитные бюджеты. Для осуществления своих функций они вынуждены брать кредиты в коммерческих банках под немалые проценты и тем самым «кормить» ростовщиков.

В-третьих, на уровне муниципальных образований основные диспропорции возникают между собственными доходами и объемом задач и функций местного

самоуправления. Около 50 % доходов местных бюджетов составляет финансовая помощь, осуществляемая в форме дотаций, субвенций и иных форм финансовой поддержки. Дефицит муниципального бюджета не позволяет полноценно осуществлять функции местного самоуправления.

В нормальном (справедливом) государстве должно обеспечиваться сбалансированное развитие субъектов Российской Федерации и муниципальных образований всех уровней.

В России устанавливаются справедливые дифференцированные ставки распределения налогов между Федерацией, субъектами Федерации и муниципальными образованиями, соответствующие объему выполняемых ими функций.

Налог на прибыль предприятий поступает в региональный бюджет субъекта Российской Федерации, на территории которого находится соответствующее предприятие. В случае если производственные мощности размещены на территории разных субъектов, налог на прибыль распределяется пропорционально соответствующей доли производства.

В случае недостаточности денежных средств в бюджете субъекта Федерации или муниципального образования для осуществления объективно необходимых функций они восполняются из казны Федерации и (или) субъекта Федерации соответственно.

Принцип планирования экономического развития страны. Реализация данного принципа будет способствовать комплексному, сбалансированному развитию территорий Российской Федерации. Его суть в том, что Правительство Российской Федерации, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в целях реализации принципа экономической самодостаточности (суверенитета) Российской Федерации, а также сбалансированного развития территорий Российской Федерации с учетом сырьевых, климатических, логистических и иных возможностей разрабатывают взаимосогласованные планы экономического развития страны, субъекта, муниципального образования, включающие конкретные проекты по созданию новых предприятий и модернизации действующих. При этом руководители федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления должны

нести персональную ответственность за экономическое развитие, и в первую очередь за разработку и реализацию проектов (строительство новых и модернизацию действующих предприятий), необходимых для осуществления принципа экономической самодостаточности (суверенитета) Российской Федерации.

Принцип профессионально ориентированного образования. Успешное развитие реального сектора экономики и других сфер общественной жизни в качестве неперемного условия предполагает подготовку высококвалифицированных кадров. Для реализации этой задачи предлагается предусмотреть следующие нормативные положения.

В Российской Федерации устанавливаются следующие ступени образования: дошкольное, школьное, профессионально-техническое, среднее специальное, высшее (вузовское) и послевузовское (аспирантура, адъюнктура, ординатура)¹⁰.

Правительство Российской Федерации, исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации на основе анализа состояния и перспектив общественного развития определяют потребность в количестве специалистов с профессионально-техническим, средним специальным и высшим образованием и заблаговременно корректируют систему подготовки и переподготовки кадров.

В системе государственных профессионально-технических, средних специальных и высших учебных заведений доминирующим является техническое образование, необходимое для профессионального кадрового обеспечения развития экономики.

Принцип стабильности (устойчивости) правового регулирования. Устойчивость, стабильность правового регулирования общественных отношений является неперемным условием социальной и юридической эффективности закона. К великому сожалению, в современной России закономерность устойчивости, стабильности правового регулирования общественных отношений в юридической практике нередко игнорируется. В государственном управленческом сознании существует своеобразный комплекс перманентного реформирования. Реформируют и то, что нуждается в таковом, и то, что не нуждается.

¹⁰ По вопросу абсурдности и вредности Болонской модели «бакалавр – магистр» написано немало работ, и здесь не требуется дополнительной аргументации.

Реформируют одно и то же по несколько раз, причем нередко в прямо противоположных направлениях. При этом руководствуются, очевидно, исключительно благими побуждениями, поскольку в противном случае пришлось бы предположить, что в системе государственного управления работают диверсанты.

Ранее нами был обоснован ряд мер, реализация которых позволит ограничить необоснованную законодательную активность. В их числе: установление 10-летнего моратория на изменение законодательства; определение в законодательстве оснований для обоснованного его изменения; закрепление в праве (актах, адресованных соответствующим субъектам правотворчества) запрета на необоснованную дифференциацию правового регулирования; установление ответственности законодателя за законодательный брак [11].

Нормативное закрепление должны получить следующие положения.

В Российской Федерации обеспечивается стабильность (устойчивость) правового регулирования на длительный период.

Государство гарантирует неизменность установленных правил поведения (в том числе ставок налогов и тарифов на энергоресурсы). Основаниями для изменения действующих правил могут быть существенные изменения в общественных отношениях либо обстоятельства чрезвычайного характера.

Принцип достаточности правового регулирования. Эффективное правовое регулирование возможно, когда есть мера правовой формы. Права как регулятора общественных отношений может быть недостаточно и избыточно. И один и другой «недуг» требуют внимания со стороны доктрины и законодателя. Недостаточность права (пробелы в праве) основательно изучена в отечественной юридической науке и при этом не выступает сегодня в качестве серьезной проблемы правового регулирования. Иное дело – избыточность правового регулирования. И. Н. Барциц справедливо отметил, что «сегодня становится все более очевидной неизбежность признания опасности чрезмерного правового регулирования» [12]. И эту опасность нельзя недооценивать. Нами в этой связи была обоснована категория «правовой тоталитаризм» [13].

В качестве мер оптимизации чрезмерности правового регулирования требуется реализация **принципа унификации правового регулирования.**

Правовое регулирование типичных общественных отношений осуществляется на основе типовых нормативных правовых актов.

Запрещается дублирование нормативных положений в нижестоящих нормативных правовых актах, а равно установление необоснованного нормативного разнообразия.

Для нормального (справедливого) государства особое значение имеет реализация **принципа неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение**.

Идея неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение является одним из базовых императивов принципа социальной справедливости. Ни одно правонарушение не должно остаться без адекватной реакции государства. Это нравственная и юридическая аксиома.

В числе других мер, способствующих реализации принципа неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение и элементарного чувства законности, в современной России особое внимание следует уделить тем, которые сегодня общественным правовым сознанием воспринимаются как крайне негативные.

Во-первых, должна быть адекватная реакция на любую информацию о фактах, указывающих на признаки противоправного (преступного) поведения. Если кто-либо представил какую-либо информацию, обличающую кого-либо в совершении правонарушения (преступления), то уполномоченные государственные органы в обязательном порядке должны провести установленные законом проверочные мероприятия, принять соответствующие меры и проинформировать об этом общественность. Демонстративное игнорирование такой информации либо принятие по ней явно незаконного решения (оправдание виновного или наказание невиновного) есть явный признак клинической деградации государственности, трансформации ее в бандоподобное образование.

Во-вторых, должна быть адекватная реакция на любые факты незаконного обогащения¹¹. Факт не-

законного обогащения должен являться безусловным основанием для увольнения государственного служащего (как утратившего доверие), возбуждения уголовного дела и при доказывании факта получения незаконного дохода привлечения к уголовной ответственности с конфискацией имущества.

Для формирования нормального (справедливого) государства существенное значение имеет последовательная реализация **принципа культивирования ценностей нормального (справедливого) государства**. Его суть в том, что в Российской Федерации «мощь и гений» аффилированных с государством средств массовой информации должны быть направлены не на пропаганду существующего статус-кво, а на культивирование ценностей справедливого государства: первичности социально ориентированного труда, стабильности политической, экономической, социальной и правовой систем, высокого качества товаров и услуг, чистоты и порядка, профессионализма, порядочности, нетерпимости к правонарушениям, неотвратимости наступления юридической ответственности и др.

Важным видится и **принцип адекватного толкования приведенных законоположений**, предполагающий, что никакие положения нормативной модели нормального (справедливого) государства не должны толковаться вопреки их здравому смыслу.

Для своей практической реализации модель нормального (справедливого) государства должна быть не только концептуально обоснована, но и нормативно закреплена. Как это сделать? Техничко-юридические формы нормативного закрепления концептуальных основ нормального (справедливого) государства могут быть различными. В идеале такой формой должно быть принятие их на референдуме Российской Федерации.

Вместе с тем в условиях современной правовой реальности наиболее действенным представляется следующий двухэтапный вариант их реализации. На первом этапе предлагается дополнить Конституцию Российской Федерации¹² ст. 80.1, в которой закрепить наиболее значимые положения, определяющие основные параметры и вектор внутренней и внешней политики современной Российской Федерации. Для

¹¹ Под незаконным обогащением понимается значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать (ст. 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции).

¹² Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

реализации этой задачи нами разработан проект Закона о поправке к Конституции «О концептуальных положениях внутренней и внешней политики Российской Федерации».

После вступления в силу инициируемого закона следует установить переходный период сроком

на шесть месяцев, в течение которого нормативные правовые акты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальные должны быть приведены в соответствие с данным законом, включая конкретизацию базовых положений и создание адекватных правовых процедур их реализации.

Список литературы

1. Толстик В. А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // Государство и право. 2019. № 1. С. 65–74. DOI: 10.31857/S013207690003650-7
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. URL: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/169637-2-ivan-ilin-obshchee-uchenie-o-prave-i-gosudarstve.html#book> (дата обращения: 20.02.2019).
3. Иеринг Р. Борьба за право / пер. С. И. Ершова. 2-е изд. М.: Издание М. Н. Прокоповича, 1907. 94 с.
4. Выпускники хотят стать чиновниками. URL: <https://www.mjobs.ru/news/vipuskniki-hotiat-stat-chinovnikami/> (дата обращения: 04.02.2019).
5. Чистая прибыль Сбербанка по РСБУ в 2018 году выросла на 24 %. URL: https://finance.rambler.ru/business/41561418/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.02.2019).
6. Толстик В. А. Закономерности эффективного государственного управления // Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. Т. 1. С. 70–89.
7. Какие в Европе проценты по кредитам? URL: <http://kreditorpro.ru/kakie-procentnye-stavki-po-kreditam-v-evrope/> (дата обращения: 20.02.2019).
8. Более 20 млн россиян живут за чертой бедности. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4834598> (дата обращения: 12.02.2019).
9. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
10. Почти 70 % выручки крупнейших компаний оказалось сосредоточено в Москве. URL: <https://www.rbc.ru/economic/s/20/09/2018/5ba284919a7947cbfc451df8> (дата обращения: 12.02.2019).
11. Толстик В. А. Изменение законодательства: проблемы теории и пока непринятые новеллы в полицейском законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 234–235.
12. Барциц И. Н. Социальная эффективность государственного управления: модели, критерии, российский опыт внедрения // Проблемы управления. 2011. № 1 (38). С. 93.
13. Толстик В. А. Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.

References

1. Tolstik V.A. The problem of evaluating the results of scientific activity: fetishization of bibliometrics or common sense, *Gosudarstvo i pravo*, 2019, No. 1, pp. 65–74 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013207690003650-7
2. Ilyin I. A. *General doctrine of law and state*, available at: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/169637-2-ivan-ilin-obshchee-uchenie-o-prave-i-gosudarstve.html#book> (access date: 20.02.2019) (in Russ.).
3. Ihering R. *The struggle for law*, Moscow, Izdanie M. N. Prokopovicha, 1907, 94 p. (in Russ.).
4. *Graduates wish to become bureaucrats*, available at: <https://www.mjobs.ru/news/vipuskniki-hotiat-stat-chinovnikami/> (access date: 04.02.2019) (in Russ.).
5. *Net profit of Sberbank by the Russian Accounting Standards grew by 24%*, available at: https://finance.rambler.ru/business/41561418/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (access date: 04.02.2019) (in Russ.).
6. Tolstik V. A. Regularities of effective state governance, *Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti: teoriya, praktika, tekhnika: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (g. N. Novgorod, 23–24 maya 2013 goda), in 2 vol., ed. V. A. Tolstik, Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2013, Vol. 1, pp. 70–89 (in Russ.).

7. *What interest rates on credits do they have in Europe?*, available at: <http://kreditorpro.ru/kakie-procentnye-stavki-po-kreditam-v-evrope/> (access date: 20.02.2019) (in Russ.).
8. *Over 20 million of Russians live below poverty line*, available at: <https://tass.ru/ekonomika/4834598> (access date: 12.02.2019) (in Russ.).
9. Aristotel. *Works*, In 4 vol, Vol. 4, ed. A. I. Dovatur, Moscow, Mysl, 1983, 830 p. (in Russ.)
10. *Almost 70% of the income of the largest companies appeared to be concentrated in Moscow*, available at: <https://www.rbc.ru/economics/20/09/2018/5ba284919a7947cbfc451df8> (access date: 12.02.2019) (in Russ.).
11. Tolstik V. A. Changes in legislation: problems of theory and so far unaccepted novelties in police legislation, *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, No. 3 (35), pp. 234–235 (in Russ.).
12. Bartsits I. N. Social effectiveness of public administration: models, criteria and the experience of their implementation in Russia, *Public Administration Issues*, 2011, No. 1 (38), p. 93 (in Russ.).
13. Tolstik V. A. Legal totalitarianism: a law-making strategy or an inertia movement?, *Yuridicheskaya tekhnika*, 2015, No. 9, pp. 759–763 (in Russ.).

Дата поступления / Received 14.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 03.03.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Толстик В. А., 2020

© Tolstik V. A., 2020

ПОЗНАНИЕ

Тагиров, Э. Р.

Вызовы «времени-кайрос»: миссия ООН / Э. Р. Тагиров. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 360 с.

Предложенная вниманию читателя книга выбивается из обычного ряда и академических изысков, и публицистических эссе, посвященных анализу причин «слома» фундаментальных основ человеческого общежития, превращения *homo sapiens* в *homo faber*, схождения цивилизации с рельсов прогресса на путь регресса. Она написана в ключе историософского размышления, без претензии на законченность и бесспорность выдвигаемых положений. В ней запечатлена философия геоантропологического мировидения, глобалистского взгляда на «взбунтовавшийся» мир, вошедшего в фазис турбулентности, хаоса и неопределенности. Куда идет человечество? Откуда Монблан нерешенных и численно растущих глобальных проблем? Где корни феномена «войны всех против всех»? Кто и что клонирует «майданы», экстремизм, терроризм? Что впереди – «конец истории» или через ее разлом выход на новую ступень эволюции?

Поиск ответов на вызовы «времени-кайрос» ведется через анализ феномена Организации Объединенных Наций как коллективного «управленца» развитием мира. Делается вывод о соединенности исторических судеб ООН и человечества. Для критики ООН оснований достаточно. Но бесспорно одно: мир сохранит и усилит роль Всемирного Хурала или, потеряв его, приблизит свой финал.

Рассчитана на широкий круг читателей – от представителей академических до школьно-вузовских кругов, от элиты в лице управленцев, интеллектуалов, политиков, религиозных иерархов до «хай-тек-молодежи».

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ / RATINGS AND REVIEWS

УДК 343.3/7:004(049.32)

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.201-208>

М. А. ЕФРЕМОВА¹

¹ Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Россия

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию «Бегишев И. Р., Бикеев И. И.
Преступления в сфере обращения цифровой информации.
Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с.»

Ефремова Марина Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия

Адрес: г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, тел.: +7 (843) 202-26-30

E-mail: seamaid63@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6037-6921>

Web of Science Researcher ID: E-6250-2016

Цель: проведение развернутого и полного анализа монографии И. Р. Бегишева и И. И. Бикеева, которая посвящена исследованию широкого спектра вопросов, связанных с ответственностью за преступления в сфере обращения цифровой информации.

Методы: методологическую основу исследования составляет совокупность традиционных для правовых работ общенаучных и частнонаучных методов познания.

Результаты: произведен анализ основных положений и выводов, изложенных в рецензируемой монографии, касающихся юридической природы преступлений в сфере обращения цифровой информации и регламентации уголовной ответственности за их совершение, а также предложений авторов. В частности, сформулированы базовые для различных отраслей знания определения понятий цифровой информации, преступлений в сфере обращения цифровой информации и других терминов, рассмотрены проблемы «безопасной компьютерной атаки», разработаны вытекающие из авторского понимания феномена преступлений в сфере обращения цифровой информации предложения по совершенствованию ст. 137, 138, 141, 159.6, 183, 226.1, 272, 273, 274, 274.1 УК РФ, дополнению УК РФ ст. 272.1 «Приобретение или сбыт охраняемой законом цифровой информации, заведомо добытой преступным путем» и ст. 273.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации».

Научная новизна: дана оценка теоретическим и прикладным аспектам противодействия преступлениям в сфере обращения цифровой информации. Сделан вывод о том, что монография вносит существенный вклад в развитие российской юридической доктрины о правовом регулировании ответственности за совершение общественно опасных деяний в сфере обращения цифровой информации.

Практическая значимость: рецензентом сделан вывод о том, что монографическое исследование И. Р. Бегишева, И. И. Бикеева имеет практико-ориентированный характер, а также может послужить импульсом для новой научной дискуссии по обозначенным в работе проблемам.

Ефремова М. А. Рецензия на монографию «Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации...»
Efremova M. A. Review of the monograph "Begishev I. R., Bikeev I. I. Crimes in the sphere of digital information circulation..."

Ключевые слова: преступления в сфере обращения цифровой информации; преступления в сфере компьютерной информации; незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; мошенничество в сфере компьютерной информации; неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ; нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации; компьютерные преступления; противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации; безопасность критической информационной инфраструктуры; цифровая информация; цифровые технологии; цифровая инфраструктура; цифровая экономика; преступления; уголовное право; криминология

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Ефремова М. А. Рецензия на монографию «Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во “Познание”, 2020, 300 с.» // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 1. С. 201–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.201-208>

M. A. EFREMOVA¹

¹ Kazan branch of the Russian State University for Justice, Kazan, Russia

REVIEW

**of the monograph «Begishev I. R., Bikeev I. I.
Crimes in the sphere of digital information circulation.
Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2020, 300 p.»**

Marina A. Efremova, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University for Justice
Address: 7a 2nd Azinskaya Str., Kazan, tel.: +7 (843) 202-26-30

Objective: to conduct a detailed and comprehensive analysis of the monograph by I. R. Begishev and I. I. Bikeev devoted to the study of a wide range of issues related to liability for crimes in the field of digital information circulation.

Methods: the methodological basis of the study is a set of general and specific scientific methods of cognition traditional for works in Law.

Results: the main provisions, conclusions and the authors' suggestions set out in the reviewed monograph are analyzed, which are related to the legal nature of crimes in the sphere of digital information circulation and regulation of criminal liability for their commission. In particular, the basic definitions of digital information concepts, crimes in the sphere of digital information circulation and other terms are formulated for various branches of knowledge; the problems of “safe computer attack” are considered; based on the authors' interpretation of crimes in the sphere of digital information circulation, suggestions are made for improving Articles 137, 138, 141, 159.6, 183, 226.1, 272, 273, 274, 274.1 272.1 of the Russian Criminal Code, and complementing Article 272.1 “Acquisition or sale of legally protected digital information, knowingly obtained by criminal means” and Article 273.1 “Illegal circulation of special technical means intended for violation of digital information protection systems”.

Scientific novelty: theoretical and applied aspects of countering crimes in the sphere of digital information circulation are evaluated. It is concluded that the monograph makes a significant contribution to the development of the Russian legal doctrine on the legal regulation of responsibility for committing socially dangerous acts in the sphere of digital information circulation.

Practical significance: the reviewer concluded that the monograph by I. R. Begishev and I. I. Bikeev has a practice-oriented character, and can also serve as an impetus for a new scientific discussion on the problems identified in the study.

Ефремова М. А. Рецензия на монографию «Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации...»
Efremova M. A. Review of the monograph “Begishev I. R., Bikeev I. I. Crimes in the sphere of digital information circulation...”

Keywords: Crimes in the sphere of digital information circulation; Crimes in the sphere of computer information; Illegal turnover of special technical means intended for secret obtaining of information; Fraud in the sphere of computer information; Illegal access to computer information; Creation, use and distribution of malicious computer programs; Violation of the rules of operation of means of storage, processing or transmission of computer information and information-telecommunication networks; Illegal influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation; Computer crimes; Counteracting crimes in the field of computer information; Security of critical information infrastructure; Digital information; Digital technologies; Digital infrastructure; Digital economy; Crimes; Criminal law; Criminology

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Efremova M. A. Review of the monograph “Begishev I. R., Bikeev I. I. Crimes in the sphere of digital information circulation. Kazan: Poznaniye Publishers, 2020, 300 p.”, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 1, pp. 201–208 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.1.201-208>

Монография «Преступления в сфере обращения цифровой информации», подготовленная И. Р. Бегишевым и И. И. Бикеевым, посвящена одной из актуальных проблем, остро стоящих на современной повестке дня, – противодействию преступлениям в цифровой среде. Развитие информационных технологий существенно упростило и ускорило процесс обмена, поиска, сбора информации. Процесс информатизации, который активно начался в России в середине последнего десятилетия прошлого века, достиг своего апогея. Многие сферы жизнедеятельности человека, общества и государства трудно представить без последних достижений научно-технического прогресса, которые за последние годы в них проникли настолько глубоко, что сделали их зависимыми. Возросшая роль информации в XXI в., который называют веком информационным, как никогда актуализирует вопрос обеспечения информационной безопасности. Ведь общеизвестно, что эти, на первый взгляд, позитивные перемены, кроют в себе весьма опасный потенциал. Сегодня задачи обеспечения безопасности в цифровой среде стали одними из ключевых для большинства ведущих мировых держав. Сказанное еще раз подчеркивает актуальность темы монографии.

Теоретическая значимость монографии определяется тем, что в ней с позиции методологических основ рассмотрены проблемы уголовного права, в частности, обеспечения безопасности цифровой информации уголовно-правовыми средствами, проведено исследование базовых понятий («цифровая информация», «цифровая преступность» и т. д.)

с использованием категорий других наук. Изложенное в книге обусловило высокий научный уровень рецензируемого исследования, в котором содержатся не только постановка новых вопросов, но и предложения по их разрешению. При этом авторы не уходят от полемических проблем, а стараются разрешить их путем научной дискуссии. Такой подход позволил значительно обновить юридическую сферу научных исследований по проблемам цифровой преступности и стимулировать дальнейшие дискуссии по затронутым в работе вопросам.

Практическая значимость монографии заключается в том, что теоретические положения и выводы были трансформированы И. Р. Бегишевым и И. И. Бикеевым в сферу реализации уголовного законодательства. Сформулированные предложения по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения могут быть реально использованы в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Если обратиться к структуре рецензируемой монографии, то она представляется логичной. Монография состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность исследования, анализируется существующий научный задел по заявленной проблематике, обозначается цель исследования.

В первой главе монографии под названием «Уголовно-правовая природа преступлений в сфере цифровой информации» анализируется само понятие «цифровая информация». Авторы справедливо от-

мечают, что общепризнанного определения цифровой информации в правовой науке пока не выработано, а из смежных терминов наиболее часто используется термин «компьютерная информация» (с. 18). Для восполнения обозначенного пробела в работе предложено авторское определение понятия «цифровая информация» (с. 34).

Последовательно перейдя к исследованию преступлений в сфере обращения цифровой информации, И. Р. Бегисhev и И. И. Бикеев акцентируют внимание на том, что и здесь современные научные подходы отличаются друг от друга, а нередко и противоречат друг другу. Вызывает научный интерес сформулированное в работе понятие «преступление в сфере обращения цифровой информации» (с. 49). Авторы подчеркивают, что защищаемыми свойствами цифровой информации ограниченного доступа являются ее конфиденциальность, целостность и достоверность, а общедоступной информации – ее целостность, достоверность и доступность (с. 49).

Несомненную научную и практическую ценность имеет классификация преступлений в сфере обращения цифровой информации, к которым относятся деяния, предусмотренные ст. 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», 273 «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ», 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей», 274.1 «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) (с. 50).

Особое внимание авторы уделяют «феномену безопасной компьютерной атаки», предлагая ввести в научный оборот соответствующий термин [1]. Под таким предлагается понимать состояние субъектов информационных правоотношений, осознающих

опасность нарушения и важность обеспечения безопасности информационной инфраструктуры, но в силу различных причин не обеспечивающих ее, в том числе при проведении в отношении нее компьютерных атак (с. 66).

Во второй главе монографии, именуемой «Преступления в сфере компьютерной информации по Уголовному кодексу Российской Федерации как виды преступлений в сфере обращения цифровой информации», подробно анализируются составы преступлений, включенных в гл. 28 УК РФ.

Авторы отмечают несовершенство используемой законодателем терминологии.

Так, подчеркивая несоответствие терминологии, используемой в диспозиции ст. 272 УК РФ современному этапу развития науки и техники, указывается на наличие существующего пробела в уголовно-правовой охране цифровой информации, а именно отсутствие уголовной ответственности за перехват охраняемой законом цифровой информации [2]. Для ликвидации образовавшегося пробела в работе предлагается установить уголовную ответственность за перехват охраняемой законом цифровой информации и внести соответствующие изменения в ст. 272 УК РФ, а в примечании к указанной статье сформулировать определение понятия «перехват цифровой информации» (с. 80).

Критическому анализу подвергнута и ст. 273 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ [3]. Пожалуй, трудно найти пользователя информационно-телекоммуникационной сети Интернет, который хотя бы раз не испытал на себе действия вредоносных компьютерных программ. Вредоносность программ определяется тем, что все действия производятся без уведомления пользователя, скрытно от него, а сам пользователь зачастую и не подозревает о наличии такой программы. В этом основное отличие вредоносных программ от иных, которые также могут производить копирование, уничтожение, модификацию информации. Сегодня вредоносные программы атакуют не только компьютеры, но и мобильные устройства. Более того, угрозам подвержена и потребительская бытовая техника. Видя недостатки в законодательной формулировке диспозиции указанного состава преступления, авторы предлагают меры для ее совершенствования (с. 94).

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Значительное внимание в монографии уделено и анализу ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» УК РФ. Необходимо отметить, что в 2011 г. в нее были внесены изменения² – статья получила новую редакцию. Вместе с тем обе редакции статьи характеризуются тем, что она носит бланкетный характер [4]. Это означает, что при квалификации содеянного необходимо точное установление того правила, которое было нарушено. Во многом именно по указанной причине возникают сложности в правоприменительной практике. В период действия прежней редакции ст. 274 УК РФ таковая и вовсе отсутствовала из-за недостатков законодательной конструкции анализируемого состава. В этой связи многие авторы высказывались о необходимости исключения ее из УК РФ. И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев справедливо отмечают, что для привлечения нарушителей работы информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей к уголовной ответственности по ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» УК РФ требуется принять общие нормы и правила использования информационно-телекоммуникационных устройств, их систем и сетей, которые должны быть обязательными для всех (с. 98).

С 1 января 2018 г. вступила в силу ст. 274.1 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации³. В это же время начал свое действие Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности

критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁴. Данная статья была помещена в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Следовательно, родовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации должны выступать общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Видовым объектом данной группы деяний являются общественные отношения в сфере безопасного обращения компьютерной информации. Обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации должно основываться на принципах и методологии обеспечения национальной безопасности [5]. И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев отмечают, что воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации путем неправомерного доступа к цифровой информации или внедрения в них вредоносных компьютерных программ может нанести значительный ущерб национальной безопасности, а также привести к экологической катастрофе, человеческим жертвам и иным тяжким и особо тяжким последствиям (с. 104). Усматривая некоторые сходства неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации с актом кибертерроризма, авторы полагают, что понятие кибертерроризма в уголовном законе использовать не следует, оно должно применяться исключительно в криминологических целях, да и то очень осторожно, поскольку может трактоваться неоднозначно (с. 129).

Нельзя не поддержать позицию авторов по вопросу о том, что редакция ст. 274.1 УК РФ выглядит не совсем удачной и требует изменений.

В третьей главе монографии под названием «Иные виды преступлений и опасных деяний в сфере обращения цифровой информации, нуждающихся в криминализации», исследуются составы преступлений, совершаемых с использованием компьютерной техники и иных технических устройств, а также

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 г. (в ред. Федерального закона № 329-ФЗ от 3 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федеральный закон № 194-ФЗ от 26 июля 2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4743.

⁴ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4736.

дается прогноз появления новых проявлений деяний подобного рода.

Авторами подробно проанализирован состав преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», которое, по их мнению, может совершаться как с использованием вредоносных компьютерных программ, так и с нарушением систем защиты цифровой информации [6]. И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев обосновывают, что деяние, предусмотренное ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации» УК РФ, относится к преступлениям в сфере обращения цифровой информации и совершается с ее использованием, поэтому предлагают указанную статью назвать «Мошенничество с использованием цифровой информации» (с. 177).

Подробный анализ ст. 138.1 УК РФ, которая предусматривает ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, позволил авторам выявить ее несовершенство и предложить ряд изменений [7]. Так, вместо термина «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации» предложено использовать в УК РФ более точный и недвусмысленный термин «технические средства негласного получения информации» (с. 190).

Авторы обоснованно обращают внимание на тот факт, что отечественный законодатель не в полной мере учел общественную опасность неправомерного обращения с техническими средствами негласного получения информации [8]. Вызывает интерес и заслуживает поддержки их предложение установить в качестве квалифицирующего признака ответственность за применение таких средств в ч. 2 ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ч. 2 ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ч. 2 ст. 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» и ч. 3 ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» УК РФ (с. 196).

Весьма оправданной требованиями времени выглядит инициатива авторов о принятии отдельного федерального закона «О специальных технических

средствах», который определял бы правила оборота таких средств, содержание используемых понятий, перечень субъектов, которым разрешено использовать указанные средства, установить порядок их применения и т. д. (с. 197).

Специальные технические средства могут быть использованы не только для негласного получения информации, но и для нарушения систем защиты цифровой информации, что, безусловно, представляет повышенную общественную опасность, однако действующий УК РФ не содержит отдельной нормы, предусматривающей ответственность за подобного рода деяние [9]. И. Р. Бегишев и И. И. Бикеев предлагают включить в УК РФ ст. 273.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации», что позволит восполнить возникший пробел в законе (с. 208).

Авторы отмечают, что цифровая информация, полученная незаконным путем, может быть передана третьим лицам для последующего распоряжения таковой. Кроме того, на практике нередки случаи, когда лицо стремится приобрести такую информацию с целью совершения иных неправомерных действий [10]. Действительно, УК РФ уже содержит ст. 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем», однако в этой норме нет указания на цифровую информацию, что не позволяет привлечь лицо к ответственности, в случае если деяние совершено в отношении цифровой информации [11–14]. Ввиду изложенного своевременным и востребованным видится предложение авторов о криминализации такого деяния путем включения в УК РФ ст. 272.1, предусматривающей ответственность за приобретение или сбыт охраняемой законом цифровой информации, заведомо добытой преступным путем (с. 225).

Заключение содержит основные выводы авторов по вопросам, затронутым в рецензируемой монографии, а также предложение к научной дискуссии по проблемам цифровой преступности, которая могла бы развернуться на страницах ведущих рецензируемых научных изданий.

Характеризуя монографию И. Р. Бегишева и И. И. Бикеева в целом, следует отметить, что исследование выполнено на высоком теоретико-методологическом уровне. Множество выводов и положений,

изложенных в ней, действительно представляют научный интерес, так как соединяют в себе теоретико-прикладные аспекты.

При этом необходимо отметить, что книга базируется на солидном количестве ранее проведенных ее авторами исследований, результаты которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях.

Завершая рецензию, необходимо подчеркнуть, что монография на тему «Преступления в сфере обращения цифровой информации» вносит существенный вклад в развитие российской юридической доктрины о правовом регулировании ответственности за совершение общественно опасных деяний в сфере обращения цифровой информации. Значительная часть

выводов авторов монографии направлена на развитие правоприменительной практики по обеспечению безопасного оборота цифровой информации.

Последующие исследования по проблемам уголовно-правовой охраны цифровой информации, сама практика применения уголовного закона выявят новые пробелы и недостатки, что позволит продолжить новый научный поиск. Однако на сегодняшний день монография «Преступления в сфере обращения цифровой информации», подготовленная И. Р. Бегишевым и И. И. Бикеевым, является одной из немногих, где в полной мере систематизированы и отражены проблемы противодействия преступлениям в сфере обращения цифровой информации и предложены пути их решения.

Список литературы

1. Бегишев И. Р. Синдром безопасной атаки: юридико-психологический феномен // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 27–30.
2. Бегишев И. Р. Перехват охраняемой законом цифровой информации: уголовно-правовые аспекты // Информационная безопасность регионов. 2011. № 1. С. 78–81.
3. Бегишев И. Р. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ // Проблемы права. 2012. № 3. С. 218–221.
4. Бегишев И. Р. Ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 1. С. 15–18.
5. Бегишев И. Р. Безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 27–32.
6. Бегишев И. Р. Некоторые вопросы противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 3. С. 112–117.
7. Бегишев И. Р. Правовые аспекты безопасности информационного общества // Информационное общество. 2011. № 4. С. 54–59.
8. Бегишев И. Р. Проблемы уголовной ответственности за обращение со специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации // Следователь. 2010. № 5. С. 2–4.
9. Бегишев И. Р. Изготовление, сбыт и приобретение специальных технических средств, предназначенных для нарушения систем защиты цифровой информации: правовой аспект // Информация и безопасность. 2010. № 2. С. 255–258.
10. Бегишев И. Р. Проблемы ответственности за незаконные действия с информацией, заведомо добытой преступным путем // Безопасность информационных технологий. 2010. № 1. С. 43–44.
11. Бегишев И. Р. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт цифровой и документированной информации, заведомо добытой преступным путем // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 123–126.
12. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 31 с.
13. Бегишев И. Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 204 с.
14. Бикеев И. И. Материальные объекты повышенной опасности в российском уголовном праве: общие и специальные вопросы. Казань: Изд-во «Познание», 2007. 272 с.
15. Бегишев И. Р., Бикеев И. И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020, 300 с.

References

1. Begishev I. R. Syndrome of a safe attack: legal-psychological phenomenon, *Yuridicheskaya psikhologiya*, 2018, No. 2, pp. 27–30 (in Russ.).
2. Begishev I. R. Interception of digital information protected by law: criminal-legal aspects, *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, 2011, No. 1, pp. 78–81 (in Russ.).
3. Begishev I. R. Creating, using and distributing harmful computer software, *Problemy prava*, 2012, No. 3, pp. 218–221 (in Russ.).
4. Begishev I. R. Liability for violating the rules of exploitation of means of storing, processing or transmitting computer information and information-telecommunication networks, *Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informatsionnoi sfere*, 2012, No. 1, pp. 15–18 (in Russ.).
5. Begishev I. R. Safety of critical information infrastructure of the Russian Federation, *Bezopasnost' biznesa*, 2019, No. 1, pp. 27–32 (in Russ.).
6. Begishev I. R. Some issues of counteracting fraud in the sphere of computer information, *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, No. 3, pp. 112–117 (in Russ.).
7. Begishev I. R. Legal aspects of safety of information society, *Informatsionnoe obshchestvo*, 2011, No. 4, pp. 54–59 (in Russ.).
8. Begishev I. R. Issues of criminal liability for using special technical means intended for undercover obtaining of information, *Sledovatel'*, 2010, No. 5, pp. 2–4 (in Russ.).
9. Begishev I. R. Manufacturing, marketing and purchasing of special technical means aimed at violating the systems of digital information protection: legal aspect, *Informatsiya i bezopasnost'*, 2010, No. 2, pp. 255–258 (in Russ.).
10. Begishev I. R. Issues of liability for illegal actions with information knowingly obtained with criminal means, *Bezopasnost' informatsionnykh tekhnologii*, 2010, No. 1, pp. 43–44 (in Russ.).
11. Begishev I. R. Criminal liability for purchasing or marketing of digital and documented information knowingly obtained with criminal means, *Actual Problems of Economics and Law*, 2010, No. 1, pp. 123–126 (in Russ.).
12. Begishev I. R. *Notion and types of crimes in the sphere of digital information circulation*, abstract of PhD (Law) thesis, Kazan, 2017, 31 p. (in Russ.)
13. Begishev I. R. *Notion and types of crimes in the sphere of digital information circulation*, PhD (Law) thesis, Kazan, 2017, 204 p. (in Russ.)
14. Bikeev I. I. *Highly hazardous material objects in the Russian criminal law: general and special issues*, Kazan, Poznanie, 2007, 272 p. (in Russ.).
15. Begishev I. R., Bikeev I. I. *Crimes in the sphere of digital information circulation*. Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2020, 300 p. (in Russ.).

Дата поступления / Received 13.01.2020

Дата принятия в печать / Accepted 20.02.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.03.2020

© Ефремова М. А., 2020

© Efremova M. A., 2020

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

Ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Системная экономика, социально-экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономике – 2020»

Системное видение, системное мышление, системные измерения, системное управление – ключевые слова конференции «Системная экономика, социально-экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономике» (СЭСЭКМИ)¹, ежегодно организуемой кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Москва). Их использование в качестве имманентных тегов этой конференции – вовсе не дань современной моде. Наличие этих составляющих в научно-практической деятельности человечества – условие сохранения окружающего мира и существования человеческой цивилизации. Однако сегодня эти термины, достаточно часто встречающиеся в профессиональных коммуникациях, используются, к сожалению, произвольно, без понимания их сущности. В развитии мирового сообщества, отдельных национальных экономик, организаций и индивидов продолжают наблюдаться несогласованность, непоследовательность, недальновидность принимаемых решений. Проект по организации данной ежегодной конференции направлен на создание условий для общения всех, кто так или иначе вносит вклад в развитие и распространение системного знания. Назначение данного мероприятия – соединение науки и практики, взаимно обогащающий обмен мнениями, идеями и достижениями ученых, политиков и хозяйственников по решению актуальных социально-экономических проблем на основе современной системной парадигмы. Эта конференция – площадка для объединения профессионалов разных областей, позволяющая преодолевать границы отдельных профессий, обобщать на основе общей теории систем достижения в различных областях знаний и формировать целостное представление о закономерностях функционирования, эволюции и трансформации социально-экономических систем (СЭС).

¹ Ранее – Международный круглый стол с тем же названием.

Конференция «СЭСЭКМИ» сфокусирована на четырех фундаментальных направлениях в области экономики и управления: 1) системная экономическая теория и методология исследований в науках об обществе; 2) социально-экономическая кибернетика и системное управление; 3) системные измерения в социально-экономической сфере; 4) системное моделирование. Повестка конференции включает также тематические вопросы, которые связаны с наиболее актуальными темами текущего момента. В 2020 году в рамках празднования 120-летия со дня рождения Э. Деминга мы обращаем особое внимание на научно-практическое наследие этого всемирно известного идеолога японского экономического чуда XX века.

Очередная (седьмая) конференция «Системная экономика, социально-экономическая кибернетика, мягкие измерения в экономике» состоится 20 мая 2020 года и будет включать работу пяти секций:

- «Системная экономика: теоретический фундамент и практика хозяйствования»;
- «Устойчивое развитие социально-экономических систем: вызовы для социально-экономической и организационной кибернетики в условиях цифровизации»;
- «Теория и практика системных измерений в социально-экономической сфере»;
- «Моделирование социально-экономических систем»;
- «В пространстве идей Эдварда Деминга».

Приглашаем вас принять участие в конференции и обогатить системную науку и практику хозяйствования своими новейшими результатами теоретических исследований и практическими достижениями. Конференция «СЭСЭКМИ-2020» откроется 20 мая 2020 года в 10:00 по московскому времени в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Ленинградский просп., 49). Подробнее ознакомиться с прошлым, настоящим и ожидаемым будущим данной конференции, а также зарегистрироваться для участия можно на сайте sesecsm.systemeconomics.ru.

Председатель программного комитета, член-корр. РАН, д-р экон. наук Г. Б. Клейнер
Председатель организационного комитета, д-р экон. наук С. Е. Щепетова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС «РЭК-2020»

Москва, 15–19 июня 2020 г.

Уважаемые коллеги!

Новая экономическая ассоциация (НЭА), Институт экономики РАН, экономический факультет и Московская школа экономики МГУ имени М. В. Ломоносова приглашают вас принять участие в четвертом Российском экономическом конгрессе (РЭК-2020), который будет проходить в Москве в помещениях экономического факультета и Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова 15–19 июня 2020 года.

Проблематика РЭК-2020 представлена следующими тематическими конференциями:

1. «Политическая экономия».

Координаторы: Гловели Георгий Джамалович, Веселов Дмитрий Александрович, Либман Александр Михайлович.

2. «Методология, история экономической мысли и экономическая история».

Координаторы: Автономов Владимир Сергеевич, Ананьин Олег Игоревич, Маркевич Андрей Михайлович.

3. «Микроэкономика и теория игр».

Координаторы: Васин Александр Алексеевич, Поспелов Игорь Гермогенович.

4. «Макроэкономика и экономический рост».

Координаторы: Гурвич Евсей Томович, Пекарский Сергей Эдмундович.

5. «Прикладная эконометрика».

Координаторы: Афанасьев Михаил Юрьевич, Пересецкий Анатолий Абрамович.

6. «Институты и институциональные теории».

Координаторы: Заостровцев Андрей Павлович, Шаститко Андрей Евгеньевич.

7. «Экономические теории государства и государственное управление».

Координаторы: Городецкий Андрей Евгеньевич, Марголин Андрей Маркович.

8. «Международная экономика».

Координаторы: Афонцев Сергей Александрович, Головнин Михаил Юрьевич.

9. «Пространственная и региональная экономика»

Координаторы: Зубаревич Наталия Васильевна, Минакир Павел Александрович.

10. «Наука и инновации».

Координаторы: Голиченко Олег Георгиевич, Иванова Наталья Ивановна.

11. «Экономика труда».

Координаторы: Гимпельсон Владимир Ефимович, Денисова Ирина Анатольевна.

12. «Социальная политика».

Координаторы: Гонтмахер Евгений Шлемович, Овчарова Лилия Николаевна.

13. «Демография и пенсионные системы».

Координаторы: Вишневский Анатолий Григорьевич, Горлин Юрий Михайлович, Юмагузин Валерий Валерьевич.

14. «Экономика образования и здравоохранения».

Координаторы: Абанкина Ирина Всеволодовна, Чубарова Татьяна Владимировна.

15. «Экономика культуры».

Координаторы: Абанкина Татьяна Всеволодовна, Музыкачук Валентина Юрьевна.

16. «Отраслевые рынки и промышленная политика».

Координаторы: Любимов Иван Львович, Симачев Юрий Вячеславович.

17. «Корпоративное управление и экономика фирмы».

Координаторы: Долгопятова Татьяна Григорьевна, Клейнер Георгий Борисович.

18. «Банки и финансовые рынки».

Координаторы: Андриюшин Сергей Анатольевич, Карминский Александр Маркович.

19. «Поведенческая и экспериментальная экономика».

Координаторы: Белянин Алексей Владимирович, Суворов Антон Дмитриевич.

20. «Цифровая экономика и сети».

Координаторы: Дементьев Виктор Евгеньевич, Леонидов Андрей Владимирович.

21. «Междисциплинарные исследования в экономике».

Координаторы: Бобков Вячеслав Николаевич, Урнов Марк Юрьевич, Ушаков Дмитрий Викторович.

22. «Экономика природопользования».

Координаторы: Данилов-Данильян Виктор Иванович, Фридман Алла Александровна.

23. «Конференция молодых ученых».

Координаторы: Букина Ирина Сергеевна, Шаклеина Марина Владиславовна, Фролова Ольга Валерьевна.

Заявки на участие в конгрессе принимаются **с 30 декабря 2019 года** по широкому кругу социально-экономических проблем, в том числе не вошедших в приведенный выше перечень тематических конференций. Принимаются заявки на участие с докладом и без доклада.

Заявки регистрируются на сайте Новой экономической ассоциации **до 12 апреля 2020 года**. Информация о том, как зарегистрировать заявку, содержится по адресу: <http://www.econorus.org/con2020/howto.phtml>

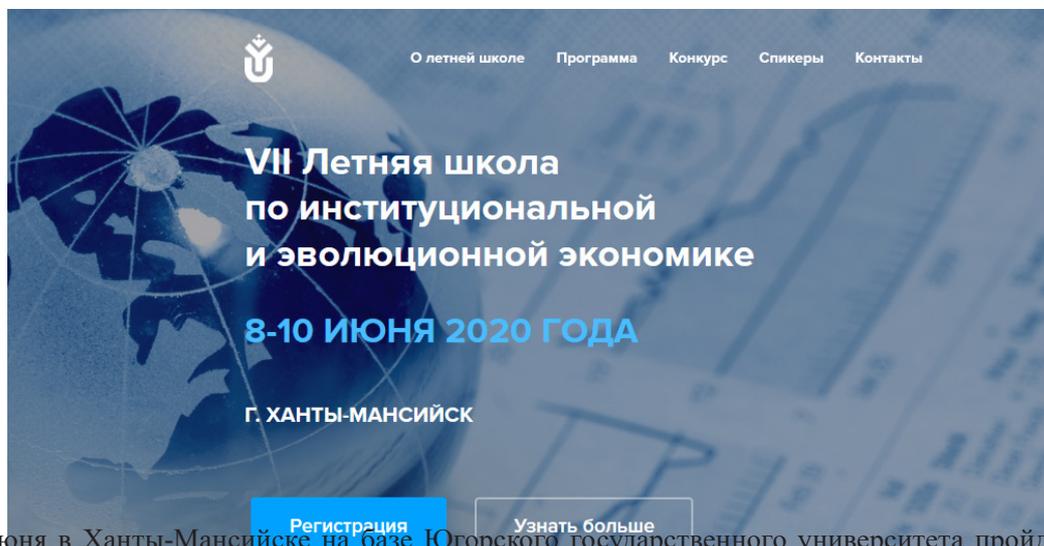
Автор (авторы) доклада должен представить текст аннотации, в которой кратко описываются исследуемый вопрос и его предлагаемое решение, полученные результаты и их новизна. Объем аннотации доклада – от 4 000 до 8 000 печатных знаков с учетом пробелов. Помимо аннотации, можно прикрепить к заявке файл с полным текстом доклада/презентации доклада.

Аннотации докладов оцениваются рецензентами. Решение по включению в программу Конгресса заявленных докладов будет объявлено **к 1 июня 2020 года**.

Контактный e-mail: congress_2020@mail.ru

Дополнительная информация – на сайте РЭК-2020: <http://www.econorus.org/congress.phtml>

VII ВСЕРОССИЙСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ – 2020

8–10 июня в Ханты-Мансийске на базе Югорского государственного университета пройдет VII Летняя школа молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики (далее – Летняя школа). Мероприятие проводится научной школой Югорского государственного университета «Исследование трансформации институциональной среды ресурсодобывающих регионов Севера в условиях цифровизации экономики» совместно с научно-исследовательским учреждением «Центр эволюционной экономики».

Формат работы Летней школы предполагает лекции ведущих российских экономистов – академиков Российской академии наук. Помимо лекций и докладов, программа Летней школы включает проведение дискуссий и консультаций, предоставляющих молодым ученым возможность выступить с результатами собственных исследований, квалифицированно и заинтересованно их обсудить, а кроме того, получить при необходимости персональную консультацию специалистов высшей квалификации.

Проблематика мероприятия нацелена на анализ вызовов рыночной экономики с точки зрения институциональной и эволюционной экономики. В частности, будут обсуждаться такие фундаментальные научные проблемы, как нейтральность и ненейтральность денег в экономической теории и экономической политике; тенденции развития качества жизни российских домохозяйств в постсоветский период; взаимосвязь экономической науки с экономической политикой и хозяйственной практикой; место и роль иерархических организаций в современной экономике; проблемы и перспективы формирования «умных городов»; новая аналитическая программа мезоэкономики в России и мире; трансформация институциональной среды ресурсодобывающего региона Севера в условиях цифровизации экономики.

В преддверии Летней школы объявлен Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ молодых исследователей в области эволюционной и институциональной экономики (далее – конкурс). Победители конкурса получают ценные призы и возможность участия в качестве докладчиков в VII Летней школе молодых исследователей эволюционной и институциональной экономики. Участники конкурса получают сертификаты об участии, памятные призы, а также возможность участия в Летней школе в качестве слушателей. Конкурсная комиссия состоит из ведущих российских экономистов, представляющих Российскую академию наук. Работы принимаются с 1 марта по 1 мая 2020 года.

Приглашаем вас принять участие в конкурсе и в Летней школе. Зарегистрироваться, ознакомиться с ее программой, а также найти более подробную информацию об условиях конкурса, спикерах вы можете на сайте Летней школы (<http://schoolecon.ugrasu.ru/>).

*Председатель программного комитета, академик РАН, д-р экон. наук, профессор **Маевский Владимир Иванович**
Председатель организационного комитета, д-р экон. наук, доцент **Исламудинов Вадим Фаруарович***

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: 08.00.01 Экономическая теория; 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; менеджмент).

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ: 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Для публикации научной статьи автор (авторы), согласно приведенным ниже требованиям, должен оформить необходимые материалы: рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Рукопись оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов, а аннотация – в соответствии с приведенным на сайте apel.ieml.ru образцом.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Объем статьи должен быть не менее 0,5 авторского листа (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами) и не более 1 авторского листа (40 000 печатных знаков).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- авторские справки на каждого автора;
- статус аспиранта должен быть подтвержден справкой об учебе в аспирантуре, заверенной подписью руководителя организации и печатью;
- заявление;
- согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных.

Вышеперечисленные материалы предоставляются в электронном виде через форму на сайте. Если не удается отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: aimurzaeva@ieml.ru

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если у авторов при написании статьи упоминаются запрещенные в Российской Федерации организации (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zarret), то после первого упоминания такой организации в статье обязательно должна быть ссылка на то, что «деятельность данной организации запрещена на территории РФ».

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...
2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 150 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: apel.ieml.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглимат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 3010181060000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education “Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)”. The publisher is “Tatar Center for Education “Taglimat” Ltd..

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

The journal accepts articles in the following specialties for publication:

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES: 08.00.01 Theory of economics; 08.00.05 Economics and management of national economy (economy, organization and management of enterprises, sectors, complexes; management of innovations; regional economy; management).

12.00.00 LEGAL SCIENCES: 12.00.01 Theory and history of law and state; history of doctrines of law and state; 12.00.03 Civil law; entrepreneurship law; family law; international private law; 12.00.08 Criminal law and criminology; criminal-execution law.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal "Actual Problems of Economics and Law"

The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The manuscript should be prepared in strict conformance with the rules listed in rules of registration of the materials, and the summary in accordance with the example given in the web-site apel.ieml.ru (summary example).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the Rules.

The article should be no less than 0.5 author's sheets (20 000 characters, including spaces) and no more than 1 author's sheet (40 000 characters).

Accompanying documents include the following:

- author's profile for each author. It should contain the address and telephone number at the working (studying) place, as well as contact telephone number and e-mail;
- the status of a post-graduate student should be confirmed by a certificate of the post-graduate course, signed by the head of the organization and stamped.
- application.
- letter of consent of the personal data subject for processing the personal data.

The listed documents are submitted electronically at web-page. If the materials cannot be loaded to the web-page, they can be submitted to aimurzaeva@ieml.ru.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), EBSCO, HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

If in the text of the article the author mentions any organizations prohibited in the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), then after the first mention of such organization in the article there must be a note that «The functioning of this organization is prohibited on the territory of the Russian Federation».

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to GOCT 7.5-98 "Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials")

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...
2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal "Actual problems of Economics and Law"

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 4070281076200000536, Corr Acc 3010181060000000603. Otdeleniye «Bank Tatarstan» #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

**Представляем вашему вниманию новинки издательства «Познание»
Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова**

Бородина, Ж. Н.

Практикум по праву интеллектуальной собственности: практическое пособие / Ж. Н. Бородина. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 168 с.

Пособие содержит материалы, необходимые для проведения практических занятий по курсу «Право интеллектуальной собственности». Подготовлено на основе материалов судебной практики и содержит методические указания, контрольные вопросы по изучаемым темам, задачи, контрольно-тестовые задания, задания по комментированию норм права и материалов судебной практики, списки рекомендуемых нормативных правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы, библиографический список.

Предназначено для обучающихся, аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся вопросами права интеллектуальной собственности.

Бигиев, М. Д.

Мусульманская трапеза / М. Д. Бигиев: пер. с татаро-османского яз., предисл. А. В. Тимирязовой, Е. Л. Яковлевой; предисл. А. Г. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 66 с. – (Серия «Сокровищница Татарстана»).

«Мусульманская трапеза» – перевод малоизвестной книги Мусы Бигиева «Маида». В ней повествуется о наставлениях благородного Корана и исламской религии, касающихся пищи, питья и трапезы мусульман.

Предназначена для всех интересующихся проблемой запретной и дозволенной пищи в исламе.

Подборка современных китайских стихов / сост. Ли Ямей. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 172 с. (на китайском языке).

Сборник представляет собой материал для чтения, ориентированный на русскоговорящих студентов, изучающих китайский язык как иностранный. В сборник вошли 50 стихов известных китайских авторов.

Он раскрывает идеологию и художественные особенности китайской поэзии.

Рассчитан на широкий круг читателей, а также на изучающих китайский язык, на преподавателей и переводчиков китайского языка.

Яковлева, Е. Л.

Философские импровизации на тему гламура / Е. Л. Яковлева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2019. – 400 с.

Гламур, гламур и еще раз гламур... В предлагаемой книге вы не найдете ничего, кроме гламура. Но, возможно, вы измените свою точку зрения на гламур, посмотрев на него как явление довольно многогранное и неоднозначное.

В монографии впервые гламур осмысливается в качестве социального феномена, в котором произошло много бытийственных разрывов и потерянные звенья не были восстановлены, что привело к его упрощенному пониманию в современности. Гламур рассматривается как (пост)неоязычество и идеология, пространство абсурда и мифизаций. Автор осуществил попытку описания человека гламурного и выявил законы, на основе которых он живет и проявляет себя в социокультурном пространстве.

Книга о гламуре может читаться в любой последовательности, в зависимости от настроения или интересующего аспекта. Написанная в свободной манере импровизаций на заданную тему (гламур), монография не предполагает единственного взгляда на феномен и приглашает читателей к собственному интерпретированию гламурного дискурса и выстраиванию взгляда на него.

Предназначена для всех, кто интересуется современной культурой и ее гламурным дискурсом, может использоваться в качестве дополнительного материала в преподавании дисциплин философско-культурологической и социальной направленности.

В качестве иллюстраций к книжке и на обложке использованы работы студентки отделения дизайна Казанского инновационного университета Д. О. Сычевой.